

Любовь показывает нас такими, какими мы хотим быть.
Война показывает нас такими, какие мы есть.

КРИСТИН ХАННА

№ 1 ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

Соловей

Annotation

Франция, 1939-й. В уютной деревушке Карриво Вианна Мориак прощается с мужем, который уходит воевать с немцами. Она не верит, что нацисты вторгнутся во Францию... Но уже вскоре мимо ее дома грохочут вереницы танков, небо едва видать от самолетов, сбрасывающих бомбы. Война пришла в тихую французскую глушь. Перед Вианной стоит выбор: либо пустить на постой немецкого офицера, либо лишиться всего – возможно, и жизни.

Изабель Мориак, мятежная и своенравная восемнадцатилетняя девчонка, полна решимости бороться с захватчиками. Безрассудная и рискованная, она готова на все, но отец вынуждает ее отправиться в деревню к старшей сестре. Так начинается ее путь в Сопротивление. Изабель не оглядывается назад и не жалеет о своих поступках. Снова и снова рискуя жизнью, она спасает людей.

«Соловей» – эпическая история о войне, жертвах, страданиях и великой любви. Душераздирающе красивый роман, ставший настоящим гимном женской храбрости и силе духа. Роман для всех, роман на всю жизнь.

Книга Кристин Ханна стала главным мировым бестселлером 2015 года, читатели и целый букет печатных изданий назвали ее безоговорочно лучшим романом года. С 2016 года «Соловей» начал триумфальное шествие по миру, книга уже издана или вот-вот выйдет в 35 странах.

-
- [Кристин Ханна](#)
 -
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Три](#)
 - [Четыре](#)
 - [Пять](#)
 - [Шесть](#)
 - [Семь](#)

- Восемь
- Девять
- Десять
- Одиннадцать
- Двенадцать
- Тринадцать
- Четырнадцать
- Пятнадцать
- Шестнадцать
- Семнадцать
- Восемнадцать
- Девятнадцать
- Двадцать
- Двадцать один
- Двадцать два
- Двадцать три
- Двадцать четыре
- Двадцать пять
- Двадцать шесть
- Двадцать семь
- Двадцать восемь
- Двадцать девять
- Тридцать
- Тридцать один
- Тридцать два
- Тридцать три
- Тридцать четыре
- Тридцать пять
- Тридцать шесть
- Тридцать семь
- Тридцать восемь
- Тридцать девять
- Благодарности
- notes
 - 1
 - 2
 - 3

- 4
 - 5
 - 6
 - 7
-

Кристин Ханна

Соловей

THE NIGHTINGALE by Kristin Hannah Copyright

© 2015 by Kristin Hannah

Книга издана с любезного разрешения Jane Rotrosen Agency LLC
и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Мария Александрова, перевод, 2016

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2016

* * *

Один

*9 апреля 1995 года
Побережье Орегона*

Если я чему и научилась за свою долгую жизнь, то именно этому: любовь показывает нас такими, какими мы хотим быть, а война показывает нас такими, какие мы есть. Нынешние молодые хотят знать все обо всех. Они думают, что, разговаривая о проблемах, смогут их разрешить. Но я из поколения не столь бойкого. Мы знаем, как важно забывать и порой поддаваться искушению начать все заново.

Впрочем, в последнее время я все же вспоминаю и о войне, и своем прошлом, и о людях, которых потеряла.

Потеряла.

Звучит так, словно я обронила своих любимых невесть где, оставила их в каком-то случайном месте и по глупости не сумела отыскать.

Нет, они вовсе не потеряны. Они просто ушли. И сейчас в лучшем мире. Я живу уже долго и знаю, что такая заноза, как тоска, проникает в нашу ДНК и становится частью нашего естества.

После смерти мужа я вдруг начала стремительно стареть, а новость о диагнозе только ускорила этот процесс. Кожа моя сморщилась и сделалась будто использованная воощеная бумага, которую пытались разгладить, чтобы еще раз пустить в дело. И зрение все чаще подводит – в темноте, при свете фар, во время дождя. Эта новая ненадежность мира лишает меня присутствия духа. Наверное, потому я и оглядываюсь чаще в прошлое. Там я нахожу ту ясность, которой лишилось для меня настоящее.

Хочется верить, что, уйдя, я обрету мир, встречу всех, кого любила и потеряла. По крайней мере, меня простят.

Но себя не обмануть, верно?

Мой дом, названный лесным магнатом, что построил его больше сотни лет назад, «Пики», выставлен на продажу. Я готовлюсь к переезду, потому что мой сын считает, что так правильно.

Он старается заботиться обо мне, показать, как сильно меня любит в эти трудные времена, и я мирюсь с его стремлением всем руководить. Какая разница, где умирать? Вот уж проблема, право. И какая разница, где доживать? Упаковываю свою орегонскую жизнь; на этом берегу я осела почти полвека назад. Немногое хочется забрать с собой. Но есть одна вещь.

Тяну ручку складной чердачной лестницы. Лестница спускается с потолка, раскрывая ступеньки одну за другой, будто джентльмен, любезно протягивающий руку.

Хлипкие ступеньки прогибаются под ногами, пока я медленно взбираюсь на чердак, пахнувший затхлостью. С потолка свисает единственная лампочка. Поворачиваю выключатель.

Это как оказаться в трюме старого парохода. Деревянные дощатые стены; паутина серебром окутывает углы, клубками собираясь в щелях между досками. Потолок такой низкий, что в полный рост я могу выпрямиться только в самом центре чердака.

Кресло-качалка, которым я пользовалась, когда внуки были маленькими, старая детская кровать, ободранная лошадка-качалка на заржавевших пружинах и кресло, что дочь отреставрировала, уже заболел. Вдоль стены выстроились подписанные коробки: «Рождество», «День благодарения», «Пасха», «Хэллоуин», «Спорт». Там вещи, которые мне больше не пригодятся, но с которыми я не в силах расстаться. Не могу я признать, что больше не наряжать мне рождественскую елку, – это все равно что сдать, а этого я никогда не умела. Нужно мне обнаруживается в дальнем углу: старый кофр, облепленный дорожными наклейками.

С трудом выволакиваю тяжелый кофр на середину, прямо под свет лампочки. Опускаюсь на колени, но боль в суставах вынуждает перекатиться на ягодицы.

Впервые за тридцать лет приподнимаю крышку. Верхнее отделение набито детскими мелочами: крошечные пинетки, песочные формочки, карандашные рисунки – сплошь человечки и улыбающиеся солнышки, – школьные табели, фотографии детских праздников.

Осторожно вынимаю верхнее отделение и откладываю в сторону.

На дне кофра свалены в беспорядке реликвии: несколько выцветших блокнотов в кожаных переплетах; стопка старых открыток, перевязанная голубой атласной ленточкой; помятая с одного угла

картонная коробочка; несколько тоненьких книжечек со стихами Жюльена Россиньоля; обувная коробка с кучей черно-белых фотографий.

А сверху – пожелтевший лист бумаги.

Руки дрожат, когда я решаюсь взять его. Это *carte d'identite*, удостоверение личности военного времени. Долго смотрю на крошечное фото молодой женщины. *Juliette Gervaise*.

– Мама?

Сын поднимается по скрипучим ступеням, шаги звучат в такт биению моего сердца. Наверное, уже не первый раз меня окликает.

– Мама! Не надо тебе сюда забираться. О черт, лестница ненадежная. – Он останавливается рядом. – Споткнешься ненароком и....

Чуть похлопываю его по ноге, качаю головой, не в силах взглянуть на него.

– Присядь, – шепчу.

Он опускается на колени, потом садится рядом. От него пахнет лосьоном после бритья, тонким и пряным, и еще немножко табаком – курил потихоньку на улице. Он бросил много лет назад, но вновь начал, узнав о моем диагнозе. У меня нет оснований ворчать: он врач, ему лучше знать.

Первым побуждением было сунуть бумагу в кофр и поскорее захлопнуть крышку. С глаз долой. Именно так я поступала всю жизнь.

Но сейчас я умираю. Может, и не так быстро, но и не чересчур медленно, и чувствую, что должна все же спокойно взглянуть на прожитые годы.

– Ты плачешь, мам.

– Разве?

Хочу рассказать ему правду, но не выходит. И меня смущает собственная робость. В моем возрасте уже можно ничего не бояться – уж точно не собственного прошлого.

Но меня хватает только сказать:

– Я хочу забрать этот кофр.

– Он слишком большой. Я переложу вещи в коробку поменьше.

Я ласково улыбаюсь его желанию опекать меня.

– Я люблю тебя, и я больна, поэтому позволяю тебе помыкать мною. Но пока я жива. И хочу забрать этот кофр.

– Ты уверена, что тебе действительно необходима вся эта ерунда? Это ведь только наши рисунки и прочий хлам.

Если бы давным-давно я рассказала ему правду, если бы позволяла себе больше пить, танцевать, может, он и сумел бы разглядеть в своей беспомощной скучной матери *меня*. Он любит несколько неполную версию. А ведь именно этого мне всегда хотелось: чтобы меня не только любили, но и восхищались мной. И наверное, мне хотелось бы всеобщего признания.

– Считай это моей последней просьбой.

Он явно рвется возразить, мол, чтобы я не говорила так, но боится, что голос дрогнет.

– Ты уже дважды справлялась, – откашлявшись, наконец выдавливает сын. – И справишься сейчас.

Мы оба знаем, что это неправда. Я слишком слаба. Только благодаря нынешней медицине я могу пока спокойно спать и нормально есть.

– Ну конечно.

– Я просто забочусь о тебе.

Я улыбаюсь. Американцы такие наивные.

Когда-то давно я разделяла его оптимизм. Считала мир безопасным местом. Но очень давно.

– Кто такая Жюльет Жервэ? – спрашивает Жюльен, и я вздрагиваю.

Прикрываю глаза. В темноте, пахнувшей плесенью и прошлым, память принимается переворачивать листки календаря, тянется сквозь годы и континенты. Против воли – а может, именно согласно ей, кто знает? – я вспоминаю.

Два

*Свет погас
над Европой.*

*И никогда
больше в нашей
жизни мы не
увидели его.*

*Сэр Эдвард
Грей, о Первой
мировой войне*

Август 1939-го Франция

Вианна Мориак вышла из холодной кухни во двор. Чудное летнее утро в долине Луары, все цветет. Белые простыни на веревке хлопают под порывами ветра, розовые кусты льнут к старой каменной ограде, укрывающей уютный уголок от посторонних глаз. Пара трудолюбивых пчел озабоченно жужжит среди цветов; издали доносится пыхтение паровоза, а затем заливистый девчоночий смех.

Софи.

Вианна улыбнулась. Восьмилетняя дочь, наверное, бегает по дому, непрерывно теребя отца, который покорно бросает дела, чтобы стать участником ее забав, – это они так собираются на субботний пикник.

– Твоя дочь – настоящий тиран. – В дверях возник улыбающийся Антуан, аккуратно причесанные волосы блестят на солнце.

Все утро он работал: шлифовал новый стул, и без того гладкий, как атлас, и тонкий слой древесной пыли припудрил его лицо и плечи. Антуан крупный, высокий, плечистый, на круглых щеках пробивается темная щетина.

Он обнял ее, притянул ближе:

– Люблю тебя, Ви.

– И я тебя.

И это самая абсолютная истина в ее мире. Она любит в этом мужчине все: как он улыбается, как бормочет во сне, как смеется, чихнув, как поет в душе оперные арии.

Она влюбилась в него пятнадцать лет назад, на школьном дворе, раньше, чем узнала, что такое любовь. Он стал ее первым всем – первый поцелуй, первая любовь, первый любовник. До встречи с ним она была худой, неловкой и нервной девчонкой, начинавшей заикаться при малейшем испуге, а пугалась она частенько.

Сиротка, выросшая без матери.

– *Теперь ты взрослая*, – сказал отец, когда они впервые пришли в этот дом.

Ей было четырнадцать, глаза распухли от слез, горе невыносимо. В одно мгновение дом из уютного семейного гнездышка обратился в тюрьму. Мама угасла в две недели, а папа отказался быть папой. Входя с ней в дом, он не держал ее за руку, не обнимал за плечи, даже не протянул платок, чтобы утереть слезы.

– *Н-но я же еще маленькая*, – пролепетала она.

– *Уже нет*.

Она опустила глаза на сестру. Изабель всего четыре, она безмятежно сосала палец и понятия не имела, что произошло. Только все спрашивала, когда же мама вернется.

Дверь отворилась, высокая худая дама с носом, похожим на водопроводный кран, и темными глазами-изюминами недовольно буркнула с порога:

– *Вот эти девицы?*

Папа кивнул:

– *Они не доставят вам хлопот*.

Все случилось слишком быстро. Вианна не успела понять, что происходит. Отец сдал своих дочерей, как грязное белье в стирку, оставил их с чужим человеком. Разница в возрасте между девочками была так велика, что они словно и родными не были. Вианна хотела утешить Изабель – во всяком случае, старалась, – но сама так страдала, что не в силах была думать о ком-то, кроме себя, особенно если речь шла о таком своевольном, капризном и шумном ребенке, как Изабель. Вианна до сих пор помнила первые дни здесь: Изабель визжит, Мадам ее шлепает. Вианна вступалась за сестренку, раз за разом умоляла: «Господи, Изабель, прекрати верещать. Просто делай, что велено». Но даже в свои четыре Изабель была неуправляема.

Вианна была полностью раздавлена – утратой матери, предательством отца, внезапным изменением всей жизни, – да в

придачу еще вечно липнувшая Изабель, которой тоже нужна мама.

Спас ее Антуан. В то лето после смерти мамы они стали неразлучны. В нем Вианна обрела опору и убежище. В шестнадцать она уже была беременна, в семнадцать вышла замуж и стала хозяйкой Ле Жарден. Два месяца спустя у нее случился выкидыш и она вновь впала в депрессию. Погрузилась в горе и закуклилась в нем, не в силах заботиться о чем-то и ком-либо – уж точно не о вечно ноющей семилетней сестре.

Но все это в прошлом. В такой чудесный день, как сегодня, не хочется вспоминать о печальном.

Она прильнула к мужу, дочка подбежала к ним, радостно объявила:

– Я готова, идем!

– Что ж, – улыбнулся Антуан, – раз принцесса готова, мы должны поторапливаться.

Улыбка не сходила с лица Вианны все время, пока она бегала в дом за шляпкой. Соломенная блондинка с фарфорово-белой кожей и небесно-голубыми глазами, она всегда пряталась от солнца. Когда она пристроила наконец широкополую шляпу, отыскала перчатки и подхватила корзинку для пикника, Софи с Антуаном уже были за воротами.

Вианна выбежала следом. Грунтовая тропа достаточно широка даже для автомобиля, а дальше расстилались акры и акры зеленых лугов в брызгах красных маков и голубых васильков. Кое-где небольшие рощицы. В этой части долины Луары преобладали луга, а не виноградники. Меньше двух часов на поезде от Парижа, а будто совсем другой мир. Сюда почти не заглядывали отдыхающие, даже летом.

Время от времени, конечно, мимо прорычит автомобиль или проедет велосипедист или телега, но по большей части дорога пуста. Они живут примерно в миле от Карриво, городка с населением в тысячу душ, известного исключительно тем, что здесь останавливалась Жанна д'Арк. В городишке нет никакой промышленности, а значит, и никакой работы – разве только на аэродроме, гордости Карриво. Аэродром этот – единственный на всю округу.

В самом городке узкие булыжные улочки петляют между старинными домами, тесно лепящимися друг к другу. Из древней кладки сыплется штукатурка, плющ скрывает следы разрушения, но дух угасания и упадка, невидимый глазу, пронизывает здесь все. Деревня строилась и разрасталась долго и неторопливо – кривые улочки, неровные ступени, тупички, – сотни лет. Каменный фон немного оживляют яркие акценты: красные маркизы в рамах из черного металла, чугунные балконные решетки, цветы герани в терракотовых горшках. Глазу было на чем задержаться: витрина с пирожными, грубо плетенные корзины с сыром, окороками и *saucisson*^[1], ящики с яркими помидорами, баклажанами и огурцами. В этот солнечный денек во всех кафе битком. Мужчины пили кофе, курили самокрутки и громко что-то обсуждали.

Обычный день в Карриво. Мсье Ла Шо подметает тротуар перед своей *saladerie*^[2], мадам Клоне моет окно шляпной мастерской, группка подростков шляется по улицам – мальчишки пинают невесть где найденную жестянку и курят одну сигарету на всех, передавая друг другу.

На окраине города они свернули к реке. Выбрав удобную полянку на берегу, Вианна расстелила одеяло в тени каштана, достала из корзинки хрустящий багет, клин жирного сливочного сыра, пару яблок, несколько ломтиков байонской ветчины и бутылку «Боллинджера» 36-го года. Наполнив бокал шампанским, присела рядом с мужем. Софи радостно скакала по берегу.

День прошел словно в теплой умиротворяющей дымке. Они болтали, смеялись, закусывали. И лишь далеко за полдень, когда Софи убежала подальше с удочкой, Антуан, плетя для дочери венки из маргариток, произнес:

– Скоро Гитлер втянет нас всех в свою войну.

Война. О ней судачили все вокруг, но Вианна не желала ничего слышать. Особенно в такой прекрасный день.

Приложив ладонь ко лбу, она присматривала за дочерью. Земли на другом берегу Луары были аккуратно возделаны. На мили вокруг никаких заборов и изгородей, только зеленые поля с редкими деревьями да разбросанными кое-где сарайчиками. Крошечные облачка пуха парили в воздухе.

Поднявшись на ноги, она громко хлопнула в ладоши:

- Софи, пора домой!
- Невозможно делать вид, что ничего не происходит, Вианна.
- Я что, должна готовиться к неприятностям? Но ты же здесь и сможешь позаботиться о нас.

С улыбкой (возможно, чересчур ослепительной) она собрала в корзинку остатки пикника, и семейство двинулось в обратный путь.

Меньше чем через полчаса они уже стояли у крепких деревянных ворот Ле Жарден, старинного дома, в течение трех столетий бывшего родовым гнездом ее семьи. Двухэтажный особняк, окрашенный временем в десяток оттенков серого цвета, смотрел в сад голубыми ставнями окон. Плющ вползал по стенам до самых водостоков, сплошным покровом окутывая кирпич. От прежних владений осталось всего семь акров, прочие двести были распроданы за двести лет, пока благосостояние рода постепенно угасало. Вианне вполне хватало и семи. Она и не представляла, к чему ей больше.

Над плитой в кухне медные и чугунные сковородки и кастрюли, с потолочных балок свисают пучки лаванды, розмарина и тимьяна. Медная раковина, позеленевшая от времени, такая большая, что в ней запросто можно купать собаку.

Там и сям облупившаяся штукатурка обнажает прошлое этого дома. Гостиная – сплошная эклектика: обитые гобеленовой тканью диваны, обюссонские ковры, китайский фарфор, индийский набивной ситец. На стенах картины, иные просто великолепны – возможно, даже знаменитых художников, другие – откровенная мазня. Все вместе выглядит бессмысленной мешаниной, собранной в одном месте, – старомодный вкус и бессистемное швыряние денег на ветер. Немножко потрепанно, но в целом уютно.

В гостиной Вианна задержалась, глядя через застекленные двери, как в саду Антуан качает Софи на качелях, которые сам для нее смастерил. Потом аккуратно повесила шляпку, неторопливо повязала фартук. Пока Софи с Антуаном резвились во дворе, она занялась ужином: обернула ломтиками бекона свиную вырезку, перевязала нитью, подрумянила в оливковом масле. Свинина томила в духовке, а Вианна приготовила остальное. Ровно в восемь она позвала семью к столу. И радостно улыбалась, слушая топот двух пар ног, оживленную болтовню, скрип стульев.

Муж с дочерью устроились на своих местах. Софи уселась во главе стола, в том самом венке из маргариток, что сплел для нее Антуан.

Вианна внесла блюдо, источающее аппетитные запахи: запеченная свинина и хрустящий бекон, яблоки, глазированные в винном соусе, все это – на подушке печеного картофеля. Рядом миска с зеленым горошком в масле, приправленном эстрагоном из сада. И разумеется, багет, который Вианна испекла еще вчера утром.

Софи, как всегда, тарыхтела без умолку. В этом смысле она вылитая тетушка Изабель – совершенно не умеет держать язык за зубами.

Блаженная тишина наступила, только когда перешли к десерту – *ile flottante*, островки румяной меренги, плавающие в английском креме.

– Что ж, – Вианна отодвинула свою тарелку с едва начатым десертом, – займемся посудой.

– Ну, мам... – начала было недовольно Софи.

– Прекратить ныть, – скомандовал Антуан. – Ты уже большая девочка.

И Вианна с Софи направились в кухню, где каждая заняла свое место – Вианна у медной раковины, а Софи у каменного стола. Мать мыла посуду, а дочь вытирала. По всему дому разносился аромат традиционной послеобеденной сигареты Антуана.

– Папа сегодня ни разу не засмеялся над моими рассказами, – пожаловалась Софи, когда Вианна расставляла тарелки на деревянных полках. – С ним что-то не так.

– Не смеялся? О, определенно это *настоящая* причина для тревоги.

– Он переживает из-за войны.

Война. Опять эта война.

Вианна отправила дочь наверх, в спальню. Присев на краешек кровати, она слушала бесконечную трескотню Софи, пока та натягивала пижаму, чистила зубы и укладывалась в постель.

Наклонилась поцеловать малышку на ночь.

– Я боюсь, – шепнула Софи. – Вдруг правда начнется война?

– Не бойся. Папа защитит нас. – Но в тот же миг вспомнила, как ее мама говорила ей то же самое. *Не бойся.*

Когда ее папа уходил на войну.

Софи явно не поверила:

– Но...

– Никаких «но». Не о чем беспокоиться. А сейчас пора спать. – Она еще раз поцеловала дочь, чуть дольше прижимаясь губами к пухлой детской щечке.

Вианна спустилась вниз, вышла во двор. Душно, в воздухе сильно пахнет жасмином. Антуан неловко пристроился на маленьком стуле, вытянув ноги.

Она подошла, тихо положила руку на его плечо. Он выпустил облачко дыма, вновь глубоко затянулся. Поднял взгляд на жену. В лунном свете лицо его казалось странно бледным, почти незнакомым. Он потянулся к жилетному карману, достал листок бумаги:

– Я получил повестку, Вианна. Как и все мужчины в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти.

– Повестку? Но... мы же не воюем. Я не...

– Должен явиться на призывной пункт во вторник.

– Но... но... ты же просто почтальон.

Он все смотрел на нее, и у Вианны внезапно перехватило дыхание.

– Похоже, теперь я просто солдат.

Три

О войне Вианна кое-что знала. Может, не о лязге оружия, грохоте взрывов, крови и порохе, но зато о ее последствиях. Она родилась в мирное время, но первые ее детские воспоминания – это война. Она помнила, как плакала мама, провожая папу. Помнила, как вечно мерзла и хотела есть. Но лучше всего помнила, как изменился папа, вернувшийся с войны, как он прихрамывал, как вздыхал, как угрюмо молчал. Он начал пить, замкнулся в себе, перестал общаться с родными. Вианна помнила, как громко хлопали двери, как взрывались скандалы и гасли в неловком молчании и как родители спали в разных комнатах.

С войны вернулся совсем не тот папа, что ушел на фронт. Она очень старалась, чтобы он ее любил, а еще больше старалась любить его сама, но в итоге и то и другое оказалось невозможным. С того момента, как он сдал ее в Карриво, Вианна зажила отдельной жизнью. Она посылала отцу рождественские и поздравительные открытки, но ни разу не получила ни слова в ответ. Они редко виделись. Да и зачем? В отличие от Изабель, которая не смогла принять все и смириться, Вианна понимала – и признавала, – что со смертью мамы их семья распалась. Отец просто отказался быть отцом.

– Я знаю, как тебя пугает эта война, – сказал Антуан.

– Линия Мажино устоит. – Она попыталась придать голосу уверенности. – К Рождеству ты будешь дома.

Линия Мажино – мили и мили бетонных стен, заграждений и огневых точек, сооруженных вдоль границы с Германией после Великой войны, чтобы защитить Францию. Немцам не прорвать ее.

Антуан взял ее за руку. Дурманящий аромат кружил голову, и Вианна внезапно поняла, что отныне запах жасмина будет всегда напоминать ей об этом прощальном вечере.

– Я люблю тебя, Антуан Мориак, и буду ждать тебя.

Позже она не могла вспомнить, как они вернулись в дом, поднялись по лестнице, как раздевали друг друга, как оказались в постели. Помнила только его объятия, неистовые поцелуи и руки, словно стремящиеся разорвать ее на части и одновременно удерживающие и оберегающие.

– Ты сильнее, чем думаешь, Ви, – сказал он потом, зарывшись носом в ее волосы.

– Вовсе нет, – прошептала она так тихо, что он не услышал.

Наутро Вианне хотелось удержать Антуана в кровати, вообще не отпускать. Может, даже убедить его собрать вещи и бежать вместе под покровом ночи, словно разбойники.

Но куда? Война нависла над всей Европой.

Она приготовила завтрак, перемыла посуду, а в затылке все стучала тупая боль.

– Мама, ты грустная, – заметила Софи.

– Ну что ты, как я могу быть грустной в такой чудный летний день, когда мы собираемся в гости к лучшим друзьям? – Улыбка у Вианны вышла неестественно радостной. И только выйдя из дома и остановившись под старой яблоней во дворе, она поняла, что все еще босиком.

– Мам! – торопила Софи.

– Иду-иду. – Она поспешила за дочерью мимо старой голубятни, приспособленной под сарай для инструментов, и пустого амбара.

Софи распахнула калитку на заднем дворе, влетела в ухоженный соседский двор и помчалась к маленькому уютному коттеджу с голубыми ставнями. Торопливо постучала в дверь и, не дождавшись ответа, вошла.

– Софи! – строго окликнула Вианна, но впустую. С лучшими подругами хорошие манеры ни к чему, а Рашель де Шамплен уже пятнадцать лет была лучшей подругой Вианны.

Девочки познакомились спустя месяц после того, как отец позорно бросил детей в Ле Жарден. Они были той еще парочкой: Вианна – тоненькая, бледная, нервная, и Рашель – высокая, как мальчишка, брови точно густые заросли, а голос – настоящая сирена. Белые вороны – обе. В школе они были неразлучны, но и потом не расставались. Вместе поступили в университет, обе стали учительницами. Даже забеременели почти одновременно. И сейчас работали вместе в школе.

Рашель появилась в дверях, держа на руках новорожденного Ариэля.

Глаза подруг встретились. Обе все понимали, обеим было страшно.

– Думаю, сегодня надо выпить, а? – предложила Рашель.

– Непременно.

Следом за подругой Вианна вошла в маленькую, светлую, идеально прибранную комнатку. На деревянном раскладном столике ваза с полевыми цветами, вокруг столика разномастные стулья. В углу столовой кожаный сундук, на котором пристроилась коричневая фетровая шляпа, любимый аксессуар Марка, мужа Рашель. Хозяйка налила два бокала белого вина, положила на тарелочку *caneles*. Женщины вышли в сад.

Вдоль серой каменной ограды росли розы. На вымощенном камнем пяточке стоял стол и четыре стула. С ветвей каштана свисали фонарики.

Вианна присела, надкусила *canele* – хрустящая, чуть пригоревшая трубочка и густая ванильная начинка.

Рашель устроилась напротив, малыш спал у нее на руках. Обе молчали, и это молчание постепенно заполнялось страхами и дурными предчувствиями.

– Познакомится ли он со своим отцом, – вздохнула Рашель, глядя на младенца.

– Все они вернуться другими.

Вианна вспомнила об отце. Он воевал в битве на Сомме, где расстались с жизнью три четверти миллиона людей. А немногие выжившие рассказывали о зверствах немцев.

Рашель, пристроив мальчика на плече, нежно поглаживала по спинке.

– Марк совершенно не умеет менять подгузники. Ари же обожает спать в нашей постели. Полагаю, теперь всем будет проще.

Губы сами собой растянулись в улыбке. Всего лишь шутка, пустяк, но сразу легче.

– Антуан жутко храпит. Наконец-то высплюсь.

– И ужинать сможем яйцами-пашот.

– И стирать в два раза меньше. – Но тут голос дрогнул: – Я не справлюсь, я не такая сильная, Рашель.

– Конечно справишься. Мы вместе справимся.

– Пока я не встретила Антуана...

– Знаю, знаю, – отмахнулась Рашель. – Тощая как плеть нервная заика с аллергией на все подряд. Знаю. Я, между прочим, все это видела. Но теперь все иначе. Ты стала сильной. И знаешь почему?

– Почему?

Улыбка Рашель погасла.

– Я знаю, что крупная – статная, как мне говорят продавцы белья и чулок, – но чувствую себя... совершенно разобранной, Ви. И мне нужно опереться на кого-то – на тебя, Ви. Не *всем* весом, разумеется.

– И, привалившись друг к дружке, мы не сможем обе сразу развалиться на части.

– Вуаля, – констатировала Рашель. – План готов. А теперь что у нас по плану – коньяк или джин?

– Сейчас десять утра.

– Ты права. Тогда «Френч 75»^[3].

Наступило утро вторника. Вианна открыла глаза; старые потолочные балки слегка поблескивали в лучах солнечного света.

Антуан сидел у окна в кресле-качалке, том самом, что он смастерил для Вианны, когда она была беременна второй раз. Несколько лет это пустое кресло словно издевалось над ними. Три выкидыша за четыре года, крошечные синие ручки, затихающее сердцебиение. Бесплодие на земле изобилия. А потом – чудо: Софи, ребенок, который выжил. В трещинках этого кресла, может, и прятались печальные тени прошлого, но они хранили и немало теплых воспоминаний.

– Что, если вам с Софи переехать в Париж, – сказал он, когда Вианна села в кровати. – Жюльен мог бы присмотреть за вами.

– Отец довольно ясно высказал свое мнение по поводу жизни с дочерьми. Не думаю, что он нам обрадуется. – Вианна отбросила стеганое одеяло и спустила ноги на вытертый прикроватный коврик.

– Но как же вы тогда?

– У нас с Софи все будет отлично. А ты скоро вернешься домой. И Линия Мажино устоит. И, Господь свидетель, немцы нам не соперники.

– И оружие у них совсем паршивое. Я снял со счета все наши деньги. Теперь в матрасе спрятано шестьдесят пять тысяч франков.

Распорядись ими мудро, Вианна. Вместе с твоей учительской зарплатой это можно растянуть надолго.

Ее захлестнула паника. Она же совсем не разбиралась во всяких финансовых вопросах, этим всегда занимался Антуан.

Он неторопливо поднялся, обнял жену. Вианна хотела бы закупорить в бутылку этот момент, а потом отпивать его по глоточку, когда начнет засыхать от одиночества и страха.

Запомни это, мысленно убеждала она себя. Как солнце играет в его кудрях, любовь в карих глазах, потрескавшиеся губы, целовавшие ее лишь час назад.

Через раскрытое окно она расслышала неторопливое клоп-клоп-клоп – лошадь бредет по дороге, тащит телегу. Наверное, это мсье Киллиан везет цветы на рынок. Будь она во дворе, он обязательно остановился бы, и подарил ей цветок, и сказал бы, что тот не может соперничать с ее красотой, а она бы улыбнулась, поблагодарила и предложила ему выпить глоточек чего-нибудь.

Вианна нехотя отодвинулась. Подойдя к туалетному столику, налила в таз теплой воды из голубого керамического кувшина, умылась. В алькове, служившем гардеробной, за золотистыми тюлевыми занавесками она надела бюстгальтер, кружевные трусики и подвязки. Разгладила на ногах шелковые чулки, пристегнула их к поясу, скользнула в хлопковое платье с воротничком-хомутом. Но когда, раздвинув занавески, она выглянула в комнату, Антуан уже ушел.

Подхватив сумочку, она поспешила вниз к Софи. Комнатка была такой же маленькой, как родительская, с балочным просмоленным потолком, деревянным полом и окном, выходящим в сад. Железная кровать, тумбочка с ночником, шкаф – вот и вся обстановка. Стены украшены рисунками Софи.

Вианна распахнула ставни и пустила свет в комнату.

Как частенько в летнюю жару, Софи сбросила одеяло на пол. Розовый плюшевый медвежонок Бебе спал, прижавшись к ее щеке.

Вианна взяла в руки медвежонок, заглянула в его мохнатую зацелованную морду. Прошлый год Бебе провел в одиночестве на полке у окна, Софи больше нравились новые игрушки.

И вот теперь Бебе вернулся.

Вианна наклонилась, тихонько поцеловала дочь.

Перекатившись на спину, Софи моргнула, открыла глаза.

– Я не хочу, чтоб папа уезжал, – прошептала она. Потянулась за Бебе, почти выхватила его из рук матери.

– Знаю, – вздохнула Вианна. – Я знаю.

Она достала из шкафа любимое платье-матроску Софи.

– Можно я надену веночек, который папа сплел?

Смятая корона из маргариток увядала на тумбочке. Вианна аккуратно водрузила ее на голову Софи.

Она думала, что вполне владеет собой, пока не вышла в гостиную к Антуану.

– Папа? – Софи растерянно тронула поникшие маргаритки. – Не уходи.

Антуан опустился на колени, привлек к себе дочь, крепко обнял:

– Я должен стать солдатом, чтобы защищать тебя и маму. Но я очень скоро вернусь, ты даже не успеешь соскучиться. – И голос его дрогнул.

Софи чуть отстранилась. Маргаритковая корона сползла набок.

– Обещаешь, что скоро вернешься?

Приподняв голову, Антуан поймал испуганный взгляд Вианны.

– Да, – произнес он наконец.

Софи довольно кивнула.

Выходя из дома, все трое молчали. Рука об руку они поднялись по склону холма к серому деревянному сараю. Все вокруг заросло золотистой травой, по периметру их владений над оградой нависали кусты сирени, огромные, как стога. Три маленьких белых креста – все, что в этом мире напоминало о детях, потерянных Вианной. Но сегодня она не позволила себе даже смотреть в ту сторону. Ей достаточно переживаний, груза еще и воспоминаний сейчас не осилить.

В сарае стоял их старенький зеленый «рено». Когда все устроились в автомобиле, Антуан включил зажигание, задним ходом выехал наружу и по коричневым ленточкам колеи вырулил на дорогу. Уставившись в маленькое пыльное окошко, Вианна смотрела, как плывут мимо знакомые пейзажи – зеленые луга, красные черепичные крыши, каменные коттеджи, виноградники, редкие чахлые рощицы.

На станцию неподалеку от Тура они прибыли слишком быстро.

На платформе толпились молодые мужчины с чемоданчиками, женщины целовали их на прощанье, дети плакали.

Еще одно военное поколение. Все повторяется.

Не думай об этом, приказала себе Вианна. Не смей вспоминать, как это было в прошлый раз, когда мужчины возвращались домой хромыми, израненными, с обожженными лицами, без рук или ног...

Вианна вцепилась в руку мужа, пока Антуан покупал билеты, потом вел их к поезду. В вагоне третьего класса – удушающе жарко, людей набилось как сельдей в бочку – она сидела, вытянувшись как струна, держала мужа за руку, пристроив сумочку на коленях.

На станции назначения выходило около дюжины мужчин. Вианна, Софи и Антуан шли следом за остальными по булыжной улице очаровательной деревеньки, похожей на все коммуны Турени. Как так случилось, что пришла война, что в этом старинном городе с древними полуразрушенными стенами собирают солдат для отправки на фронт?

Антуан потянул ее к себе. Когда это она успела замереть посреди дороги?

Впереди показались огромные металлические ворота, определенно недавно появившиеся в каменной стене. За ними виднелись ряды временных барачков.

Ворота распахнулись. Появился всадник, приветствующий вновь прибывших, новенькое кожаное седло поскрипывало, запыленное лицо покраснелось от жары. Солдат натянул поводья, лошадь остановилась, мотнула головой, фыркнула. В небе прогудел аэроплан.

– Привет, парни, – прокричал солдат. – Предъявите ваши документы лейтенанту вон там, во дворе. Быстрее, пошевеливайтесь.

Антуан поцеловал Вианну с такой нежностью, что она едва не разрыдалась.

– Я люблю тебя, – шепнул он, прижавшись к ее губам.

– Я тоже люблю тебя. – Но слова, прежде казавшиеся такими важными, прозвучали совсем незначительно. Что может любовь противопоставить войне?

– И меня тоже, папочка, и меня! – Софи рвалась на руки к отцу. Они обнялись все вместе, еще один последний раз.

– До свидания, – с трудом оторвался Антуан.

Вианна не смогла выдать ни слова в ответ. Она молча смотрела, как он уходит, растворяется в толпе смеющихся, гомонящих молодых парней. И вот его уже не различить среди них. Металлические ворота с грохотом захлопнулись, звук еще долго эхом разносился в жарком

пыльном воздухе, а Вианна с Софи стояли в одиночестве посреди улицы.

Четыре

Июнь 1940-го

Франция

Над темно-зеленым, поросшим лесом косогором высился средневековый дворец. Прямо карамельный замок в витрине кондитерской – леденцовые окошки и сахарные ставенки. Далеко внизу в синеве озерной глади отражались облака. Идеально ухоженный сад позволял обитателям поместья – и, что гораздо важнее, их гостям – прогуливаться по владениям, беседуя исключительно о приличествующих обстановке предметах.

В парадной столовой за накрытым белоснежной скатертью столом, за которым легко уместились бы две дюжины человек, с идеально прямой спиной сидела Изабель Россиньоль. Все вокруг было светлым. Стены, потолок и пол отделаны камнем светло-бежевого оттенка. Своды потолка возвышались футов на двадцать над головой. Каждый звук в этом зале звучал громче, пойманный в ловушку его стылыми стенами, как и несчастные обитатели замка.

Мадам Дюфур стояла во главе стола; строгое глухое черное платье открывало лишь выемку у основания шеи. Единственным украшением была бриллиантовая брошь. (Один роскошный предмет, дамы, но выбирайте его тщательно; всякая вещь имеет свой голос, и ничто не заявляет столь громко и категорично, как дешевое украшение.) Узкое лицо, обрамленное пергидрольными кудряшками, обесцвеченными с такой безудержной целеустремленностью, что вожделенный эффект молодости оказался полностью уничтожен, завершалось тяжелым подбородком.

– Фокус в том, – говорила она хорошо поставленным голосом, – чтобы стать абсолютно неприметной, совершая нужные действия.

Девушки за столом все как одна были одеты в синие шерстяные жакеты и юбки – школьную форму. Зимой это, может, и неплохо, но в этот июньский полдень наряд просто невыносимый. Изабель чувствовала, что обливается потом, и никакое лавандовое мыло не замаскирует отвратительный запах. Она обреченно уставилась на апельсин, покоящийся в центре тарелки из лиможского фарфора. По обе стороны от тарелки в строгом порядке разложены столовые

приборы: вилка для салата, вилка для основного блюда, нож, ложка, нож для масла, рыбная вилка. И еще, и еще, до бесконечности.

– А сейчас, – объявила мадам Дюфор, – возьмите нужные приборы... тише, будьте любезны, аккуратнее, и очистите апельсин.

Изабель попыталась проколоть вилок твердую кожуру, но апельсин увернулся, подпрыгнул и перескочил через хрупкий край тарелки. Фарфор жалобно зазвенел.

– Дерьмо, – пробормотала она, подхватывая апельсин прежде, чем тот шлепнулся на пол.

– *Дерьмо?* – Мадам Дюфор возникла за спиной.

Изабель испуганно подскочила на стуле. Бог мой, эта женщина скользит, как змея в камышах.

– Простите, мадам, – пролепетала Изабель, возвращая апельсин на место.

– Мадемуазель Россиньоль, – возмущенно проговорила Мадам, – как получилось, что вы на протяжении двух лет удостаиваете нас своим присутствием, но столь немногому научились?

Изабель еще раз остервенело ткнула апельсин вилок. Абсолютно неграциозно и вообще почти неприлично – но эффективно. И ослепительно улыбнулась Мадам.

– Вообще-то, мадам, отсутствие успехов у ученика считается профессиональной неудачей преподавателя.

Все сидящие за столом затаили дыхание.

– Вот как, – заметила Мадам. – То есть это мы виноваты в том, что вы до сих пор не умеете нормально справляться с апельсином.

Изабель попыталась снять кожуру – слишком торопливо, слишком грубо. Серебряное лезвие соскользнуло с надрезанной кожицы и громко звякнуло по тарелке.

Рука мадам Дюфор стремительно метнулась вперед, пальцы сомкнулись вокруг запястья Изабель.

Девушки за столом замерли, не сводя глаз с обеих.

– Вежливая беседа, барышни, – сдержанно улыбнулась Мадам. – Никто не хочет обедать в обществе истукана.

Все девушки, как по сигналу, заговорили друг с другом о важных вещах, абсолютно не интересовавших Изабель. Садоводство, погода, наряды. Приличествующие истинным дамам темы. Она расслышала, как одна девица тихонько сообщила другой:

– Я без ума от алансонского кружева, а вы?

– Мадемуазель Россиньоль, – продолжала Мадам, – ступайте к мадам Аллард и сообщите ей, что наш эксперимент подошел к концу.

– Что это значит?

– Скоро узнаете. Ступайте.

Изабель выскочила из-за стола, пока Мадам не передумала.

Ножки стула с пронзительным скрипом проехали по каменному полу, и Мадам недовольно скривила лицо. Изабель улыбнулась:

– А знаете, я терпеть не могу апельсины.

– В самом деле? – саркастически спросила Мадам.

Изабель хотелось выбежать из этой тюремной камеры, но неприятностей и без того хватало, поэтому она заставила себе шествовать медленно и степенно, высоко вздернув подбородок и выпрямив спину. На лестнице (по которой она могла, при необходимости, пройти, держа стопку книг на голове) она воровато оглянулась, убедилась, что вокруг никого нет, и припустила вниз вприпрыжку.

В холле перевела дух. А когда подошла к дверям директрисы, уже дышала ровно и спокойно.

Изабель постучала и, услышав равнодушное «войдите», толкнула дверь.

Мадам Аллард возвышалась над инкрустированным золотом письменным столом красного дерева. Стены кабинета украшали средневековые гобелены, стрельчатые витражные окна выходили в столь изысканный сад, что он более напоминал произведение искусства, чем природный объект. Даже птицы туда редко залетали – не иначе, боялись задохнуться.

Изабель устроилась на стуле – и тут же сообразила, что ей не предложили присесть. Она мгновенно подскочила:

– Простите, мадам.

– Садитесь, Изабель.

Она присела, изящно скрестив лодыжки, как подобает приличной девушке, сложила на коленях ладони.

– Мадам Дюфор просила меня сообщить вам, что эксперимент окончен. – Директриса задумчиво взяла в руки перо муранского стекла, принялась постукивать им по столу. – Почему вы здесь, Изабель?

– Я ненавижу апельсины.

– Простите?

– Если мне вдруг *придется* есть апельсин – хотя с чего бы, мадам, когда я их терпеть не могу, – я почищу его руками, как американцы. Да как вообще все нормальные люди, честно. Есть апельсин при помощи ножа и вилки?

– Я имела в виду, как вы оказались в этом заведении?

– А, вы об этом. Ну, потому что меня исключили из Школы Святого Сердца в Авиньоне. Ни за что, хотела бы добавить.

– А Сестры Святого Франциска?

– Ну, у них были причины избавиться от меня....

– А прежняя школа?

Изабель не знала, что ответить.

Мадам отложила перо:

– Вам почти девятнадцать.

– Да, мадам.

– Полагаю, вам пора уйти.

Изабель поднялась со стула:

– Я должна вернуться на урок по поеданию апельсина?

– Вы неверно поняли меня. Я имею в виду, вам пора покинуть нашу школу, Изабель. Совершенно ясно, что у вас отсутствует интерес к тем предметам, что здесь преподают.

– Как правильно есть апельсин, и когда подавать сыр, и кто важнее – второй сын герцога или дочь, которая не является наследницей, или посол второстепенной страны? Мадам, вы вообще в курсе, что творится в мире?

Может, Изабель и заточили в деревенской глуши, но она знала о последних событиях. Даже здесь, за баррикадой как по ниточке подстриженных изгородей, понукаемая и оглушенная дубиной хороших манер, она следила за происходящим во Франции. Ночами в своей каморке, когда одноклассницы мирно спали, она включала контрабандное радио и слушала Би-би-си. Франция, как союзница Великобритании, объявила Германии войну, и Гитлер перешел в наступление. По всей стране люди запасаются продуктами, устанавливают светомаскировку и учатся жить, как кроты в норах.

Они подготовились, они тревожились, ждали, а потом... ничего.

Шел месяц за месяцем, и ничего не происходило.

Сначала все только и делали, что вспоминали о Великой войне и о несчастьях, коснувшихся многих семей, но с течением времени сама война превратилась лишь в *разговоры* о войне. Изабель слышала, как учителя называют ситуацию *drole de guerre*, «странной войной». Подлинный кошмар творился где-то там, в Европе – в Бельгии, Голландии, Польше.

– А что, во время войны манеры не имеют значения, Изабель?

– Они не имеют значения *сейчас*, – выпалила Изабель, секундой позже пожалев, что не промолчала.

Мадам торжественно встала:

– Мы никогда не были подходящим местом для вас, но...

– Мой отец готов был засунуть меня куда угодно, лишь бы избавиться от меня.

Изабель предпочитала жестокую правду, лишь бы не слышать очередную ложь. Она многому научилась в той веренице школ и монастырских приютов, через которые прошла за последнее десятилетие, и главный урок, который она усвоила, что полагаться можно только на себя. На отца и сестру уж точно надеяться не приходится.

Мадам пристально смотрела на Изабель. Кончик носа у нее едва заметно покраснел – признак вежливо сдерживаемого, но откровенного неодобрения.

– Мужчине трудно пережить утрату жены.

– А девочке трудно пережить утрату матери, – дерзко бросила Изабель. – Впрочем, я потеряла обоих родителей, не так ли? Мать умерла, а отец бросил меня. Не могу сказать, что больнее.

– Боже милостивый, Изабель, неужели обязательно говорить вслух, о чем вы думаете?

Изабель уже много раз за свою жизнь слышала этот упрек, но к чему держать язык за зубами? Все равно ее никто не слушает.

– Итак, вы уезжаете сегодня же. Я сообщу телеграммой вашему отцу. Томас отвезет вас к поезду.

– Сегодня? – растерянно моргнула Изабель. – Но... Папа не захочет меня видеть.

– Ах да. Последствия... – протянула директриса. – Что ж, возможно, теперь вы поймете, что их следует принимать во внимание.

Итак, впереди неизвестность.

Уставившись в пыльное, покрытое пятнами вагонное окно, Изабель смотрела, как проносятся мимо знакомые пейзажи: зеленые луга, красные крыши, каменные коттеджи, серые мосты, лошади.

Все выглядело как всегда, и это было удивительно. Идет война, это же должно как-то отражаться на окружающей действительности, трава должна пожелтеть, деревья – засохнуть, птицы – пасть камнем, но из окна поезда, деловито пыхтящего в сторону Парижа, все выглядело абсолютно обычно.

У платформы Лионского вокзала поезд свистнул, дернулся еще пару раз и замер. Изабель вытащила из-под полки свой чемоданчик, положила его на колени. Пассажиры спешили мимо нее к выходу, а она вновь вернулась к вопросу, которого так долго избегала.

Папа.

Как хочется думать, что он ждет ее дома, что наконец-то обнимет крепко-крепко, ласково произнесет ее имя, как раньше, когда мама была сердцем их семьи.

Она все смотрела на свой потертый чемоданчик.

Такой маленький.

Девчонки-одноклассницы приезжали в школу с целой кучей кожаных саквояжей, перетянутых ремнями, утыканных медными заклепками. На столах у них стояли фотографии, на тумбочках – памятные сувениры, а ящики комодов были забиты семейными фотоальбомами.

У Изабель была одна-единственная фотография женщины, которую она хотела бы вспомнить, но не могла. В памяти всплывали лишь размытые образы плачущих людей, врач, печально качающий головой, и мамин голос, уговаривающий ее крепко держать сестру за руку.

Если бы это могло помочь. Вианна бросила Изабель так же быстро, как папа.

Кажется, во всем поезде осталась она одна. Покрепче стиснув ручку чемодана, Изабель все же решила выйти из вагона.

На платформе полно народу. Поезда выстроились в ожидании пассажиров, клубы дыма поднимаются в воздух к сводчатым аркам дебаркадера над головой. Откуда-то доносятся резкие свистки.

Огромные железные колеса пришли в движение. Платформа вздрогнула у нее под ногами.

Отец стоит там, в толпе.

Он ее заметил, а она увидела, как раздражение, исказившее его лицо, сменилось выражением мрачной решимости.

Отец был высоким человеком, под два метра, но Великая война согнула его. Или Изабель просто когда-то слышала об этом. Широкие плечи поникли, словно под грузом невеселых раздумий, седые волосы неряшливо растрепаны, нос плоский, точно матросская шутка, и губы тонкие, точно уловка. В этот жаркий летний день на нем была белая мятая рубаша с закатанными рукавами, галстук небрежно повязан под потертым воротником, а вельветовым брюкам определенно не помешала бы стирка.

Она постаралась выглядеть... более взрослой. Наверное, он этого от нее ждет.

– Изабель.

Она обеими руками стиснула ручку чемодана.

– Папа.

– Тебя в очередной раз выгнали.

Она молча кивнула.

– Как же мы найдем для тебя другую школу в такое время?

Вот он, ее шанс.

– Я... хочу жить с тобой, пап.

– Со мной? – Он был удивлен. Но разве это не нормально, когда девушка хочет жить вместе со своим отцом?

– Я могла бы работать в книжном магазине. Я не помешаю тебе.

Изабель шагнула навстречу отцу, коротко вздохнула и замерла. Внезапно все звуки словно стали громче. Людские шаги, гул платформы, хлопанье голубиных крыльев где-то наверху, детский плач.

Ну конечно, Изабель.

Пойдем домой.

Отец раздраженно выдохнул, повернулся и пошел прочь.

– Ну, – недовольно обернулся он. – Ты идешь?

Изабель с раскрытой книжкой валялась в сладко пахнущей траве. Где-то неподалеку жужжали в цветах трудолюбивые пчелы, как будто

кто-то завел маленький мотоцикл. Томный жаркий день, уже неделя прошла с момента ее приезда в Париж. Да, *домой* в этом случае не скажешь. Она понимала, что отец прикидывает разные варианты сплавить ее подальше, но в такой чудный день, в ароматах спелых вишен и цветущих трав об этом думать не хотелось.

– Ты слишком много читаешь, – заметил Кристоф, жуя травинку. – Что на этот раз, очередной роман?

Она перекадилась поближе к нему, захлопнула книгу. Историю Эдит Кавелл, сестры милосердия времен Великой войны. Героини.

– На войне я могла бы стать настоящим героем, Кристоф.

– Барышня? – расхохотался он. – Герой? Абсурд. Чепуха.

Изабель стремительно вскочила, решительно натянула белые полотняные перчатки и шляпку.

– Не сходи с ума, – добродушно усмехнулся он. – Я просто устал от этих разговоров о войне. И потом, это общеизвестный факт – женщины на войне бесполезны. Ваше дело – ждать нашего возвращения.

Подперев щеку ладонью, он устремил на нее внимательный взгляд из-под длинной белокурой челки, падавшей на глаза. В этом блейзере яхтсмена, в белых расклешенных брюках он выглядел точь-в-точь как тот, кем и являлся, – студентом привилегированного университета, ни дня в своей жизни не работавшим. Многие парни его возраста бросили учебу и пошли в армию добровольцами. Но не Кристоф.

Изабель поднялась к вершине холма, прошла через сад наверх, где стоял его «панар» с открытым верхом.

Она уже сидела за рулем и двигатель работал, когда наконец-то появился Кристоф. Красивое лицо блестело от пота, в руке болталась пустая корзинка для пикника.

– Просто брось эту штуку на заднее сиденье, – обворожительно улыбнулась она ему.

– Ты же не водишь автомобиль.

– Оказывается, вожу. Давай садись.

– Это мой автомобиль, Изабель.

– Ну, если уж говорить абсолютно точно, – а я знаю, как ты ценишь точность формулировок, Кристоф, – это автомобиль твоей матери. И я считаю, женский автомобиль должна водить женщина.

Изабель постаралась сдержать улыбку, когда он, с досадой закатив глаза, буркнул «отлично» и, перегнувшись через сиденье, забросил корзинку позади Изабель. Затем, двигаясь нарочито медленно, обошел автомобиль и устроился на пассажирском месте.

Он едва успел хлопнуть дверью, как она включила передачу и вдавила педаль газа в пол. Автомобиль, помешкав секунду, рванул вперед, вздымая облака пыли и изрыгая клубы дыма.

– Господи, Изабель. Помедленнее!

Придерживая одной рукой соломенную шляпку, другой она крепко вцепилась в руль. И лишь слегка притормаживала, разъезжаясь с другими машинами.

– Помедленнее! – почти взмолился он. Ему определенно следует запомнить, что она не намерена следовать правилам.

– В наше время женщина вполне может отправиться на войну, – заявила Изабель, когда в Париже ей все же пришлось сбавить скорость. – Я могу водить санитарную машину, например. Или заняться расшифровкой тайных кодов. Или соблазнять врагов, чтобы они выдавали мне секретные сведения. Вспомни ту игру...

– Война – это не игра, Изабель.

– Поверь, Кристоф, мне это известно. Но если она действительно идет, я могу помочь. Вот и все, что я хочу сказать.

На улице Адмирала Колиньи пришлось резко ударить по тормозам, чтобы не врезаться в грузовик. До театра «Комеди Франсез» растянулась колонна от самого Лувра. Вообще-то грузовики сновали повсюду, жандармы регулировали движение. Вокруг памятников и рядом с некоторыми зданиями уложены мешки с песком – вероятно, для защиты от бомбежек, тех самых, которых не должно быть, поскольку Франция не ведет никакой войны.

Тогда почему вокруг так много полицейских?

– Бред, – мрачно пробормотала себе под нос Изабель.

Кристоф, вытянув шею, пытался разглядеть, что происходит.

– Вывозят коллекции Лувра, – заключил он.

Изабель углядела просвет в потоке машин, и уже через несколько минут они затормозили у входа в книжный магазин ее отца.

Махнув на прощанье Кристофу, она нырнула внутрь. Длинное узкое помещение, книги и книги, от пола до потолка. Годами отец собирал это богатство, пытаясь как-то организовать, распределив по

книжным шкафам, но в результате его постоянных «улучшений» магазин превратился в настоящий лабиринт. Ряды книг вели в разные стороны, все дальше и дальше в недра дома. В самой глубине скрывались путеводители. Некоторые полки были неплохо освещены, другие тонули во мраке. Здесь было слишком тесно, все равно невозможно рассмотреть каждый уголок и закуток. Но отец знал «в лицо» каждую книжку на каждой полке.

– Ты опоздала, – проворчал он, поднимая голову. Он складывал на стойке в стопку какие-то листки с текстом – наверное, мастерил очередную книжку стихов, которые никто никогда не покупал. Толстые короткие пальцы измазаны чем-то синим. – Похоже, парни для тебя важнее работы.

Изабель молча проскользнула на свое место за кассой. За неделю жизни с отцом она уяснила, что лучше не огрызаться, хотя смирение давалось нелегко, слова, фразы – оправдания – нестерпимо просились наружу. Ужасно хотелось рассказать, что она чувствует, но она понимала, что отец столь же страстно желает от нее избавиться, поэтому приходилось сдерживаться.

– Ты слышишь это?

Она что, уснула?

Изабель вскинулась. Она не расслышала, как подошел отец. Он стоял рядом, мрачно хмурясь.

Какой-то непонятный звук, точно. С потолка посыпалась пыль, шкафы покачнулись, дерево стукнулось о дерево со странным звуком, будто зубы клацнули. Перед витриной замелькали тени. Тысячи теней.

Люди? Так много?

Отец направился к дверям, Изабель поспешила следом. В дверном проеме она увидела толпу, бегущую по улице, толпу, заполонившую и проезжую часть, и тротуары.

– Что случилось с этим миром? – пробормотал отец.

Отпихнув его, Изабель протиснулась наружу. Какой-то мужчина едва не сбил ее с ног, но даже не извинился.

Она ухватила за рукав пыхтящего краснолицего толстяка, пытавшегося выбраться из потока людей:

– Что такое? Что случилось?

– Немцы входят в Париж, – выдохнул он. – Надо бежать. Я воевал, я знаю...

– Немцы в Париже? – недоверчиво усмехнулась Изабель. – Это невозможно.

Толстяк помчался дальше, неуклюже переваливаясь из стороны в сторону, обливаясь потом, нервно сжимая и разжимая прижатые к бокам кулачки.

– Надо вернуться домой, – бросил отец, выходя на улицу и запирая дверь магазина.

– Это не может быть правдой, – возразила она.

– Самое худшее всегда оказывается правдой, – сухо отрезал отец. – Не отставай, – добавил он, решительно врезаясь в толпу.

Никогда прежде Изабель не видела такой паники. Суета, вспыхивающие фары автомобилей, рев двигателей, хлопающие двери. Люди громко окликали друг друга, хватались за руки, чтобы не потеряться в безумной сутолоке.

Изабель почти прилипла к отцовской спине. Столпотворение не позволяло двигаться быстро. В метро творилась настоящая свистопляска, так что им пришлось идти пешком, и домой они добрались лишь в сумерках. Руки у отца так дрожали, что входную дверь удалось отпереть только со второй попытки. Оказавшись наконец внутри, они буквально взлетели по лестнице на свой пятый этаж, позабыв о лифте.

– Не включай свет, – резко скомандовал отец, открывая дверь.

Не отставая от отца ни на шаг, Изабель прошла за ним в гостиную, а потом решила выглянуть в окно, чуть приподняв светомаскировку.

Откуда-то издали доносилось мерное жужжание. Оно становилось все громче, стекло начало дребезжать, как лед в стакане.

Пронзительный свист она услышала за несколько мгновений до того, как заметила в небе черную стаю, словно страшные дикие птицы.

Аэропланы.

– Боши, – прошептал отец.

Немцы.

Немецкие самолеты над Парижем. Свистящий звук становился все пронзительнее, переходя почти в женский визг, а потом – кажется, во втором округе – взрыв бомбы, жуткая вспышка света и зарево пожара.

Завыли сирены. Отец задернул шторы плотнее и потащил ее прочь из квартиры, вниз по лестнице. В вестибюле уже суетились соседи,

волокли теплую одежду, детей, собак, а оттуда по узкой каменной винтовой лестнице в подвал. И там сидели в темноте, тесно прижавшись друг к другу. В спертом воздухе воняло плесенью, потом и страхом – последний запах, пожалуй, самый пронзительный и резкий. А бомбежка все не стихала, вокруг гудело, грохотало, стены подвала подрагивали, штукатурка сыпалась с потолка. Какой-то младенец кричал в голос, и его никак не могли унять.

– Заткните уже ребенка, *пожалуйста*, – рявкнул кто-то.

– Я пытаюсь, мсье. Он напуган.

– Как и мы все.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем наступила тишина. И она была еще страшнее, чем грохот. Что там осталось от Парижа?

Изабель оцепенела.

– Изабель?

Так хотелось, чтобы отец взял за руку, успокоил, хотя бы на минутку обнял, но он просто отвернулся и ушел в темноту, к узкой винтовой лесенке, ведущей наверх. Дома Изабель тут же бросилась к окну, взглянуть, на месте ли Эйфелева башня. Она по-прежнему высилась над плотными клубами черного дыма.

– Не стой у окна, – предупредил отец.

Она медленно обернулась. Единственный свет в комнате – от его фонарика, тоненькая желтая нить во тьме.

– Париж не падет, – выговорила она.

Он молчал. Мрачно. Наверное, думал о Великой войне и о том, что видел тогда в окопах. Может, рана его опять ноет, разбуженная взрывами бомб и ревом пламени.

– Ступай спать, Изабель.

– Как можно спать в такое время?

– Ты скоро узнаешь, что на самом деле возможно очень многое, – вздохнул отец.

Пять

Правительство лгало. Их уверяли, раз за разом, что Линия Мажино остановит немецкое наступление на Францию.

Ложь.

Ни сталь и бетон, ни французские солдаты не могли сдержать гитлеровский натиск, и правительство бежало из Парижа, будто воры в ночи. Говорили, что власти в Туре, разрабатывают стратегические планы, но что толку в стратегии, когда Париж в лапах оккупантов?

– Ты готова?

– Папа, я не поеду. Я же уже сказала. – Она оделась подорожному, как он просил, – летнее платье в горошек и туфли на низком каблуке.

– Мы не будем это еще раз обсуждать, Изабель. Скоро приедут Умберы и увезут тебя в Тур. Оттуда, надеюсь, тебе хватит сообразительности добраться до дома сестры. Господь свидетель, ты всегда была мастером сбегать.

– То есть ты меня бросаешь. Опять.

– Довольно, Изабель. Муж твоей сестры на фронте. Она осталась одна с дочерью. Делай, что я велел. Уезжай из Парижа.

Он понимает, какую боль ей причиняет? Ему вообще есть до этого дело?

– Тебе всегда было наплевать на нас с Вианной. И ей я нужна еще меньше, чем тебе.

– Ты поедешь.

– Я хочу остаться и сражаться. Как Эдит Кавелл.

– А ты помнишь, как она умерла? Ее казнили немцы.

– Папа, прошу тебя.

– Хватит. Я видел, на что они способны, Изабель. А ты ничего об этом не знаешь.

– Если все так ужасно, ты должен поехать со мной.

– И оставить им дом и магазин? – Он схватил ее за руку и потащил по лестнице, не обращая внимания на чемодан и шляпку, колотящиеся об стены.

Распахнув дверь, отец вытолкнул ее на авеню де Ла Бурдонне.

Хаос. Пыль. Толпы. Улица словно ползущий дракон, составленный из человеческих тел; машины сигналият, люди кричат,

дети плачут, в воздухе удушливый запах пота.

Автомобили, набитые коробками, чемоданами, всяким барахлом, застряли в пробке. Люди катят пожитки на всем, что сумели отыскать, – тележках, велосипедах, даже в детских колясках.

Те, кто не сумел найти транспорт или у кого нет денег на бензин, нет машины и даже велосипеда, идут пешком. Сотни – тысячи – женщин и детей бредут вперед, волоча чемоданы, корзины, домашних животных.

Самые старые и самые крошечные уже начинают отставать.

Изабель не желала вливаться в эту унылую беспомощную толпу. Молодые мужчины ушли на фронт, и их семьям ничего не остается, как бежать на юг или на запад, хотя кто сказал, что там безопаснее? Немецкая армия уже захватила Польшу, Бельгию и Чехословакию.

Какая-то женщина наткнулась на Изабель, невнятно пробормотала извинения и побрела дальше.

– Я могу быть полезна, – Изабель понуро тащилась вслед за отцом, – пожалуйста. Я могу быть медсестрой или водить санитарную машину. Умею бинтовать и даже зашивать раны.

Неподалеку раздался пронзительный гудок.

Отец обернулся, и лицо его прояснилось. Изабель знала это выражение: наконец-то он сможет от нее избавиться.

– Они приехали, – сообщил отец.

– Не отправляй меня, – умоляла она. – Ну пожалуйста!

Отец протиснулся с ней сквозь толпу к пыльному черному автомобилю. К крыше были привязаны старый грязный матрас, связка удочек и клетка с кроликом внутри. Набитый багажник открыт и закреплен веревкой.

Мсье Умбер, пухлый коротышка, белыми от напряжения пальцами вцепился в руль, будто автомобиль был норовистой лошадью, готовой сорваться в любой момент. Он владел мясной лавкой по соседству с отцовским книжным магазином. Его жена Патрисия, крепкая, с тяжелым подбородком, типичная деревенская тетка, курила сигарету и смотрела в окно с таким выражением, будто глазам своим не верила.

Мсье Умбер, опустив стекло, высунулся в окошко:

– Привет, Жюльен. Она готова?

– Готова. Спасибо, Эдуард.

– Мы доедем только до Орлеана, – сообщила Патрисия, склонившись к открытому окну. – И она должна заплатить за бензин.

– Ну разумеется.

Изабель не могла вот так взять и сбежать. Это трусость. Это неправильно.

– Папа...

– До свидания, – решительно произнес он, напоминая, что выбора у нее нет.

Отец кивнул в сторону машины, и Изабель молча поплелась к задней двери. Открыла и увидела трех маленьких чумазых девчушек, притиснувшихся друг к другу, как сардины в банке. Малышки жевали печенье и пили лимонад прямо из бутылочек. Меньше всего на свете ей хотелось присоединиться к этой компании, но она покорно втиснулась на заднее сиденье, к этим чужим людям, благоухающим сыром и колбасой, и захлопнула дверцу.

Обернувшись, посмотрела на отца. Уголки губ у него чуть опустились – единственное свидетельство того, что он ее видит. Толпа обтекала его, как река скалу.

Машина тронулась, и Изабель уставилась вперед. Вот молодая женщина с абсолютно безумным взглядом, волосы всклокочены, к груди присосался младенец. Автомобиль медленно полз, иногда надолго застывая на месте. Изабель смотрела, как мимо бредут напуганные, запутавшиеся, ничего не понимающие соотечественники, точнее – соотечественницы. И почти каждая норовила стукнуть по капоту или багажнику машины, умоляя о чем-то. Пришлось поднять стекла, хотя жара в салоне становилась невыносимой.

Сначала Изабель печалилась, что приходится уезжать, но потом в ней вскипела ярость, даже более жаркая, чем воздух в машине. Опостылело, что с ней обращаются как с ненужной вещью. Сначала отец отказался от нее, потом Вианна. Она закрыла глаза, чтобы спрятать слезы, которые не могла сдержать. Запах колбасы, пота, сигаретного дыма, детская перепалка на сиденье рядом, а она все вспоминала тот первый раз, когда ее отослали прочь.

Поезд дальнего следования... Изабель прижимается к Вианне, а та либо молча роняет слезы, либо притворяется спящей.

А потом Мадам, разглядывающая с высоты своего роста ее веснушчатый нос. *С ними не будет никаких проблем.*

Хотя она была совсем ребенком – всего четыре года, – Изабель считала, что знает, что такое одиночество, но она заблуждалась. В те три года, что они с сестрой провели в Ле Жарден, у нее по крайней мере *была* сестра, даже если той никогда не было рядом. Изабель припомнила, как подглядывала за Вианной и ее подругами из окошка второго этажа, как потихоньку молилась, чтобы о ней вспомнили и тоже позвали играть, а потом Вианна вышла замуж за Антуана, и мадам Жуть (не настоящее имя, конечно, но очень ей подходило) получила отставку, и Изабель так надеялась, что наконец-то у них будет нормальная семья. Не тут-то было. У Вианны случился выкидыш, за ним – депрессия, и, разумеется, *до свидания, Изабель*. Три недели спустя – в семь лет! – она оказалась в своем первом пансионе. И вот здесь она и поняла по-настоящему, что такое одиночество.

– Изабель, ты взяла с собой еду? – окликнула Патрисия с переднего сиденья.

– Нет.

– А вино?

– Я взяла деньги, одежду и книги.

– Книги, значит, – рассеянно пробормотала Патрисия и отвернулась. – Полезные штуки.

Изабель вновь уставилась в окно. Что еще она сделала не так?

Прошло несколько часов. Автомобиль медленно и мучительно полз к югу. Хорошо, что вокруг пыль столбом. Она плотным слоем покрыла стекла, заслоняя жуткие картины исхода.

Люди. Повсюду. Впереди, позади, вокруг. Толпа такая плотная, что автомобиль движется рывками, не быстрее пешехода. Это как пробираться через рой пчел – на миг разлетелись и вот опять окружают тучей. Убийственно палит солнце. Машина превратилась в духовку на колесах, которая время от времени толкает бредущих вокруг женщин... куда и зачем? Никто не знает, что происходит там, откуда они бегут, и где им искать безопасное убежище.

Автомобиль внезапно дернулся и застыл. Изабель стукнулась о спинку переднего кресла. Дети громко разревелись.

– Вот дерьмо, – пробормотал под нос мсье Умбер.

– Мсье Умбер, – строго произнесла Патрисия, – здесь дети.

Пожилая дама, медленно ковылявшая мимо, стукнула кулаком по капоту.

– Что ж, все, приехали, мадам Умбер, – объявил мсье Умбер. – Бензин кончился.

– Как?!

– Я пытался заправиться везде, где возможно, по пути, ты видела. Бензина нет, и взять его неоткуда.

– Но... так... и что же нам делать?

– Найдем где переночевать. Может, удастся уговорить брата подъехать за нами. – Осторожно, чтобы никого не задеть, Умбер открыл дверцу и выбрался на грязную дорогу. – Гляди. Вон там. Не так далеко Этамп. Там есть еда и крыша над головой, а утро вечера мудренее.

Изабель сидела неподвижно. Нет, она явно проспала что-то важное. Они что, собираются вот так просто взять и бросить машину посреди дороги?

– Вы полагаете, мы сможем добраться до Тура пешком?

Патрисия, вся взмокшая и распаренная, обернулась:

– Возможно, одна из твоих книжек тебе пригодится. Они ведь важнее, чем хлеб или вода. Девочки, пошли, выбирайтесь из машины.

Изабель потянулась за своим чемоданом. Он застрял между сиденьями, пришлось потрудиться, чтоб его вытащить. Едва не зарывав от нетерпения, она в конце концов сумела выдернуть чемодан и, распахнув дверцу, почти вывалилась наружу.

И тут же оказалась в толпе людей, толкающих, отпихивающих и бранящих ее.

Кто-то даже попытался выхватить чемодан у нее из рук. Изабель отбилась, вцепилась в свое имущество, прижала к груди. Женщина, катившая мимо велосипед, нагруженный пожитками, в отчаянии взглянула на Изабель, в темных глазах только усталость и пустота.

Вот еще кто-то врезался в нее сзади, Изабель споткнулась, едва не упала, и только плотный поток людей удержал ее, не позволил шлепнуться в дорожную пыль. Кто-то извинился, Изабель собралась было вежливо ответить, но вдруг вспомнила про Умберов.

Она протиснулась к другой стороне машины:

– Мсье Умбер!

Никакого ответа, лишь непрерывный рокот – голоса и топот ног.

Изабель позвала Патрисию, но голос утонул в шарканье сотен ног, хрусте гравия под колесами машин. Люди все шли и шли. Упала она, и ее затопчут, она погибнет тут, в давке, в толпе соотечественников.

Стиснув ручку чемодана, Изабель присоединилась к этому маршу на Этамп.

Наступил вечер, а она все шла и шла. Мышцы ныли, стертые ступни огнем горели при каждом шаге. А вот и голод подкрался, подпихивая под ложечкой острым локотком, но что она могла поделывать? Она ведь собиралась к сестре, а вовсе не готовилась к всеобщему исходу. У нее с собой любимая «Мадам Бовари» и модная книжка, которую все сейчас читали, «Унесенные ветром», да немного одежды; никакой еды или питья. Она рассчитывала, что поездка займет несколько часов. И уж точно не планировала *идти пешком* в Карриво.

На вершине небольшого холма Изабель остановилась. В лунном свете видны были тысячи людей, бредущих впереди, позади и рядом с ней. И ей ничего не оставалось, как тоже брести в этой бесконечной людской реке. Сотни путников выбрали этот холм местом отдыха. Женщины и дети устроились по обочинам, дальше в поле, в придорожных канавах и оврагах.

На дороге полно брошенных автомобилей и уже ненужных вещей – грязных, затоптанных, слишком тяжелых, чтобы тащить дальше. Дети и женщины, обессиленные, спят в обнимку в пожухлой траве, под редкими деревьями, вдоль канав.

Изабель добралась до пересохшего канала в предместье Этампа. Видно было, как толпа впереди хлынула в город, образовав пробку на главной дороге.

И она отчетливо поняла: в Этампе переночевать негде и еды тоже не найдется. Беженцы, добравшиеся туда раньше, точно полчища саранчи уничтожили в городе все съестное. И комнат свободных тоже не осталось. И деньги ей ничем не помогут.

Что же делать?

Двигаться на юго-запад, в Тур и дальше в Карриво. Ничего иного не остается. Еще в детстве она изучила карту, планируя свои побег из Парижа, так что местность ей была знакома, если хорошенько *подумать*.

Она выбралась из толпы и осторожно двинулась в сторону от города, через поля. Повсюду на траве сидели или лежали люди. Они шевелились, перешептывались. Сотни людей. Тысячи. В дальнем конце поля она отыскала тропинку, ведущую на юг, свернула туда и неожиданно осознала, что вокруг больше никого нет. Она помедлила, привыкая к новому чувству, успокаиваясь, а затем двинулась дальше. Примерно через милю тропинка привела ее к чахлой рощице.

Изабель брела в непроглядной тьме, стараясь не обращать внимания на боль в стертых пальцах, пустой желудок и пересохшее горло. И вдруг учуяла запах дыма. И жареного мяса.

Голод обострил ее решительность, пробудил бесстрашие. Приметив оранжевый отблеск между деревьями, Изабель направилась напрямиком к костру. Лишь в последний момент остановилась, сообразив, что это может быть опасно. Ветка предательски треснула под ногами.

– Да ладно, заглядывай на огонек, – раздался мужской голос. – Ты все равно ходишь по лесу как слон.

Изабель застыла. Какая же она дура. Для одинокой девушки такие приключения могут плохо кончиться.

– Если бы я захотел тебя прикончить, уже прикончил бы.

А вот это верно. Он запросто мог бы подкрасться к ней в темноте и перерезать горло. Она же не замечала ничего вокруг, кроме бурчания в пустом желудке и аромата жарящегося мяса.

– Мне ты можешь доверять.

Изабель таранилась в темноту, пытаясь разглядеть говорящего. Тщетно.

– Полагаю, ты в любом случае убеждал бы меня в этом.

Смех в ответ.

– Ага. А теперь иди уже сюда. У меня тут кролик жарится.

Она перебралась через каменистую промоину, вскарабкалась вверх и настороженно кралась среди серебристых в лунном свете деревьев, готовая в любой момент броситься прочь. Когда между ней и костром осталась всего пара метров, девушка остановилась.

Молодой парень сидел, привалившись к бревну.

На вид чуть старше Изабель. В свете костра толком и не разглядеть. Копна длинных спутанных волос, явно незнакомых с мылом и расческой, одежда ветхая, вся в заплатках, – Изабель невольно

вспомнила беженцев в Париже, подбиравших окурки, клочки бумаги, пустые бутылки, выпрашивающих мелочь на пропитание. Парень был бледен и вообще выглядел как человек, который не знает, когда поест в следующий раз.

Но все же он предложил ей разделить трапезу.

– Надеюсь, вы джентльмен, – окликнула она его из темноты.

Он расхохотался.

– Уверена, что так. – И она робко вступила в круг света.

– Садись, – предложил он.

Изабель присела напротив. Он протянул ей бутылку вина. Она сделала глоток, потом еще, никак не могла остановиться, и он опять рассмеялся. Изабель вернула бутылку, ладонью отерла подбородок.

– Да ты пьянчужка, как я погляжу.

Она не знала, что ответить.

– Гаэтон Дюбуа, – улыбнулся он. – Друзья зовут меня Гаэт.

– Изабель Россиньоль.

– А, соловей, пташка.

Ее передернуло. Не самое оригинальное наблюдение. Да, ее фамилия означает «соловей». Мама называла их с Вианной своими соловушками, целуя на ночь. Одно из немногих детских воспоминаний.

– Почему вы бежали из Парижа? Мужчины вроде вас должны остаться и сражаться.

– Они открыли тюрьмы. Видать, лучше, чтоб мы воевали за Францию, чем сидели за решеткой, когда ворвутся немцы.

– Вы сидели в тюрьме?

– Это тебя пугает?

– Нет, просто... немного неожиданно.

– А надо бы бояться. – Он отбросил прядь волос с глаз. – Впрочем, насчет меня можешь не волноваться. У меня совсем другое на уме. Вот проведу мать с сестрой, а потом запишусь в армию. И перебыю столько этих ублюдков, сколько смогу.

– Везет тебе, – вздохнула она. И почему мужчинам в этом мире так легко делать все, что они захотят, а женщинам так трудно?

– Пошли со мной.

Но Изабель не обведешь вокруг пальца.

– Ты так говоришь только потому, что я хорошенькая девчонка и ты рассчитываешь затащить меня в койку, если соглашусь.

Он пристально смотрел на нее сквозь пламя костра. Сучья потрескивали и шипели, когда на них капал горячий жир. Он отхлебнул из бутылки, передал ей. Руки их встретились – легкое, едва заметное прикосновение.

– Если б я захотел, ты бы уже лежала рядом со мной.

– Но не по своей воле. – Она нервно сглотнула.

– По своей, – произнес он таким тоном, что дыхание у нее перехватило, а кожа покрылась мурашками. – Но мне это не надо. А я сказал, что сказал – пошли со мной на фронт.

Чувство, охватившее Изабель, было настолько новым, что она никак не могла в нем разобраться. Она знала, что привлекательна. Это очевидный факт. Ей все об этом говорили. Она замечала, какими взглядами провожали ее мужчины, как рассматривали ее волосы, зеленые глаза, пухлые губы, как задерживали взгляд на груди. Ее красоту признавали даже женщины; девчонки в школе злились и страшно ревновали к своим кавалерам, если она оказывалась поблизости, считали ее задавакой, хотя она и рта не успевала раскрыть.

Красота казалась ей еще одним элементом, обесценивающим ее, позволяющим не замечать в ней человека. Изабель предпочитала привлекать внимание другими способами. И она не была совсем уж невинна, откровенно говоря. Разве ее не выгнали Сестры Св. Франциска за то, что целовалась с мальчиком во время мессы?

Но сейчас все совсем иначе.

Он заметил, что она красива, даже в полумраке, наверняка заметил, но при этом словно и внимания не обратил. Либо ему безразлично, либо он достаточно умен, чтобы понять, что она хочет предложить миру нечто большее, чем смазливое личико.

– Я могла бы делать что-то полезное, – тихо произнесла она.

– Разумеется. Я научил бы тебя обращаться с винтовкой и штыком.

– Мне нужно в Карриво, убедиться, что с сестрой все в порядке. Ее муж на фронте.

– Мы навестим твою сестру в Карриво, – решительно сказал он. – И мою мать в Пуатье, а потом отправимся воевать.

В его устах это прозвучало как приключение, как приглашение сбежать в бродячий цирк, где выступает шпагоглотатель и веселит публику бородатая женщина.

Всю жизнь она ждала именно этого.

– Что ж, неплохой план, – заключила Изабель, не в силах скрыть улыбку.

Шесть

Проснувшись, Изабель поморгала, недоуменно разглядывая листву над головой. Села, оправила юбку, которая задралась во время сна, открыв кружевные подвязки и разодранные шелковые чулки.

– Я тут ни при чем.

Изабель обернулась. Вот сейчас она смогла рассмотреть Гаэтона как следует. Долговязый, жилистый, крепкий, а одежда будто из мусорного бака. Лицо под обтрепанной кепкой чумазое и небритое; густые брови, резкая линия подбородка и глубоко посаженные серые глаза с длинными ресницами. Смотрели эти глаза пронзительно и жестко, и взгляд был откровенно голодным. Прошлой ночью она подумала, что так он смотрит на нее. Сейчас поняла, что это его обычный взгляд на мир.

Изабель его совсем не боялась, нисколько. Она не похожа на свою сестру Вианну, которой лишь бы понить да подрожать от страха. Но уж она-то не плаксивая дурочка. И если собирается путешествовать дальше с этим мужчиной, лучше сразу прояснить некоторые вещи.

– Итак, – начала Изабель, – тюрьма.

Он приподнял бровь, словно вопрошая: «До сих пор боишься?»

– Девушка вроде тебя ничего об этой стороне жизни не знает. Я мог бы соврать, что моя история похожа на историю Жана Вальжана, и ты бы нафантазировала что-нибудь романтическое.

Всю жизнь Изабель слышала одно и то же. Снисходительным комментариям она была обязана собственной внешности. Очаровательная блондинка непременно должна быть глупенькой и легкомысленной.

– Ты что, воровал еду, чтобы прокормить семью?

– Не-а, – Он криво ухмыльнулся.

– Ты опасный тип?

– Иногда. Как ты относишься к коммунистам?

– А, так ты политический.

– Вроде того. Но я же сказал, девчонки вроде тебя ничего не знают о настоящей жизни.

– Ты удивишься, Гаэтон, но я знаю. Тюрьмы бывают разные.

– Да неужто, красотка? И что же такое тебе известно?

– Так что же ты натворил?

– Взял кое-что, мне не принадлежавшее. Устраивает?

Вор.

– И тебя поймали.

– Точно.

– Не слишком утешительно. Неужели ты был настолько беспечен, Гаэтон?

– Гаэт, – поправил он, подходя чуть ближе.

– Я пока не решила, станем ли мы друзьями.

Он коснулся ее волос, слегка потянул прядь, пропуская ее между грязными пальцами.

– Мы друзья. Бесспорно. А теперь пошли.

Он взял ее за руку, она хотела было возразить, но не стала. Они вышли из леса обратно на дорогу, смешались с толпой беженцев, которая разомкнулась и сомкнулась вокруг них, словно крепкий кулак. Одной рукой Изабель волокла свой чемодан, а другой цеплялась за Гаэтона.

Так они прошагали много миль.

Повсюду стояли заглушенные автомобили. Тележки ломались. Обессиленные лошади отказывались двигаться дальше. Изабель чувствовала, как ею овладевает безразличие, от жары, жажды, пыли навалилась тупая вялость. Какая-то женщина плелась рядом, она плакала, и слезы ее были черными от грязи, а потом ее сменила старуха в меховом пальто, которая страшно потела и, похоже, нацепила на себя все свои драгоценности.

Солнце поднималось все выше, зной становился невыносимым. Дети ныли, женщины стонали. Удушливый запах пота стоял над толпой, но Изабель, похоже, притерпелась и не понимала, воняет от людей или от нее самой.

Примерно в три часа пополудни, самое жаркое время дня, она заметила французских солдат, шагавших рядом, с оружием в руках. Солдаты шли вразброд, не строем. Позади загрохотал танк, давя брошенный на обочинах скарб. Несколько бледных солдат сидели на броне, понуро опустив головы. Оттолкнув Гаэтона, Изабель ринулась сквозь толпу к военным.

– Вы не туда идете! – возмущенно выкрикнула она, удивившись хриплости своего голоса.

Гаэтон набросился на ближайшего солдата, толкнул с такой силой, что тот упал, едва не угодив под ползущее мимо железное чудище.

– Кто будет воевать за Францию?

Солдат замотал головой:

– Никто.

Блеснул металл, Изабель увидела, как Гаэтон приставил нож к горлу несчастного парня. Тот зло закричал:

– Ну давай! Режь! Кончай меня.

Изабель оттолкнула Гаэтона. Дикая злость в его глазах испугала ее. Он действительно мог это сделать, мог перерезать горло человеку. И вспомнила: *Они открыли тюрьмы.* А что, если он гораздо хуже, чем вор?

– Гаэт? – позвала она.

И ее голос сумел прорваться сквозь пелену гнева. Он тряхнул головой, словно отгоняя наваждение, и опустил нож.

– Кто же будет воевать? – горько спросил он, закашлявшись от пыли.

– Мы, – решительно заявила она. – Скоро.

Позади пронзительно засигналил автомобиль. Изабель даже не обернулась. Автомобиль теперь ничем не лучше пешехода – те немногие, что были еще на ходу, могли передвигаться только милостью людей, плотно державших их, словно заросли тростника в заболоченной реке.

– Пойдем. – Изабель решительно поволокла Гаэтона прочь от растерянных солдат.

Они двинулись дальше, все так же держась за руки. Изабель заметила, как изменился Гаэтон: он больше не улыбался и почти все время молчал.

В каждом очередном городке толпа редела. Люди оседали в Артене, Саране и Орлеане, глаза их загорались надеждой, руки тянулись к кошелькам, карманам, они рассчитывали, что наконец-то смогут что-то купить за деньги.

Но Изабель и Гаэтон продолжали путь. Они шли весь день, с наступлением темноты рухнули спать, а наутро вновь пустились в дорогу. К третьему дню Изабель впала в ступор от изнеможения. Между пальцами ног и на пятках надулись кровавые волдыри, каждый

шаг причинял жуткую боль. Дико болела голова, живот сводило от голода. Пыль забила горло, Изабель то и дело заходила в кашле.

Она равнодушно миновала свежую могилу на обочине дороги с грубо сколоченным деревянным крестом. Споткнулась обо что-то мягкое –дохлая кошка – и едва не упала. Гаэтон успел ее подхватить.

Давно она слышит этот странный звук?

Час? Или день?

Пчелы. Жужжат и жужжат. Изабель облизнула пересохшие губы и вспомнила, как славно было сидеть в саду летним днем и слушать жужжание пчел.

Нет.

Это не пчелы.

Она знает этот звук.

Изабель остановилась. Мысли путались.

Жужжание нарастало, заполняя все пространство, а затем появились самолеты, шесть или семь, – крошечные распятия на фоне голубого безоблачного неба.

Изабель из-под ладони следила, как они приближаются, опускаются ниже...

Кто-то крикнул:

– Боши!

Каменный мост в отдалении взорвался фонтаном осколков в клубах дыма и пламени.

Самолеты уже летели совсем низко, прямо над людьми.

Гаэтон швырнул Изабель на землю, накрыл своим телом. Мир обратился в звук: рев двигателей, *тра-та-та-та* пулеметов, удары сердца, крики. Пули вырывали траву ровными рядками, люди вопили. Изабель увидела, как женщину подбросило в воздух, будто тряпичную куклу.

Срезанные выстрелами верхушки деревьев валились на головы. Вспыхнуло пламя. Все заволокло дымом.

А потом... тишина.

Гаэтон скатился с нее:

– Жива?

Она села, растерянно озираясь.

Повсюду человеческие тела и огонь, и черные клубы дыма. Крики, рыдания, смерть.

– Помогите, – застонал старик рядом.

Изабель подползла к нему и вдруг поняла, что земля пропитана кровью. Сквозь разорванную рубашку увидела вспоротый живот, вывалившиеся наружу внутренности.

– Может, где-то есть врач, – все, что она могла сказать. Или подумать. И услышала его вновь, этот звук.

– Они возвращаются! – Гаэтон потянул ее к канаве.

Изабель подчинилась, оскальзываясь на окровавленной траве. Совсем рядом взорвалась бомба. Изабель заметила малыша, который стоял над мертвой матерью.

Она бросилась к ребенку. Гаэтон перехватил ее.

– Я должна помочь...

– Твоя смерть ничем не поможет ему! – прорычал он, до боли стиснув ее.

Они бежали и бежали, петляли меж развороченными машинами и мертвыми телами, кровоточащими, с оторванными конечностями, торчащими костями.

На окраине городка Гаэтон втоптал Изабель в маленькую церквушку. Здесь уже было полно народу, люди жались по углам, прятались между скамьями.

Гул моторов мешался с грохотом выстрелов. Витражные окна задрезбуждали, кусочки цветного стекла брызнули на пол. Потолочные балки натужно заскрипели, сверху посыпались мелкие камешки. Пули засвистели в самой церкви, прибывая к полу руки и ноги. Взорвался алтарь.

Гаэтон что-то прокричал, она ответила или подумала, что ответила, но, прежде чем Изабель сообразила, что происходит, очередная бомба вонзилась в церковь и крыша над их головами разлетелась.

Семь

По городским меркам местная *ecole elementaire* – школа небольшая, но довольно просторная и неплохо укомплектованная, а для ребятишек из коммуны Карриво так и вовсе громадная. Прежде чем стать школой, это здание служило конюшней богатому феодалу, а на центральном дворе, вокруг которого подковой выстроились хозяйственные постройки, была стоянка карет и еще хватало места для маленького рынка. Школа могла гордиться прочными каменными стенами, яркими синими ставнями и старинными деревянными полами. Главное здание, сооруженное в том же стиле, разрушили еще во время Великой войны, его так и не восстановили. Подобно многим школам во французских городках, эта тоже стояла на окраине.

Вианна сидела за учительским столом и, нервно теребя смятый платок, разглядывала детские лица. На полу рядом с каждой партой – противопоаз. Сейчас дети носят их с собой повсюду.

Открытые окна и толстые каменные стены облегчали жизнь, но все равно жара утомляла. Боже правый, и без того трудно сосредоточиться. Новости из Парижа просто ужасают. Все только и говорят, что о туманном будущем и шокирующем настоящем: немцы в Париже. Линия Мажино прорвана, французские солдаты гибнут в окопах и бегут с фронта. Вот уже три ночи – после телефонного звонка отца – она не спит. Изабель бог знает где между Парижем и Карриво, от Антуана никаких вестей.

– Кто хочет проспрягать глагол «бежать»? – устало спросила она.

– А разве нам не надо учить немецкий?

До Вианны не сразу дошел смысл вопроса. Школьники заинтересованно ждали ответа, глаза светились любопытством.

– Простите? – Чуть откашлявшись, она попыталась выиграть время.

– Нам теперь надо учить немецкий, а не французский.

Жиль Фурнье, сын мясника. Его отец и три старших брата на фронте, хозяйство ведут они вдвоем с матерью.

– И стрелять, – подхватил Франсуа. – Мама говорит, нам нужно научиться стрелять, чтобы убивать немцев.

– А моя бабушка говорит, что нам всем нужно бежать, – сказала Клер. – Она помнит прошлую войну и говорит, что мы будем совсем дураками, если останемся.

– Немцы же не перейдут за Луару, правда, мадам Мориак?

Софи сидит за первой партой, по центру, руки крепко сцеплены, глаза широко распахнуты. Она не меньше, чем Вианна, напугана последними слухами. Перед сном плачет, вспоминая об отце. И даже в школу теперь берет старичка Бебе. Ее подружка и соседка по парте Сара также встревожена и напугана.

– Это нормально, что вы боитесь, – успокоила Вианна. Именно эти слова она сказала накануне вечером Софи, именно так она утешает себя, но прозвучали они неубедительно.

– Я не боюсь! – заявил Жиль. – У меня есть нож. Я убью каждого боша, который сунется в Карриво.

– В Карриво? – вскрикнула Сара.

– Нет, здесь их не будет! – отрезала Вианна. Возражение далось нелегко, собственный ее страх так и норовил прорваться наружу. – Солдаты Франции – ваши отцы, дяди и братья – самые храбрые бойцы в мире. Они сражаются за Париж, Тур и Орлеан даже сейчас, когда мы с вами беседуем.

– Но Париж немцы захватили, – возразил Жиль. – А где же наши солдаты?

– На войне бывают большие сражения и мелкие стычки. Иногда приходится отступать. Но наша армия никогда не позволит немцам победить. Мы никогда не сдадимся. – Она вышла в центр класса. – Но у нас, тех, кто остался в тылу, тоже есть свои задачи. Мы должны быть храбрыми и сильными и должны верить в лучшее. Мы должны продолжать жить и поддерживать порядок, чтобы наши отцы, братья и... мужья могли вернуться в свои дома, понимаете?

– А что с тетей Изабель? – спросила Софи. – Дедушка сказал, что она уже должна приехать.

– Мой кузен тоже убежал из Парижа, – сообщил Франсуа. – И тоже не приехал.

– Дядя говорит, на дорогах сейчас неспокойно.

Прозвенел звонок, дети выскочили из-за парт. В мгновение ока были позабыты самолеты, бомбы, война и страхи. Они опять стали просто ребятами, у которых закончился школьный день, а на дворе

прекрасная летняя погода. И вели себя, как положено всем детям их возраста – горланили, болтали, хохотали, толкались и пулей вылетали за дверь.

Вианна вздохнула с облегчением. Бога ради, она всего лишь учительница. Что она может им рассказать о нынешних ужасах? Как помочь справиться со страхами, когда с трудом скрываешь свой собственный? Она старалась отвлечься в обычных заботах: подбирала мелкий мусор, оставленный учениками, вытирала доску, ставила на место учебники. Наведя порядок в классе, сложила свои бумаги и карандаши в кожаную папку и вынула из ящика стола сумочку. Затем надела соломенную шляпку и, аккуратно поправив ее, вышла из класса.

Вианна шла опустевшими коридорами, взмахом руки прощаясь с коллегами, задержавшимися в своих кабинетах. Некоторые классы были закрыты, учителей-мужчин призвали в армию.

У дверей класса Рашель она замедлила шаг, глядя, как подруга сажает сына в коляску. Рашель хотела было взять отпуск и посидеть дома с Ари, но теперь все изменилось. Ничего не остается, приходится брать малыша с собой на работу.

– Ты выглядишь так, как я себя чувствую, – сказала Вианна.

Волосы у Рашель распушились от влажного воздуха, их будто стало в два раза больше.

– Не похоже на комплимент, но я в таком отчаянии, что буду считать это все-таки комплиментом. А у тебя щека мелом измазана, кстати.

Вианна рассеянно вытерла щеку и наклонилась над коляской. Малыш спал, громко посапывая.

– Как он?

– Для десятимесячного карапуза, которому положено сидеть дома с мамой, а вместо этого он шляется по городу под гул вражеских бомбардировщиков и днями напролет вынужден слушать визги десятилетних школьников, просто отлично. – Рашель с улыбкой отбросила с лица влажную прядь. – Что, кисну я, да?

– Не больше, чем все мы.

– Ха! Сарказм помогает выжить. От этих твоих улыбочек и притворства у меня крапивница начинается.

Коляска прогромыхала по трем ступенькам, и женщины вышли в просторный двор, заросший травой, где в давние времена выгуливали лошадей. В центре двора журчал и брызгал водой четырехсотлетний каменный фонтан.

– Девочки, пойдете! – окликнула Рашель Софи и Сару, ожидавших на лавочке. Девчонки поспешили за ними, о чем-то оживленно болтая и держась за руки. Второе поколение закадычных подружек.

Они вывернули из переулка на улицу Виктора Гюго прямо перед бистро, где на террасе старики потягивали кофе, курили и рассуждали о политике. Впереди по улице плелись три изможденные женщины в потрепанной одежде, с желтыми от дорожной пыли лицами.

– Бедняжки, – выдохнула Рашель. – Утром Элен Рюэль сообщила новость: вчера в городе появилась еще дюжина беженцев. Они ей жуткие вещи рассказали. Впрочем, ты знаешь, как Элен любит приукрасить.

В другое время Вианна непременно отпустила бы колкость в адрес сплетницы Элен, но сейчас ей было не до замечаний. Отец сказал, что Изабель покинула Париж несколько дней назад. Но она до сих пор не появилась в Ле Жарден.

– Я беспокоюсь за Изабель, – сказала она.

Рашель подхватила подругу под руку:

– Помнишь, как твоя сестра сбежала из пансиона в Лионе?

– Ей тогда было семь лет.

– И она добралась до Амбуаза. Одна. Без денег. Две ночи провела в лесу и сумела сесть в поезд.

Из тех времен Вианна почти ничего не помнила, кроме собственного горя. Потеряв ребенка, она была в отчаянии. Вычеркнутый из жизни год, сказал тогда Антуан. И она тоже так думала. Когда Антуан сообщил, что отвезет Изабель в Париж к отцу, Вианна почувствовала – Господи, прости – облегчение.

Неудивительно, что Изабель сбежала из пансиона, в который ее отправили. До сих пор Вианну мучило чувство вины за то, как она обошлась с младшей сестрой.

– Первый раз она сбежала в Париж, когда ей было девять, – сказала Вианна, надеясь найти утешение в знакомой истории. Изабель ведь всегда была несгибаемой и целеустремленной.

– Если не ошибаюсь, пару лет спустя ее опять исключили за то, что отправилась посмотреть бродячий цирк. Или в тот раз она вылезла из окна второго этажа по простыне? – улыбнулась Рашель. – Так или иначе, если Изабель захочет, то скоро будет здесь.

– Помоги, Господи, любому, кто попытается ее остановить.

– Вот увидишь, она придет. Наверняка. Если только по дороге не встретит принца в изгнании и не влюбится.

– С ней и такое может случиться, – хмыкнула Вианна.

– Ну что, уже полегчало? – поддразнила Рашель. – Пошли ко мне, выпьем лимонаду. В такой жаркий день – самое то.

После ужина Вианна уложила Софи и спустилась в столовую. Она слишком нервничала, не могла усидеть на месте ни секунды. Несмотря на разговоры с Рашель, ее не покидали дурные предчувствия. Вианна села, снова встала, подошла к двери, открыла.

Под лилово-розовым закатным небом царил покой. Во дворе тщательно обрезанные яблони, дальше старинная каменная стена, увитая виноградом и розами, заслоняет дом со стороны дороги, ведущей в город. А за ней – акры и акры полей с торчащими кое-где деревцами. Правее начинается настоящий лес, куда они с Антуаном сбегали в юности от посторонних взглядов.

Антуан.

Изабель.

Где они сейчас? Он на фронте, а она идет пешком из Парижа?

Не думай об этом.

Ей нужно было чем-то занять руки. Садам, например. Отвлечься.

Достав поношенные садовые перчатки и надев стоявшие у двери ботинки, она отправилась к клочку земли между амбаром и сараем. Картофель, лук, морковь, брокколи, горох, бобы, огурцы, помидоры и редис росли ровными рядами. На пригорке у амбара – ягодные кусты, малина и ежевика. Вианна встала коленями на темную, маслянистую землю и принялась воевать с сорняками.

Она любила начало лета, это предвкушение будущего урожая. Бывало, конечно, и жарковато в это время года, но если не пренебрегать ежедневными обязанностями, старательно пропалывать и прореживать, с сорняками обычно удавалось справиться. Вианна

всегда очень продуманно устраивала грядки. И сад дарил ей гораздо больше, чем она ему. Здесь она обретала покой.

Но вдруг в мире что-то изменилось. Сначала звуки – гул, дрожь, глухой ропот. Потом появился странный запах, которому совершенно не место в цветущем благоухающем саду, – резкий, кисловатый запах гниения.

Вианна вытерла лоб, размазывая по лицу грязь, и поднялась на ноги. Запихнув грязные перчатки в карманы штанов, она пошла к воротам. На дороге, словно изваянные из тьмы, возникли три женщины.

Старуха в лохмотьях, молодая женщина с младенцем и девочка-подросток с пустой клеткой для птиц в руках. Все три – с лихорадочными, остекленевшими глазами, а молодую мать била крупная дрожь. Пожилая женщина протянула грязные ладони.

– У вас не найдется немного воды? – спросила она, но голос звучал так слабо и робко, словно она заранее смирилась с отказом.

Вианна открыла ворота:

– Конечно. Может, зайдете? Присядете на минутку.

Пожилая женщина покачала головой:

– Мы их опережаем. Тем, кто сзади, ничего не останется.

Вианна не поняла, что она имела в виду, но, впрочем, это было неважно. Она видела, что женщины устали и голодны.

– Одну секунду. – Она зашла в дом, собрала немного хлеба, морковки, кусок сыра. Все, чем могла поделиться. Налила воды в бутылку из-под вина и вернулась к воротам. – Тут, конечно, немного...

– Тут больше, чем у нас было с самого Тура, – лишенным выражения голосом ответила молодая женщина.

– Вы были в Туре?

– Пей, Сабин. – Старуха поднесла бутылку к губам девочки.

Вианна как раз собиралась спросить про Изабель, когда старуха неожиданно резко буркнула:

– Они здесь.

Молодая женщина застонала негромко и крепче прижала к себе младенца. Он был такой тихий, а его кулачок такой бледный... У Вианны перехватило дыхание.

Ребенок был мертв.

Вианна слышала о таком – о горе, которое не отпускает, горе, калечащем рассудок и заставляющем мать надеяться, когда никакой надежды уже не осталось.

– Ступай в дом, – приказала старуха Вианне. – Запри двери.

– Но...

Оборванная тройца отшатнулась, как будто ее дыхание вдруг стало ядовитым.

А потом Вианна увидела странное темное пятно, ползущее через поле к дороге.

Запах предупреждал о приближении толпы. Запах пота и грязи. Они все ближе, и вот уже сплошная черная масса распалась на отдельные фигуры. Люди – и в поле, и на дороге – шагали, хромали, надвигались на нее. Кто-то толкал перед собой коляску или велосипед, кто-то волок тележку. Лаяли собаки, где-то плакали дети. Слышались кашель и стоны. Они неумолимо приближались, тесня и отталкивая друг друга, голоса звучали все громче.

Всем им Вианна не могла помочь. Она бросилась в дом, заперла дверь, промчалась по всем комнатам, закрывая ставни. Наконец остановилась в гостиной, тяжело дыша.

Дом вздрогнул, слегка. Задрезжали стекла, с потолочных балок посыпалась пыль. Кто-то колотил во входную дверь. Грохот не стихал, кулаки молотили по дереву, как кувалды, и Вианна вздрагивала от каждого удара.

По лестнице сбежала Софи, прижимая к груди Бебе:

– Мама!

Вианна подхватила дочь на руки. Теперь стучали и в заднюю дверь тоже. Висящие в кухне кастрюли и сковородки звенели, как церковные колокола. Снаружи раздался звук заработавшей колонки. Они набирали воду.

Вианна сказала Софи:

– Подожди здесь секундочку. Посиди на диване.

У камина она взяла тяжелую кочергу и осторожно, на цыпочках, поднялась по лестнице. В спальне выглянула в окно, стараясь остаться незамеченной.

Во дворе толпились десятки людей, в основном женщины и дети, но вели они себя как стая голодных волков. Голоса сливались в один отчаянный рык.

Вианна отошла от окна. Что, если двери не выдержат? Такая толпа не то что двери, и стены может снести.

Дрожа от ужаса, она спустилась вниз, не в силах вдохнуть, пока не увидела Софи, сидевшую на диване. Вианна пристроилась рядом, обняла дочь, которая под ее ласковыми руками тут же свернулась в клубочек. Хорошая, сильная мать могла бы сейчас рассказать ребенку какую-нибудь поучительную историю. Но у Вианны от страха пропал голос. Все, на что ей хватало сил, – молиться. Молиться безмолвной молитвой без начала и конца. *Господи*.

Она прижала дочь к себе покрепче:

– Засыпай, Софи. Я с тобой.

– Мама, – Голос Софи был едва слышен из-за грохота снаружи, – а что, если там тетя Изабель?

Вианна посмотрела на маленькое серьезное личико дочери.

– Помоги ей Боже, – только и смогла она ответить.

Увидев серый каменный дом, Изабель совсем лишилась сил. Гаэтон открыл ворота, которые почему-то отчаянно закрипели и повисли на одной петле.

Опираясь на него, Изабель доковыляла до входной двери и дважды постучала, вздрагивая от каждого прикосновения окровавленных костяшек к дереву.

Никто не ответил.

Она заколотила кулаками, попыталась позвать сестру по имени, но голос окончательно сел.

Изабель отшатнулась, чуть не упав от охватившего ее чувства поражения.

– Где тут можно поспать? – спросил Гаэтон, поддерживая ее за талию.

– Сзади. В беседке.

Он провел ее вокруг дома, на задний двор. Здесь, в благоухающем жасмином убежище, Изабель рухнула на колени. Она не заметила, что Гаэтон куда-то пропал, а потом вернулся и принес теплой воды, которую она пила из его сложенных лодочкой ладоней. Этого было мало. Живот заурчал от голода, глубоко внутри скрутило. И все же, когда он попытался снова отойти, она потянулась за ним, что-то бормоча, – наверное, просила не оставлять ее одну, и он опустил

рядом, подложил руку ей под голову. Так они лежали на теплой земле, глядя на темный покров из виноградных листьев и ветвей над головами. Ароматы жасмина, цветущих роз и влажной почвы смешивались в чудесный букет. Но даже здесь, в тишине, она не могла забыть о том, через что им пришлось пройти совсем недавно... и о том, что ждало их в ближайшем будущем.

Она видела, как Гаэтон изменился. Ярость и гнев стерли улыбку с его губ, сострадание из глаз тоже куда-то пропало. После бомбежки он почти все время молчал, а если и говорил, то короткими, отрывочными фразами. Они оба начали понимать войну, понимать, что их ждет.

– Ты можешь остаться здесь, в безопасности, с сестрой, – сказал он.

– Я не хочу безопасности. А сестра не захочет, чтобы я тут оставалась.

Она повернулась и посмотрела на него. При свете луны, пробивавшемся сквозь листву, видны были глаза, губы, а нос и подбородок скрывались в темноте. Всего несколько дней будто прибавили ему несколько лет. От него пахло кровью, грязью и смертью – как, впрочем, и от нее.

– Слышал про Эдит Кавелл? – спросила она.

– Я что, по-твоему, похож на образованного?

Она подумала секунду и уверенно ответила:

– Да.

На этот раз он молчал так долго, что Изабель поняла: похоже, ей удалось-таки его удивить.

– Слышал. Спасла кучу пилотов авиации союзников во время Великой войны. Это она сказала, что «патриотизма недостаточно». И это твоя героиня – женщина, которую расстреляли?

– Женщина, которая изменила ход истории. Пусть и совсем немного, – ответила Изабель. – И я рассчитываю, что ты – преступник и коммунист – поможешь и мне изменить ход истории. Может, я и правда сумасшедшая, как говорят.

– Кто говорит?

– Все. – Она замолчала. Изабель давно научилась никому не доверять, но ничего не могла с собой поделать – ей хотелось верить Гаэтану. Он относился к ней как к человеку. – И ты мне поможешь. Как и обещал.

– Знаешь, как скрепляют такие сделки?

– Как?

– Поцелуем.

– Очень смешно. Я, между прочим, серьезно.

– Что может быть серьезней поцелуя на пороге войны? – Он почти улыбнулся, но во взгляде время от времени мелькали искры гнева, и это пугало, ведь она по-настоящему ничего о нем так и не узнала.

– Я поцеловала бы того мужчину, у которого хватило бы храбрости взять меня с собой на войну.

– Похоже, ты ничего не понимаешь в поцелуях, – вздохнул он.

– Можно подумать, ты много понимаешь. – Она откатилась в сторонку и тут же затосковала без ощущения его тепла. С деланным равнодушием придвинулась обратно и оказалась с ним лицом к лицу, чувствуя его дыхание.

– Я хочу взять тебя с собой. – Он положил руку ей на затылок, притянул к себе и прошептал, почти касаясь ее губ своими: – Ты уверена?

Изабель не понимала, спрашивает он о войне или о поцелуе, но сейчас это было неважно. Раньше Изабель запросто целовалась с парнями, щедро рассыпая свои милости и совершенно не задумываясь о том, – она не придавала никакого значения подобным пустякам. Но никогда прежде ей не хотелось поцелуя по-настоящему.

– Да, – шепнула она.

От его поцелуя словно что-то раскрылось, развернулось в сердце. Впервые в жизни она поняла, о чем написано в дамских романах; поняла, что душа женщины может измениться так же стремительно, как меняется мир в начале войны.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

Она не произносила этих слов с четырех лет, и тогда они предназначались маме. Внезапно лицо Гаэттона застыло, улыбка стала такой натянутой и фальшивой, что Изабель растерялась.

– Что случилось? Я сделала что-то не так?

– Нет. Конечно, нет.

– Как же нам повезло, что мы встретились, – сказала она.

– Нам жутко не повезло, Изабель. Уж поверь. – И с этими словами он привлек ее к себе и поцеловал.

Она отдалась этому поцелую, заполнившему всю ее вселенную, и наконец поняла, какво это – быть кому-то нужной.

Проснувшись, Вианна прислушалась к тишине. Где-то пела птица. Рядом ворочалась и бормотала во сне Софи.

Вианна встала, подошла к окну, открыла ставни.

Обломанные ветви яблонь свисали, словно сломанные руки; створки ворот болтались на одной петле – остальные две были сорваны. Поле и луг через дорогу вытоптаны. Беженцы разбросали свои пожитки повсюду – чемоданы, тележки, теплую одежду, нести которую слишком тяжело, а надеть на себя – жарко; попадались даже подушки.

Вианна спустилась на первый этаж и осторожно повернула ключ в замке. Прислушалась – тишина. Наконец отважилась повернуть ручку и отворить дверь.

Огород погиб. Они выдрали все, что выглядело хотя бы отчасти съедобным, оставив после себя лишь сломанные стебли и вытоптаные грядки.

Охваченная отчаянием, Вианна обогнула дом. Задний двор тоже разорен. Разрушено все.

Она уже собиралась вернуться в дом, но тут услышала странный звук. Какое-то хныканье. Словно детский плач.

Вот опять. Неужели кто-то бросил младенца?

Вианна подкралась к беседке, увитой жасмином и розами.

Свернувшись клубочком, прямо на земле лежала Изабель – платье изорвано в клочья, лицо в порезах и синяках, левый глаз заплыл, а к корсажу приколот листок бумаги.

– Изабель!

Подбородок сестры слегка дернулся, она приоткрыла один воспаленный глаз.

– Ви, – произнесла она надтреснутым, сухим голосом. – Спасибо, что не позволила войти в дом.

Вианна опустила на колени, склонилась к сестре:

– Изабель, ты вся в крови. Тебя...

Изабель не сразу поняла, что имеет в виду сестра.

– А, нет. Кровь не моя. Ну, по большей части не моя. – Она огляделась по сторонам: – А где Гаэт?

– Кто?

Изабель с трудом поднялась на ноги, покачнулась.

– Он что, бросил меня? Нет, правда. – Она заплакала. – Он ушел без меня.

– Пойдем, – тихо позвала Вианна.

Она провела сестру в прохладу дома, где та сбросила стоптанные грязные туфли и поплелась в ванную, оставляя кровавые следы на лестнице.

Пока Вианна подогревала воду и наполняла ванну, Изабель сидела на полу, раскинув грязные ноги, бормотала себе под нос и размазывала слезы по пыльным щекам.

Когда ванна была готова, Вианна помогла Изабель раздеться. Та покорно подчинилась и только всхлипывала от боли.

Вианна расстегнула некогда красное платье Изабель, стянула его, боясь, что сестра рухнет от малейшего неосторожного движения. Кружевное белье Изабель местами было в пятнах крови. Вианна распустила завязки, осторожно сняла его.

Стиснув зубы, Изабель забралась в ванну.

– Откинься назад.

Вианна пустила струю теплой воды на голову сестры, стараясь не попасть на лицо. Отмывая спутанные волосы и израненное тело, она все время лепетала какую-то бессмысленную успокаивающую ерунду. Потом помогла сестре выбраться из ванны, вытерла ее мягким белоснежным полотенцем, натянула ночную рубашку, благоухающую лавандой и розовой водой.

– Может, поспишь?

– Поспишь... – пробормотала Изабель, и голова ее бессильно качнулась.

Изабель едва добралась до кровати, глаза ее закрывались. Уснула она прежде, чем голова коснулась подушки.

Изабель проснулась в темноте.

Где она?

Она села в кровати так резко, что голова закружилась. Перевела дыхание, огляделась.

Спальня в Ле Жарден. Ее старая комната. Никаких теплых чувств. Как часто мадам Жуть запирала ее здесь «для ее же блага»?

– Не думай об этом, – вслух произнесла она.

Но тут же всплыли гораздо худшие воспоминания. Гаэтон. Он бросил ее. И тут же всепоглощающее чувство разочарования, так хорошо знакомое, накрыло ее.

Неужели она *ничему* не научилась в жизни? Люди бросают. Это она знала. Они бросают всех, но особенно – ее.

Изабель надела бесформенное синее домашнее платье, которое Вианна оставила в изножье кровати, спустилась по узкой лестнице, держась за металлические перила. Каждый отдающийся болью шаг казался маленькой победой.

Внизу было тихо, только радио едва слышно бормотало что-то. А, Морис Шевалье поет о любви. *Прелестно*.

Вианна, в клетчатом фартуке поверх желтого домашнего платья, хлопотала в кухне. Волосы подвязаны цветастым платком. Она чистила картошку, а в чугунном котелке уже аппетитно булькало.

От запахов рот наполнился слюной.

Вианна бросилась ей навстречу, подтащила стул:

– Садись.

Изабель устало опустилась на стул. А Вианна уже протягивала ей тарелку: ломоть еще теплого хлеба, треугольник сыра, горка айвового пюре и несколько ломтиков ветчины.

Красной, в ссадинах, рукой Изабель поднесла к лицу хлеб, вдохнула его дрожжевой запах. Рука дрожала, когда она, ухватив нож, намазывала хлеб сыром и джемом. Изабель откусила кусочек – лучшая еда в ее жизни. Хрустящая хлебная корочка, воздушная нежная мякоть, кремовый сыр – она едва не упала в обморок. А потом уплетала как безумная, едва заметив чашку *café noir*, что поставила перед ней сестра.

– А где Софи? – с набитым ртом поинтересовалась Изабель. Невозможно оторваться от еды, даже ради приличия. Она потянулась за персиком, надкусила его пушистую спелую кожицу. Сок потек по подбородку.

– У соседей, играет с Сарой. Помнишь мою подружку Рашель?

– Помню.

Вианна налила себе чашку крепкого кофе и присела за стол к сестре.

Изабель сыто рыгнула, прикрыв рот ладонью.

– Извини.

– Думаю, мы можем не обращать внимания на изящные манеры, – улыбнулась Вианна.

– О, ты не знаешь мадам Дюфур. Она бы дала мне кирпичом по башке за такое преступление. – Снова разболелся живот, подступила тошнота. Она отерла подбородок рукавом. – Какие новости из Парижа?

– Над Эйфелевой башней развевается флаг со свастикой.

– А как папа?

– Говорит, в порядке.

– Держу пари, переживает из-за меня, – с горечью произнесла Изабель. – Не надо было ему меня отсылать. Но когда он поступал иначе?

Они коротко переглянулись. Одно из немногих общих воспоминаний, эта общая неприкаянность и брошенность, но Вианна определенно не хотела об этом вспоминать.

– Говорят, беженцев больше десяти миллионов.

– Никогда не видала таких огромных толп, – согласилась Изабель. – И в основном женщины и дети, Ви, да еще старики. А они просто... просто расстреливали нас.

– Но все уже позади, – вздохнула Вианна, – давай думать о хорошем. Кто такой Гаэтон? Ты вчера все время повторяла это имя.

Изабель ковырнула подсохшую царапину на запястье, слишком поздно сообразив, что не надо бы этого делать. Ранка опять начала кровить.

– Может, он как-то связан с этим, – нарушила Вианна затянувшееся молчание и вытащила из кармана фартука скомканный клочок бумаги. Записка, которая была приколоты к платью Изабель. На бумаге грязные отпечатки окровавленных пальцев и три слова: *Ты не готова.*

Изабель почувствовала, как мир уходит из-под ног. Дурацкая детская реакция, она прекрасно понимает, но все равно очень и очень больно. Он ведь хотел взять ее с собой, пока не поцеловал. Но каким-то образом почувствовал ее несостоятельность.

– Да никто он, – сухо бросила Изабель, забирая у Вианны записку. – Просто парень с хитрой мордой, лгун и мошенник. Никто. – И продолжила, глядя прямо в глаза Вианны: – Я уйду на фронт. И мне

плевать, кто и что подумает. Я могу водить санитарную машину или перевязывать раненых. Все что угодно.

– О, ради всего святого, Изабель. Париж оккупирован. Нацисты в городе. Что может сделать восемнадцатилетняя девчонка?

– Я не собираюсь прятаться в деревне, пока нацисты уничтожают Францию. Будем откровенны, ты никогда не испытывала ко мне родственных чувств. – Лицо ее стало жестким. – Я уйду, как только смогу передвигаться.

– Изабель, здесь ты в безопасности. Только это имеет значение. Ты должна остаться.

– В безопасности? – презрительно фыркнула Изабель. – Вианна, ты действительно считаешь, что это самое важное? Я скажу тебе, что я видела своими глазами. Французскую армию, которая бежит от врага. Бошей, которые безнаказанно убивают мирных жителей. Ты, если угодно, можешь не обращать на это внимания, но я – нет.

– Ты останешься здесь. И не будем больше это обсуждать.

– Да когда я была в безопасности рядом с тобой, Вианна? – горько сказала Изабель и увидела боль в глазах сестры.

– Я была молода. И пыталась стать матерью для тебя.

– О, прошу, давай не будем начинать с вранья.

– После того как я потеряла ребенка...

Изабель отвернулась, поднялась и поковыляла к двери, пока сестра не успела произнести что-нибудь непоправимое. Стиснув руки, чтобы не дрожали. Вот *именно поэтому* она не хотела возвращаться в этот дом и встречаться с сестрой, именно поэтому столько лет здесь не появлялась. Слишком больно. Она включила радио погромче, заглушая собственные мысли.

– ...Маршал Петен обращается к вам... – донеслось из динамика сквозь потрескивания.

Изабель нахмурилась. Петен – герой Великой войны, всеми уважаемый национальный лидер.

Вианна тоже подошла поближе, прислушиваясь.

– ...Я принимаю руководство правительством Франции...

Помехи заглушали его голос. Изабель нетерпеливо покрутила ручку громкости.

– ...Наша героическая армия, достойная славных военных традиций прошлого, отважно сражающаяся против врага,

превосходящего по мощи и численности...

Опять помехи. Изабель постучала по радиоприемнику, прошипела сердито:

– Да чтоб тебя!

– ...В это тяжкое время я думаю о несчастных беженцах, заполнивших сейчас дороги Франции, об их невероятных страданиях. Я выражаю им свое сочувствие и тревогу об их судьбе. С тяжелым сердцем говорю я вам сегодня, что необходимо прекратить борьбу.

– Мы победили? – растерянно спросила Вианна.

– Ш-ш-ш, – раздраженно отмахнулась Изабель.

– ...Вчера я обратился к противнику с вопросом, готов ли он обсудить со мной, как солдат с солдатом, с достоинством и уважением, условия прекращения боевых действий, дабы положить конец войне.

Старческий голос продолжал бубнить что-то о «тяжелых днях» и «прекратить страдания» и, самое гнусное, – о «судьбах родины». А потом он произнес слово, которое Изабель и представить не могла в устах француза.

Капитуляция.

Изабель, спотыкаясь, едва волоча израненные ноги, вышла во двор – ей срочно нужен был поток свежего воздуха.

Франция. *Сдается.* Гитлеру.

– Должно быть, все к лучшему, – спокойно заметила сестра.

И откуда она тут взялась?

– Ты же знаешь маршала Петена. Он безусловный герой. Если он говорит, что мы должны прекратить борьбу, значит, мы так и должны поступить. Уверена, он сумеет договориться с Гитлером. – И Вианна потянулась к сестре.

Изабель отшатнулась. От одной мысли, что Вианна начнет ее утешать, снова к горлу подкатила тошнота.

– С такими людьми, как Гитлер, нельзя *договариваться*.

– То есть ты знаешь больше, чем наши национальные герои?

– Я знаю, что мы не должны сдаваться.

Вианна недовольно цокнула языком, сдержанно демонстрируя раздражение.

– Если маршал Петен полагает, что капитуляция – лучший выход для Франции, так оно и есть. Временно. По крайней мере, военные действия закончатся и наши мужчины вернутся домой.

– Ты просто дура.

– Отлично. – Развернувшись, Вианна вернулась в дом.

Приложив ладонь к глазам, Изабель смотрела в безоблачное голубое небо. Как долго еще оно будет оставаться таким же голубым, прежде чем в нем загудят немецкие самолеты?

Изабель не могла сказать, сколько она простояла вот так, представляя худшее – вспоминая, как боши поливали огнем беззащитных детей и женщин в Туре, как трава становилась красной от крови.

– Тетя Изабель? – словно издалека донесся тонкий голосок. Она медленно обернулась.

У калитки Ле Жарден стояла милая девчушка. Кожа фарфорово-белая, как у матери, выразительные глаза, издалека казавшиеся угольно-черными, темные, как у отца. Малышка словно сошла со страниц детской книжки – Белоснежка или Спящая красавица.

– Нет, ты не можешь быть Софи, – улыбнулась Изабель. – В прошлый раз, когда я тебя видела, ты... ты сосала большой палец.

– Я до сих пор это иногда делаю, – заговорщически улыбнулась Софи. – Никому не расскажешь?

– Я? Да я самый главный хранитель секретов, – Изабель направилась к девочке, все время повторяя про себя: *моя племянница. Семья.* – А теперь я тоже должна поведать тебе какой-нибудь свой секрет, чтобы все было по-честному?

Софи нетерпеливо кивнула.

– Я могу становиться невидимой.

– Неправда.

В дверях дома появилась Вианна.

– Спроси у мамы. В свое время я сумела сбежать из монастырского подземелья, вылезти через окно и забраться в поезд. И все потому, что умею исчезать бесследно.

– Изабель... – предупреждающе начала Вианна.

Софи не сводила замороженных глаз с тетушки:

– Правда?

– Исчезать легко. – Изабель покосилась на сестру. – Когда никто не обращает на тебя внимания.

– Но я смотрю на тебя, – сказала Софи. – Можешь сейчас исчезнуть?

Изабель расхохоталась:

– Ну конечно, нет. Магия должна быть неожиданной. Ты не согласна? А сейчас давай сыграем в шашки?

Восемь

Капитуляция оказалась горькой пилюлей, но ведь маршал Петен – достойный, благородный человек. Герой прошлой войны с Германией. Да, он стар, но Вианна разделяла точку зрения, согласно которой возраст лишь позволяет человеку лучше видеть перспективы с высоты своего опыта. Маршал придумал способ вернуть домой солдат, чтобы не повторились кошмары Великой войны.

Вианна понимала то, чего не могла уразуметь Изабель: Петен подписал капитуляцию, чтобы спасти жизни французов, сохранить нацию и французский образ жизни. Да, условия капитуляции тяжелы: Франция разрезана пополам, разделена на две зоны. Оккупированная Зона – северная часть страны и Атлантическое побережье (включая Карриво) – переходила в руки нацистов. Центр страны, земли к югу от Парижа и до моря становились Свободной Зоной, под руководством французского правительства в Виши во главе с маршалом Петеном, в сотрудничестве с нацистами.

Сразу после капитуляции Франции начали пропадать продукты. Хозяйственное мыло исчезло совсем. На продовольственные карточки особенно рассчитывать не приходилось. Телефонная связь стала ненадежной, как, впрочем, и почта. Нацисты намеренно обрывали контакты между городами и районами страны. Единственный разрешенный вариант почтовых сообщений – официальные немецкие открытки. Но, по мнению Вианны, это не худшая из перемен.

Изабель сделалась абсолютно невыносимой. С того дня, как объявили о капитуляции, Вианна не раз замечала, как сестра стоит у дальних ворот сада и смотрит в небо, словно темный ужас рушится на нее сверху.

Она постоянно твердила только о чудовищной жестокости наци и их намерении стереть Францию с лица земли. Изабель совершенно не может вовремя замолчать, и, поскольку Вианна отказывалась слушать эти бредни, единственной аудиторией оставалась Софи, ее верный паж. Изабель забивала голову несчастной Софи жуткими образами грядущего, и малышку даже мучили ночные кошмары. Вианна старалась не оставлять их вдвоем и сегодня, как и в предыдущие дни,

взяла сестру и дочь с собой в город – выяснить, что удастся получить по карточкам.

Вот уже два часа они стояли в очереди к мяснику, и все это время Изабель возмущалась и негодовала. Ей, вероятно, не приходило в голову, что еду приходится покупать.

– Вианна, гляди, – прошептала вдруг Изабель. И еще более страстно: – Вианна. *Да посмотри же.*

Вианна обернулась – просто чтобы сестра отвязалась – и увидела их.

Немцы.

По всей улице с треском захлопывались окна и двери. Люди стремительно скрывались в домах, и в мгновение ока рядом с Вианной остались только дочь и сестра. Опомившись, она схватила Софи за руку и потащила к закрытой двери лавки.

Изабель решительно шагнула на мостовую.

– Изабель! – шикнула Вианна, но сестра даже не обернулась, зеленые глаза на бледном, исцарапанном и покрытом синяками лице пылали ненавистью.

Военный грузовик резко затормозил прямо перед Изабель. В кузове сидели солдаты, небрежно держа на коленях винтовки. Такие молоденькие солдатики, гладко выбритые, в новеньких касках, с сияющими на груди медальками. Да, очень молодые. Никакие не чудовища, просто мальчишки. Вытянув шеи, старались рассмотреть, почему вдруг остановились. Увидев Изабель, заулыбались, приветственно замахали руками.

Вианна все-таки сумела оттащить сестру с дороги.

Колонна проследовала мимо – поток мотоциклов, машин, грузовиков, затянутых маскировочной сеткой. Даже танки прогрохотали по брусчатке. А потом появились солдаты.

Две длинные колонны маршем вошли в город. Изабель дерзко двинулась рядом с колонной, по улице Виктора Гюго. Немцы махали ей и вообще больше были похожи на туристов, чем на захватчиков.

– Мама, не отпускай ее одну, – перепугалась Софи.

– Черт! – Стиснув ладошку Софи, Вианна ринулась следом за сестрой. Они догнали ее только в конце квартала.

Городская площадь, обычно людная, сейчас опустела. Только несколько человек рискнули поглазеть, как немецкие машины

останавливаются у здания мэрии.

Появился офицер – по крайней мере, Вианна решила, что это офицер, судя по тому, как он начал выкрикивать приказы.

Солдаты заполнили старинную площадь, нагло утверждая свое присутствие. Они сорвали флаг Франции и вывесили вместо него нацистское знамя: огромная черная свастика на красно-черном фоне. Подняв флаг, замерли по стойке смирно, вскинули правые руки и проорали *Heil Hitler*.

– Будь у меня оружие, – сказала Изабель, – я бы показала им, что мы не сдались.

– Тихо! – всполошилась Вианна. – Нас всех убьют из-за твоего длинного языка. Пошли отсюда.

– Нет. Я хочу...

Вианна резко развернула сестру к себе лицом:

– Довольно. Ты *не посмеешь* привлекать к нам внимание. Ясно тебе?

Изабель бросила еще один полный ненависти взгляд в сторону солдат и все же позволила Вианне увести себя с площади.

Свернув с главной улицы, они через узкий проход в стене пробрались в переулок за галантерейной лавкой. Сюда доносилось пение солдат. Потом раздался выстрел. И еще один. Кто-то вскрикнул.

Изабель застыла на месте.

– Даже не думай, – предупредила Вианна. – *Пойдем*.

Они шли сумрачными переулками, прячась в дверных проемах, едва слышав поблизости голоса. Пришлось довольно долго выбираться из города, но в конце концов они все же оказались на пыльной грунтовке. В полном молчании миновали кладбище и поспешили к дому. Переступив порог, Вианна торопливо захлопнула дверь и тут же заперла ее.

– Ну, ты видишь? – немедленно начала Изабель. Она еле дождалась, когда можно будет устроить скандал.

– Ступай в свою комнату, – велела Вианна дочери. Что бы ни собиралась сообщить Изабель, Софи не стоит этого слышать.

Вианна устало стянула шляпку, поставила на место пустую корзинку. Руки у нее дрожали.

– Они явились сюда из-за аэродрома. – Изабель расхаживала по кухне и гневно рассуждала. – Не думала, что все произойдет так

быстро, даже с учетом капитуляции. Я не могла поверить... Надеялась, что наши будут сражаться, несмотря ни на что. А я-то рассчитывала...

– Прекрати грызть ногти. Расковыряешь до крови.

Изабель, мечущаяся по дому с растрепанными длинными волосами, с синяками на лице, выглядела абсолютно безумной.

– Наци *здесь*, Вианна. В Карриво. Их флаг развевается над мэрией, так же как над Триумфальной аркой и Эйфелевой башней. Они не пробыли в городе и пяти минут, как началась стрельба.

– Война уже закончилась, Изабель. Так сказал маршал Петен.

– Война закончилась? *Закончилась?* Ты что, не видела их, с этими флагами, винтовками, с их наглой бесцеремонностью? Надо убираться отсюда, Ви. Хватать Софи и бежать из Карриво.

– Куда?

– Куда угодно. В Лион, например. В Прованс. Как называется городок в Дордони, где мама родилась? Брантом. Мы могли бы отыскать ее подругу, из басков, как ее? Мадам Бабино. Она нам помогла бы.

– У меня от тебя голова разболелась.

– Голова – самая меньшая из твоих проблем. – Изабель вновь принялась мерить шагами кухню.

– Не сходи с ума, – ласково проговорила Вианна, подходя к сестре и обнимая ее. – Ты же не станешь делать глупостей, верно?

Изабель только фыркнула раздраженно, ринулась наверх и громко хлопнула дверью своей комнаты.

Капитуляция.

Это слово преследовало Изабель. Ночью, в тишине гостевой спальни она лежала, уставившись в потолок; досада и бессилие оказались настолько сильны, что мешали мыслить трезво.

Предполагается, что она так и просидит всю войну в этом доме, как беспомощная девочка, будет послушно стирать, мыть полы и судачить с соседками в очереди за продуктами? Будет спокойно наблюдать, как враги вывозят богатства Франции?

Она всегда была одинока и несчастна – по крайней мере, сколько себя помнила. Но никогда – настолько. Застряла в этой деревне, а вокруг ни друзей, ни единомышленников. И ничего не поделаешь.

Впрочем, нет.

Есть кое-что ей по силам. Даже здесь, даже сейчас.

Спрятать ценности.

Все, что пришло в голову. Немцы примутся грабить дома местных жителей, уж в этом-то она не сомневалась, а потом начнут вывозить все ценное. Французское правительство – жалкие трусы – тоже об этом знало, вот почему они вывезли коллекции Лувра, а вместо шедевров вывесили в музее копии.

– Не самый грандиозный план, – пробормотала она себе под нос. Но лучше чем ничего.

На следующий день, когда Вианна и Софи ушли в школу, Изабель приступила к делу, проигнорировав просьбу Вианны сходить в город за продуктами. Она видеть не может этих наци, и нет ничего страшного в том, чтобы денек посидеть без мяса. Изабель перерыла весь дом, открыла шкафы, обшарила комоды и сундуки, даже заглянула под все кровати. Собрав все мало-мальски ценное, она разложила добычу на столе в гостиной. Целая куча фамильных ценностей: кружева, сплетенные прабабушкой, солонка и перечница из чистого серебра, тетушкино блюдо лиможского фарфора, несколько небольших картин в стиле импрессионистов, скатерть тончайшего алансонского кружева, альбомы с фотокарточками, снимок Вианны, Антуана и крошки Софи в серебряной рамке, мамин жемчуг, свадебное платье Вианны и всякое прочее. Изабель затолкала все, что могло уместиться, в кожаный кофр и потащила его во двор. Она волокла свой груз прямо по траве, вздрагивая всякий раз, когда саквояж стучался о камень. Доковыляв до сарая, она вся взмокла и едва переводила дух.

Сарай оказался меньше, чем она помнила. Сеновал – единственное место на свете, где она была счастлива, – стал всего лишь крошечным дощатым балконом под крышей, сквозь которую видно было небо. Сколько же часов она провела здесь в одиночестве, разглядывая книжки с картинками, представляя, что кто-нибудь забеспокоится о ней и станет разыскивать? В ожидании сестры, которая вечно была то с Рашель, то с Антуаном?

Так, долой воспоминания.

Сарай был не больше тридцати футов шириной. Прадедущка выстроил его, чтобы держать здесь двуколку – у семьи тогда водились деньги, сейчас здесь стоял только старенький «рено». В стойлах свалены детали трактора, какие-то доски и ржавые инструменты.

Изабель оглядела автомобиль. Водительская дверь, скрипнув, с трудом приоткрылась. Она забралась на сиденье, завела мотор, тронулась с места и тут же остановилась.

Вот он, люк в подвал, пять футов в длину, четыре в ширину, из досок, стянутых кожаными ремнями. Вход был практически незаметен, особенно сейчас, присыпанный трухой и лежалой соломой. Изабель приподняла крышку люка, прислонила к помятому бамперу автомобиля и вгляделась в душную темноту подвала.

Придерживая саквояж за кожаные ремни, она включила фонарик, сунула его под мышку и осторожно сползла по деревянной лесенке вместе со своим грузом.

Как и верхнее помещение, это тайное убежище в детстве казалось куда больше. В ширину восемь футов, в длину десять, вдоль одной стены полки, на грязном полу – старые матрасы. Полки изначально предназначались для бочонков с вином, но теперь там пылилась одна керосиновая лампа.

Затолкав саквояж в дальний угол, Изабель вернулась в дом, набрала консервов, одеял, кое-каких лекарств, прихватила отцовское охотничье ружье и бутылку вина, утащила все это в сарай и разложила на полках в подвале.

Выбравшись наверх, она наткнулась на Вианну.

– Что, Бога ради, ты тут делаешь?

– Прячу ваши ценности, – деловито вытирая руки о подол юбки, сообщила Изабель. – И делаю припасы – на тот случай, если придется прятаться от нацистов. Спустись и глянь. Думаю, я неплохо поработала.

Вианна спустилась за сестрой в темноту подвала, где Изабель, включив фонарь, гордо продемонстрировала еду, лекарства и отцовское ружье.

Но Вианну интересовала лишь материнская шкатулка с драгоценностями.

Брошки, серьги, ожерелья, по большей части бижутерия. Но на самом дне, на синем бархате, – жемчуг, который бабушка надевала в день своей свадьбы и подарила его маме, тоже к свадьбе.

– Вдруг придется когда-нибудь продать, – заметила Изабель.

Вианна решительно захлопнула шкатулку:

– Это фамильные драгоценности, Изабель. На свадьбу Софи – и твою. Я их никогда не продам. – Нетерпеливо вздохнув, она обернулась к сестре: – А что ты раздобыла для нас в городе?

– Я занималась другим делом.

– Ну разумеется. Гораздо важнее спрятать мамин жемчуг, чем накормить ужином племянницу. Нет, ну правда, Изабель... – Вианна, не скрывая раздражения, полезла наверх.

Изабель закрыла подвал, поставила «рено» на прежнее место над люком. Потом спрятала ключи от машины за отломанной доской в стойле. В последний момент вытащила еще крышку распределителя зажигания и спрятала вместе с ключами.

Когда она вернулась в дом, Вианна уже хлопотала в кухне, жарила картошку.

– Надеюсь, ты не проголодалась.

– Нисколько. – Изабель гордо прошла мимо, стараясь не встречаться взглядом с сестрой. – Ах да, я спрятала ключи и крышку распределителя в первом стойле, за отломанной доской.

В гостиной, включив радио, она под села поближе в надежде поймать новости Би-би-си.

Сначала из приемника доносился только треск помех, а потом незнакомый голос произнес:

– Говорит Би-би-си. Слушайте обращение генерала де Голля.

– Вианна! – прокричала Изабель в сторону кухни. – Кто такой генерал де Голль?

Вианна появилась на пороге, вытирая руки фартуком:

– Что?..

– Тихо! – оборвала ее Изабель.

– ...Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство. Ссылаясь на поражение нашей армии, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить боевые действия.

Изабель застыла на месте, не сводя глаз с деревянного ящичка радио. Человек, о котором они никогда прежде не слышали, обращался к народу Франции; говорил не от их имени, как Петен, но с ними, говорил страстно и убежденно.

– Это была жалкая отговорка! *Я знала!*

– ...Конечно, нас подавили и продолжают подавлять механизированные, наземные и воздушные силы противника. Нас вынуждает отступать не столько численное превосходство немцев, сколько их танки, самолеты, их тактика. Именно танки, самолеты, тактика немцев до такой степени застали врасплох наших руководителей, что ввергли их в то положение, в котором они сейчас находятся. Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет!

– Бог мой... – прошептала Изабель. Именно этих слов она ждала. Вот оно, ее дело, вот она, борьба, в которой нужно участвовать. Капитуляция не окончательна.

– Что бы ни произошло, – продолжал де Голль, – пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет.

Изабель даже не замечала, как текут слезы. Французы не сдались. И теперь все, что она должна сделать, это ответить на призыв.

Два дня спустя оккупанты приказали всем жителям Карриво собраться на центральной площади. Всем без исключения. И все равно Вианне пришлось до хрипоты спорить с Изабель, убеждая ту пойти. Изабель, как всегда, считала, что общие правила ее не касаются, и полагала, что демонстративное неповиновение выражает ее отношение к захватчикам. Как будто нацистам было дело до дерзкой восемнадцатилетней девицы.

– Стойте здесь, – раздраженно приказала Вианна, когда сумела наконец вытащить Изабель и Софи из дома. Она старательно прикрыла сломанные ворота. Раздался тихий щелчок.

Мгновение спустя на дороге появилась Рашель с малышом на руках, Сара шла рядом.

– Это моя лучшая подруга, ее зовут Сара, – сообщила Софи, внимательно глядя на Изабель.

– Изабель, – издали заулыбалась Рашель, – рада видеть тебя.

– Правда? – усомнилась Изабель.

– Это было давным-давно, – мягко отозвалась Рашель, приближаясь, – мы были молоды, глупы и эгоистичны. Мне очень жаль, что мы дурно обходились с тобой. Не обращали на тебя внимания. Это, наверное, было ужасно обидно.

Изабель потрясенно открыла рот, закрыла. Впервые она не нашлась что ответить.

– Пойдемте уже. – Вианна была раздосадована тем, что Рашель сказала то, на что никак не решалась она сама. – Нельзя опаздывать.

Хотя день клонился к закату, стояла жара. В городе они смешались с людьми, что шли и шли по узким улочкам. Магазины не работали, все окна плотно закрыты, несмотря на удушающее пекло. Витрины по большей части пусты, что неудивительно. Немцы едят неприлично много, но, что еще хуже, они многое оставляют недоеденным на тарелках. Беспардонность и неряшливость – вот что это такое, в то время как матери уже пересчитывают банки с домашними заготовками в кладовках, аккуратно разделяя между детьми каждый драгоценный кусочек. Повсюду нацистская пропаганда – листовки на всех стенах и витринах. Плакаты, на которых немецкие солдаты ослепительно улыбаются в толпе французских ребятишек; подписи утверждают, что французы радостно приветствуют оккупантов и готовы стать добрыми гражданами рейха.

Приближаясь к ратуше, люди замолкали. На площади стало еще страшнее. Подчиняясь командам, все понурой вереницей тянулись к дверям, около которых стоял караул.

– Не надо туда ходить, – пробормотала Изабель.

Рашель, стоявшая между сестрами, предупреждающе цыкнула.

– Нас же вызвали, – сказала она, нежно похлопывая по спинке малыша, тихо сидевшего у нее на руках.

– Очень убедительная причина смыться отсюда, – возразила Изабель.

– Мы с Софи идем, – отрезала Вианна, хотя должна была признать, что в глубине души ее мучило дурное предчувствие.

– У меня дурное предчувствие, – буркнула Изабель, словно угадав ее мысли.

Мрачной тысяченожкой толпа вползла в парадный зал. Прежде стены его украшали гобелены, остатки роскоши королевских времен, когда долина Луары была охотничьими угодьями монархов, но теперь на стенах красовались полотнища со свастикой, пропагандистские плакаты – *Доверься Рейху!* – и огромный портрет Гитлера.

Под портретом стоял офицер в черной форме, с медалями и железными крестами, в бриджах и начищенных до блеска башмаках.

Правый бицепс затянут красной повязкой со свастикой.

Зал заполнился, солдаты закрыли протестующе скрипнувшие двери. Офицер обернулся лицом к собравшимся, вскинул правую руку и громко крикнул:

– *Heil Hitler!*

Толпа что-то невнятно проворчала в ответ. А что они должны были сделать? *Heil Hitler* – нехотя отозвалось несколько человек. В зале отчетливо запахло человеческим потом, сигаретным дымом и ваксой для обуви.

– Я – штурмбанфюрер Вельдт из тайной государственной полиции, гестапо, – с сильным акцентом сообщил человек в черном. – Я здесь для того, чтобы выполнять условия перемирия от имени фатерланда и фюрера. Тем из вас, кто соблюдает правила, неудобств будет немного.

Он выдержал паузу и откашлялся.

– Правила: все радиоприемники сдать нам здесь, в ратуше, немедленно, также все оружие, взрывчатые вещества и боеприпасы. Все исправные транспортные средства будут конфискованы. Все окна должны быть затемнены. В девять вечера – комендантский час. Когда стемнеет – никакого освещения. Мы берем на учет все продовольствие, которое производится здесь или импортируется. – Он помолчал, разглядывая людей, стоящих перед ним. – Не так плохо, да? Мы будем жить мирно и дружно, да? Но вы должны знать. Любое сопротивление, или саботаж, или шпионаж будут пресекаться немедленно и беспощадно. Наказание – смертная казнь.

Он вытащил из нагрудного кармана портсигар, достал сигарету. Закурив, пристально всмотрелся в лица собравшихся, словно запоминая каждого.

– Также, хотя многие из ваших жалких трусливых солдат возвращаются по домам, должен сообщить, что все военнопленные останутся в Германии.

Смущенный шепот, замешательство среди горожан. Вианна взглянула на Рашель, лицо которой даже покрылось пятнами от волнения.

– Марк и Антуан вернутся домой, – упрямо проговорила она.

А штурмбанфюрер продолжал:

– Сейчас можете идти. Я уверен, мы поняли друг друга. Здесь останутся офицеры, до восьми сорока пяти вечера. Они будут принимать вашу контрабанду. Не опаздывайте. И... – добродушно осклабился он, – не подвергайте свою жизнь опасности, не держите дома радио. Все, что вы сохраните – или спрячете, – мы найдем, а если мы найдем... смерть.

Он произнес это так буднично, с такой милой улыбкой, что страшный смысл просто не укладывался в голове.

Люди некоторое время постояли в нерешительности, не понимая, можно ли уже расходиться. Никто не хотел совершать первый шаг, но потом внезапно все пришло в движение, народ ринулся к раскрытым дверям, наружу, на воздух.

– Ублюдки! – выпалила Изабель, едва они свернули в переулок.

– А я была уверена, что нам позволят оставить оружие. – Рашель раскурила сигарету, глубоко и торопливо затягиваясь.

– Я припрятала оружие, не волнуйся, – во весь голос сообщила Изабель. – И радио тоже.

– Да тише же! – испугалась Вианна.

– Генерал де Голль думает...

– Не желаю слушать этот бред. Мы должны сидеть тихо и не высовываться, пока не вернутся наши мужчины.

– Боже ты мой, – ехидно произнесла Изабель. – Полагаешь, твой муж вернется и все наладит?

– Нет, – отозвалась Вианна. – Уверена, это *ты* все наладишь, вместе со своим генералом де Голлем, о котором никто слыхом не слыхивал до сих пор. Так, пошли. Пока ты строишь планы спасения Франции, мне нужно заняться садом. Пойдем, Рашель. Нам, безмозглым, не место рядом с ними.

Ухватив Софи за руку, Вианна устремилась вперед по улице. Она даже не обернулась проверить, идет ли Изабель следом. Сестра все еще прихрамывала. В нормальной обстановке Вианна, разумеется, держалась бы рядом с Изабель, хотя бы из вежливости, но сейчас она была слишком взбешена, чтобы беспокоиться о таких пустяках.

– Возможно, твоя сестра не так уж не права, – задумчиво сказала Рашель, когда они миновали норманнскую церковь на окраине городка.

– Если ты примешь ее сторону, я вынуждена буду тебя поколотить, Рашель.

– Я просто считаю, что она не во всем не права.

– Только ей этого не говори, – вздохнула Вианна. – Она и так невыносима.

– Она освоит правила.

– Вот *ты ее* и учи. До сих пор она доказывала полную невосприимчивость к доводам рассудка и воспитанию. Она училась в двух пансионах, но так и не умеет ни поддержать беседу, ни промолчать. Два дня назад она, вместо того чтоб сходить в город за продуктами, прятала ценности и устраивала нам убежище в сарае. Просто на всякий случай.

– Мне бы, кстати, тоже надо этим заняться. Не то чтоб у нас было много добра, но...

Вианна сжала губы. Ладно, нет смысла это обсуждать. Скоро вернется Антуан, он найдет управу на Изабель.

У ворот Ле Жарден Вианна попрощалась с Рашель и ее детьми.

– А почему мы должны отдать им наше радио, мам? – спросила Софи. – Оно же папино.

– Мы и не должны. – Изабель неслышно возникла за спиной. – Мы его спрячем.

– Мы его не спрячем, – отрезала Вианна. – Мы будем делать, что велят, будем сидеть тихо. Скоро Антуан вернется домой, а он знает, как правильно поступать.

– Добро пожаловать в Средневековье, Софи, – вздохнула Изабель.

Вианна рывком распахнула ворота, совсем позабыв, что беженцы их сломали. Створка повисла на одной петле. Вианне пришлось собрать все свое самообладание, чтобы сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Она решительно прошагала к дому, отперла дверь и сразу же включила свет в кухне.

– Софи, – спокойно сказала она, вынимая булавки из шляпки, – не могла бы ты накрыть на стол?

Вианна не стала обращать внимания на недовольное ворчание дочери. Всего за несколько дней Изабель умудрилась научить племянницу дерзить.

Вианна разожгла плиту и занялась стряпней. Когда картофельный суп с беконом аппетитно забулькал в кастрюле, она уже прибиралась. Изабель, разумеется, куда-то испарилась, когда надо помочь с мытьем посуды. Вианна пустила воду в раковину и, вероятно, так увлеклась

хозяйственными заботами, что не сразу расслышала стук в дверь. Поправляя волосы, она прошла в гостиную, где Изабель как раз поднималась с дивана с книгой в руках. Читает, разумеется, пока Вианна готовит и прибирает.

– Ты кого-то ждешь? – встревоженно спросила Изабель.

Вианна отрицательно качнула головой.

– Может, не стоит тогда открывать. Прикинемся, что никого нет дома.

– Это, скорее всего, Рашель.

Новый стук в дверь.

Дверная ручка медленно повернулась, дверь со скрипом отворилась.

Ну конечно, это Рашель. Кто еще может...

В дом вошел немецкий военный.

– О, простить меня, – произнес он, ужасно коверкая согласные. Снял фуражку, сунул ее под мышку, улыбнулся.

Симпатичный парень – высокий, широкоплечий и стройный, светлая кожа, светло-серые глаза. На вид примерно ровесник Вианны. Форма отглаженная и, кажется, совсем новенькая. Под воротником – железный крест. На груди висит бинокль, а талию охватывает кожаный пояс с инструментами. Позади, за деревьями сада, Вианна разглядела мотоцикл. И сбоку коляска с пулеметом.

– Мадемуазель, – обратился он к Вианне, коротко кивнув и одновременно щелкнув каблуками.

– Мадам, – поправила она, надеясь, что прозвучало это гордо и спокойно, но и сама расслышала, как голос дрожит от страха. – Мадам Мориак.

– Я гауптман, капитан, Вольфганг Бек. – Он протянул ей какую-то бумагу и вновь щелкнул каблуками. – Мой французский не слишком хорош. Вы простить мои промахи, пожалуйста. – Когда он улыбался, на щеках проступали глубокие ямочки.

Вианна поднесла бумагу к глазам и нахмурилась:

– Я не читаю по-немецки.

– Что вам надо? – Изабель встала рядом с сестрой.

– Ваш дом очень уютный и очень близко к аэродрому. Я сразу его приметил. Сколько у вас спален?

– Что? – возмущенно спросила Изабель.

– Три, – ответила Вианна.

– Я определен на постой здесь, – сообщил капитан.

– На постой? – удивилась Вианна. – В смысле... жить?

– Да, мадам.

– На постой? Вы? Мужчина? *Наци*? Нет. Нет! – замахала руками

Изабель. – *Нет*.

Улыбка капитана сделалась еще шире.

– Вы были в городе, – сказал он, глядя на Изабель. – Я видел вас, когда мы приехали.

– Вы запомнили меня?

– Уверен, каждый парень в моем полку, у которого кровь течет в жилах, вас запомнил.

– Забавно, что вы заговорили о крови.

Вианна ткнула сестру локтем.

– Простите, капитан. Моя младшая сестра иногда довольно строптивая. Но дело в том, что я замужем, мой муж на фронте, а дома только мы с сестрой и маленькой дочерью, так что сами понимаете, ваше присутствие здесь не совсем удобно.

– А, так вы предпочитаете совсем освободить дом для меня. Вам это, должно быть, непросто.

– Освободить? – изумилась Вианна.

– Думаю, ты не понимаешь капитана, – заговорила Изабель, пристально глядя прямо в его глаза. – Он переезжает в твой дом, отбирает его у тебя, проще говоря, а эта бумажка – ордер, позволяющий реквизировать все что угодно. Благодаря перемирию Петена, разумеется. Мы имеем право либо уступить ему комнату, либо убираться из дома, не одно поколение принадлежавшего нашей семье.

Офицер явно чувствовал себя неловко.

– Боюсь, что таковы обстоятельства. Многие из ваших земляков оказались перед таким же выбором, боюсь.

– А если мы сейчас уйдем, мы потом сможем получить дом обратно? – спросила Изабель.

– Не думаю, мадам.

Вианна шагнула к офицеру. Вдруг удастся его уговорить?

– Полагаю, мой муж вернется со дня на день. Не согласитесь ли вы подождать, пока он не появится?

– К сожалению, я не генерал. Я простой капитан вермахта. Я подчиняюсь приказам, мадам, а не отдаю их. И мне приказано поселиться здесь. Но вы можете быть уверены, что я джентльмен.

– Мы уйдем, – заявила Изабель.

– Уйдем? – потрясенно оглянулась на сестру Вианна. – Это мой дом. – И обернулась к капитану: – Я могу полагаться на вашу порядочность?

– Безусловно.

Изабель медленно мотала головой.

Вианна понимала, что выбора у нее нет. Она должна позаботиться о Софи, пока не вернется Антуан, а он потом разберется со всеми неприятностями. Он непременно вернется, скоро, ведь перемирие подписано.

– Внизу есть небольшая спальня. Вам там будет удобно.

– Спасибо, мадам, – кивнул капитан. – Я принесу вещи.

Едва за капитаном закрылась дверь, Изабель гневно воскликнула:

– Ты с ума сошла? Мы не можем жить в одном доме с нацистом.

– Он сказал, что он офицер вермахта. Разве это одно и то же?

– Да мне плевать на детали их субординации. Ты не понимаешь, что они намерены здесь устроить, Вианна. А я понимаю, я видела. Мы уйдем. Переедем к соседям, к Рашель. Мы вполне можем пожить у них.

– У Рашель слишком тесно, и вообще я не намерена отдавать немцам свой дом.

На это Изабель нечего было ответить.

Вианна чувствовала, что в горле начинается нестерпимый зуд. Старая нервная болезнь вернулась.

– Можешь уходить, если хочешь, а я дождусь Антуана. Мы капитулировали, он скоро будет здесь.

– Вианна, прошу тебя...

Громко хлопнули ворота. Стук в дверь.

На ватных ногах Вианна подошла к двери, трясущимися руками потянула ручку, отворила.

Капитан Бек стоял на пороге, с фуражкой в одной руке и маленьким кожаным чемоданом в другой.

– Еще раз здравствуйте, мадам, – обратился он к хозяйке, словно его долго не было.

Вианна рассеянно потеряла шею, чувствуя себя удивительно незащитной под взглядом этого мужчины. И торопливо отступила, приглашая:

– Сюда, герр капитан.

Будто новыми глазами она увидела гостиную, которую обставляли и украшали три поколения женщин ее семьи. Оштукатуренные стены цвета свежеиспеченной бриоши, серые каменные полы, покрытые старинными обюссонскими коврами, тяжелая резная мебель, обитая шерстяной и гобеленовой тканью, фарфоровые лампы, красно-золотистые шторы, изящные антикварные вещицы, оставшиеся с тех времен, когда Россиньоли были преуспевающими торговцами. Вплоть до недавнего времени на стенах висели картины, сейчас остались только пустяковые безделушки. Все стоящее спрятала Изабель.

Вианна прошла к маленькой гостевой спальне. Перед закрытой дверью, слева от ванной, пристроенной в двадцатые годы, она помедлила. Офицер дышал ей прямо в спину.

Вианна распахнула дверь. Узкая комнатка с большим окном, серо-голубые шторы спускаются до самого пола. На расписном комодe – голубой кувшин и раукомойник. В углу старинный дубовый шкаф с зеркальными дверцами, около двуспальной кровати – ночной столик, а на нем антикварные часы из золоченой бронзы. Повсюду разбросаны вещи Изабель, как будто та собиралась в долгую поездку. Вианна поспешно сгребла одежду и чемодан сестры. Закончив, обернулась, мучительно пытаясь выдать улыбку, хотя бы из соображений простой вежливости.

– Не беспокойтесь, мадам, – мягко произнес немецкий офицер, – нам строжайше предписано вести себя вежливо. Моя матушка воспитывала меня тоже в строгости, и, откровенно говоря, ее я боюсь гораздо больше, чем генерала.

Это прозвучало настолько просто и естественно, что Вианна растерялась.

Она не понимала, как следует отвечать этому незнакомому мужчине, который одет, как враг, но при этом похож на обычного парня, каких по воскресеньям встречаешь в церкви. И какова цена неверного ответа?

Он стоял, не двигаясь, на почтительном расстоянии.

– Приношу извинения за неудобства, мадам.

– Мой муж скоро вернется домой.

– Мы все надеемся скоро вернуться домой.

И вновь обескураживающее замечание. Вианна кивнула и вышла из комнаты, тщательно прикрыв за собой дверь.

– Скажи, что он не останется здесь, – набросилась на нее Изабель.

– Сама понимаешь, что останется, – устало проговорила Вианна, убирая волосы со лба. Только сейчас она осознала, что вся дрожит, – Я знаю, как ты относишься к нацистам. Просто постарайся, чтобы он об этом не узнал. Я не позволю тебе подвергать риску Софи из-за твоего детского протеста.

– Детского протеста! Да ты...

Дверь гостевой комнаты отворилась, вынуждая Изабель умолкнуть.

Капитан Бек направился прямо к ним, широко улыбаясь. Но, услышав звук радио из гостиной, остановился.

– Не беспокойтесь, дамы. Я с большим удовольствием отнесу ваш приемник в комендатуру.

– Да что вы? – не удержалась Изабель. – Вы в самом деле считаете это любезностью?

Вианна почувствовала, как в груди все сжалось. Щеки сестры побелели, губы сжались в ниточку, глаза прищурены – в душе ее явно бушует шторм. Изабель смотрела на немца так, словно готова была убить его одним взглядом.

– Ну да. – Он, кажется, несколько смутился. Повисшее молчание его нервировало. – У вас красивые волосы, мадемуазель, – неожиданно выпалил он.

Заметив, как нахмурилась Изабель, уточнил:

– Это же уместный комплимент, да?

– Вы так думаете? – чуть более спокойно выдавила Изабель.

– Очень мило, – улыбнулся Бек.

Изабель молча вышла в кухню и тут же появилась с портновскими ножницами в руках.

Улыбка сползла с лица Бека.

– Вы меня не так поняли?

– Изабель, не смей! – воскликнула Вианна, но сестра уже собирала в кулак свои густые светлые локоны. Злобно глядя в глаза капитану Беку, она одним движением отмахнула длинную русую прядь и протянула ему.

– Нам, должно быть, *verboden* иметь что-либо красивое, не так ли, капитан Бек?

Вианна ахнула.

– Прошу вас, господин офицер. Не обращайтесь на нее внимания. Изабель просто глупенькая дерзкая девочка.

– Нет, – вздохнул Бек, – она в гневе. А в гневе люди часто совершают ошибки на войне и погибают.

– Как и оккупанты! – фыркнула Изабель.

Бек расхохотался.

Изабель издала звук, больше всего похожий на злобный рык, стремительно развернулась и бросилась вверх по лестнице. А потом так хлопнула дверью, что весь дом задрожал.

– Советую вам поговорить с ней прямо сейчас, – сказал Бек. Судя по тому, как он смотрел на нее, они понимали друг друга. – Такие... сцены в неподходящем месте могут быть очень опасны.

Оставив Бека в гостиной, Вианна поднялась наверх. Изабель сидела на кровати Софи и прямо тряслась от злости. Царапины на щеках, на шее напоминали о том, что ей довелось пережить. А теперь еще во все стороны торчали криво обрезанные космы.

Вианна швырнула вещи Изабель на свободную кровать.

– Во имя всего святого, о чем ты вообще думаешь?

– Что убью его во сне, просто перережу горло.

– И ты полагаешь, что никто не станет искать капитана, которого определили сюда на постой? Бог мой, Изабель! – Она глубоко вдохнула, чтобы немного успокоиться. – Я понимаю, что у нас с тобой накопились проблемы, Изабель. Понимаю, что я дурно обращалась с тобой, когда ты была ребенком, – я была слишком молода и напугана, чтобы помочь тебе. А папа обходился с тобой еще хуже. Но сейчас дело касается не только нас с тобой, и ты больше не можешь вести себя как вздорная девчонка. Речь о моей дочери. Твоей племяннице. Мы обязаны защитить ее.

– Но...

– Франция капитулировала, Изабель. Тебе прекрасно известен этот факт.

– Ты что, не слышала генерала де Голля? Он сказал...

– Да кто он такой, генерал де Голль? Почему мы должны его слушать? Маршал Петен – герой и наш вождь. Мы должны доверять правительству.

– Ты что, шутишь, Вианна? Правительство в Виши сотрудничает с Гитлером. Ты что, не осознаешь всей опасности? Петен ошибается. Разве можно слепо идти за лидером?

Вианна медленно села рядом с сестрой, она ее почти боялась сейчас.

– Ты не помнишь прошлой войны. – Она ласково взяла руки Изабель в свои. – А я помню. Я помню, как не возвращались домой отцы, мужа и братья. Помню, как плакали мои одноклассники, когда приходили телеграммы со страшными вестями. Помню мужчин на костылях, как болтались их пустые штанины. И безруких помню, и изуродованных. Я помню, каким папа был до войны – и как он изменился, вернувшись. Он пил, хлопал дверьми, орал на нас, а потом просто замолчал. Я помню рассказы про Верден и Сомму, про миллион французов, погибших в окопах, красных от крови. И зверства немцев как часть той войны. Они были чудовищно жестоки, Изабель.

– Так я об этом и твержу. Мы должны...

– Они были жестоки, потому что мы воевали против них, Изабель. И Петен спас нас от повторения этого кошмара. Он спас нас. Он остановил войну. И теперь Антуан и остальные смогут вернуться.

– Вернуться в мир *Heil Hitler*? – печально усмехнулась Изабель. – «Пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет». Вот что сказал де Голль. Мы должны сражаться как можем. За Францию, Ви. Чтобы она осталась Францией.

– Довольно. – Вианна сидела достаточно близко, чтобы прошептать сестре нежное слово или поцеловать ее, но не сделала ни того ни другого. Спокойно и размеренно она распорядилась: – Ты займешь комнату Софи, а она переселится ко мне. И помни, Изабель, он запросто мог расстрелять нас. *Расстрелять*, и никто нас не спас бы. Не смей провоцировать этого офицера в нашем доме.

Похоже, наконец-то до нее дошло. Изабель вся сжалась.

– Я постараюсь придержать язык.

– Не просто постарайся – ты так и сделаешь.

Девять

Закрыв дверь, Вианна прислонилась к ней, пытаясь успокоиться. Она слышала, как Изабель расхаживает по комнате. Злится, наверное, вон даже половицы трещат. Сколько она так простояла, стараясь взять себя в руки? Казалось, несколько часов.

Будь сейчас другое время, она нашла бы в себе силы поговорить с сестрой по-доброму, и, возможно, даже о том, на что так долго не решалась. Она рассказала бы Изабель, как сожалеет, что мало заботилась о ней, как раскаивается. И может, Изабель сумела бы ее понять.

После смерти мамы Вианна оказалась совершенно беспомощна. Когда отец отослал их в этот маленький городок, под присмотр женщины с холодным строгим взглядом, которая не скрывала своего равнодушия к ним, Вианна... совсем упала духом.

В другое время она, может, рассказала бы Изабель, как много у них общего, каким страшным ударом стала для нее мамина смерть, а потом – предательство отца. И о том, как она пришла к нему в свои шестнадцать, счастливая, беременная и влюбленная... а он влепил ей пощечину и грязно обозвал. И как Антуан отшвырнул отца и объявил: «Я женюсь на ней».

И отец ответил: «Отлично, забирай ее. Дом тоже твой. Но заодно тебе придется прихватить и ее вечно вопящую сестрицу».

Вианна прикрыла глаза. Долгие годы она старалась не вспоминать об этом и почти сумела забыть. Да, она поступила с Изабель ровно так же, как отец поступил с ними. И это величайшая вина и ошибка в ее жизни.

Но сейчас не время для врачевания травм. Сейчас она обязана сделать все, что в ее силах, чтобы защитить Софи. Изабель придется просто принять это.

Вздохнув, Вианна направилась вниз – проверить, что там с ужином.

Суп кипел чересчур бурно, она приоткрыла крышку и уменьшила огонь.

– Мадам? Вы прекрасная супница.

Она вздрогнула от неожиданности. Когда он появился? Вианна перевела дыхание, поправила волосы. Он определенно имел в виду нечто иное. Да уж, его французский просто ужасен.

– Благодарю.

– Пахнет очень вкусно. – Он потянул носом. – Можно посмотреть, что вы готовите?

– Пожалуйста. – Оба делали вид, что ее мнение что-то значит. – Обычный картофельный суп.

– Моя жена, к сожалению, не слишком ловка на кухне.

Он стоял рядом с ней, совсем как Антуан, – голодный мужчина с нетерпением дожидается ужина.

– Вы женаты. – Ее странным образом успокоила эта новость, хотя непонятно почему.

– И скоро родится малыш. Мы хотим назвать его Вильгельм. А меня рядом не будет, когда сын появится на свет, и его матери придется в одиночку выбирать ему имя.

Он говорил о таких... человеческих вещах. Вианна чуть повернулась, разглядывая его. Одного с ней роста, и глаза потому оказались вровень с ее.

– Если будет на то воля Господа, мы все скоро вернемся домой, – произнес он.

Он тоже хочет, чтобы все это закончилось.

– Пора обедать, герр капитан. Присоединитесь к нам?

– Почту за честь, мадам. Хотя вас, наверное, будет порадовать, что вечерами я работаю допоздна и буду обедать с офицерами. А еще часто уезжаю на учения. Вы почти не заметите моего присутствия.

Оставив капитана в кухне, Вианна направилась в гостиную накрывать на стол. Там ее поджидала Изабель.

– Ты не должна оставаться с ним с глазу на глаз, – прошипела сестра.

– Вы не можете думать, что я воспользуюсь вашим гостеприимством, а потом... э-э... причину вред? – Капитан неожиданно появился на пороге. – Вот, например, сегодня вечером я принес вино. Отличный «сансер».

– Вы принесли вино, – пробормотала Изабель.

– Как любой нормальный гость, – отозвался он.

О нет, пронеслось в голове Вианны, но она ничего не могла сделать, чтобы удержать Изабель.

– Вы знаете про Тур, герр капитан? – выпалила Изабель. – Как ваши «юнкеры» обстреливали незащищенных женщин и детей, беженцев, как они сбрасывали на них бомбы?

– О? – Лицо у него стало задумчивым.

– Я была там. Видите эти царапины?

– Вот как... – пробормотал он. – Думаю, было очень неприятно.

Зеленые глаза сверкнули. Очень медленно и спокойно Изабель повторила:

– Неприятно.

– Подумай о Софи, – ровным голосом напомнила Вианна.

Стиснув зубы, Изабель натянуто улыбнулась капитану:

– Герр капитан, позвольте я покажу вам ваше место.

Впервые за последний час Вианна смогла перевести дух. И ушла в кухню разливать суп.

Настроение за столом царило мрачное, словно всех накрыло облаком черной копоти. Вианна молча подала еду, нервы ее были на пределе. А за окном садилось солнце, окрашивая розовым все вокруг.

– Не желаете вина, мадемуазель? – обратился Бек к Изабель, наливая себе бокал «сансера».

– Если обычная французская семья не может позволить его себе, герр капитан, и мне оно не доставит удовольствия.

– Возможно, один глоток...

Изабель доела суп и поднялась из-за стола:

– Простите, у меня живот разболелся.

– У меня тоже! – Софи тут же подскочила и поспешила за тетушкой, как щенок за вожаком стаи.

Вианна застыла с поднятой ложкой. Они бросили ее наедине с немцем.

Дыхание перехватило. Она аккуратно опустила ложку, вытерла губы салфеткой.

– Простите мою сестру, герр капитан. Она вздорная и своевольная.

– В точности как моя старшая дочь. Когда она подрастет, нас ждут сплошные неприятности.

– У вас есть дочь? – изумилась Вианна.

– Гизела. – Он криво усмехнулся. – Ей шесть, но ее мать уже сейчас с ней не справляется, не может ее заставить делать самое простое – зубы чистить, например. Наша Гизела скорее построит крепость, чем прочитает книжку.

Новости о его семье повергли ее в смятение, подходящий ответ не приходил в голову. Вианна вернулась к еде.

Обед продолжался в полном молчании – по ее вине. Он закончил, поблагодарил:

– Прекрасный суп. Спасибо.

И она тут же принялась прибирать со стола.

Слава богу, он не пошел за ней на кухню. Остался сидеть за столом, пить в одиночестве вино, которое принес, – с легким привкусом осени, груш и яблок.

Когда Вианна закончила мыть посуду, уже стемнело. Она вышла на минутку во двор, постоять в тишине под звездами. По каменной стене сада скользила таинственная тень – наверное, кошка.

Послышались шаги, потом чирканье спички и запах серы.

Вианна вжалась в стену дома, пытаясь слиться с ней. Как бы неслышно прокрасться черным ходом обратно в дом, не привлекая внимания? Но тут под ногой громко хрустнула ветка. Вианна застыла.

Из сада появился капитан:

– Мадам, оказывается, вы тоже любите звездное небо. Простите, что помешал.

Она боялась двинуться.

Он встал рядом, по-хозяйски оглядывая сад:

– Ни за что не подумаешь, что вокруг война.

Голос звучал грустно, и она подумала, что между ними все же много общего, оба они далеко от своих близких и любимых.

– Ваш... главный... он сказал, что все военнопленные останутся в Германии. Что это значит? Это о наших солдатах? Вы же не могли захватить их *всех*.

– Не знаю, мадам. Некоторые вернутся. Многие – нет.

– Ну-ну, прекрасная романтическая минутка, новые друзья мило болтают, – металлом по стеклу прозвенел голос Изабель.

Вианна вздрогнула – в ужасе, что ее застали с немцем, врагом, чужим мужчиной.

Изабель, в платье карамельного цвета, стояла в лунном свете с чемоданом в одной руке и лучшей «довиль» Вианны – в другой.

– Ты взяла мою шляпку, – с трудом выговорила Вианна.

– Она мне понадобится в поезде. Лицо не совсем в порядке после нападения нацистов, – с улыбкой сообщила она Беку. Впрочем, на улыбку это было мало похоже.

Бек любезно поклонился:

– У вас тут семейные разговоры. Я, пожалуй, пойду. – Коротко кивнув, он скрылся в доме, прикрыв за собой дверь.

– Я не могу здесь оставаться, – сообщила Изабель.

– Ерунда. Разумеется, можешь.

– Мне совсем не интересно водить дружбу с врагом, Ви.

– К дьяволу, Изабель. Ты не посмеешь...

– От меня непременно будут неприятности! – с жаром произнесла Изабель. – Рано или поздно. Ты же меня знаешь. Ты сказала, что я должна защитить Софи. Так вот уехать – единственный способ. Я просто взорвусь, если останусь, Ви.

Гнев мигом улетучился, осталась только бесконечная невыразимая усталость. Вот оно, это главное различие между ними. Вианна всегда соблюдает правила, Изабель – вечная бунтарка. Даже в детстве они по-разному переживали горе. После смерти матери Вианна затихла и замкнулась в себе, стараясь не подавать вида, что отцовское отношение ранит ее, а Изабель закатывала истерики, сбегала из дома и требовала внимания к себе. Мама клятвенно уверяла, что в один прекрасный день они станут лучшими подругами. Никогда еще это предсказание не выглядело более несбыточным.

Но сейчас Изабель права. Вианна постоянно тревожилась бы из-за того, что еще ляпнет или выкинет сестра, и, по чести говоря, сил у нее на это не хватило бы.

– Как ты поедешь?

– На поезде. Дам телеграмму, когда доберусь.

– Будь осторожна. Не делай глупостей.

– Я? Ты же знаешь, я на такое не способна.

Вианна крепко-крепко обняла сестру на прощанье и отпустила.

Тьма вокруг была такая, что Изабель не видела собственных ног. И тишина стояла неестественная, тревожная, так что хотелось затаить

дыхание. Только у самого аэродрома слышался рокот моторов, мотоциклы и грузовики разъезжали вдоль колючей проволоки, натянутой теперь вокруг складов с оружием.

Внезапно из ниоткуда на дороге возник грузовик с выключенными фарами; Изабель едва успела отскочить в канаву.

В городе дела обстояли не лучше: все магазины заперты, фонари погашены, окна скрыты затемнением. И повсюду такая жуткая давящая тишина, что ее шаги грохотом разносились по округе. Изабель все острее ощущала, что комендантский час уже наступил, а она его нарушает.

Она юркнула в ближайший переулок и дальше пробиралась, нащупывая пальцами шершавую стену. Заслышав голоса, замирала, пока вновь не воцарялась тишина. На дорогу до станции ушла целая вечность.

– *Halt!*

Окрик прозвучал одновременно со вспышкой яркого белого света. По ту сторону фонаря угадывался темный силуэт.

Немецкий солдат приблизился:

– Девушка, просто девушка. Вы знаете про комендантский час, а?

Изабель медленно выпрямилась, глядя на солдата с решительностью, каковой вовсе не чувствовала:

– Да, я знаю, что нельзя выходить на улицу вечером. Но у меня срочное дело. Мне нужно в Париж. Мой отец болен.

– Где ваш *Ausweis*?

– У меня его нет.

Солдат спустил винтовку с плеча:

– Нет путешествовать без *Ausweis*.

– Но...

– Идти домой, девушка, пока нет пострадать.

– Но...

– *Марш*, пока я не решил вас заметить.

В душе Изабель почти визжала от ужаса. С трудом сумела спокойно отойти от патрульного, не произнеся ни слова.

На обратном пути она уже не пряталась, но всячески демонстрировала свое презрение к комендантскому часу, просто дожидаясь очередного патруля. Ей даже хотелось, чтобы ее

остановили, уж тогда она смогла бы выкрикнуть наконец все проклятия, что давно рвались наружу.

Нет, она не сможет так жить. Под одной крышей с нацистом, в городе, который покорился без звука. Вианна не одинока в своем стремлении верить, что Франция не сдалась и не была завоевана. Владельцы магазинов и бистро улыбаются немцам, наливали им шампанское и продавали лучшие куски мяса. Крестьяне, деревенщина, просто пожимали плечами и продолжали жить как ни в чем не бывало; о, ну да, они порой недовольно ворчали и даже показывали не в ту сторону, если у них спрашивали дорогу, но этим и ограничивалось их сопротивление захватчикам. Неудивительно, что немецкие солдаты надувались спесью. Они ведь захватили город без единого выстрела. Дьявол, да они сделали это со всей Францией.

Изабель не могла забыть то, что видела в полях под Туром.

Дома она вернулась в свою комнату, бывшую детскую. Вскоре откуда-то потянуло сигаретным дымом, и Изабель вновь едва не заорала от злости.

Он еще и курит! Этот капитан Бек, с его мордой, словно топором вырубленной, с фальшивой улыбкой, он запросто может вышвырнуть их из дома, если пожелает. Даже без всякой на то причины, просто так. Отчаяние словно уплотнилось и сконцентрировалось, превращаясь в гнев, подобного которому она не испытывала прежде. Внутри будто взведенная бомба. Одно неверное движение или слово – и прогремит взрыв.

Изабель решительно распахнула дверь в комнату Вианны.

– Чтобы уехать из города, теперь нужно специальное разрешение! – почти выкрикнула она. – Эти убудки не позволяют нам даже навестить родственников! Без пропуска в поезд не сядешь!

– Значит, теперь так, – прозвучал из темноты спокойный ответ. Непонятно, облегчение или разочарование услышала Изабель в голосе сестры. – Завтра пойдешь в город. Постоишь в очередях, пока я на работе, и купишь хоть что-нибудь.

– Но...

– Никаких «но», Изабель. Ты остаешься здесь. Пора и тебе заняться делом. Я должна быть уверена, что на тебя можно положиться.

Всю следующую неделю Изабель изо всех сил старалась вести себя хорошо, что было настоящей пыткой, раз этот бош живет с ними под одной крышей. Она почти не спала ночами, лежала в темноте, воображая самое страшное.

Этим утром, задолго до рассвета, она решила бросить тщетные попытки уснуть и встала. Умылась, натянула простое хлопковое платье, повязала голову платком.

Вианна сидела в гостиной на диване, вязала при свете лампы. В полутьме лицо ее выглядело бледным и болезненным, она наверняка тоже не спала на этой неделе.

– Ты сегодня рано, – подняла она удивленный взгляд на Изабель.

– У меня впереди долгий день в очередях. Имею право начать пораньше. Первому достаются лучшие кусочки.

Вианна отложила вязанье, поднялась. Расправив платье (еще одно напоминание, что *он* живет в этом доме: никто больше не спускался в гостиную в халате или ночной рубашке), она сходила в кухню за продовольственными карточками.

– Сегодня мясо.

Взяв карточки, Изабель вышла из дома.

Медленно вставало солнце, освещая этот странный мир внутри мира, – на вид привычный Карриво, но на деле абсолютно чужой. Когда Изабель шла мимо аэродрома, ее обогнала маленькая зеленая машина.

Гестано.

На аэродроме уже всюду суетились люди. Она разглядела четырех караульных – двое у новых ворот, еще двое – у входа в здание. Нацистские флаги колыхались под легким утренним ветерком. Несколько самолетов готовились к взлету – сбрасывать бомбы на Англию и остальную Европу. Группа солдат промаршировала на фоне надписи VERBOTEN! НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ!

Изабель прошла мимо.

Перед лавкой мясника уже стояли четыре женщины. Она пристроилась в хвост очереди.

Вот тут-то она и заметила кусок мела, валявшийся на мостовой. И мгновенно сообразила, для чего он понадобится.

Изабель огляделась, не смотрит ли кто. Да кому она интересна, когда повсюду немцы? Мужчины в форме расхаживали по городу важно, как павлины, скупая все, на что упадет взгляд. Шумные, хохочущие во все горло по малейшему поводу. Неизменно вежливые, они открывали двери перед дамами и приподнимали фуражки, но Изабель не проведешь.

Она быстро наклонилась, сжала мел в кулаке, а потом сунула в карман. Само присутствие его будоражило кровь, и Изабель даже начала нетерпеливо пристукивать ногой в ожидании, когда же подойдет ее очередь.

– Доброе утро. – Она протянула карточку жене мясника, усталой женщине с жидкими тоненькими волосами и еще более тонкими губами.

– Свиная голяшка, два фунта. Все, что осталось.

– Кости?

– Все хорошее мясо забирают немцы, мадемуазель. Вам еще повезло. Французам *verboden* продавать свинину, как известно, но голяшку эти не пожелали. Так вы берете или нет?

– Я возьму, – сказала дама сзади.

– И я! – выкрикнула другая.

– Беру, – быстро согласилась Изабель и получила маленький сверток, перетянутый бечевкой.

С другой стороны улицы доносился топот тяжелых сапог по брусчатке, грохот сабель в ножнах, мужской смех, мурлыкающие голоса француженок, согревающих постели оккупантов. Троица немецких солдат устроилась за столиком кафе напротив.

– Мадемуазель, – махнул ей рукой один, – идите выпить кофе с нами.

Стиснув ручку корзинки, Изабель поспешила прочь. Скользнула за угол в извилистый переулок, узкий, как, впрочем, все переулки в городке – такие узенькие, что казались тупиками. Местные жители ориентировались в них столь же ловко, как лодочник в рукавах болотистой реки. Изабель торопилась, никем не замеченная.

Плакат на закрытой галантерейной лавке: горбатый старик с огромным крючковатым носом, по виду злобный и жадный, держит в руках кошелек, а позади – кровавый след и мертвые тела. Изабель остановило слово *Juif*, написанное крупными буквами.

Да, конечно, нужно пройти мимо. Да, это всего лишь пропаганда, неуклюжая попытка врага обвинить евреев во всех бедах этого мира, включая и развязывание войны.

Но все же.

Стремительный взгляд по сторонам. В пятидесяти футах слева рю Ла Гранд, главная улица города, но справа переулок резко поворачивает.

Убедившись, что горизонт чист, Изабель вытащила из кармана кусочек мела и вывела на плакате огромную V перечеркивая как можно больше слов.

Кто-то схватил ее за руку с такой силой, что Изабель вскрикнула. Мел выпал, стукнулся о мостовую и закатился в щель между камнями.

– Мадемуазель! – Мужчина грубо толкнул ее, прижимая лицом к плакату, так что она не могла разглядеть, кто ее схватил. – Вам что, неизвестно, что это *verboten*? И карается смертью?

Десять

Прикрыв глаза, Вианна мысленно произнесла: «Возвращайся скорей, Антуан».

И это все, что она себе позволяла, – коротенькую молитву. Разве она сможет справиться со всем сразу – с войной, с капитаном Бекем, с Изабель – в одиночку?

Хотелось помечтать, что мир вовсе не перевернулся вверх тормашками; что закрытая дверь гостевой комнаты не означает ничего особенного; что Софи сегодня спала рядом с Вианной просто потому, что они зачитались накануне; что Антуан этим росистым утром ушел колоть дрова на зиму, до которой уже недолго. А скоро он вернется со словами: «Ну что ж, я пошел разносить почту». И может, расскажет о таинственном штемпеле на письме из Африки или Америки, придумает целую романтическую историю.

Она уложила вязанье в корзинку около дивана, сунула ноги в башмаки и пошла во двор колоть дрова. Скоро и в самом деле наступит осень, а затем и зима, и разоренный беженцами сад напоминал, насколько хрупко их благополучие. Топор поднимался и опускался, удар за ударом.

Взять полено. Поднять. Поставить. Удар.

Каждый взмах топора дрожью отзывался в руках, мышцы болели, плечи ныли. Пот каплями выступал на лице, даже волосы взмокли.

– Позвольте мне, пожалуйста, сделать это для вас.

Топор на полпути застыл в воздухе.

Капитан Бек, в бриджах, ботинках, без рубахи, в одной тонкой белой майке. Щеки порозовели после бритья, светлые волосы еще влажные. Несколько капель на майке.

Вианна вдруг почувствовала себя неловко в домашнем платье, рабочих башмаках, с небрежно заколотыми волосами. Она опустила топор.

– Есть работа, которую должен делать мужчина. Вы слишком хрупкая, чтобы колоть дрова.

– Я справляюсь.

– Конечно, справляетесь, но зачем? Ступайте, мадам. Присмотрите за дочерью. Я вполне могу сделать для вас такой пустяк.

Иначе матушка выпорет меня ремнем.

Надо бы продолжать, но она отчего-то не могла. Вианна инстинктивно попыталась удержать рукоять, но он осторожно вынул топор из ее руки.

Глаза их встретились.

Она отпустила топор и отшатнулась так стремительно, что споткнулась. Он удержал ее, подхватив за талию. Пробормотав благодарность, она удалилась, гордо выпрямив спину. Потребовалось все самообладание, чтобы не броситься бегом. Но, взявшись за дверную ручку, она чувствовала себя так, словно мчалась от самого Парижа. Сбросила тяжелые башмаки, которые пролетели по коридору и грохнулись с глухим стуком на пол. Последнее, что ей нужно, так это любезность со стороны человека, вторгшегося в ее дом.

Шваркнув дверью, она ушла в кухню, разожгла плиту и поставила кастрюлю с водой на огонь. Подойдя к лестнице, крикнула Софи, чтоб та поскорее спускалась завтракать.

Пришлось звать дважды, а потом еще и пригрозить, прежде чем Софи соизволила сползти вниз. Волосы растрепаны, лицо мрачное и недовольное, и опять надела платье-матроску. За десять месяцев, что Антуана нет дома, она успела из него вырасти, но упорно продолжала носить.

– Я готова, – пробурчала она.

Шаркая ногами, подошла к столу.

Вианна поставила перед дочерью тарелку с кукурузной кашей. Сегодня утром хотелось пошиковать, и она добавила ложку консервированных персиков.

– Мам, ты что, не слышишь? Кто-то стучится.

Вианна растерянно мотнула головой (она сейчас слышала только стук топора) и метнулась к двери.

На пороге стояла Рашель с малышом на руках, с другой стороны к матери прижалась Сара.

– Ты собираешься вести урок в бигуди?

– О! – Вианна совсем растерялась. Да что с ней такое? Сегодня же последний учебный день перед каникулами. – Софи, пойдём скорее, мы опаздываем.

Метнулась обратно, прибрала со стола. Софи дочиста вылизала тарелку, так что Вианна просто положила ее в раковину – можно

помыть и позже. Накрыла крышкой кастрюлю с остатками каши, убрала персики и помчалась наверх переодеться. В мгновение ока сняла бигуди, расчесала волосы, схватила шляпку, перчатки, сумочку и поспешила к Рашель и детям, которые ждали ее в саду.

Капитан Бек стоял у сарая, майка взмокла и прилипла к телу, сквозь влажную ткань стали заметны волосы на груди. Топор он небрежно забросил на плечо.

– А, привет, – радостно улыбнулся он гостям.

Рашель внимательно изучала немца.

Бек растерянно опустил топор.

– Это ваша подруга, мадам?

– Рашель, – сдержанно представила Вианна. – Моя соседка. Капитан Бек. Он... он остановился у нас.

– Привет, – повторил Бек, вежливо кивая.

Вианна тихонько подтолкнула Софи в спину, и они все вместе выбрались на дорогу через заросли высокой травы.

– А он симпатичный, – заметила Рашель, когда они проходили мимо аэродрома. За оградой из колючей проволоки царил суета. – Ты мне об этом не сказала.

– Что, правда?

– Уверена, ты не можешь этого не замечать, даже странно, что переспрашиваешь. А как он вообще?

– Немец.

– Солдаты, которые квартируют у Клер Моро, похожи на сардельки с ногами. Пьют как лошади и храпят как свиньи. Думаю, тебе повезло.

– Это тебе повезло, Рашель. К тебе в дом никто не вломился.

– Хоть какое-то воздаяние за нищету. – Она подхватила Вианну под руку: – Не убивайся ты так. Я слышала, у них приказ вести себя «корректно».

– На прошлой неделе, – Вианна печально посмотрела на подругу, – Изабель отрезала себе волосы на глазах у капитана и заявила, что красота для французов должна быть *verboten*.

– Ух ты. – Рашель не смогла скрыть улыбку.

– Не смешно. Нас всех расстреляют из-за ее характера.

Улыбка Рашель погасла.

– Ты не могла бы с ней поговорить?

– Поговорить-то я могу. Да только когда она кого-нибудь слушала?

– Вы делаете мне больно, – возмутилась Изабель.

Мужчина оторвал ее от стены и стремительно поволок по улице, она едва поспевала за ним. Когда, споткнувшись, она едва не упала, он резко дернул ее вверх и ухватил еще крепче.

Думай, Изабель. Он не в форме, значит, из гестапо. Плохо дело. И он видел, как она испортила плакат. Это считается саботажем или шпионажем? Или, может, сопротивлением немецкой оккупации?

Но это же не подрыв моста и не передача военных секретов англичанам.

Я просто художница... хотела подрисовать вазу с цветами... Никакая не V а просто вазочка. И не сопротивление вовсе, а всего лишь маленькая дурочка рисует на единственной бумаге, которую сумела разыскать. Я никогда в жизни не слышала о генерале де Голле.

А если они не поверят?

Мужчина остановился перед дубовой дверью с металлическим молотком в форме львиной головы. Стукнул четыре раза.

– К-куда вы меня ведете? Это что, черный ход в штаб-квартиру гестапо?

О допросах в гестапо ходили жуткие слухи. Говорили о пытках и издевательствах, но наверняка никто ничего не знал.

Дверь медленно отворилась, в проеме показался пожилой мужчина в берете. В толстых губах торчала самокрутка. Увидев Изабель, он нахмурился.

– Открывай! – прорычал тот, что притащил Изабель, и старик отступил с дороги.

Изабель втолкнули в прокуренную комнату. Дым стоял такой, что у нее глаза заслезились. Она узнала лавку, где торговали всякими мелочами, пуговицами, нитками, – ее недавно закрыли. Сквозь клубы сигаретного дыма Изабель разглядела пустые прилавки, сдвинутые к стенам; в углу приткнулась металлическая вешалка для шляп. Большое окно заколочено досками, а дверь, выходящая на рю Ла Гранд, изнутри забаррикадирована.

В комнате их ждали еще трое: высокий седеющий мужчина, одетый в какие-то лохмотья, стоял в углу; тут же сидел парнишка, а за

кофейным столиком устроился симпатичный парень в рваном свитере, поношенных штанах и стертых башмаках.

– Кто это, Дидье? – спросил старик, открывший им дверь.

Изабель наконец-то посмотрела на своего похитителя. Высокий здоровяк, похожий на циркового силача, с мощным тяжелым подбородком.

Она выпрямилась, расправила плечи, чтобы казаться повыше, вскинула голову. Изабель понимала, что выглядит не слишком воинственно в своем простеньком ситцевом платье, но не собиралась доставлять им удовольствие, показывая свой страх.

– Застукал ее, когда мелом малевала *V* на немецких плакатах, – сообщил здоровяк Дидье.

Изабель стиснула кулак, пытаясь стереть следы мела, пока никто не заметил.

– Что скажете? – поинтересовался мужчина из угла. Главный, наверное.

– Нет у меня мела.

– Я видел.

– Вы не немцы! – Изабель решила использовать шанс, обращаясь к силачу. – Вы же французы, держу пари. А вы, – обернулась она к старику, – вы же мясник. – Мальчишку она решила игнорировать, но с жаром заговорила с парнем в поношенном тряпье: – Вы кажетесь изможденным и голодным, на вас одежда старшего брата или чья-то еще, уже выброшенная. Вы коммунист.

Он улыбнулся и сразу преобразился.

Но больше всего ее тревожил мужчина в углу. Главный.

Изабель решительно шагнула к нему:

– Вы похожи на арийца. Наверное, силой привели сюда остальных.

– Я знаю его всю свою жизнь, мадемуазель, – сказал мясник. – Воевал вместе с его отцом – и вашим – на Сомме. Вы ведь Изабель Россиньоль, да?

Изабель молчала. Это что, какая-то ловушка?

– Молчит, – усмехнулся коммунист. Поднявшись, он подошел к Изабель: – Молодец. Зачем вы нарисовали *V* на плакате?

Изабель вновь не нашлась что ответить.

– Я Анри Наварра. – Он остановился на расстоянии вытянутой руки. – Мы не немцы и не сотрудничаем с ними, мадемуазель. – Многозначительный взгляд. – Не все французы покорны и беспомощны. Итак, зачем вы портили немецкие плакаты?

– Ничего больше не могла придумать, – пролепетала она.

– В смысле?

– Я услышала речь де Голля по радио.

Анри коротко глянул на старика. Изабель заметила этот безмолвный стремительный диалог и окончательно убедилась, что главный здесь симпатичный коммунист Анри.

Тот снова повернулся к Изабель:

– Если бы вы могли сделать что-то еще... более существенное, вы бы решились?

– Что вы имеете в виду?

– В Париже есть человек...

– Точнее, группа людей, из Музея Человека... – поправил здоровяк.

– Мы не говорим больше, чем нужно, Дидье, – предупреждающе вскинул руку Анри. – Итак, этот человек, рискуя жизнью, издает памфлеты, которые мы можем распространить. Надо растормошить французов, тогда у страны появится шанс.

Анри достал из кожаной сумки, висевшей на спинке стула, пачку бумаг. В глаза бросался заголовок: «Да здравствует генерал де Голль!» Сам памфлет – это открытое письмо маршалу Петену с критикой капитуляции. И финальная фраза: «Мы поддерживаем генерала де Голля».

– Ну как? – тихо спросил Анри, и в его вопросе Изабель услышала тот самый призыв к оружию, которого так долго ждала. – Возьметесь распространять листовки?

– Я?

– Мы все коммунисты и радикалы, – пояснил Анри. – Нас они уже знают. А вы обычная девушка. И очаровательная. Вас никто не заподозрит.

Изабель не колебалась ни секунды:

– Да, я согласна.

Мужчины наперебой принялись ее благодарить, но Анри заставил всех замолчать.

– Этот парень, издатель, рискует жизнью, сочиняя и набирая текст, кто-то еще рискует жизнью, печатая листовки. Мы рискуем, привозя их сюда. Но вас, Изабель, могут схватить, когда вы будете их расклеивать. Не ошибитесь. Это вам не рисовать мелом на плакате. Это карается смертью.

– Меня не поймают, – заверила Изабель.

– Сколько вам лет? – улыбнулся Анри.

– Почти девятнадцать.

– А. И как это такое юное создание сумеет спрятать листовки от родных?

– Семья – не проблема. Они не обращают на меня внимания. Но... в нашем доме остановился на постой немецкий офицер. А мне придется нарушать комендантский час.

– Это будет нелегко. Пойму, если вам страшно. – Анри уже сомневался.

Изабель выдернула пачку листовок у него из рук:

– Я же сказала, что справлюсь.

Изабель ликовала. Впервые с подписания перемирия она не чувствовала себя одинокой. Подпольщики рассказали ей о десятках групп по всей стране, поднявшихся на борьбу по призыву де Голля. Чем больше они говорили, тем большее воодушевление она испытывала. Да, она понимала, что должна бояться. И ей то и дело об этом напоминали.

Но это же просто смешно – немцы грозили смертью всего лишь за распространение листовок бумаги. Да если ее схватят, она легко сумеет их заболтать – запросто. И вообще ее не поймают. Сколько раз она сбегала из закрытых школ, садилась в поезд без билета и выкручивалась из передряг благодаря хорошо подвешенному языку? А привлекательная мордашка всегда помогала безнаказанно нарушать правила.

– Когда появятся еще прокламации, как с вами связаться? – спросил Анри, открывая ей дверь на улицу.

– Квартира над шляпным магазином мадам Ла Фой еще свободна? – Изабель деловито озиралась, прежде чем выйти.

Анри кивнул.

– Откройте там шторы, когда появятся прокламации. Я приду туда, как только смогу.

– Постучите четыре раза. Если никто не ответит, проходите дальше. – И, помедлив, добавил: – Будьте осторожны, Изабель.

Дверь захлопнулась.

В корзинке Изабель, под нарядной красно-белой клетчатой салфеткой, лежали листовки, сверху их прикрывал сверток от мясника. Не слишком искусная маскировка. Надо придумать что-то получше.

Изабель свернула на людную улицу. Уже темнело. Оказывается, она и не заметила, как прошел день. Магазины постепенно закрывались, по улицам бродили лишь немецкие солдаты в обществе женщин, согласных составить им компанию. За столиками кафе сплошь мужчины в форме, им подают лучшие блюда и лучшее вино.

Чтобы не спешить, Изабель напрягала все нервы, до последней клеточки, но, едва оказавшись за городом, припустила бегом. Поравнявшись с аэродромом, она вся взмокла и запыхалась, однако продолжала бежать до самого дома. И только когда ворота клацнули за спиной, остановилась. Едва переводя дыхание, согнулась пополам; в боку колело.

– Мадемуазель Россиньоль, вам нехорошо?

Изабель резко выпрямилась, сердце бешено колотилось.

Капитан Бек. Он что, давно тут стоит?

– Капитан... – с трудом выговорила она, пытаясь унять сердцебиение. – Мимо проходил патруль... вот я и... убежала, чтобы не попасться им на глаза.

– Патруль? Я никого не видел.

– Ну, это не сейчас было. А я... такая дурочка иногда. Заболталась с подружкой, не уследила за временем и... ну... – Она одарила его самой милой из своих улыбок и кокетливо поправила изуродованные волосы, будто бы и впрямь хотела его очаровать.

– Большие были очереди сегодня?

– Бесконечные.

– Позвольте помочь вам донести корзинку.

Бросив взгляд на свою ношу, Изабель заметила краешек белой бумаги, торчащий из-под льняной салфетки.

– Нет, я...

– Но я настаиваю. Мы же джентльмены, как вам известно.

Длинные ухоженные пальцы сомкнулись на плетеной ручке. Он направился к дому, Изабель семенила следом.

– Я сегодня днем видела толпу народа в ратуше. Что здесь делает вишистская полиция?

– Так, ничего особенного, к вам это не имеет отношения.

Он вежливо подождал у дверей. Изабель нервно дернула ручку, отворила. Хотя немец имел полное право войти, он ждал приглашения, как гость.

– Изабель, это ты? Где ты была?

– Очереди сегодня сумасшедшие.

Софи играла со своим Бебе на полу перед камином, но тоже выбежала навстречу тетушке:

– Что ты принесла?

Изабель с опаской покосилась на корзинку в руках Бека.

– Свиные голяшки.

– И все? – ехидно спросила Вианна. – А масло?

Софи разочарованно вернулась на коврик у огня.

– Я отнесу в кладовую. – Изабель потянулась за корзинкой.

– Позвольте мне, – возразил Бек.

Он чересчур пристально рассматривал Изабель. Или ей показалось?

Вианна тем временем зажгла свечу и подала Изабель:

– Не трать ее напрасно, поторопись.

Бек чрезвычайно галантно сопровождал Изабель через темную кухню и открыл дверь кладовой.

Изабель спустилась первой, освещая путь. Деревянные ступени скрипели под ногами, но вот они шагнули на твердый земляной пол и очутились в прохладном подземелье. Огонек свечи нервно трепетал, деревянные полки будто бы сомкнулись вокруг них, Бек подошел совсем близко.

Стараясь унять дрожь в руках, Изабель достала сверток из корзинки и уложила его на полку рядом с остальными, уже иссякающими, припасами.

– Прихвати три картофелины и репу, – крикнула сверху Вианна.

Изабель чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Вы нервничаете, – заметил Бек. – Я правильно употребил слово, мадемуазель?

Свеча между ними чадила и потрескивала.

– Сегодня в городе было полно собак.

– Гестапо. Они обожают своих овчарок. Но вас-то это не касается.

– Я боюсь... больших собак. Меня укусила одна. В детстве.

При свете свечи улыбка Бека казалась зловещей.

Не смотри на корзинку. Поздно. Уже посмотрела и успела заметить, что листовки откровенно торчат наружу.

– Вы же знаете нас, девушек, – выдавила она кривую улыбку, – пугаемся всяких пустяков.

– О вас я бы этого не сказал, мадемуазель.

Она осторожно потянула корзинку из его пальцев, глядя ему прямо в глаза, и поставила на полку, подальше от света. И только когда та скрылась из виду, смогла наконец выдохнуть.

Некоторое время они смотрели друг на друга; неловкая пауза затянулась.

– А сейчас мне надо идти, – кивнул Бек. – Я заглянул только за документами к вечернему совещанию. – И, развернувшись, взобрался вверх по лестнице.

Когда Изабель выбралась из кладовки в кухню, ее уже поджидала Вианна, скрестив на груди руки:

– Ну и где картошка и репа?

– Ой, забыла.

– Так ступай и принеси, – вздохнула Вианна.

Изабель вернулась в кладовую. Набрал овощей, она проверила корзинку. Все на месте: вот он торчит наружу, крошечный бумажный треугольник. Она торопливо вытащила листовки и сунула за пазуху. Когда карабкалась вверх по лестнице, бумага слегка царапала кожу, и Изабель радостно улыбалась.

За ужином, прихлебывая на кухне водянистый суп с вчерашним хлебом, Изабель старалась найти тему для разговора с сестрой и племянницей, но ничего не приходило в голову. Софи же тархтела без умолку, выкладывая истории одну за другой. Изабель нервно постукивала ногой, ловя каждый звук с улицы – вдруг раздастся стрекот мотоцикла и топот кованых сапог или равнодушный стук в дверь. И глаз не сводила с двери в кладовую.

– Странная ты какая-то сегодня, – заметила Вианна.

Изабель промолчала. Закончив ужинать, невинно предложила:

– Я помою посуду, Ви. А вы с Софи тем временем закончите партию в шашки.

– Ты вымоешь посуду? – Вианна недоверчиво уставилась на сестру.

– Да ладно тебе, я же и раньше предлагала.

– На моей памяти – нет.

Изабель собрала тарелки и приборы. Она готова была на что угодно, лишь бы чем-то занять руки.

А потом делать было нечего. Вечер тянулся бесконечно. Они играли втроем в белот, но Изабель никак не могла сосредоточиться. Под невразумительным предлогом она вышла из игры, притворившись уставшей. У себя в спальне плюхнулась на кровать не раздеваясь. Ждала.

Бек вернулся за полночь. Она слышала, как он входит во двор, потом почувствовала запах сигарет. Еще некоторое время, топоча башмаками, он расхаживал по дому, но к часу ночи все стихло. Изабель не спала. В четыре утра она натянула черный шерстяной свитер, твидовую юбку. Надорвала шов летнего пальто и затолкала туда листки. Надев пальто, туго затянула пояс. В нагрудный карман сунула продуктовые карточки.

Спускаясь по лестнице, Изабель замирала при каждом скрипе. Целую вечность добиралась она до двери, даже больше чем вечность, но вот наконец тихонько выскользнула наружу.

Раннее утро, темно и холодно, но где-то уже запела первая птичка. Изабель вдохнула аромат роз и замерла, потрясенная ощущением мира и покоя.

Пути назад не будет.

Проходя через сломанные ворота, она оглянулась на темный дом, готовая увидеть капитана Бека, который в полной форме, скрестив руки, следит за ней.

Нет, никого.

Первый пункт – дом Рашель. Нынче почти не бывает почты, однако женщины вроде Рашель, чьи мужья воевали, каждый день проверяли почтовые ящики в надежде получить весточку.

Изабель нащупала прореху в шелковой подкладке, вытянула листок. Неслышно приподняла крышку почтового ящика, сунула туда

листовку и осторожно опустила крышку на место.

Да, она справилась!

Вторая остановка – ферма старого Риве. Коммунист до мозга костей, истинный революционер, сына потерял на фронте.

Опуская в ящик последнюю листовку, Изабель чувствовала себя всемогущей и неуязвимой. Занимался рассвет; первые солнечные лучи скользили по известняковым стенам городских домов.

Этим утром она оказалась первой в очереди и потому получила полный паек масла. Сто пятьдесят граммов на месяц. Две трети чашки.

Настоящее богатство.

Одиннадцать

Каждый день этого нескончаемого жаркого лета Вианну ждал длинный список повинностей. Вместе с Софи и Изабель она обновляла и расширяла сад, пару старых книжных шкафов превратила в кроличьи садки. Из проволочной сетки соорудила курятник рядом с беседкой. Теперь самый романтичный уголок в саду вонял пометом – пометом, который они собирали для удобрения сада. Вианна брала вещи в стирку у фермера по соседству – старика Риве – в обмен на продукты. По-настоящему отдыхала она только по воскресеньям, когда они с Софи утром шли в церковь (Изабель категорически отказывалась посещать мессу), а потом пили кофе с Рашель в тени на ее заднем дворе. Две подруги просто болтают, смеются, шутят. Иногда к ним присоединялась Изабель, но чаще она предпочитала играть с детьми, а не беседовать с женщинами, – Вианне так даже было спокойнее.

Хозяйственные заботы были, безусловно, необходимой частью подготовки к зиме, которая сейчас казалась далекой, но ведь нагрянет, как незваный гость, в самый неподходящий момент. Но гораздо важнее, что хлопоты отвлекали Вианну от мрачных мыслей. Когда она возилась в саду, или варила варенье, или солила огурцы, она не думала про Антуана и про то, как давно уже не получала вестей от него. Неопределенность разъедала душу. Может, он в плену? Или ранен? Погиб? А вдруг в один прекрасный день она взглянет на дорогу, а вот и он – идет к дому, широко улыбаясь?

Она тосковала по нему. Хотела его. Тревожилась о нем. Только о нем грезила ночами.

В мире, состоящем из дурных новостей и молчания, единственным светлым пятном было отсутствие капитана Бека, который почти все лето проводил на учениях или где там еще. Без него дома воцарился относительный покой. Изабель делала все, что попросят, без возражений.

Наступил октябрь, похолодало.

Вианна шла домой из школы вместе с Софи. Каблук на туфле, кажется, вот-вот отлетит, поэтому она шагала очень осторожно. Черные лаковые туфельки не рассчитаны на ежедневные прогулки,

которые им доставались в последние месяцы. Подметка начинала отставать, и Вианна частенько спотыкалась. Скоро придется задуматься о покупке новых туфель, да и не только туфель, а продуктовые карточки не предполагают покупки обуви. Впрочем, и еды-то особо не предполагают.

Вианна положила ладонь на плечо Софи – и чтобы самой шагать увереннее, и чтобы дочь была поближе. Повсюду сплошь немецкие солдаты – разъезжают на мотоциклах с колясками, в грузовиках, и везде у них установлены пулеметы. Они маршируют по главной площади, голоса их звучат победной песней.

Испугавшись гудка очередного грузовика, они поспешили к тротуару, где как раз проходил очередной патруль. Наци, везде наци.

– Это тетя Изабель? – воскликнула Софи.

Вианна посмотрела в ту сторону, куда указывала пальцем дочь. Да, точно, Изабель. Вышла из переулка, с корзинкой в руках. Она выглядела... «Заговорщик» – единственное слово, которое приходило в голову.

Заговорщик. В этот миг дюжина незначительных деталей, щелкнув, встала на свое место. Картинка сложилась. Мелкие неувязки и несовпадения сами собой разъяснились. Изабель частенько убегала из Ле Жарден еще до рассвета, гораздо раньше, чем нужно, и находила массу подробных объяснений своему отсутствию, а Вианна не придавала этому никакого значения. Сломанный каблук, унесенная порывом ветра шляпка, которую пришлось долго разыскивать, злобная собака, преградившая путь.

Неужели бежит к ухажеру?

– Тетя Изабель! – радостно завопила Софи.

Не дожидаясь ответа – и материнского позволения, – Софи бросилась через улицу. Прямоком в кучку немецких солдат, лениво перебрасывающих друг другу мяч.

– Черт, – пробормотала Вианна. – Простите, – виновато лепетала она, петляя между немцами в погоне за дочерью.

– А что ты сегодня раздобыла? – Софи нетерпеливо полезла в корзинку.

И вдруг Изабель шлепнула Софи по руке. Очень сильно.

Софи вскрикнула и отдернула руку.

– Изабель! – возмутилась Вианна. – Да что с тобой такое?

У Изабель все же хватило совести смутиться:

– Прости. Я просто очень устала. Весь день толкалась по очередям. И ради чего? Телячьи кости с клочками мяса и жестянка молока. Ужасно досадно. Но я все равно не должна была срываться. Прости, Софи.

– Может, если бы ты не сбегала из дома так рано, уставала бы меньше, – заметила Вианна.

– Я вовсе не сбегаяю, а спешу занять очередь за едой. Мне казалось, ты именно этого от меня хотела. Да, кстати, нам нужен велосипед. Эта бесконечная ходьба в разбитых туфлях убивает меня.

Жаль, что Вианна недостаточно хорошо знала сестру, чтобы угадать, что за странное выражение мелькнуло у той в глазах. Чувство вины? Тревога или вызов? Больше всего похоже на гордость, но с чего бы?

Софи ухватила Изабель за руку, и втроем они направились домой.

Вианна старательно не обращала внимания на перемены в Карриво: наци, захватившие все улицы и площади городка, плакаты на старинных стенах (недавно появившиеся антисемитские были отвратительны), красно-черные флаги со свастикой над парадными дверями и на балконах. Жители потянулись прочь из Карриво, оставляя свои дома немцам. Ходили слухи, что многие перебираются в Свободную Зону, но наверняка никто не знал. Магазины закрывались, и, похоже, надолго.

Заслышав шаги позади, Вианна проговорила, не меняя обычного тона:

– Пошли быстрее.

– Мадам Мориак. Могу ли я вас прервать?

– Боже правый, он тебя *преследует*? – проворчала Изабель.

– Герр капитан. – Вианна медленно обернулась. Люди на улице неодобрительно косились в их сторону.

– Я хотел сказать, что сегодня вернусь поздно и, к жалости, не буду за ужином.

– Какой ужас. – Приторно-сладкая ирония в голосе Изабель была точно пережженная карамель.

Вианна никак не могла сообразить, зачем все-таки он ее остановил.

– Я оставлю вам что-нибудь...

– *Nein. Nein.* Вы очень добрая. – И замолчал.

Вианна насторожилась.

Изабель, не выдержав, нарушила повисшее молчание:

– Мы вообще-то торопимся домой, герр капитан.

– Я могу вам чем-то помочь, герр капитан? – поинтересовалась

Вианна.

Бек шагнул чуть ближе:

– Я знаю, как вы волновались о своем муже, поэтому навел справки.

– Ох.

– Новости не очень хорошие, сожалею сообщить. Ваш муж, Антуан Мориак, попал в плен вместе с другими мужчинами из вашего города. Он сейчас заключенный, в лагере. – Капитан протянул ей список имен и стопку почтовых открыток. – Он не вернется домой.

Вианна не помнила, как выбралась из города. Смутно осознавала, что Изабель обнимает ее за талию, уговаривая переставлять ноги, что Софи щебечет рядом, сыплет вопросами, каждый из которых цепляет больно, как рыболовный крючок. *А кто такой заключенный? А почему герр капитан сказал, что папа не вернется? Что, вообще никогда?*

Вианна вдохнула цветочные запахи, такие родные и знакомые, и поняла, что они наконец-то дома. Моргнув, она словно очнулась и, как любой неожиданно пришедший в сознание, почувствовала, что мир катастрофически переменился.

– Софи, – строго сказала Изабель, – приготовь маме чашечку кофе. И открой банку с молоком.

– Но...

– Ступай, – велела Изабель.

Когда девочка ушла, Изабель повернулась к сестре, нежно взяла ее лицо в ладони:

– С ним все будет хорошо.

А Вианна чувствовала, что разваливается на куски, что кровь покидает ее, кости истончаются и страшную реальность обретает то, о чем она изо всех сил старалась не думать: жизнь без него. Ее всю трясло, зубы выбивали дробь.

– Пойдем в дом, выпьем кофе, – уговаривала Изабель.

В дом? *Их* дом? Призрак Антуана здесь повсюду: продавленная ямка в диване, где он любил сидеть с книгой, вешалка, где висело его пальто. И кровать.

Вианна судорожно затрясла головой, но слез не было. Страшная весть осушила и опустошила ее. Она и дышать-то больше не могла.

Вдруг вспомнила, что на ней – его свитер, и больше уже ни о чем не могла думать. Вианна принялась срывать с себя одежду – плащ, жилетку; не слыша криков Изабель *НЕТ*, стянула через голову свитер и зарылась лицом в мягкую шерсть, ловя его запах – его любимого мыла, *его самого*.

Но, увы, теперь пряжа хранила лишь ее собственный запах. Потерянно уронив руки со скомканным свитером, она все пыталась вспомнить, когда же Антуан в последний раз его надевал. Рассеянно потянула торчащую нитку, сматывая ее в клубочек винного цвета. Опомившись, откусила и завязала узелок, чтобы сохранить остатки рукава. Шерсть нынче на вес золота.

Нынче. Сейчас.

Сейчас, когда идет война, когда не хватает самых простых вещей, а мужа больше нет.

– Не представляю, как буду жить одна.

– Что ты такое говоришь? Мы всю жизнь были сами по себе. С того момента, как мама умерла.

Вианна зажмурилась. Слова сестры звучали неразборчиво, или она просто плохо соображала.

– Это ты была сама по себе, – с трудом выговорила она. – Но не я. Мне было четырнадцать, когда я встретила Антуана, а в шестнадцать уже была беременна. Вышла за него, когда мне едва исполнилось семнадцать. Папа отдал нам этот дом, чтобы избавиться от меня. Так что, как видишь, я *никогда* не была одна. Поэтому ты такая сильная, а я... нет.

– Ты станешь сильной. Ради Софи.

Вианна судорожно вдохнула. Да, это и есть та причина, по которой она не может съесть пригоршню мышьяка или броситься под поезд. Она аккуратно привязала оторванную шерстяную нить к ветке яблони. Бордовое выделялось на фоне зеленого и коричневого. Теперь всякий раз, проходя мимо к воротам или собирая яблоки, она будет

видеть эту шерстинку и вспоминать об Антуане. И каждый раз будет молить – его и Бога: *возвращайся*.

– Пойдем. – Изабель, приобняв, повела сестру в дом, помнивший голос мужчины, который сюда не вернется.

Вианна стояла у коттеджа Рашель. Прохладно, и небо дымно-серое. Листья на деревьях, золотистые и багряные, уже начинали темнеть по краям. Вот-вот начнется листопад.

Как же Вианне хотелось сбежать отсюда, подальше от этой двери, но она прочла список имен, врученный ей Беком. Имя Марка де Шамплен значилось среди прочих.

Она все же собралась с духом и постучала, Рашель отворила сразу же, будто ждала на пороге. В стареньком халате, спущенных шерстяных чулках, криво застегнутой мешковатой кофте она выглядела чудаковатой.

– Вианна! Заходи. Мы с Сарой как раз приготовили рисовый пудинг. В основном вода и желатин, конечно, но я добавила капельку молока.

Вианна вымученно улыбнулась. Позволила подруге затащить себя в кухню, налить чашку горького эрзац-кофе. Она нахваливала рисовый пудинг – не очень понимая, что говорит, – как вдруг Рашель резко обернулась к ней и спросила:

– Что случилось?

Вианна растерялась. Она хотела быть сильной, но слезы сами навернулись на глаза.

– Побудь пока в кухне, – велела Рашель дочери. – Если услышишь, что братик проснулся, возьми его на руки. А ты, – это уже Вианне, – иди со мной.

Подхватив подругу под локоть, она поспешно увлекла ее через крошечную гостиную в спальню.

Сев на край кровати, Вианна молча протянула Рашель список:

– Они в плену, Рашель. Антуан, Марк и все остальные. Они не вернутся.

Три дня спустя, морозным субботним утром, Вианна стояла у своей классной доски, а перед ней – группа женщин, неловко примостившихся за маленькими детскими партами. Они смотрели на

нее устало и недоверчиво. Кто знает, что еще *verboden* в эти дни, – может, запрещено вообще собираться вместе или разговаривать о войне. Кроме всего прочего, женщины Карриво были измучены физически. Дни напролет они проводили в очередях за жалкими крохами съестного, или рыскали по округе в поисках продовольствия, или пытались продать кому-нибудь свои бальные туфли и шелковые шарфы, чтобы выручить денег хотя бы на буханку нормального хлеба. В дальнем углу класса Софи и Сара, тесно прижавшись друг к другу, читали книжку.

Рашель, переложив спящего сына с одного плеча на другое, плотнее прикрыла дверь класса.

– Спасибо, что пришли. Я понимаю, как трудно сейчас найти силы на что-то еще, кроме самого необходимого.

Одобрительный гул.

– Зачем нас собрали? – спросила мадам Фурнье.

Вианна вышла вперед. Она всегда чувствовала себя неловко среди местных женщин, многие из которых невзлюбили ее сразу же, как она появилась здесь в свои четырнадцать лет. А уж когда она «подцепила» Антуана – самого красивого парня в городке, – неприязнь лишь окрепла. Те дни давно миновали, Вианна приятельствовала с этими дамами, учила их детей, захаживала в их магазины, но все же юношеские обиды не прошли бесследно.

– Я получила список французских военнопленных родом из Карриво. Мне очень жаль – ужасно жаль, – что вынуждена сообщить вам, что ваши мужья – и мой муж, и муж Рашель – в этом списке. Мне сказали, что они не смогут вернуться домой.

Она помолчала, давая женщинам возможность пережить эту новость. Вианна понимала, что боль, искажившая их лица, – отражение ее собственной. Но все равно смотреть на них было невыносимо. Рашель взяла ее за руку, подбадривая.

– Мне дали открытки, – сказала Вианна. – Официальные, немецкие. Так что мы можем написать нашим мужьям.

– Откуда у вас столько открыток? – утирая слезы, спросила мадам Фурнье.

– Выпросила у своего немчика в награду за любезности, – съехидничала Элен Рюэль, жена булочника.

– Неправда! И он не мой немчик! – возмутилась Вианна. – Он реквизирует мой дом. Я что, должна была просто отдать немцам Ле Жарден? Молча уйти, и все? Они захватили каждый дом в городе, где нашлись свободные комнаты. И я – лишь одна из многих.

Перешептывания и цыканье. Некоторые согласно кивали, другие возмущенно трясли головой.

– Да я бы покончила с собой на пороге, но не впустила в свой дом ни одного из них! – гордо объявила Элен.

– Да что ты, Элен, правда? А сначала прикончила бы своих детей, да? Или бросила их на улице, пусть выживают как хотят?

Элен отвернулась.

– Они и мой отель отобрали, – вступила еще одна дама. – Но ведут себя, надо признать, как джентльмены. Разве что немножко грубоваты, пожалуй. И расточительны.

– *Джентльмены*, – сплюнула Элен. – Мы просто свиньи на заклятии. Еще увидите. Покорные свиньи, не посмевающие сопротивляться.

– Что-то я вас не видела у себя в лавке последнее время, – подозрительно глядя на Вианну, заявила мадам Фурнье.

– Вместо меня по магазинам ходит сестра, – ответила Вианна. Она понимала, что причина их неприязни именно в этом: они боятся, что Вианна получит особые привилегии, которых они лишены. – Я не беру еду, вообще ничего не беру у врага.

Оправдываясь, она вновь чувствовала себя затравленной одноклассницами школьницей.

– Вианна старается помочь нам! – с негодованием воскликнула Рашель, и все умолкли.

Она взяла стопку открыток у Вианны и принялась раздавать женщинам.

Сама Вианна уселась за учительский стол, положила перед собой чистую открытку.

Она слышала, как поскрипывают карандаши. И старательно написала:

*Мой любимый Антуан,
У нас все хорошо. Софи быстро растет, и,
хотя забот у нас хватает, мы даже выбирались*

летом на реку. Мы – я – думаем о тебе каждую минуту и молимся, чтобы ты был здоров. Не беспокойся о нас и возвращайся домой.

Я люблю тебя, Антуан.

Буквы получились такие мелкие, что, может, он даже не сумеет их разобрать.

Если вообще получит эту открытку.

Если вообще жив.

Ради всего святого! – разрыдалась Вианна.

Рашель ласково опустила руку ей на плечо и шепнула:

– Мы все чувствуем одно и то же.

Вскоре женщины по очереди начали вставать со своих мест, молча подходили к Вианне, протягивали открытки.

– Не нужно обижаться на них, – сказала Рашель. – Они просто напуганы.

– Я тоже напугана.

Рашель прижала к груди свою открытку и все гладила ее, словно хотела оставить следы пальцев в каждом уголке.

Когда они вернулись в Ле Жарден, мотоцикл Бека с пулеметом, закрепленным на коляске, уже стоял перед воротами.

– Хочешь, мы пойдем с тобой? – спросила Рашель.

Вианна ценила участие подруги, она знала – если попросит о помощи, Рашель не откажет, но чем она поможет сейчас?

– Нет, спасибо. Все нормально. Он, наверное, что-нибудь забыл и скоро опять уедет. Он последнее время редко бывает здесь.

– А где Изабель?

– Хороший вопрос. Каждую пятницу она смывается из дому еще до восхода. – И прошептала, наклонившись к подруге: – Думаю, у нее свидание.

– Вот и славно.

На это Вианна не нашлась что ответить.

– Он отправит наши открытки?

– Надеюсь. – Вианна помолчала и добавила: – В любом случае скоро узнаем.

Дома она тут же отправила Софи наверх. Дочь, привыкшая к таким распоряжениям, не возражала. Вианна старалась держать ребенка подальше от Бека.

Он сидел в гостиной, разложив бумаги на столе. Поднял взгляд на Вианну. Чернильная капля упала с кончика пера, и на белом листе расплылась синяя клякса.

– Мадам. Очень великолепно. Я рад, что вы вернулись.

Вианна робко подошла к столу, сжимая в руках пачку открыток, туго перетянутую обрывком бечевки:

– Я... у меня... несколько открыток... написали подруги... нашим мужьям... но мы не знаем, куда отправить. Я надеялась... возможно, вы могли бы нам помочь.

Она неловко переминалась с ноги на ногу, чувствуя себя абсолютно незащищенной.

– Разумеется, мадам. Мне будет приятно оказать вам эту любезность. Хотя потребует много времени. – Он поднялся из-за стола: – А я тут, как обычно, сочиняю список для своего начальства в *Kommandantur*. Они хотят знать имена некоторых учителей из вашей школы.

Вианна не поняла, зачем он ей это рассказывает. Он никогда прежде не говорил о делах. Впрочем, они вообще не слишком часто разговаривали.

– Евреи. Коммунисты. Гомосексуалисты. Франкмасоны. Свидетели Иеговы. Вы знаете таких?

– Я католичка, герр капитан, как вам известно. Мы в школе не обсуждаем подобные вещи. Как бы там ни было, я понятия не имею, кто гомосексуалист, а кто – франкмасон.

– Ага. Значит, других знаете.

– Не понимаю вас...

– Я непонятный. Мои извинения. Я ценил бы очень серьезно, если вы дали мне знать имена учителей вашей школы, кто есть евреи или коммунисты.

– Зачем вам их имена?

– Это формальность всего-навсего. Вы знаете нас, немцев: мы составители списков. – И он с улыбкой придвинул ей стул.

Вианна взглянула на лист бумаги с кляксой, лежащий на столе, потом на стопку открыток в руках. Если Антуан получит открытку, он,

возможно, ответит. И она наконец узнает, жив ли он.

– Это ведь не секретная информация, герр капитан. Любой может назвать вам их имена.

– С некоторым усилием, мадам, я думаю, смогу найти адрес вашего мужа и отправить письмо, и он тоже напишет вам. Это будет радостно?

– Радостно – неправильное слово, герр капитан. Вы, вероятно, хотели спросить, будет ли этого достаточно? – Она тянула время. Но хуже того, она понимала, что он это тоже понимает.

– Ага, спасибо, что учите меня вашему прекрасному языку. Мои извинения. – И он протянул ей ручку: – Не беспокойтесь, мадам. Пустая формальность.

Вианна хотела было сказать, что не станет писать никаких имен, но что толку? Он легко раздобудет эту информацию где угодно. Каждому в городе известно, чьи имена должны попасть в такой список. А Бек может вышвырнуть ее на улицу за неповиновение – и что тогда делать?

Она села, взяла ручку и начала составлять список.

– Готово, – тихо произнесла она, закончив.

– Вы забыли свою подругу.

– Разве?

– Вам определенно нужно быть внимательнее.

Нервно закусив губу, Вианна перечитала список. Внезапно она поняла, что не стоило этого делать. Но разве у нее был выбор? Что произойдет, если она откажется? Медленно, преодолевая внезапно подступившую тошноту, она добавила последнее имя.

Рашель де Шамплен.

Двенадцать

Одним особенно холодным ноябрьским утром Вианна проснулась в слезах. Опять снился Антуан. Тяжело вздохнув, она осторожно выбралась из-под одеяла, стараясь не потревожить Софи. Вианна спала одетой, в шерстяной фуфайке, свитере с длинными рукавами, шерстяных носках, фланелевых кальсонах (укоротила доставшиеся от Антуана), вязаной шапочке и перчатках. До Рождества еще далеко, а одеваешься уже как капуста. Вианна натянула сверху еще шерстяную кофту, но все равно было холодно.

Она сунула затянутую в перчатку руку в прореху матраса и вытащила кожаный кисет, что спрятал там Антуан. Денег оставалось немного. Скоро придется жить на одно ее учительское жалованье. Пересчитывание денег превратилось в навязчивую идею с того времени, как похолодало. Вианна положила кисет на место и спустилась вниз.

Ну конечно, всегда может быть хуже. Оказалось, ночью замерзли трубы, так что теперь до полудня придется сидеть без воды. На такой случай Вианна оставляла около плиты и у камина ведра с водой для умывания. Газа и электроэнергии не хватало, как, впрочем, и денег на их оплату, поэтому Вианна экономила и то и другое. Крошечного огонька на плите едва доставало, чтобы вскипятить воду, а свет они включали лишь по надобности.

Вианна разожгла камин, завернулась в толстое одеяло и уселась на диван. Рядом стоял мешочек с пряжей, она распустила свой старый свитер, чтобы связать Софи шарф к Рождеству. Единственные свободные минутки удавалось выкроить только ранним утром.

В тишине, нарушаемой лишь шорохами и скрипами старого дома, она сосредоточенно трудилась: спицы мелькали вокруг светло-голубой пушистой нити, создавая то, чего не было прежде. Привычный утренний ритуал успокаивал нервы. Если удавалось совсем отвлечься от реальности, она иногда вспоминала, как мама сидела рядом, учила ее вязать, приговаривая: «Одна лицевая, две изнаночные, вот так... прекрасно...»

Или как Антуан босиком спускался по лестнице и с улыбкой спрашивал, что это она такое вяжет для него...

Антуан.

Медленно приоткрылась входная дверь, впуская облако ледяного воздуха. Изабель – в старом шерстяном пальто Антуана, в высоких башмаках и огромном шарфе, оставлявшем открытыми одни глаза. Увидев Вианну, сестра замерла как вкопанная.

– Ой. Ты уже проснулась. – С откровенно виноватым видом она размотала шарф, повесила пальто. – А я выходила проверить цыплят.

Спицы замерли в полете.

– Ты просто могла бы рассказать мне, кто он, тот парень, к которому ты бегаешь на свидания.

– Кто станет бегать на свидания в такой холод? – Изабель, весело улыбаясь, подскочила к Вианне, потащила ее ближе к огню.

Вианна передернула плечами, внезапно почувствовав, что и в самом деле замерзла.

– Ты, – удивляясь своему неожиданно радостному настроению, фыркнула Вианна. – Ты запросто побежишь на свидание в мороз.

– Ну, тогда это должен быть тот еще парень. Кларк Гейбл, не меньше.

В комнату влетела Софи, прильнула к матери и, уловив настроение сестер, предложила:

– Ура, давайте веселиться!

На краткий счастливый миг Вианна позабыла все тревоги, но тут Изабель сказала:

– Ладно, я, пожалуй, пойду. Займу очередь к мяснику.

– Поешь сначала, – посоветовала Вианна.

– Отдай мою порцию Софи, – отказалась Изабель, натягивая пальто и заматывая шею и голову шарфом.

Вианна проводила сестру, посмотрела, как та растворилась в темноте, потом вернулась в кухню, зажгла керосиновую лампу и спустилась в кладовую, где вдоль стен тянулись длинные полки.

Пару лет назад эти полки ломились под тяжестью копченных в золе окороков, банок с гусиным жиром и связок колбас. Напротив красовался строй бутылок выдержанного винного уксуса, коробки с сардинами, банки джема. А сейчас заканчивался даже кофе из цикория. Последние крупинки сахара поблескивали на дне стеклянного контейнера, а мука нынче на вес золота. Слава богу, хоть урожай овощей они собрали неплохой, несмотря на разор, устроенный в саду

беженцами. Все фрукты и овощи, до последнего плода, каким бы крошечным тот ни уродился, Вианна переработала в консервы.

Она достала хлеб из отрубей. Вареное яйцо и тост – не слишком обильный завтрак для растущей девочки, но могло быть гораздо хуже.

– Можно мне еще? – попросила Софи.

– Больше нет, – вздохнула Вианна.

– Немцы забирают всю нашу еду! – возмущенно выпалила Софи ровно в тот момент, когда из своей комнаты появился Бек, облаченный в серо-зеленую форму.

– Софи! – строго сказала мать.

– Что ж, это правда, юная леди. Немецкие солдаты забирают много французских продуктов, но люди, которые воюют, должны хорошо питаться, разве нет?

– А всем остальным не надо питаться? – угрюмо пробормотала Софи.

– Да, мадемуазель. И мы, немцы, не только берем, мы и угощаем наших друзей. – И он вынул из кармана шоколадный батончик.

– Шоколадка!

– Софи, нет, – возразила Вианна, но Бек уже забавлял девочку, показывая фокус: шоколадка то исчезала, то вновь появлялась в руках. В конце концов он вручил лакомство Софи, которая с радостным визгом тут же разорвала обертку.

– Вы сегодня, – обратился Бек к Вианне, – какая-то печальная.

Вианна промолчала.

Он улыбнулся и вышел. Зарычал мотор мотоцикла, звук постепенно удалялся.

– Вкусная была шоколадка, – облизнулась Софи.

– Вообще-то правильнее было бы съесть по маленькому кусочку каждый вечер, а не запихивать в рот весь батончик сразу. Не говоря уже о том, что приличные люди делятся с другими.

– Тетя Изабель говорит, что лучше быть дерзким, чем покорным. И что если прыгнешь со скалы, то по крайней мере сможешь немножко полетать, прежде чем упадешь.

– О да. Как это похоже на Изабель. Ты порасспроси, как она сломала руку, прыгая с дерева, на которое точно не стоило залезать. Ладно, пойдем в школу.

Они подождали Рашель с детьми на обледенелой обочине и уже вместе пустились в долгий путь по стылой дороге.

– Кофе кончился четыре дня назад, – сообщила Рашель. – Это если ты вдруг удивляешься, с чего я стала такой ведьмой.

– Вообще-то это я была в последнее время вспыльчива, – возразила Вианна. Она ждала, что Рашель начнет спорить, но подружки слишком хорошо знали друг друга и понимали, что за невинным вроде бы заявлением скрывается нечто более серьезное. – Потому что... Мне не дает покоя одна мысль.

Список. Она составила его неделю назад, и с тех пор ничего не произошло. Но тревога осталась.

– Антуан? Голодаешь? Замерзаешь до смерти? – улыбнулась Рашель. – Какие еще мелочи беспокоят тебя на этой неделе?

Прозвучал школьный колокол.

– Мам, пойдем скорей, опаздываем, – потащила ее Софи.

Вианна, не сопротивляясь, поднялась по каменным ступеням. Вместе с Софи и Сарой вошла в свой класс, где дети уже расселись по местам.

– Вы опоздали, мадам Мориак, – лукаво улыбнулся Жиль. – Вам первое замечание.

Дружный хохот.

– Все шутишь, Жиль, – отозвалась Вианна, снимая пальто. – Посмотрим, будешь ли ты веселиться после диктанта.

В ответ на такое же дружное общее «уууу» Вианна не могла сдержать улыбки. Бедняжки мгновенно приуныли, да и, по правде говоря, в такое холодное мрачное утро трудно чувствовать себя иначе. Вдобавок затемнение на окнах почти не пропускало дневной свет.

– О, да ну его, такая холодина! Кажется, нам сейчас нужно поиграть в салочки, чтобы немного разогнать кровь, а?

Одобрительный гул был ответом, и Вианна едва успела подхватить пальто, пока ее не вынесла из класса волна весело галдящей ребятни.

Они только вышли, как послышался шум моторов.

Дети не обратили внимания – последнее время они реагировали только на появление самолетов – и продолжали играть.

Вианна выглянула за угол. Черный «мерседес-бенц» с маленькими нацистскими флажками на капоте подрулил к школьному зданию.

Следом за ним – французская полицейская машина.

– Дети! Идите ко мне, скорее.

Из-за угла показались двое. Одного она никогда прежде не видела – высокий, элегантный, несколько декадентской внешности блондин в длинном черном кожаном пальто и блестящих башмаках. Под стоячим воротником – железный крест. Второй ей был знаком – полицейский из Карриво. Поль Желер. Антуан часто приговаривал, что этот парень трусоват и подловат.

– Мадам Мориак, – официально раскланялся французский полицейский.

Ей не понравился его взгляд. Так обычно переглядываются мальчишки, перед тем как начать задирать слабого.

– Здравствуйте, Поль.

– Мы тут из-за некоторых ваших коллег. Но вам не о чем беспокоиться, мадам. Вас нет в списке.

Список.

– Что вам нужно от моих коллег? – пролепетала она чуть слышно.

– Некоторых учителей сегодня уволят.

– Уволят? За что?

Нацист резко хлопнул в ладоши, будто пришлепнул муху:

– Евреи, коммунисты и франкмасоны! – Он ухмыльнулся. – И все прочие, кому не позволено работать в школах, государственных учреждениях и юстиции.

– Но...

Нацист коротко кивнул полицейскому, оба развернулись и молча зашагали к школьным дверям.

– Мадам Мориак? – Кто-то потянул ее за рукав.

– Мама? – всхлипнула Софи. – Они ведь не могут так поступить, да?

– Конечно, могут! – сердито выпалил Жиль. – Чертовы нацистские ублюдки.

Вианна, наверное, должна была одернуть мальчика за неподобающие выражения, но не могла думать ни о чем, кроме списка, который она написала по требованию капитана Бека.

Несколько часов Вианна сражалась с совестью. Она вела уроки, хотя потом и не помнила как. В памяти застрял взгляд, который

бросила на нее Рашель, выходя из школы с другими уволенными учителями. Около полудня Вианна попросила другую учительницу взять ее класс, хотя учителей уже сейчас не хватало.

И вот она стоит на центральной площади.

Всю дорогу она думала, что сказать, но стоило увидеть нацистские знамена над ратушей, как ее решимость тут же улетучилась. Немецкие солдаты расхаживали повсюду, разъезжали на роскошных откормленных скакунах или стремительно проносились по улицам в сияющих черных «ситроенах». На другой стороне площади какой-то патрульный засвистел и наставил винтовку на пожилого мужчину, заставляя того опуститься на колени.

Вианна, вперед.

Она поднялась по широким ступеням прямо к дубовым дверям, где юный часовой преградил путь, требуя объяснить, что ей тут надо.

– Я к капитану Беку.

– А. – Солдат открыл дверь, ткнул в сторону лестницы и показал два пальца.

В главном зале толпились люди в форме. Стараясь ни с кем не встретиться взглядом, Вианна поспешила к лестнице под пристальным взором фюрера, тарачившегося на нее с огромного, во всю стену, портрета.

На втором этаже она решилась обратиться к военному:

– Мне нужен капитан Бек.

– Сюда, мадам. – Он проводил ее до двери в конце коридора, постучал и любезно отворил.

Бек сидел за роскошным, черным с золотом, столом – наверняка реквизирован в каком-нибудь из окрестных замков. На стене портрет Гитлера и несколько карт, на столе пишущая машинка. В углу в кучу свалены конфискованные радиоприемники, но хуже всего – продукты. Ящики и коробки, груды мясных консервов и головки сыра.

– Мадам Мориак! – вскочил Бек. – Какой приятный сюрприз. Чем могу быть полезен?

– Я по поводу учителей, которых вы уволили.

– Не я, мадам.

Покосившись на приоткрытую дверь, Вианна подошла ближе и продолжила, понизив голос:

– Вы говорили, что этот список – чистая формальность.

– Простите. Правда. Но мне так сказали.

– Эти люди нужны в школе.

– Вы здесь, а это... может быть опасно. – Он подошел к ней вплотную. – Вам не надо хотеть привлекать к себе внимание, мадам Мориак. Не здесь. Есть человек... – Он бросил взгляд на дверь и мгновенно умолк. – Ступайте, мадам.

– Жаль, что вы попросили меня об этой услуге.

– Мне тоже, мадам. – Бек смотрел сочувственно. – А теперь идите. Пожалуйста. Вам не следует здесь быть.

Вианна отвернулась от капитана Бека – и от горы съестного, и от портрета фюрера – и вышла из кабинета. Она спускалась по лестнице, а солдаты провожали ее взглядами, перемигивались, хихикали и наверняка подшучивали над очередной француженкой, окрутившей лихого немецкого парня. Только ступив на улицу, Вианна осознала весь ужас своей ошибки.

Несколько женщин, оказавшихся в этот момент на площади, заметили, как она выходит из логова нацистов.

И среди них была Изабель.

Вианна поспешила к сестре, мимо Элен Рюэль, жены булочника, которая несла хлеб в комендатуру.

– Вышли в свет, мадам Мориак? – язвительно осведомилась Элен.

Изабель уже мчалась навстречу, и Вианна, запыхавшись, остановилась, поджидая.

– Что ты там делала? – возмущенно крикнула Изабель.

– Сегодня уволили учителей. Нет, не всех, а только евреев, франкмасонов и коммунистов. – Она вновь вспомнила, как это было: тишина в классах, в коридоре, замешательство среди оставшихся. Никто не понимал, что делать дальше, как противостоять произволу оккупантов.

– *Только?* – переспросила Изабель.

– Я не это имела в виду. Хотела сказать, что они уволили не всех. – И Вианна замолчала, устыдившись того, сколь жалко звучал ее голос.

– Но зачем ты пошла в комендатуру?

– Я... думала, что капитан Бек сможет помочь нам. Помочь Рашель.

– Ты просила Бека об одолжении?

– А что оставалось делать...

– Француженки не просят наци о помощи, Вианна. Господи, ну это-то ты должна понимать.

– Я понимаю, – потерянно произнесла Вианна. – Но...

– Но что?

Вианна не в силах была дольше хранить это в секрете:

– Это я составила список имен.

Изабель окаменела. Будто даже перестала дышать. Взгляд ее ударил сильнее, чем пощечина.

– Как ты могла?! Ты что, и Рашель записала?

– Я н-н-не знала. Откуда мне было знать? Он сказал, это простая формальность. – Вианна схватила Изабель за руку: – Прости меня. Я правда не знала.

– Тебе не у меня надо просить прощения, Вианна.

Глубочайшее, пронзительное чувство стыда накрыло Вианну. Как она могла быть настолько глупа? И, во имя всего святого, как же ей теперь исправить ошибку? Она взглянула на часы. Уроки вот-вот закончатся.

– Пойдем в школу, – сказала она. – Заберем Софи и Сару, отведем домой. Мне надо кое-что сделать.

– Что бы ты ни затеяла, надеюсь, ты хорошо подумала.

– Пошли, – устало выдохнула Вианна.

На окраине городка стояла маленькая норманнская церковь, часовня Святой Жанны. А за ней, под защитой средневековых стен, располагался монастырь Сестер Святого Иосифа. Монахини содержали сиротский приют и школу.

Вианна ступила на каменные плиты, и шаги эхом разнеслись по церкви. Она тяжело вздохнула, и облачко пара вырвалось изо рта. Вианна сняла перчатки только на секунду, окунуть пальцы в чашу с замерзшей водой. Перекрестилась, подошла к пустой скамье, преклонила колени и, опустив голову, попробовала молиться.

Ей необходима подсказка – и прощение, – но впервые в жизни она не находила слов для молитвы. Неужели можно простить такой глупый, неосмотрительный поступок?

Господь видит ее вину и ее страх, он осудит ее. Вианна печально села на скамью.

– Вианна Мориак?

Мать-настоятельница Мари-Тереза опустилась рядом. Она ждала, что Вианна заговорит первой. Прежде всегда бывало так. С того самого первого раза, когда беременная шестнадцатилетняя Вианна пришла к матушке за советом. Именно матушка утешила Вианну, когда отец назвал ту потаскухой; матушка организовала бракосочетание и убедила отца позволить Вианне с Антуаном жить в Ле Жарден; матушка заверила Вианну, что ребенок – это всегда чудо и что их юная любовь выдержит все испытания.

– Вы, наверное, знаете, что в моем доме поселился немец, – заговорила наконец Вианна.

– Как и во всех больших домах и во всех отелях в округе.

– Он спросил меня, кто из учителей в школе еврей, коммунист или франкмасон.

– Ах, вот как. И ты ему ответила.

– Я дура, да? Изабель так считает, она права?

– Ты не дура, Вианна. И твоя сестра слишком поторопилась осудить тебя. Впрочем, она всегда была поспешна в суждениях.

– Я все спрашиваю себя, а узнали бы они без моей помощи?

– Они уволили евреев отовсюду. Ты разве не знаешь? Мсье Пенуар больше не почтмейстер, и судью Бреза заменили. Мне из Парижа сообщили, что директриса коллежа Севинье вынужденно подала в отставку, как и все еврей-певцы в Опере. Может, немцам нужна была твоя помощь, а может, и нет. Но они наверняка выяснили бы все, что хотели, и без тебя. – Матушка говорила ласково, но строго. – Однако дело вовсе не в этом.

– А в чем же?

– Думаю, когда идет война, мы должны смотреть на многое гораздо глубже. Вопрос не в них, но в нас.

Глаза защипало от слез.

– Я больше не знаю, что мне делать. Всегда обо всем заботился Антуан. Вермахт и гестапо – это для меня чересчур.

– Не стоит думать о них. Думай о том, кто *ты* такая, чем ты можешь пожертвовать, а что погубит и сломит тебя.

– Да это *все* меня уничтожает. Мне надо стать такой, как Изабель. Для нее эта война – либо черное, либо белое. Она абсолютно уверена в себе и ничего не боится.

– Изабель тоже столкнется с кризисом веры, как и все мы. Я пережила Великую войну и знаю, что испытания только начинаются. Ты должна быть сильной.

– Благодаря вере в Бога.

– Да, разумеется, но не *только* благодаря вере. Боюсь, одной веры и молитвы будет недостаточно. Путь праведности зачастую полон опасности. Готовься, Вианна, это лишь первый экзамен. Пусть он послужит уроком. – Матушка обняла Вианну, и та уткнулась лицом в колючее шерстяное облачение.

Отсранившись, она почувствовала себя гораздо лучше.

Настоятельница поднялась и, взяв Вианну за руку, подвела ее к кафедре.

– Может, выкроишь время на неделе, навестишь ребятишек, позанимаешься с ними? Они любят, когда ты учишь их рисовать. Нынче все живут впроголодь, люди ропщут. Благодарение Господу, у сестер прекрасный сад, а козье молоко и сыр – просто манна небесная...

– Конечно, – согласилась Вианна.

– Ты не одинока, и не ты во всем виновата, – успокоила матушка. – Не бойся просить о помощи, когда нуждаешься в ней, помогай сама, кому можешь. Думаю, именно так мы исполняем волю Божью – перед собой и друг другом – в такие темные времена, как нынешние.

Не ты во всем виновата.

Всю обратную дорогу Вианна размышляла над этими словами.

Она всегда находила утешение в вере. Когда мама впервые начала кашлять и потом, когда кашель сотрясал все ее тело, а на платке оставались кровавые пятна, Вианна всегда молила Господа. Просила помощи, наставления. Способа обмануть смерть, которая уже на пороге. Ей было четырнадцать, и она пообещала Богу все, что угодно, если только он сохранит жизнь маме. Молитвы ее остались без ответа, и тогда она вновь просила его даровать силы, чтобы справиться с последствиями горя – одиночеством, отцовской неприязнью, его угрюмым молчанием или приступами пьяной ярости, с постоянным нытьем и приставаниями Изабель.

Ей хотелось верить, что она не одинока и что в самом деле не виновата в происходящем, но более всего – что ее жизнь действительно развивается по плану Господа, даже если он и не известен людям.

Но никогда прежде эта надежда не была такой жалкой, как сейчас. Она *одинока*, и в этом никто не виноват, кроме нацистов.

Она совершила ужасную, чудовищную ошибку. И ничего не исправить. Она не в силах изменить случившееся, но порядочный человек принимает на себя ответственность – и вину – и просит прощения. Кем бы она ни была, каковы бы ни были ее слабости, недостатки и промахи, она намерена остаться порядочной женщиной.

И она знает, что должна сделать.

Знать-то она знала, но, подойдя к дому Рашель, все не могла заставить себя двинуться дальше. Ноги налились свинцом, не говоря уж о сердце.

Глубоко вдохнув, Вианна постучала. Шорох, шаги – и в дверях появилась Рашель со спящим малышом на одном плече и парой рабочих штанов – на другом.

– Вианна, – улыбнулась она. – Заходи.

Вианна чуть не поддалась приступу паники. *Ой, Рашель, я просто забежала на минутку поздороваться.* Но взяла себя в руки и вошла в дом следом за подругой. Устроилась на своем обычном месте – в удобном кресле у очага.

– Подержи Ари, я сварю кофе.

Вианна осторожно взяла малыша на руки. Он тут же прильнул теснее, и она ласково погладила его по спинке, поцеловала макушку.

– Говорят, Красный Крест доставляет посылки заключенным в концлагерях, – сообщила Рашель, появляясь с двумя чашками кофе. Одну она поставила на стол рядом с Вианной. – А где девочки?

– У нас дома, с Изабель. Наверное, учатся стрелять из ружья.

Рашель расхохоталась:

– Ну, бывают навыки и похуже.

Она швырнула шаровары, болтавшиеся на плече, в корзину с шитьем и села напротив Вианны.

Вианна, зарывшись носом в волосенки Ари, вдыхала чистый детский запах. Подняв глаза, увидела, что Рашель пристально смотрит на нее.

– У тебя тяжелый день? – тихо спросила подруга.

Рашель знала, как горько Вианна оплакивала своих нерожденных детей, как истово молилась о маленьком. Когда Рашель забеременела Ари, между ними возникло напряжение – не всерьез, но все же. Такая радость для Рашель... и одновременно предмет зависти.

– Нет, – ответила Вианна. Она решительно посмотрела в глаза подруге. – Мне надо тебе кое-что рассказать.

– Что?

– Помнишь тот день, когда мы писали открытки? И когда мы вернулись домой, меня ждал капитан Бек?

– Помню. Я еще предложила пойти вместе с тобой.

– Жаль, что не пошла, хотя, полагаю, это ничего бы не изменило. Он просто дождался бы, когда ты уйдешь.

– Он что... – Рашель привстала.

– Нет, нет, – торопливо ответила Вианна. – Совсем не то. Он сидел за столом, перебирал какие-то бумаги. Он... попросил меня составить список имен. Хотел знать, кто из школьных учителей еврей или коммунист. – Она помолчала. – Он еще спрашивал про гомосексуалистов и франкмасонов, можно подумать, люди распространяются вслух о таких вещах.

– И ты сказала ему, что не знаешь.

Мучительный стыд вынудил Вианну отвести взгляд, но все же она выговорила:

– Я назвала ему твое имя, Рашель. Вместе с остальными.

Рашель замерла, краска схлынула с ее лица, и глаза как будто сделались еще темнее.

– И они нас вышвырнули.

Вианна, судорожно сглотнув, кивнула.

Рашель поднялась и вышла, не обращая внимания на жалобные *пожалуйста, Рашель, прошу тебя*, намеренно сторонясь. Хлопнула дверь спальни.

Время тянулось мучительно медленно, в невысказанных молитвах, затаившемся дыхании, под тихий скрип стула. Вианна, не отводя взгляда от крошечных черных стрелок, поглаживала малыша в такт тикающим на камине часам.

Наконец Рашель вернулась. Волосы взлохмачены, щеки пылают – то ли от страха, то ли от злости. А может, от того и другого

одновременно. Глаза заплаканы.

– Прости, – выдавила Вианна, поднимаясь навстречу. – Прости меня.

Рашель подошла вплотную, глаза ее блеснули, но гнев тут же уступил место смирению.

– Весь город знает, что я еврейка, Вианна. Я всегда гордилась этим.

– Да, понимаю. Именно это я себе и твердила. Но все равно я не должна была помогать ему. Прости. Ни за что на свете я не желала бы причинить тебе боль. Надеюсь, ты это знаешь.

– Ну конечно знаю, – тихо сказала Рашель. – Но, Ви, ты должна быть осторожнее. Бек молод, симпатичен, вежлив и дружелюбен, но он – нацист, а они все опасны.

Такой холодной зимы, как в 1940-м, еще не бывало. Снег валил день за днем, укутывая поля толстым покрывалом; на поникших ветвях деревьев поблескивали сосульки.

Но каждую пятницу Изабель вставала задолго до рассвета и разносила «террористические прокламации», как называли их нацисты. На прошлой неделе листовки сообщали о военных действиях в Северной Африке и взбудоражили французов информацией о том, что дефицит продуктов зимой вызван вовсе не британской блокадой, как утверждала немецкая пропаганда, а конфискацией нацистами всего, что произвела Франция.

Вот уже несколько месяцев Изабель расклеивала листовки, но, откровенно говоря, никакого эффекта не замечала. Многие жители Карриво по-прежнему поддерживали Петена. Хуже того – им попросту было наплевать. Много, пугающе много горожан смотрели на разгуливающих по их улицам немцев и думали: *какие юные, совсем мальчишки* – и спешили по своим делам, не поднимая головы, чтобы не нарваться на неприятности.

Нацисты, естественно, видели листовки. Некоторые французы откровенно стремились заслужить расположение оккупантов – и для начала вручали им листки, которые находили в своих почтовых ящиках.

Изабель знала, что немцы разыскивают авторов и тех, кто разносит прокламации, но пока они не слишком усердствовали.

Особенно в эти снежные дни, когда все вокруг только и говорили, что о бомбардировках Лондона. Наверное, немцы понимали, что печатного слова недостаточно, чтобы обратить вспять ход войны.

Сегодня они спали втроем в кровати Вианны. Софи комочком свернулась у нее под боком, с другой стороны дочку согревала Вианна. За последний месяц они перетасили в кровать все одеяла, пледы, теплые тряпки, что нашлись в доме. Изабель тихо лежала, наблюдая, как воздух от ее дыхания собирается в крошечные морозные облачка.

Она представила, каким ледяным будет пол даже сквозь толстые шерстяные носки. Сегодня днем ей ни минуты больше не будет так тепло, как сейчас. Но все же Изабель, стиснув зубы, выскользнула из-под груды одеял. Софи недовольно забормотала сквозь сон и перекатилась поближе к матери.

Едва ноги коснулись пола, голени пронзила острая боль. Поморщившись, Изабель поковыляла к двери.

Спуск по лестнице показался бесконечным, так сильно болели ноги. Проклятые обморожения. Этой зимой от них страдали все. Возможно, от недостатка масла и вообще жиров в пище, но Изабель понимала, что в ее случае причина еще и в дырявых носках и башмаках, расползающихся по швам.

Она хотела бы разжечь камин – душу бы продала за минутку тепла, право, – но у них кончился запас дров. К концу января они начали выдирать доски из стен сарая и жечь их в печке, а заодно старые ящики, поломанные стулья и вообще все, что смогли отыскать. Изабель вскипятила себе чашку воды и медленно выпила, прислушиваясь, как тепло заполняет желудок, обманывая его пустоту. Потом сгрызла черствую корочку хлеба, сунула под одежду новую партию листовок, надела пальто Антуана, башмаки и перчатки, на голову и шею намотала шерстяной шарф. Но стоило оказаться на улице, как дыхание перехватило от мороза. Отмороженные пальцы ныли и пульсировали при каждом шаге, руки мгновенно застыли, даже в перчатках.

На улице было странно тихо. Перебравшись через глубокие сугробы, Изабель отодвинула створку ворот и оказалась на белоснежной дороге.

Из-за холода и снегопада у нее ушло целых три часа на работу (на этой неделе в листовках говорилось о бомбежках Англии – боши

сбросили на Лондон 32 000 бомб только за одну ночь). Занялся рассвет, жиденький, как постный бульон. В очереди к мяснику Изабель стояла первой, но вскоре подтянулись и остальные. В семь утра жена мясника подняла ставни и отперла дверь.

– Осьминог, – объявила она.

– А мяса нет? – разочарованно протянула Изабель.

– Не для французов, мадемуазель.

Очередь недовольно заворчала; те, что стояли ближе, предпочли бы мясо, а дамы из конца очереди понимали, что им не достанется и осьминога.

Изабель со свертком в руках вышла из магазина. Ну хоть что-то. Консервированного молока больше нет, ни по карточкам, ни на черном рынке. Ей еще повезло – два часа в очереди вознаграждены кусочком камамбера. Прикрыв драгоценную добычу тряпицей, Изабель ковыляла со своей корзинкой по улице Виктора Гюго.

Из кафе, забитого немецкими вояками и французскими полицейскими, доносился запах кофе и свежеспециенных круассанов. В желудке предательски заурчало.

– Мадемуазель. – Полицейский коротко кивнул, показывая, что ему надо пройти. Она посторонилась. Полицейский приклеил объявления на стекло давно закрывшейся лавки.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

РАССТРЕЛЯНЫ ЗА ШПИОНАЖ: ЕВРЕЙ
ЯКОБ МАНСАР, КОММУНИСТ ВИКТОР
ЯБЛОНСКИ, ЕВРЕЙ ЛУИ ДЕВРИ.

И еще одно.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

С НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ФРАНЦУЗЫ,
АРЕСТОВАННЫЕ ЗА ЛЮБОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ИЛИ НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА, СЧИТАЮТСЯ
ЗАЛОЖНИКАМИ.

ПРИ СОВЕРШЕНИИ ВРАЖДЕБНЫХ
ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ ЗАЛОЖНИКИ
БУДУТ РАССТРЕЛЯНЫ.

– То есть они будут расстреливать французов просто так, ни за что? – возмутилась Изабель.

– Не нужно так переживать, мадемуазель. Эти предупреждения не касаются таких очаровательных барышень, как вы.

Изабель с ненавистью смотрела на полицейского. Он еще хуже, чем немцы, он казнит своих. Вот поэтому она ненавидит вишистское правительство. Что хорошего в самоуправлении для половины Франции, если это превращает их в нацистских марионеток?

– Вам дурно, мадемуазель?

Какой заботливый. А что будет, если она назовет его предателем и плюнет в рожу? Руки сжались в кулаки.

– Все в порядке, спасибо.

Изабель проводила взглядом полицейского. Тот уверенно пересек улицу, поправил шляпу, идеально сидящую на коротко стриженной голове. Немцы в кафе радостно приветствовали его, хлопая по спине, потащили в свою компанию.

Изабель с отвращением отвернулась.

И заметила сверкающий металлом велосипед у задней стены кафе. Насколько проще стала бы ее жизнь, если бы можно было каждый день ездить в город, а не ходить.

Обычно за велосипедом присматривал кто-то из солдат, но в это мрачное снежное утро на террасе за столиком никого.

Не делай этого.

Сердце бешено колотилось, ладони вспотели. Она огляделась. Женщины, стоявшие в очереди у мясной лавки, ничего вокруг не замечали, погруженные в свои мысли. Окно кафе запотело, за ним едва различимы мужские силуэты.

Так уверены в собственной безопасности.

Из-за нас, с горечью подумала она.

На этой мысли последние сомнения исчезли. Прижав покрепче к груди корзинку, Изабель потихоньку двинулась по обледеневшей

бульжной мостовой. С этой секунды, с самого первого шага, очертания мира вокруг размылись и время замедлилось. Здания превратились в огромных белых великанов, снег слепил глаза, все, что она видела, – мерцание серебристого руля и два темных колеса.

Есть только один способ. Все решает скорость. Не смотреть по сторонам, не замедлять шаг.

Где-то залаяла собака. Хлопнула дверь.

Изабель шла, не сворачивая; еще пять шагов до велосипеда.

Четыре.

Три.

Два.

Она ступила на тротуар, вцепилась в велосипед, прыгнула в седло.

Изабель мчалась по брусчатке, багажник дребезжал и лязгал на неровностях дороги. Чуть не свалившись, она свернула за угол и ожесточенно завертела педали.

Вильнув в знакомый переулок, спрыгнула с велосипеда и постучала в дверь. Четыре раза.

Дверь отворил хмурый Анри.

В полумраке маленькой комнаты светила одна-единственная керосиновая лампа на поцарапанном деревянном столе. Анри готовил колбаски, начиняя их фаршем и салом. Готовые связки развешены по стенам. Комната провоняла мясом, кровью и табачным дымом. Изабель втащила велосипед и закрыла дверь.

– Привет, – буркнул Анри, вытирая руки полотенцем. – Назначено совещание, о котором я ничего не знаю?

– Нет.

Анри заглянул ей за спину:

– Это не твой велосипед.

– Я угнала его. Прямо у них из-под носа.

– Это же велосипед Алена Дешампа! Он все бросил и вместе с семьей сбежал в Лион в самом начале оккупации. Я видел недавно, как на этом велике разъезжал какой-то эсэсовец.

– СС? – Восторженный энтузиазм Изабель несколько поугас. Про зверства СС ходили жуткие слухи. Вероятно, надо было обдумать как следует...

Анри подошел так близко, что она чувствовала тепло его тела.

Они никогда не оставались наедине, тем более так близко друг к другу. Впервые она рассмотрела его глаза – не карие и не зеленые, а серо-коричневые, как туман в чаще леса. А над бровью шрам – или рана была чудовищная, или зашили паршиво, – и она впервые задумалась, что за жизнь парень вел прежде, что привело его к коммунистам и в это подполье. Ему, пожалуй, не было и тридцати, но выглядел, скажем прямо, гораздо старше, как человек, переживший страшное горе и все потерявший.

– Надо его перекрасить, – сказал он.

– У меня нет краски.

– У меня есть.

– А ты...

– Поцелуй.

– Поцелуй? – переспросила она, выигрывая время. До войны подобные игривые шуточки были обычным делом. Мужчины заглядывались на нее, всегда. Изабель мечтала вернуть те времена, хотела пофлиртовать с Анри и чтобы он заигрывал с ней, но – увы – сейчас одна мысль о романтических отношениях вызывала глубокую печаль. Как будто поцелуи больше ничего не значили, а флирт – и того меньше.

– Один поцелуй, и я сегодня же перекрашу твой велосипед, а завтра ты его заберешь.

Она шагнула к нему, потянулась губами к губам.

Они прильнули друг к другу, словно и не было между ними нескольких слоев зимней одежды и листовок. Он сгреб ее в объятия и поцеловал. На один прекрасный миг она вновь стала Изабель Россиньоль, горячей девчонкой, о которой мечтают мужчины.

Но вот поцелуй закончился, Анри отстранился, и ей стало пусто. Досадно.

Надо было что-то сказать, пошутить или, может, притвориться, что испытала что-то невероятное. Прежде, когда поцелуи означали нечто большее – или меньшее, – она именно так и поступила бы.

– У тебя кто-то есть. – Анри пристально разглядывал ее.

– Нет, никого.

– Врешь. – Анри нежно коснулся ее щеки.

Изабель вспомнила, как многим обязана Анри. Это он привел ее в Свободную Францию, дал ей шанс, поверил в нее. Но когда они

целовались, она думала о Гаэтоне.

– Я ему не нужна, – призналась она. Впервые она рассказала правду другому человеку. Признание удивило ее саму.

– В другое время я бы заставил тебя его забыть.

– А я дала бы тебе шанс.

– Синяя, – после паузы сказал он.

– Синяя?

– У меня есть синяя краска.

– Годится, – улыбнулась она.

И позже, днем, когда она стояла в очередях за крохами еды, когда собирала хворост в лесу и тащила его домой, она вспоминала этот поцелуй.

И единственная мысль крутилась в голове, снова и снова. *Если бы только.*

Тринадцать

Чудным апрельским днем 1941 года Изабель валялась на шерстяном одеяле, которое расстелила прямо на лугу за домом, среди благоухающих цветущих трав. Закрыв глаза, можно было даже забыть, что рокот моторов вдалеке – это немецкие грузовики, везущие солдат и французские продукты на станцию в Тур. После диких морозов минувшей зимы она наслаждалась убаюкивающим солнечным теплом.

– Вот ты где.

Изабель со вздохом села.

Вианна была в светло-голубом льняном платье, посеревшем от грубого самодельного мыла. Голодная зима иссушила ее тело, заострила скулы и углубила ямочку в основании горла. Платок, намотанный на голову, скрывал потускневшие и поредевшие волосы.

– Это тебе, – протянула она листок бумаги. – Принесли. Мужчина. Тебе, – многозначительно повторила она.

Изабель со стоном поднялась на ноги и выдернула листок из рук сестры. Корявым почерком было нацарапано: «Шторы открыты». Изабель нехотя принялась складывать одеяло. Что бы это значило? Ее никогда раньше не вызывали на собрания. Должно быть, произошло что-то важное.

– Изабель, ты не собираешься ничего объяснить?

– Нет.

– Это принес Анри Наварра. Сын хозяина гостиницы. Я и не знала, что вы знакомы.

Разорвав листок на множество клочков, Изабель пустила их по ветру.

– Ты же знаешь, что он коммунист, – сердито прошептала Вианна.

– Мне надо идти.

– Ты что, всю зиму бегала на свидания с коммунистом? – Вианна ухватила сестру за руку. – Тебе известно, как к этому относятся нацисты. Опасно даже просто раскланиваться с этим типом.

– А тебе известно, что мне наплевать на мнение наци? – Изабель резко высвободилась и босиком побежала к дому. В прихожей сунула ноги в первые попавшиеся туфли, вылетела на улицу, запрыгнула на велосипед и, помахав застывшей в изумлении Вианне, умчалась.

Миновав закрытый шляпный магазин – занавески на окнах подняты, так и есть! – она свернула в переулок и остановилась.

Прислонила велосипед к старой каменной стене, постучала в дверь четыре раза. И только потом сообразила, что это может быть ловушка. От страшной догадки дыхание перехватило, Изабель нервно оглянулась, но было слишком поздно бежать.

Дверь открыл Анри.

Изабель юркнула внутрь. В комнате, как всегда, было накурено и воняло жженым эрзац-кофе. В старом ореховом кресле развалился тот самый здоровяк, что когда-то привел ее сюда, – Дидье. Он откинулся на спинку так, что передние ножки кресла приподнялись над полом, а сам он головой уперся в стену сзади.

– Не надо было приносить записку ко мне домой, Анри. Сестра начала задавать много вопросов.

– Пришлось, есть срочный разговор.

Неужели они наконец-то предложат ей что-то посерьезнее, чем рассовывать бумажки по почтовым ящикам? Изабель не на шутку разволновалась.

– Я слушаю.

Анри, закулив сигарету, внимательно разглядывал ее сквозь облака дыма.

– Ты слыхала, что префекта Шартра арестовали и пытали за то, что он коммунист?

– Нет, – помрачнела Изабель.

– Он перерезал себе горло осколком стекла, чтобы не предать никого. – Анри загасил сигарету о подошву, а окурочок сунул в карман, сберегая на будущее. – Он собрал группу вроде нашей, из ребят, которые хотят поддержать де Голля. Он – этот мужик, который горло себе перерезал, – сейчас намерен добраться до Лондона, чтобы лично обратиться к де Голлю. Хочет организовать движение Свободная Франция.

– Так он что, не умер? – изумилась Изабель.

– Не-а. Говорят, это чудо, – вступил Дидье.

Анри все так же внимательно рассматривал Изабель.

– У меня есть письмо – очень важное, – которое нужно передать нашему связному в Париже. Но, к сожалению, за мной сейчас следят. И за Дидье.

– Угу, – задумчиво протянула Изабель.

– И я вспомнил о тебе, – сказал Дидье.

– Обо мне?

– Можешь доставить это нашему человеку в Париже? – Анри вытащил из кармана смятый конверт. – Он ждет его на этой неделе.

– Но... у меня нет *Ausweis*.

– Знаю, – кивнул Анри. – И если тебя схватят... – Он не договорил. – Никто ничего дурного не подумает, если ты откажешься. Это вправду очень опасно.

Опасно – слабо сказано. Весь Карриво обклеен объявлениями о казнях в Оккупированной Зоне. Нацисты казнят французских граждан за малейшие провинности. Тюрьма – самое меньшее, что ее ждет, если поймают. Но она верила в Свободную Францию так же истово, как ее сестра – в Бога.

– Итак, я должна получить пропуск, добраться до Парижа, вручить письмо и вернуться обратно. – На словах не так уж страшно.

– Не совсем, – уточнил Анри. – Нам нужно, чтобы ты осталась в Париже и стала нашим... почтовым ящиком. В ближайшее время будет много подобной корреспонденции. У твоего отца ведь там квартира?

Париж.

Она стремилась туда с того момента, как отец ее выгнал. Вернуться в Париж и всерьез бороться с нацистами.

– Отец не позволит мне остаться.

– Придется его убедить, – спокойно сказал Дидье, оценивающе разглядывая Изабель.

– Он не из тех, кого легко убедить.

– То есть ты не можешь. Ладно. Найдем другой способ.

– Погодите, – заволновалась Изабель.

Она видела, как колеблется Анри, как ему хочется, чтобы она отказалась. Он боится за нее. Упрямо вскинув подбородок, Изабель посмотрела ему прямо в глаза:

– Я сделаю.

– Тебе придется обманывать близких, жить в постоянном страхе. Выдержишь? Ты нигде не будешь чувствовать себя в безопасности.

Изабель горько усмехнулась. Можно подумать, это сильно отличается от той жизни, которую она ведет с самого детства.

– А вы присмотрите за моей сестрой? – спросила она. – Сумеете ее защитить?

– Мы все рискуем, и своими семьями тоже, – печально сказал Анри. Эту истину все они познали на собственном опыте – безопасности не существует. – Надеюсь, ты это понимаешь.

Но Изабель понимала лишь, что у нее появился шанс сделать что-то значительное.

– Когда я должна ехать?

– Как только получишь *Ausweis*, что само по себе непросто.

О чем, во имя всего святого, думает эта девчонка?

Нет, ну право, крутить любовь с коммунистом!

Вианна раздраженно шлепнула на доску кусок жилистой баранины – недельный рацион.

Изабель, конечно, всегда была взбалмошной, эдакое дитя природы, не признающее никаких правил. Бесчисленные учителя и монахини-наставницы безуспешно пытались научить ее быть сдержанной.

Но это не то же самое, что целоваться с мальчиком на танцах, или сбегать из школы в цирк, или отказываться носить чулки и корсет.

Идет война, страна оккупирована. Неужели Изабель до сих пор считает, что ее выходки останутся без последствий?

Вианна порубила мясо на мелкие кусочки, добавила к фаршу драгоценное нынче яйцо и черствый хлеб, сдобрила перцем и солью. Она лепила из фарша аккуратные котлетки, когда услышала мотоциклетное *дрын-дрын*. Подошла к двери, приоткрыла ровно настолько, чтобы выглянуть наружу.

Над каменной стеной показались голова и плечи капитана Бека, слезавшего с мотоцикла. Через минуту подъехал зеленый армейский грузовик. Во двор вошли трое немецких солдат. Они громко обсуждали что-то, а потом направились к увитой розами стене, которую соорудил еще прапрадедушка Вианны. Один из солдат поднял здоровенную кувалду и обрушил ее на стену. Каменные осколки полетели во все стороны, розовый куст повалился на землю, лепестки усыпали траву вокруг.

– Герр капитан! – выскочила во двор Вианна.

Кувалда опустилась еще раз. *Крррак*.

– Мадам. – Бек, похоже, был не слишком рад происходящему. Черт побери, она, оказывается, достаточно хорошо успела узнать этого типа, если различает его настроения. – У нас приказ убрать все ограждения вдоль дороги.

Солдат продолжал рушить стену, а двое других, хохоча над какими-то своими шутками, направились к дому. Не обращая внимания на хозяйку, не спрашивая позволения, они вошли внутрь.

– Мои сочувствия. – Бек перешагнул через каменные обломки, подошел к Вианне. – Я знаю, вы любите розы. И – очень плачевно – мои люди выполняют приказ о реквизиции в вашем доме.

– Реквизиции?

Солдаты появились на пороге; один держал в руках картину, которая прежде висела над камином, второй волок кресло из гостиной.

– Это было любимое кресло моей бабушки, – тихо сказала Вианна.

– Простите. Я не мог это остановить.

– Какого черта...

Вианна не знала, радоваться ей или тревожиться, когда Изабель, перетащив велосипед через кучу камней, поставила его под деревом. Между ее владениями и дорогой больше не было никаких преград.

Выглядела Изабель очаровательно, несмотря на покрасневшиеся от быстрой езды щеки и взмокший лоб. Золотистые локоны окаймляли лицо, выцветшее красное платье подчеркивало изгибы тела.

Солдаты замерли, таращась на нее, даже выпустили из рук свернутый в рулон обюссонский ковер.

Бек вежливо приподнял фуражку, потом сурово бросил что-то солдатам, и те, подхватив ковер, поспешили к грузовику.

– Итак, вы сломали нашу стену? – язвительно осведомилась Изабель.

– Штурмбанфюрер хочет, чтобы все дома просматривались с дороги. Кто-то распространяет антигерманскую пропаганду. Мы найдем и арестуем преступника.

– И вы думаете, безобидные листки бумаги стоят такой возни?

– Они совсем не безобидные, мадемуазель. Они подстрекают к насилию.

– О да, насилие недопустимо. – Изабель скрестила руки на груди.

Вианна во все глаза смотрела на нее. Что-то здесь не так. Сестра спокойна, как... как кошка перед прыжком.

– Герр капитан, – проговорила Изабель после короткой паузы.

– Да, мадемуазель?

Солдаты тем временем проволокли мимо них кофейный столик.

Изабель проводила их задумчивым взглядом и подошла к капитану:

– Наш отец болен.

– Разве? – удивилась Вианна. – Почему я об этом не знаю? Что с ним?

– Он просил, – не обращая внимания на сестру, продолжала Изабель, – чтобы я приехала в Париж ухаживать за ним. Но...

– Папа хочет, чтобы *ты* ухаживала за ним? – Вианна ушам своим не верила.

– Чтобы уехать, вам нужен пропуск, мадемуазель, вы же знаете.

– Знаю. Я... – голос Изабель задрожал, – я думала, вы сумеете помочь получить его... Вы ведь почти член семьи. Вы же понимаете, как важны родители!

Странно, но, слушая Изабель, капитан то и дело поглядывал на Вианну, будто именно она была здесь главной.

– Я мог бы достать вам пропуск, – сказал капитан. – В случае семейной необходимости, да.

– Я вам очень признательна.

Вианна молчала. Неужели Бек не понимает, что сестра манипулирует им, – и почему он все время косится на нее?

Получив желаемое, Изабель подняла велосипед и покатила его к сараю. Вианна поспешила за ней.

– Что с папой? – спросила она, когда они отошли на изрядное расстояние.

– С ним все хорошо.

– Ты солгала? Зачем?

Короткая, но вполне ощутимая пауза.

– Полагаю, нет смысла темнить. Сейчас все известно всем. Каждую пятницу я по утрам сбегала на свидание к Анри. А сегодня он позвал меня в Париж. У него есть очаровательная квартирка, на Монмартре вроде бы.

– Ты с ума сошла?

– Скорее, влюбилась. Немножко. Наверное.

– Ты собираешься пересечь оккупированную нацистами Францию, чтобы переспать в Париже с парнем, в которого ты, наверное, влюблена. Немножко.

– Ну да, – согласилась Изабель. – Понимаю, звучит романтично.

– Боже, ты бредишь. По-моему, у тебя мозговая горячка.

– Ну, если любовь – это болезнь, то да – я больна.

– Боже! – всплеснула руками Вианна. – Что мне сказать, чтобы прекратить этот идиотизм?

– Ты веришь мне? – с внезапной серьезностью спросила Изабель. – Веришь, что я могу пересечь оккупированную нацистами Францию просто ради забавы?

– Это совсем не то же самое, что сбежать с бродячим цирком, Изабель.

– Да, но... ты считаешь, что я на такое способна?

– Ну разумеется, – пожала плечами Вианна. – Ты способна на любую глупость.

Слова сестры словно наотмашь хлестнули Изабель.

– Держись подальше от Бека, пока меня не будет, – глухо сказала она. – Не доверяй ему.

– В этом вся ты – твоего беспокойства хватает на советы, но не хватает, чтобы остаться со мной. Только *твои* желания имеют значение. А мы с Софи – так, хлам!

– Это неправда.

– Да ну? Ладно, катись в Париж. Развлекайся, но помни, что ты бросила племянницу и сестру! – Вианна оглянулась на человека, наблюдавшего за тем, как грабят их дом. – С ним.

Четырнадцать

27 апреля 1995 года

Побережье Орегона

Чувствую себя индейкой, подготовленной к запеканию. Да, знаю, эти современные ремни безопасности отличная штука, но у меня от них развивается клаустрофобия. Я принадлежу к тому поколению, которое не впадает в панику от малейшей угрозы.

Помню, как это бывало в те времена, когда требовалось делать выбор. Мы знали, что рискуем, но все же рисковали. Помню, как неслась в своем стареньком «шевроле», утопив в пол педаль газа, попыхивая сигаретой, а из маленьких черных динамиков пел Элвис – *Lawdy, Miss Clawdy*, а дети перекатывались на заднем сиденье, будто кегли в боулинге.

Мой сын опасается, что я могу сбежать в последний момент, и, надо сказать, не без оснований. За последний месяц моя жизнь перевернулась с ног на голову. На заднем дворе моего дома красуется табличка ПРОДАЕТСЯ, а я уезжаю.

– Милая аллея, не находишь? – говорит он.

Уж такой он – заполняет пространство тщательно подобранными словами. Поэтому он очень хороший хирург. Точность и педантичность во всем.

– Угу.

Он сворачивает на парковку. Как и подъездная аллея, площадка окружена цветущими деревьями. Крошечные белоснежные лепестки устилают асфальт кружевом, словно полы в ателье модельера.

Мы еще и не остановились, а я уже начинаю нащупывать этот чертов ремень. В последнее время руки слушаются плохо, и это так раздражает, что ругательства из меня так и выскакивают.

– Я помогу. – Сын отстегивает защелку и успевает выскочить из автомобиля и открыть мою дверь еще прежде, чем я достану сумочку.

Он подает руку и бережно помогает выйти. На коротком пути от машины до входа я вынуждена остановиться дважды, чтобы перевести дух.

– Деревья в это время года великолепны, – замечает он, пока мы тащимся через парковку.

– Угу.

Это сливы, цветы у них такие роскошно розовые, но я отчего-то вдруг вспоминаю цветущие каштаны на Елисейских Полях.

Сын легонько пожимает мою руку. Напоминание о том, что он понимает, насколько мне больно разлучаться с домом, который был моим убежищем почти полвека. Но теперь пришло время смотреть вперед, не оглядываясь.

На реабилитационный центр для пожилых пациентов.

Откровенно говоря, местечко выглядит недурно, ну, может, чересчур функционально – строгие ряды окон-близнецов, идеально выстриженные квадратики газона и американский флаг над входом. Длинное невысокое здание выстроено, наверно, в семидесятые, когда мир вокруг был на редкость уродливым. Два крыла огораживают центральный двор, где, вероятно, сидят в инвалидных креслах старики, подставив солнцу свои сморщенные лица. Слава богу, я поселяюсь не в восточной части здания, где расположены палаты с постоянным медицинским уходом. По крайней мере, пока. Я еще в состоянии ухаживать за собой, распорядиться своей жизнью, спасибо большое, и у меня будет своя комната.

Жюльен придерживает для меня дверь, и первое, что я вижу, – это стойка регистрации, точь-в-точь как в любом пляжном отеле. Даже рыбацкая сеть с ракушками на стене висит. Видимо, на Рождество они втыкают в эту сетку украшения, а чулки развешивают по краю стойки. Точно, после Дня благодарения стены утыкивают веселенькие плакатики.

– Пойдем, мам.

Верно, чего тянуть.

Чем это тут пахнет? Пудинг из тапиоки и куриный суп с лапшой.

Диетическая еда.

Умудряюсь решительно прибавить шагу. Вот чего я никогда не умела делать, так это мешкать.

– Ну вот мы и на месте. – Сын открывает двери комнаты 317А.

Что ж, мило. Апартаменты, пусть и крошечные. Кухня в уголке у двери, за пластиковой стойкой обеденный стол и целых четыре стула. А дальше гостиная с диваном, двумя креслами, кофейным столиком и газовым камином.

Телевизор в углу новой модели, со встроенным видеоплеером. Кто-то – вероятно, Жюльен – даже поставил на полку кассеты с моими любимыми фильмами. *Жан де Флоретт. На последнем дыхании. Унесенные ветром.*

И мои вещи тут: на спинке дивана плед, который я связала; в шкафу – мои книги. В спальне на тумбочке с моей стороны кровати расставлены баночки с моими лекарствами – целая банда оранжевых пластиковых цилиндров. Моя сторона кровати. Забавно, как не меняются некоторые вещи после смерти супруга, – вот это, к примеру. Моя сторона кровати слева, хотя я сплю одна. Саквояж стоит в изножье, как я и просила.

– Ты еще можешь передумать, – ласково предлагает сын. – Поедем ко мне.

– Мы уже обсуждали это, Жюльен. У тебя своя жизнь. Ты не можешь беспокоиться обо мне ежедневно и ежеминутно.

– Думаешь, я буду меньше беспокоиться, если ты останешься здесь?

Мальчик мой, я люблю его и знаю, как тяжело он воспримет мою смерть. Не хочу, чтобы он видел мое постепенное угасание. И чтобы его дочери видели это, тоже не хочу. Я знаю, каково это. Некоторые картины никогда не стираются из памяти. Пускай запомнят меня такой, как сейчас, а не той, кем я стану, когда рак завершит свою работу.

В гостиной сын усаживает меня на диван. Налив нам вина, садится рядом.

Я представляю, как все будет, когда он уйдет, и уверена, он думает о том же. Вздохнув, он тянется к своему портфелю, достает пачку конвертов. Вздох – это вместо слов, знак перехода. Он словно отмечает момент, когда я перехожу от одной жизни к другой. В этой новой, сокращенной, версии жизни мой сын будет заботиться обо мне, а не наоборот. И нам обоим неловко.

– Счета за этот месяц я оплатил. А с этим не знаю, что делать. Думаю, почти все надо выбросить.

Я беру у него письма, просматриваю. «Личное» письмо от оргкомитета Специальной Олимпиады... бесплатное предложение оценить ткань для навесов... напоминание от дантиста, что прошло полгода с момента последнего визита.

Письмо из Парижа.

Красные штампы, будто на почте его передавали из отдела в отдел или доставили не по адресу.

– Мам? – Жюльен наблюдательный. Ничего не упускает. – Что это?

Он тянется за письмом, я хочу удержать, не показывать ему, но пальцы не слушаются.

Распечатав конверт, Жюльен вынимает открытку. Приглашение.

– Тут по-французски. Что-то насчет *Croix de Guerre*. Это про Вторую мировую войну? Наверное, папе?

Ну конечно. Мужчины всегда уверены, что война касается только их.

– В углу приписка от руки.

Guerre. Слово наваливается на меня, расправляет свои черные крылья и становится таким огромным, что я не в силах отвести взгляд от открытки. Против воли я беру в руки приглашение. На встречу *porteur* в Париже.

Они хотят, чтобы я приехала.

И значит, мне придется вспомнить обо всем – о совершенных мной ужасных поступках, о тайне, которую хранила, об убитом мной человеке... и о том, другом, кого на самом деле следовало убить?

– Мама? Что такое *porteur*?

С огромным трудом мне удается выговорить:

– Это человек, который помогал другим людям во время войны.

Пятнадцать

*Сопротивлени
е начинается,
когда задаешь себе
вопрос.*

*А потом
задаешь тот же
самый вопрос
другим.*

Ремко Камперт

Май 1941-го

Франция

В ту субботу, когда Изабель уехала в Париж, Вианна была очень занята. Она стирала белье, затем развешивала его, дергала сорняки в огороде, собирала ранние овощи. В конце долгого дня она устроила себе «дамский салон» – приняла душ и вымыла голову. И, когда вытирала волосы, услышала стук в дверь. Всполошившись, бросилась открывать, на ходу застегивая пуговицы. С влажных волос еще капало.

За дверью стоял капитан Бек – в полевой форме, с запыленным лицом.

– Герр капитан. – Она убрала со щеки влажную прядь.

– Мадам, мы с товарищами рыбачили сегодня. Я принес наш улов.

– Свежая рыба? Как мило. Хорошо, я пожарю ее для вас.

– Для нас, мадам. Вас, меня и Софи.

Вианна все смотрела на Бека, на рыбу в его руках. Она знала, что Изабель не приняла бы такого подарка. Друзья и соседи тоже отказались бы. Еда. Из рук врага. Гордость требует отвергнуть подношение. Это всем известно.

– Я ее не украл и не отобрал. Никто из французов не имеет на нее больше прав, чем я. Нет никакого бесчестья в том, чтобы принять это в подарок.

Он прав. Это рыба из реки. Он ее не конфисковал. Принимая рыбину, Вианна ощутила весомость своих резонов.

– Вы редко оказываете нам честь разделить трапезу.

– Теперь все по-другому, – сказал он. – Когда ваша сестра уехала.

Вианна посторонилась, впуская его в дом. Как всегда, он снял фуражку, едва переступив порог, и направился к себе. Пока не услышала щелчок запирающейся двери, Вианна и не осознавала, что по-прежнему стоит на месте с рыбиной в руках, завернутой в свежий номер *Pariser Zeitung* – немецкой газеты, выходившей в Париже.

Развернув на кухне сверток, Вианна увидела, что рыба уже выпотрошена и почищена. Она поставила на огонь тяжелую чугунную сковороду, щедро налила масла. Когда кубики картофеля зарумянились, а лук карамелизовался, она посолила и поперчила рыбу и положила ее на сковородку с краю. Соблазнительные ароматы заполнили дом, и Софи тут же примчалась на запах, притормозив там, где раньше стоял кофейный столик.

– Рыба... – почти благоговейно выдохнула она.

Вианна ложкой раздвинула овощи и переместила рыбину в центр сковороды. Поджаристая кожица зашипела, капельки масла на ней запузырились. В самом конце Вианна выложила в сковороду несколько ломтиков консервированных лимонов, и ароматный сок пропитал блюдо.

– Ступай скажи капитану Беку, что ужин готов.

– Он будет есть с нами? Тетя Изабель не смолчала бы. Перед отъездом она строго-настрого наказала мне не смотреть ему в глаза и не оставаться с ним в одной комнате.

Вианна вздохнула. Призрак сестрицы тут как тут.

– Он принес нам рыбу, Софи, и он живет здесь.

– Да, мама, я знаю. Но...

– Иди позови капитана ужинать. Изабель уехала, а вместе с ней уехали и ее необычные советы. Все, хватит, ступай.

Вианна вытащила тяжелое керамическое блюдо, выложила на него жареную рыбу, вокруг – овощи и консервированные лимоны, присыпала рубленой петрушкой. Терпкий лимонный соус, в котором плавали хрустящие прижаренные ломтики, облагородило бы сливочное масло, но и без того пахло божественно. Она внесла блюдо в гостиную, где Софи с капитаном Бекком уже сидели за столом.

Он – на месте Антуана.

Вианна споткнулась.

Бек тут же подскочил, отодвинул для нее стул и принял блюдо из рук.

– Выглядит сильно привлекательно, – искренне похвалил он. И вновь его французский был не совсем точен.

Вианна заняла свое место за столом. Не успела и рта открыть, как Бек уже наливал ей вино.

– Прекрасное «Монраше» тридцать седьмого года, – сообщил он.

Вианна знала, что по этому поводу сказала бы Изабель.

Бек сидел напротив, Софи – по левую руку от нее. Девчушка болтала о школьных делах. В паузе Бек вставил что-то насчет рыбалки, и Софи расхохоталась. Как же Вианне сейчас недоставало Изабель, ее отсутствие ощущалось столь же болезненно, как прежде – присутствие.

Держись подальше от Бека.

Вианне почудилось, что эти слова только что прозвучали на всю комнату. И как раз в этом сестра была права. Вианна не забудет ни злополучный список, ни уволенных коллег, ни Бека, сидящего в своем кабинете с горами съестного под ногами и портретом фюрера над столом.

– ...И после этого моя жена разочаровалась в моем умении обращаться с сетями, – с улыбкой рассказывал он.

Софи весело смеялась.

– А мой папа однажды упал в речку, когда мы ходили на рыбалку, да, мам? Он сказал, что рыбина была такая большая, что утянула его в воду, верно, мам?

Вианна моргнула, приходя в себя. Не сразу она сообразила, что ее приглашают поучаствовать в беседе.

Все это как-то... странно, не сказать хуже. Все прошлые совместные с Бекком обеды проходили почти в полном молчании. Да и кто решился бы мило болтать под откровенно гневным взглядом Изабель?

Сейчас, когда ваша сестра уехала, все иначе.

Вианна поняла, что он имел в виду. Напряженность, царившая в доме – и за этим столом, – рассеялась.

Какие еще изменения последуют с отъездом Изабель?

Держись подальше от Бека.

Как, интересно, ей это удастся? И когда она в последний раз так сытно обедала... и слышала смех Софи?

На Лионском вокзале толпились немецкие солдаты. Изабель вышла из вагона, прижимая к себе велосипед. Задача не из простых, учитывая, что чемодан безжалостно колотил ее по бедру, а со всех сторон то и дело толкали нетерпеливые парижане. Об этом возвращении она мечтала много месяцев.

Париж в ее грезах был все тем же довоенным Парижем.

Но сегодня днем, в понедельник, она увидела, как все изменилось. Здания, может, и остались на месте, и следов бомбежек не заметно, но на город будто набросили серую пелену. Она катила на велосипеде по бульварам, и ее окружала тишина утраты и отчаяния.

Любимый город был похож на прелестную в прошлом куртизанку, постаревшую и подурневшую, потасканную и брошенную многочисленными любовниками. Меньше чем за год волшебная атмосфера Парижа улетучилась, изгнанная грохотом сапог по улицам, свастиками, свисающими с каждого памятника.

По городу теперь ездили лишь черные «мерседесы» с нацистскими флажками, закрепленными на крыльях, армейские грузовики и порой – танки. Все окна в домах вдоль бульваров затемнены, ставни закрыты. На каждом углу приходилось притормаживать – мешали ограждения и сбивали с толку черные жирные буквы указателей по-немецки; вдобавок часы переведены на два часа вперед – германское время.

Изабель упорно крутила педали, минуя стайки солдат и кафе, где сидели только люди в форме. Поворачивая на бульвар Бастилии, она заметила, как пожилая дама на велосипеде пытается обогнуть заграждения. Путь ей преградил нацист, распекая по-немецки, – дама определенно его не понимала, но развернула велосипед и заторопилась прочь.

На дороге до книжного магазина ушло гораздо больше времени, чем предполагалось, и к тому моменту, когда Изабель подкатила к дверям, она чертовски устала. Поставив велосипед под деревом, подхватила чемодан. В окне быстро оглядела свое отражение: криво подстриженные светлые волосы; на бледном лице выделяются ярко-красные губы (помада – единственная косметика, что у нее осталась);

поношенный дорожный костюм – жакет в синюю и кремовую клетку, синяя юбка и шляпка в тон. Перчатки выглядят похуже, но в нынешние времена на такие пустяки не обращают внимания.

Она хотела произвести впечатление на отца. Пускай увидит ее повзрослевшей.

Сколько раз она мучительно колдовала над прической и нарядом перед визитом в Париж – только для того, чтобы в очередной раз выяснить, что папа уехал, а Вианна «слишком занята», не может вырваться из своей деревни, а пока Изабель на каникулах, о ней позаботится очередная приятельница отца. И уже в тринадцать она перестала ездить домой на каникулы: уж лучше сидеть в одиночестве в пустом дормитории, чем неприкаянно мыкаться среди людей, которые не понимают, что с тобой делать.

Сейчас – другое дело. Анри и Дидье – и их таинственным друзьям из Свободной Франции – нужно, чтобы Изабель жила в Париже. И она их не подведет.

Витрина магазина укрыта светомаскировкой, решетки опущены и заперты. Изабель толкнула дверь – заперто.

В понедельник, в четыре часа дня? Она нащупала трещину в стене – вечный папин тайник, – отыскала заржавленный ключ, отперла двери и вошла.

Узкое пространство магазинчика словно затаилось во тьме. Ни звука. Ни шороха переворачиваемых страниц, ни скрипа пера по бумаге, если бы он писал стихи, как частенько делал, когда мама была жива. Изабель тихонько прикрыла за собой дверь и повернула выключатель.

По-прежнему темно.

Ощупью добралась до стола, отыскала свечу и старый медный подсвечник. Дальнейший поиск был вознагражден коробком спичек, и вот она зажгла свечу.

Жалкий огонек осветил полную разруху. Те полки, что уцелели, пусты, остальные сломаны и покосились, книги свалены на полу под шкафами. Плакаты разорваны и разбросаны. Как будто здесь орудовала банда мародеров, разыскивая спрятанные ценности и безжалостно уничтожая все на своем пути.

Папа.

Изабель выскочила из магазина, не потрудившись даже положить ключ на место. Она просто сунула его в карман, вскочила на велосипед и помчалась домой, стараясь держаться немногих не перекрытых баррикадами маленьких улочек.

Квартира на авеню де Ла Бурдонне принадлежала семейству отца более ста лет. По обеим сторонам улицы выстроились светлые здания с чугунными балконными решетками и шиферными крышами. Резные херувимы украшали карнизы. В шести кварталах отсюда высилась Эйфелева башня. А вдоль всей улицы – витрины магазинов с милыми навесами, столики кафе, за которыми сидели сплошь жители окрестных домов. Изабель, бывало, медленно брела по тротуару, глаза на витрины и наслаждаясь городской суетой вокруг. Сегодня все было иначе. Кафе и бистро пусты, в продуктовые лавки тянутся очереди – сплошь женщины в поношенной одежде и с усталыми лицами.

Изабель нашарила в сумочке ключ, внимательно глядя на окна отцовской квартиры. Отворила парадное, втащила велосипед, пристегнула его к водопроводной трубе в вестибюле. Лифт наверняка не работает, электричества не хватает, поэтому Изабель поднялась по узкой лестнице вокруг шахты лифта. На площадке пятого этажа две двери, их – справа. Она повернула ключ в замке и услышала, как открывается соседская дверь. Изабель обернулась поприветствовать мадам Леклерк, но дверь с тихим щелчком захлопнулась. Пронырливая старуха, без сомнения, следит, кто бывает в апартаментах напротив.

С порога Изабель тихо позвала:

– Папа?

Из-за светомаскировки в комнате было сумрачно даже в середине дня.

– Папа?

Тишина.

Вот честно, ей стало легче. Она внесла чемодан в гостиную, полумрак которой напомнил о другом, таком давнем, времени. Тогда здесь было пыльно, воняло плесенью, деревянные полы поскрипывали, люди перешептывались.

Тш-ш, Изабель, не болтай. Твоя мама сейчас с ангелами.

Она включила свет, изысканная стеклянная люстра мигнула и засияла, словно частица иного мира. Изабель оглядела комнату, замечая, что некоторых картин на стенах недостает. Сама комната

отражала безупречный мамин вкус, являясь одновременно собранием ценностей нескольких поколений. Из окон – сейчас затемненных – открывался великолепный вид на Эйфелеву башню.

Изабель погасила свет – нечего просто так расходовать дорогое электричество. Села за круглый стол. Поверхность за долгие годы мирных семейных ужинов покрылась царапинами. Нежно провела рукой по теплому дереву.

Позволь мне остаться, папа. Пожалуйста. Я не доставлю проблем.

Сколько ей тогда было? Одиннадцать? Двенадцать? Неважно. Но точно помнит, что на ней была голубая форма монастырской школы. Жизнь назад. И вот она опять здесь, готова умолять его *полюбить дочь* – позволить остаться.

Изабель не знала, как долго просидела в темноте, вспоминая маму, – она ведь почти забыла ее лицо. Но вот послышались шаги, ключ повернулся в замке.

Дверь скрипнула, открываясь. Шорох в коридоре. Изабель поднялась. Она понимала, что должна быть сильной и решительной, но отвага, бывшая, казалось, частью ее натуры, как зеленый цвет глаз, всегда куда-то испарялась в присутствии отца. Вот и на этот раз.

– Папа? – пролепетала она в темноту, зная, как он ненавидит сюрпризы.

Судя по звуку, отец замер на месте. Потом щелкнул выключатель, свет залил комнату.

– Изабель, – вздохнул он. – Что ты тут делаешь?

Не стоит демонстрировать неуверенность человеку, которому нет дела до твоих чувств. У нее важное задание.

– Я приехала к тебе, буду жить в Париже. Опять, – добавила она, запнувшись.

– Ты оставила Вианну и Софи одних с нацистами?

– Без меня они в большей безопасности, уж поверь. Рано или поздно я все равно сорвалась бы.

– Сорвалась? Ты в своем уме? Завтра же утром возвращаешься в Карриво. – Он раздраженно шагнул мимо нее к буфету, налил себе коньяка, выпил в три глотка и налил еще. После второй порции повернулся к дочери.

– Нет, – проговорила она и словно воскресла от этого короткого слова. Неужели она возразила ему впервые в жизни? И повторила: – Нет.

– Прости?

– Я сказала «нет», папа. На этот раз я не стану тебе подчиняться. И не уеду. Здесь мой дом. Мой дом. – Голос дрогнул. – Вот занавески, которые шила мама. Вот стол, который достался ей по наследству от двоюродного дедушки. А на стене моей спальни я написала свои инициалы маминой помадой, пока она не видела. И держу пари, в моей секретной комнатке все еще сидят вдоль стен мои куклы.

– Изабель...

– Нет. Ты не сможешь прогнать меня, папа. Слишком много раз ты делал это. Ты мой отец. И здесь мой дом. Идет война. Я остаюсь.

Она подняла чемодан.

Электрический свет безжалостно высветил глубокие морщины. Пониженные плечи. Он налил себе еще коньяка, жадно выпил. Он явно видеть ее не мог без поддержки алкоголя.

– Вечеринок сейчас нет, ходить некуда, – буркнул он. – И все твои университетские дружки разбежались.

– Вот, оказывается, как ты обо мне думаешь. – Она тут же сменила тему: – Я заходила в магазин.

– Нацисты, – вздохнул отец. – Ворвались, собрали Фрейда, Манна, Троцкого, Толстого, Моруа – всех, короче, – и сожгли. И пластинки тоже. Я предпочел закрыть магазин, чем продавать только то, что позволят.

– А чем зарабатываешь на жизнь? Пишешь стихи?

Отец рассмеялся. Горьким невнятным смехом.

– Едва ли сейчас подходящее время для мирных забав.

– Тогда как ты платишь за электричество и еду?

Что-то в его лице переменилось.

– Работаю в Отель де Крийон.

– В службе?

Неужели отец подает пиво германским скотам?

Он отвел взгляд.

В животе у нее похолодело.

– На кого ты работаешь, папа?

– На немецкое командование в Париже.

Изабель узнала это чувство. Стыд.

– После всего, что они сделали с тобой в прошлой войне...

– Изабель...

– Я помню, мама рассказывала нам, каким ты был до войны и как война тебя искалечила. Я мечтала, что все пройдет, что когда-нибудь ты вспомнишь, что ты отец, но, оказывается, все это было ложью. Ты просто трус. Не успели немцы вернуться, как ты кинулся им прислуживать.

– Как ты смеешь судить? Откуда тебе знать, через что я прошел? Тебе всего восемнадцать.

– Девятнадцать. Ну расскажи, папочка. Подаешь оккупантам кофе или вызываешь им такси до «Максим»? Подъедаешь обеды с их тарелок?

Казалось, он постарел на глазах. Изабель даже пожалела о своей резкости, хотя он вполне заслужил справедливых слов. Но поздно идти на попятную.

– Итак, мы договорились? Я буду жить в своей старой комнате. Можем не разговаривать, если таково твое условие.

– В городе проблемы с продовольствием, Изабель, даже для нас, парижан, еды нет. По всему городу плакаты, запрещающие есть крыс, и в этом предупреждении есть смысл. Люди выращивают морских свинок на еду. В деревне, где можно кормиться со своего огорода, лучше.

– Мне не нужно лучше. Или безопаснее.

– Тогда что тебе нужно в Париже?

Она поняла свою ошибку. Проклятый длинный язык загнал в ловушку. Отец ее кто угодно, только не дурак.

– Мне нужно встретиться с другом.

– Скажи, что дело не в ухажере. Скажи, что ты умнее.

– В деревне тоска, пап. Ты же меня знаешь.

Он вздохнул и вылил в стакан остатки из бутылки. Взгляд затуманился, и, как она уже знала, вскоре он погрузится в свои мысли, о чем бы они ни были.

– Ну раз ты теперь здесь живешь, давай установим правила.

– Правила?

– Ты возвращаешься домой к комендантскому часу. Всегда. Ты не лезешь в мои дела. Не выношу, когда на меня насаждают. Каждое утро

ты отправляешься по магазинам и стараешься отоварить продуктовые карточки. И найдешь работу. – Он прищурился: – А если ты вляпаешься в неприятности, как твоя сестра, я вышвырну тебя вон. Точка.

– Я не...

– Мне плевать. Работа, Изабель. Найди работу.

Он еще говорил что-то, но она развернулась, вышла из гостиной, хлопнула дверью своей комнаты. Громко.

Она справилась! Впервые в жизни настояла на своем. Какая разница, что отец злится и говорит гадости? Она в Париже.

Комната казалась меньше, чем помнилось Изабель. Жизнерадостные белые стены, большая кровать под балдахином, выцветший старый ковер, кресло в стиле Людовика XV. Окно – затемненное – выходит во внутренний двор. В детстве она всегда знала, когда соседи выбрасывают мусор, потому что они громко хлопали крышками баков. Изабель закинула чемодан на кровать и принялась распаковывать вещи.

Одежда, которую она выбрала для бегства из Парижа – и возвращения, – обтрепалась и едва ли достойна была висеть в гардеробе рядом с нарядами, доставшимися ей от мамы: великолепные винтажные платья-чарльстон с расклешенной юбкой, шелковые вечерние туалеты, шерстяные костюмы, перешитые для нее, креповые платица. Тут же строй шляпок и туфель – для танцев в бальных залах или прогулок в саду Родена под ручку с подходящим молодым человеком. Одежда для исчезнувшего ныне мира – мира, стертого с лица земли. В Париже больше нет «подходящих» молодых людей. Да и вообще молодых людей. Все они либо в немецких лагерях, либо скрываются.

Развесив одежду на плечики, Изабель осторожно отодвинула гардероб – совсем чуть-чуть, только чтобы открылась маленькая дверка в дальней стене.

Ее убежище.

Наклонившись, она нажала на правый верхний угол дверцы, и та со скрипом откинулась, открывая вход в кладовку: шесть на шесть футов, потолок такой скошенный, что даже десятилетней девчужке приходилось сгибаться здесь в три погибели. Куклы, конечно же, по-

прежнему на месте, некоторые упали, некоторые стойко держались у стены.

Закрыв дверь в свои воспоминания, Изабель вернула гардероб на прежнее место, быстро разделась, достала розовый шелковый мамин халат. Тот все еще пах розовой водой – или она просто воображала это. Направляясь в ванную, Изабель остановилась у двери в отцовскую комнату, прислушалась.

Отец писал – слышно было, как вечное перо царапает грубую бумагу. По временам он бормотал ругательства и вновь замолкал. Пьян, несомненно. Потом донесся стук бутылки – или кулака – по столу.

Изабель завила волосы на ночь, умылась. Возвращаясь к себе, услышала, как отец опять бранится – на этот раз громче, видимо, уже изрядно набрался, – поспешно нырнула к себе в комнату и заперлась.

Не выношу, когда на меня насаждают.

Вероятно, отец имел в виду, что не в состоянии находиться с ней в одной комнате.

Забавно, в прошлом году, проведя в квартире с ним несколько недель между изгнанием из пансиона и ссылкой в деревню, она этого не замечала.

Впрочем, и тогда они не сидели за одним столом. И не разговаривали – во всяком случае, о чем-то существенном. Но отчего-то она не обращала на это внимания. В книжном магазине они прекрасно работали бок о бок. Неужели она была настолько признательна за сам факт его присутствия рядом, что не замечала его гнетущего молчания?

Что ж, теперь заметила. Она в Париже уже три дня. Три мучительно молчаливых дня.

Отец постучал в дверь ее спальни так громко, что Изабель ойкнула от неожиданности.

– Я иду на работу, – сообщил он из-за двери. – Карточки на кухне. Оставляю сто франков. Купи, что сумеешь.

Тяжелые шаги, хлопнула входная дверь.

– И тебе пока, – пробормотала Изабель.

А потом вспомнила.

Сегодня тот самый день.

Отбросив одеяло, она выпрыгнула из постели и оделась, не зажигая света. Она давно продумала наряд: будничное серое платье, черный берет, белые перчатки и последняя приличная пара черных лодочек. Жаль, чулок нет.

Изабель изучала себя в зеркале, стараясь быть объективной, и видела лишь обычную девушку в невзрачном платье с черной сумочкой в руках.

Открыла сумочку, в которой уже раз внимательно рассмотрела шелковую подкладку. Накануне она чуть надрезала шелк и просунула толстый конверт в образовавшуюся полость. Открываешь сумочку – а в ней ничего особенного. Даже если ее остановят (но ее же не остановят – с чего бы? – девятнадцатилетняя девушка, простенько одетая), в ее сумочке не найдут ничего, кроме ее документов, продуктовых карточек, *carte d'identite*, *справки о месте жительства* и *Ausweis*. Что и положено носить с собой.

Ровно в десять она вышла из дома. Села на велосипед и под ярким солнцем поехала в сторону набережной.

По рю де Риволи тянулись черные легковушки, зеленые грузовики с закрепленными вдоль бортов баками с горючим. Парижане жались к зданиям, пробирались узкими боковыми проулками, где еще позволено было ездить на велосипедах, но в основном стояли в длинных, растянувшихся на целые кварталы, очередях. У всех растерянный взгляд и выражение безысходности на лице. И все двигаются, стараясь не привлекать внимания, тенями скользят мимо немцев. У ресторана «Максим», под знаменитой красной маркизой, Изабель заметила компанию явно высокопоставленных нацистов. Ходили слухи, что все лучшее мясо и вообще все лучшие продукты страны отправляют прямым в «Максим», для высшего командования.

А потом она увидела ее – чугунную скамейку у входа в «Комеди Франсез».

Изабель резко нажала на тормоз, остановилась, сняла одну ногу с педали. Соскочила с велосипеда, и лодыжка неожиданно подвернулась. Возбуждение тотчас сменилось паникой.

Сумочка внезапно налилась тяжестью. Ладони взмокли.

Прекрати немедленно.

Она курьер, а не напуганная школьница. Она рискует сознательно.

Пока Изабель разбиралась со своим страхом, к скамейке подошла женщина и села спиной к Изабель.

Женщина. Она и не подозревала, что будет связная, а не связной, но странным образом это помогло успокоиться.

Она глубоко вдохнула и повела велосипед через оживленный перекресток, мимо киосков с платками и всякими безделушками. Оказавшись точно напротив сидящей женщины, она отчетливо произнесла нужные слова:

– Как вы думаете, не понадобится ли мне сегодня зонтик?

– Думаю, будет солнечный день, – обернулась женщина. Темные волосы, аккуратно уложены в высокий узел, выразительные славянские черты. Постарше Изабель – лет тридцати, наверное, – но взгляд как у древней старухи.

Изабель потянулась к сумочке, но женщина резко сказала:

– Нет. Идите за мной, – и стремительно поднялась.

Изабель по пятам следовала за женщиной – через просторный, посыпанный гравием «Двор Наполеона», окруженный величественной громадой Лувра. Впрочем, сейчас, с нацистскими флагами повсюду и немецкими солдатами, рассеянными на лавочках в Тюильри, Лувр не казался императорским дворцом, жилищем великих королей. На одной из боковых улочек женщина свернула в крошечное кафе. Изабель пристегнула велосипед к дереву, вошла, села за столик.

– Конверт при вас?

Изабель кивнула. Держа сумочку на коленях, осторожно извлекла конверт и под столом протянула его женщине.

В кафе вошли два немецких офицера, сели за столик неподалеку.

Женщина чуть наклонилась и поправила берет на голове Изабель. Неожиданно интимный жест, как будто они сестры или лучшие подружки. Шепнула прямо в ухо:

– Вы слышали о коллаборационистах?

– Нет.

– Французы, которые работают на оккупантов. Они не только в Виши. Будьте настороже, всегда. Коллаборационисты любят стучать в гестапо. А если ваше имя известно гестапо, с вас глаз не спустят. Никому не доверяйте.

Изабель кивнула.

Женщина отодвинулась.

- Даже вашему отцу.
- Откуда вы знаете о моем отце?
- Мы хотим встретиться с вами.
- Вы ведь уже встретились.

– *Мы*, – подчеркнула она. – Будьте в полдень на углу бульвара Сен-Жермен и рю Сен-Симон. Не опаздывайте, велосипед не берите, проверьте, нет ли слежки.

Изабель удивилась, как стремительно двигается эта женщина. Миг – и ее уже нет, и Изабель сидит одна, под пристальным взглядом немца из-за соседнего столика. Она заставила себя заказать кофе с молоком, хотя прекрасно знала, что никакого молока в нем не будет, а вместо кофе – цикорий. Быстро выпив, вышла на улицу.

Плакат на углу предупреждал о расстреле за нарушение постановлений оккупационных властей. Рядом, в окне кинотеатра, вместо афиши желтый плакат *INTERDIT AUF JUIF* – евреям вход запрещен.

Изабель возилась с велосипедным замком, когда рядом возник немец из кафе. Распрямляясь, она неловко толкнула его.

Офицер услужливо поинтересовался, все ли в порядке. Изабель ослепительно улыбнулась и кивнула. *Mais oui. Merci.* Поправила платье, прижала сумочку локтем, села на велосипед и покатила прочь, не оборачиваясь.

Она справилась. Получила *Ausweis*, приехала в Париж, вынудила отца разрешить ей жить у него и доставила свое первое секретное послание Свободной Франции.

Шестнадцать

Прошла неделя, как уехала Изабель, и Вианна вынуждена была признать, что жить в Ле Жарден стало легче. Никаких скандалов, никаких завуалированных комментариев в адрес капитана Бека, никаких разговоров о том, что надо сражаться. Без Изабель в доме воцарилась тишина, и в этой тишине громко зазвучали мысли Вианны.

Как, например, сейчас. Уже несколько часов не может уснуть и все смотрит в потолок, дожидаясь, когда же рассветет.

Не выдержав, Вианна выбралась из постели и спустилась в кухню. Налила себе чашку горького желудевого кофе и вышла во двор. Села на любимый стул Антуана, под ветвями раскидистого тиса, прислушалась, как сонно возятся в своем загоне куры.

Деньги окончательно вышли. Отныне придется жить исключительно на учительское жалованье.

Как она справится? И в одиночку...

Вианна допила отвратительный кофе, отнесла чашку в дом, уже по-летнему теплый, и заметила, что дверь в спальню капитана Бека открыта. Похоже, пока она сидела в саду, он ушел. И хорошо.

Разбудив Софи, выслушала во всех подробностях сюжеты ее снов, приготовила на завтрак тосты с персиковым джемом. А потом они вместе отправились в город.

Вианна изо всех сил поторапливала Софи, но та, похоже, была в дурном настроении, жаловалась, хныкала и еле волочила ноги. В результате до лавки мясника они добрались только к полудню. Очередь тянулась по всей улице. Пристроившись в хвосте, Вианна нервно поглядывала на немцев на площади.

Очередь качнулась и на шаг продвинулась вперед. В витрине Вианна разглядела новый плакат, на котором жизнерадостный немецкий солдат протягивал хлеб кучке французских детишек. А рядом – новое объявление: **ЕВРЕЯМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН.**

– Мама, что это значит?

– Ш -ш-ш, Софи. Мы с тобой об этом уже говорили. Некоторые вещи не обсуждают.

– Но отец Жозеф говорит...

– Тсс. – Вианна сердито сжала руку девочки, приказывая замолчать.

Очередь еще немного продвинулась. Когда наконец Вианна вошла в лавку, то за прилавком с удивлением увидела незнакомую седую женщину с лицом цвета жидкой овсянки.

– А где мадам Фурнье? – растерянно спросила Вианна, протягивая карточку – вдруг что-нибудь да найдется в лавке.

– Евреям запрещено, – отрезала тетка. – Остались копченые голуби, берете?

– Но это же магазин Фурнье.

– Теперь наш. Так берете голубя?

Вианна поспешно схватила крошечный сверток, бросила его в корзинку, расплатилась и молча вышла. Напротив, у дверей банка, стоял немец-караульный, одним своим видом напоминая французам, что отныне банк принадлежит Германии.

– Мам, – пискнула Софи, – это же нечестно...

– Тихо!

Но когда они оказались за городом, Софи опять принялась ворчать, вздыхать и капризно ныть.

Вианна не реагировала.

У самых ворот в Ле Жарден дочь сердито выдернула руку и развернулась лицом к матери:

– Как они могли просто так взять и отобрать магазин? Тетя Изабель обязательно что-нибудь придумала бы! Ты просто трусиха!

– И что я должна была сделать? Выскочить на площадь и во всеуслышание потребовать, чтобы мадам Фурнье вернули ее магазин? И что со мной тогда сделали бы за это? Ты же видела объявление. – Вианна понизила голос: – Они казнят французов, Софи. *Расстреливают.*

– Но...

– Никаких «но». Времена опасные, Софи. Ты должна понимать. Глаза Софи заволокли слезы.

– Если бы папа был с нами...

Вианна притянула дочь к себе, крепко обняла:

– Я тоже об этом мечтаю.

Они долго стояли, прижавшись друг к другу. Потом, чуть отстранившись, Вианна предложила:

– Мы сегодня собирались заняться маринадами, ты как?

– Ага, давай.

– Ну тогда ты соберешь огурцы, а я пока приготовлю уксус.

Вианна проводила взглядом дочь, помчавшуюся к огороду мимо яблонь, щедро усыпанных плодами. Но едва малышка скрылась из виду, тревоги навалились с новой силой. Где раздобыть денег? Сад и огород – это замечательно, фрукты и овощи у них будут, однако как пережить следующую зиму без мяса и молока? И откуда взять новые башмаки?

Вианна вошла в жаркий, душный дом, внезапно закружилась голова, и, чтобы не упасть, она ухватилась за край кухонного стола.

– Мадам?

Вианна обернулась так стремительно, что снова едва не упала.

Он сидел на диване в гостиной, что-то читал.

– Капитан Бек, – пролепетала она, подошла ближе, крепко стиснув дрожащие руки. – Я не заметила на улице вашего мотоцикла.

– В такой прекрасный день я решил пройтись пешком. – Он поднялся навстречу. Вианна заметила, что он подстригся, а на щеке тоненькая красная царапина – видимо, порезался, когда брился. – Вы опечалены. Наверное, это оттого, что плохо спите с тех пор, как ваша сестра уехала.

Вианна не сумела скрыть удивления.

– Я слышу, как вы ходите по дому в темноте.

– А вы тоже не спите, – заметила она как-то по-дурацки.

– Да, у меня часто бессонница. Думаю о жене и детях. Мой сын совсем маленький. Узнает ли он меня.

– Я тоже думаю об Антуане.

Вианна сама изумилась своим словам. Она понимала, что не следует откровенничать с этим человеком, но сейчас слишком устала, чтобы быть сильной. А в глазах Бека видела такую же тоску одиночества. Оба они далеко от своих любимых, оба страдают от этого.

– Что ж. Я не хотел вам помешать, разумеется, но у меня для вас есть новости. После долгих поисков я выяснил, что ваш муж в *Oflag* в Германии. Мой приятель там служит в охране. Ваш муж – офицер. Вы знали об этом? Он, несомненно, геройски сражался.

– Вы нашли Антуана? Он жив?

Бек протянул помятый грязный конверт:

– Вот письмо, которое он написал вам. И теперь вы можете отправить ему посылку, полагаю, он обрадуется безмерно.

– О... я... – Ноги у Вианны подкосились.

Бек подхватил ее, подвел к дивану. Опустившись на мягкие подушки, Вианна разрыдалась.

– Как это любезно с вашей стороны, – прошептала она, прижимая конверт к груди.

– Письмо привез мой приятель лично. Но отныне, мои извинения, вам придется пользоваться исключительно услугами почты.

Он улыбнулся, а у Вианны возникло странное чувство, будто Беку известно содержание тех бесконечных посланий, что она мысленно сочиняла для Антуана, лежа в постели без сна.

– Спасибо. – Больше она все равно ничего придумать не смогла.

– До свидания, мадам. – И он удалился.

Замызганный листок подрагивал в руках, буквы прыгали перед глазами и расплывались.

Вианна, любимая,

Во-первых, обо мне не беспокойся. Со мной все в порядке, я здоров и даже вполне сыт. Я не ранен. Честно. Ни одной дырки от пули. В бараке мне, по счастью, досталась верхняя койка, так что у меня есть даже немножко личного пространства в такой тесноте. Через крошечное окошко мне по ночам видно луну и шпили Нюрнберга. Но, глядя на луну, я думаю о тебе.

Еды хватает. Я уже притерпелся к мелким вермишelinкам и крошечным кусочкам картошки. Жду не дождусь, когда вернусь домой к твоей стряпне. Только об этом и мечтаю – и о тебе с Софи – все время.

Прошу тебя, родная, не тревожься. Будь сильной, держись, ради меня, а я обязательно вырвусь из неволи. Ты для меня – луч света во тьме, надежда и опора. Только благодаря тебе я сумел

выжить. Я тоже буду для тебя опорой, Ви. И ради меня ты сможешь быть сильной.

Обними сегодня покрепче мою дочь, скажи, что где-то далеко-далеко папа думает о ней. И скажи, что я вернусь.

Я люблю тебя, Вианна.

P S. Красный Крест доставляет нам посылки. Если сможешь прислать мои охотничьи рукавицы, буду очень рад. Зимы здесь холодные.

Вианна прочла последнюю фразу и тут же принялась перечитывать сначала.

Прошла всего неделя с момента приезда в Париж, а Изабель уже предстояла встреча с теми, кто, как и она, всей душой стремился к освобождению Франции. Шагая к условленному месту мимо парижан с землистыми лицами и немцев с розовыми откормленными рожками, она нервничала. Нынче утром Изабель оделась особенно тщательно: голубое платье из вискозы с черным поясом. Волосы она завила с вечера, а утром уложила изящными волнами. Никакой косметики. Из аксессуаров только голубой школьный берет и белые перчатки.

Я – актриса, и это моя роль. Я влюбленная школьница, улизнувшая на свидание к кавалеру...

Она придумала такой образ и оделась соответственно. И была абсолютно уверена, что сможет – если спросят – убедить любого немца.

Из-за баррикад на улицах она добиралась дольше, чем рассчитывала, но вот и бульвар Сен-Жермен.

Изабель остановилась под фонарем. Автомобили медленно ползли по мостовой, сигналили, моторы мирно урчали, цокали лошадиные копыта, трезвонили звонки велосипедов. Но даже в царившем вокруг шуме бульвар, казалось, утратил привычные краски и жизнь.

Рядом остановился полицейский фургон, оттуда вылез жандарм в плащ-накидке, со стеклом в руках.

– Как вы думаете, не понадобится ли мне сегодня зонтик?

Изабель чуть не вскрикнула от неожиданности. Она так пристально следила за полицейским – тот как раз переходил через дорогу, направляясь к какой-то даме на пороге кафе, – что совсем забыла о своей миссии.

– Д-думаю, будет солнечный день, – выпалила она.

Мужчина схватил ее за плечо и повел по внезапно опустевшей улице. Забавно, как один полицейский фургон может распугать парижан. Никто не хотел оказаться поблизости в случае чьего-нибудь ареста – ни в качестве свидетеля, ни для защиты.

Изабель попыталась рассмотреть спутника, но они шли слишком быстро. Все, что удалось разглядеть, – его ботинки: кожа старая, шнурки истрепались, а на левом дыра.

– Закрой глаза, – приказал он.

– Зачем это?

– Закрой.

Изабель не из тех, кто вслепую пойдет не пойми куда (при других обстоятельствах она непременно отпустила бы колкость на этот счет), но ей так страстно хотелось стать частью важного дела, что она подчинилась. Так и шла с закрытыми глазами.

Наконец они остановились. Стук в дверь, четыре раза. Затем послышались шаги, скрип открываемой двери, в лицо пахнуло табачным дымом.

Мужчина втолкнул ее внутрь, дверь захлопнулась. Изабель открыла глаза, хотя никто ей этого не разрешал. Но пора продемонстрировать характер.

Зрение вернулось не сразу. Темнота и сигаретный дым. Свет давали лишь две лампы, слабо мерцавшие в сизой пелене.

За деревянным столом вокруг переполненной пепельницы сидели мужчины. Двое помоложе, в залатанных куртках и потрепанных штанах. А между ними – хрупкий старичок с пышными седыми усами, Изабель узнала его. Женщина, с которой она встречалась, стояла у дальней стены. Вся в черном, точно вдова, она тоже курила.

– Мсье Леви? – смело начала Изабель. – Это вы?

Старик стянул ветхий берет, обнажив блестящую лысину:

– Изабель Россиньоль...

– Вы ее знаете? – удивился один из мужчин.

– Я был постоянным клиентом в книжном магазине ее отца, – ответил мсье Леви. – И я слышал, что мадемуазель импульсивна, недисциплинирована и бесконечно очаровательна. Из скольких школ вас выгнали, Изабель?

– На одну больше, чем следовало, как сказал бы отец. Однако что теперь пользы в знании, куда усадить второго сына посла на торжественном приеме? – фыркнула Изабель. – Но я по-прежнему очаровательна.

– И все так же говорлива. Безрассудные поступки и неосторожные слова могут погубить любого в этой комнате, – строго сказал мсье Леви.

Изабель, осознав свою оплошность, молча кивнула.

– Вы очень юны, – заметила женщина в черном.

– Я специально оделась, чтобы выглядеть моложе. И потом, мне кажется, молодость – это преимущество. Кто заподозрит девятнадцатилетнюю девчонку? Да и вам должно быть прекрасно известно, что женщина способна на то, что не под силу мужчинам.

Мсье Леви, откинувшись на спинку стула, внимательно изучал ее.

– Ваш друг дал вам очень лестные рекомендации.

Анри.

– Он сказал, вы несколько месяцев разносили листовки. А вчера, по словам Анук, вы вели себя крайне трезво и сдержанно.

Анук кивнула, подтверждая.

– Я на все готова! – выпалила Изабель. Нельзя допустить, чтобы эти люди отвергли ее.

– Вам понадобятся фальшивые документы, – после долгой паузы произнес мсье Леви. – Новый паспорт. Бумаги мы раздобудем, но потребуется время.

Изабель шумно втянула воздух. Ее приняли! Предчувствие судьбы охватило ее. Она обязательно совершит нечто значительное, теперь она точно это знает.

– Пока что наци настолько самонадеянны, что не в состоянии поверить, будто им может противостоять какое-то Сопротивление, – сказал Леви. – Но скоро они все поймут... поймут, и тогда наша жизнь станет гораздо опаснее. Никому не рассказывайте о связи с нами. Никому. Даже родным. Это ради их и вашей безопасности.

Изабель в этом не видела ни малейшей проблемы. Никому нет дела, где она бывает и чем занимается.

– Хорошо. А... что я должна делать?

Анук пересекла комнату, перешагивая через стопки листовок на полу. Изабель разглядела заголовки – что-то про английские бомбардировки Гамбурга и Берлина. Анук достала из кармана и протянула ей сверток из бурой бумаги размером с карточную колоду, перетянутый бечевкой:

– Доставите это в табачную лавку в старом квартале Амбуаза, прямо под замком. Пакет должен быть там завтра не позднее четырех часов пополудни. – Она вручила Изабель половину пятифранковой банкноты: – Покажете ему купюру. Если у него есть вторая половина, отдайте пакет. И сразу уходите. Не оглядывайтесь. Не заговаривайте с ним.

Пряча пакет и банкноту, Изабель услышала короткий резкий стук в дверь. Все мгновенно замерли, переглянулись, в воздухе разлилось напряжение. За дверью мог быть кто угодно – полиция или нацисты.

Еще три удара.

Мсье Леви спокойно кивнул.

В дверь ввалился лысый толстяк с морщинистым лицом в старческих пятнах.

– Вот, шатался тут по округе. – С этими словами он впустил в комнату пилота английских ВВС в летной форме.

– Бог мой... – прошептала Изабель.

Анук хмуро кивнула:

– Уже не первый. Падают с небес. – И криво улыбнулась собственной шутке. – Сбитые летчики, умудрившиеся ускользнуть от немцев.

Изабель во все глаза смотрела на англичанина. Всем известно, что полагается за помощь британским летчикам, объявления расклеены по всему городу. Тюрьма, а то и смертная казнь.

– Раздобудьте для него одежду, – приказал Леви.

Толстяк заговорил с летчиком, но тот, разумеется, не понимал по-французски.

– Они сейчас найдут для вас одежду, – перевела Изабель.

В комнате воцарилась тишина. Все уставились на нее.

– Вы говорите по-английски? – потрясенно спросила Анук.

– Вполне сносно. Два года в швейцарском пансионе.

После долгой паузы Леви попросил:

– Переведите пилоту, что мы спрячем его в убежище до тех пор, пока не найдем способ переправить за пределы Франции.

– А вы можете? – удивилась Изабель.

– Пока нет, – ответила Анук. – Но только не говорите ему этого. Просто скажите, что мы на его стороне и что он в безопасности. И пусть делает, что велят.

Шагнув к летчику, Изабель разглядела царапины на его лице и разорванный рукав комбинезона. *Он сбрасывал бомбы на немцев*, подумала она.

– Послушайте... – начала она.

– Вы говорите по-английски, – обрадовался парень. – Слава богу. Мой самолет сбили четыре дня назад. И с тех пор я прятался в каких-то закоулках. Не знал, куда идти, пока этот человек не схватил меня и не приволок сюда. Вы мне поможете?

Она кивнула.

– Как? Вы можете вернуть меня домой?

– Я не могу ответить на ваш вопрос. Просто делайте то, что вам велят. И... мсье?

– Да, мэм?

– Эти люди рискуют жизнью, помогая вам. Вы осознаете это?

– Конечно.

Изабель обернулась к товарищам:

– Он все понимает и готов выполнять все распоряжения.

– Спасибо, Изабель, – поблагодарил Леви. – Где вас найти после возвращения из Амбуаза?

– В книжном магазине. Я намерена открыть его.

– А что скажет на это ваш отец? Полагаю, он закрыл магазин, когда нацисты принялись указывать, какие именно книги он должен продавать.

– Мой отец служит теперь нацистам, – с горечью сказала Изабель. – Его мнение не имеет значения. Он велел мне найти работу. Вот я и нашла. И так со мной можно будет связаться в любой момент. По-моему, это идеальное решение.

– Верно, – с некоторым сомнением произнес Леви. – Что ж, очень хорошо. Анук принесет вам новые документы, как только они будут

готовы. Нам нужна ваша фотография. И еще, Изабель, – он прищурился, – позвольте мне на минутку вновь стать старым занудой и напомнить юной девице, славившейся своей импульсивностью, что время эксцентричных выходов миновало. Вы знаете, мы дружили с вашим отцом, – по крайней мере, пока он не показал своего истинного лица, – и я наслушался разных историй о вас. Пришла пора повзрослеть и выполнять приказы. Всегда. Без исключения. Ради вашей и нашей безопасности.

Изабель было стыдно выслушивали нотацию, да еще и при всех, но возражать она не стала.

– Да, я все понимаю.

– А если вас схватят, – добавила Анук, – с вами поступят как с женщиной. У них для нас особые... неприятности.

Изабель нервно сглотнула. Она-то представляла себе тюрьму и торжественную казнь. А вот такого рода вещи ей не приходили в голову.

– Все, чего мы ждем друг от друга, точнее, на что надеемся, – это два дня.

– Два дня?

– Если вас схватят и будут... допрашивать. Постарайтесь молчать хотя бы два дня. Этого времени хватит, чтобы остальные успели скрыться.

– Два дня, – повторила Изабель. – Не так много.

– Как же вы молоды, – печально вздохнула Анук.

В течение следующей недели Изабель покидала Париж четырежды. Она доставила пакеты в Амбуаз, Блуа и Лион. На железнодорожных вокзалах она провела больше времени, чем в отцовской квартире, и такой расклад устраивал обоих. Пока она стоит в очередях и возвращается домой до наступления комендантского часа, отцу нет дела до того, чем она занята. Но с разъездами было покончено, и Изабель собралась осуществить следующую часть своего плана.

– Ты не посмеешь открыть магазин.

Отец неподвижно стоял у затемненного окна. В полумраке квартиры казалась неприлично огромной и роскошной, со всеми этими ценностями, собранными несколькими поколениями. На стенах

прекрасные полотна в тяжелых парадных рамах (кое-что, правда, исчезло – вероятно, отец их продал), а если отодвинуть черные шторы светомаскировки, с балкона откроется все такой же захватывающий дух вид на Эйфелеву башню.

– Ты велел мне найти работу, – упрямо повторила Изабель.

Перетянутый бечевкой пакет в сумочке придавал уверенности в спорах с отцом. Вдобавок тот уже пьян. Еще чуть-чуть – и отключится на диване в гостиной, постанывая во сне. Девчушкой она все хотела утешить его, когда слышала эти жалобные стоны. Теперь – нет.

– Я имел в виду работу *за деньги*, – сухо возразил он. И налил себе полный стакан коньяка.

– Может, лучше взять ведерко? – не выдержала она.

– Я сказал – нет. Точка. Магазин ты не откроешь.

– Я уже его открыла. Сегодня. Весь день прибиралась там.

Брови изумленно взлетели:

– Ты прибиралась?

– Именно так. Понимаю, ты удивлен, папа, но мне уже не двенадцать лет. Я сделаю это, папа. Я так решила. У меня останется время на стояние в очередях и появится шанс немного подзаработать. Немцы будут покупать у меня книги. Обещаю.

– Ты намерена флиртовать с ними?

– И это говорит человек, который работает на оккупантов?

Он сердито уставился на нее.

А она – на него.

– Отлично, – выдавил наконец отец. – Делай что хочешь. Но кладовка. Она моя. *Моя*, Изабель. Я запиру ее и ключи спрячу, а ты, будь любезна, держись подальше от этой комнаты.

– Почему?

– Неважно.

– Ты там свидания устраиваешь? На кушетке?

– Какая же ты дура, – устало покачал он головой. – Слава богу, что твоя мать не дожила и не видит, в кого ты превратилась.

Изабель не думала, что ей станет настолько больно от его слов.

– И ты, папа, – горько сказала она. – И ты.

Семнадцать

В середине июня, в предпоследний учебный день, Вианна стояла у доски, спрягая глаголы, когда услышала знакомое *тр-тр-тр* немецкого мотоцикла.

– Опять солдаты, – зло пробормотал Жиль Фурнье. Он теперь постоянно злился, да и кто бы стал его осуждать? Нацисты отобрали у их семьи магазин и передали коллаборационистам.

– Сидите спокойно, – распорядилась Вианна и выглянула из класса.

По длинному коридору шагали двое – офицер гестапо в длинном черном плаще и местный жандарм Поль, изрядно раздобревший с тех пор, как начал сотрудничать с наци. Ремень туго обтягивал его раздувшееся пузо. Сколько раз Вианна видела, как он тащит по рю Виктор Гюго огромные свертки с едой – его семье столько ни за что не съесть, – в то время как она стояла в очереди, сжимая в руках карточку, по которой можно было получить лишь жалкие крохи.

Вианна решительно двинулась навстречу, скрестив руки на груди. Она неловко чувствовала себя в заношенном платье с вытертыми манжетами и воротничком, и хотя она тщательно отутюжила складки и задний шов расположился точно посередине, ее нехитрые уловки были слишком очевидны. А без чулок она почему-то казалась себе совсем незащитной перед этими людьми. В другом конце коридора распахивались двери, учителя пытались понять, что нужно офицерам. Все молча переглядывались.

Гестаповец направился напрямик к классу мсье Паретцки, жирный Поль едва поспевал следом.

Через минуту жандарм уже выволок учителя из кабинета.

Старика Паретцки – который давным-давно учил Вианну арифметике, а жена его ухаживала за школьным цветником – потащили мимо нее. Поймав панический взгляд, Вианна не сдержалась.

– Поль? – резко окликнула она. – Что происходит?

Полицейский приостановился:

– Его кое в чем обвиняют.

– Я ничего не сделал! – взвизгнул Паретцки, пытаясь вырваться из цепкой хватки.

Гестаповец при виде беспорядка оживился и поспешил к Вианне. Каблуки угрожающе стучали, глаза недобро сощурились. Вианна вздрогнула.

– Мадам, почему вы нам мешаете?

– Он... он мой друг.

– Вот как, – медленно произнес немец, растягивая слова. – То есть вы в курсе, что он распространяет антигерманскую пропаганду.

– Это *газета*, – возразил Паретцки. – Я просто рассказываю французам правду. Вианна! Скажи им!

Вианна почувствовала, как все взгляды обратились на нее. Во рту пересохло.

– Ваше имя? – Гестаповец открыл блокнот, достал ручку.

– Вианна Мориак.

Он записал.

– И вы работаете вместе с мсье Паретцки, распространяете листовки?

– Нет! – вскрикнула она испуганно. – Он мой *коллега*, учитель. Ни о чем другом я не знаю.

Гестаповец захлопнул блокнот.

– Вам никто не говорил, что лучше не задавать вопросов?

– Я и не собиралась, – прохрипела она внезапно севшим голосом.

Офицер медленно растянул губы в улыбке. И эта улыбка настолько напугала ее, лишила воли, что она не сразу поняла его следующие слова.

– Вы уволены, мадам.

Сердце замерло.

– П-простите?

– Я говорю о вашей работе в школе. Вы уволены. Идите домой, мадам, и больше не возвращайтесь. Ученикам не нужны такие примеры.

Вианна брела домой рука об руку с дочерью и даже время от времени умудрялась отвечать на бесконечные вопросы Софи, но в голове крутилась лишь одна мысль: *что теперь?*

Что теперь?

Все лавки и магазины уже закрыты, витрины пусты. Повсюду объявления: ЯИЦ НЕТ, МАСЛА НЕТ, ЛИМОНОВ НЕТ, ОБУВИ НЕТ, ВЕРЕВОК НЕТ, ПАКЕТОВ НЕТ.

Она как могла сэкономила деньги, которые оставил Антуан, сделалась настоящей скрягой, хотя поначалу и казалось, что денег много. Она привыкла тратить их только на самое необходимое – дрова, электричество, керосин, еда. Но все равно сбережения иссякли. Как им с Софи теперь выжить без учительского жалованья?

Вианна растерянно слонялась по дому. Сварила суп из капусты, заправила его тертой морковкой, как следует разваренной для густоты. После обеда затеяла стирку, а, развесив белье, до темноты штопала носки. Рано отослала в постель возмущенную Софи.

В одиночестве, с ощущением, будто к горлу приставлен нож, она села за обеденный стол, достала чистую открытку.

*Мой дорогой Антуан,
У нас закончились деньги, и я потеряла работу.
Что мне делать? Совсем скоро наступит зима.*

Синие буквы на белой бумаге казались огромными.

Закончились деньги.

Что ж она за человек, если надумала отправлять такое письмо мужу, который в плену?

Скомкав открытку, она швырнула ее в холодный закопченный камин – одинокий белый комочек поверх слоя серого пепла.

Нет.

Нельзя оставлять это в доме. Вдруг Софи найдет, прочтет? Вианна вытащила открытку, отнесла во двор и бросила в загородку к курам. Цыплята затопчут и расклюют бумажку в пыль.

Потом опустилась в любимое кресло Антуана, ошеломленная внезапностью обрушившихся на нее перемен. Если бы можно было обратить время вспять. Она бы тратила еще меньше... она бы... она не вымолвила бы ни слова и позволила им увести мсье Паретцки.

Скрипнула дверь.

Шаги. Дыхание.

Нужно встать и уйти, но Вианна слишком устала, чтобы двигаться.

Бек остановился рядом с ней:

– Не желаете бокал вина? «Шато Марго» двадцать восьмого года. Вроде совсем неплохой год.

Вино. Она хотела сказать «да» – никогда еще, наверное, ей не был так нужен бокал вина, – но не смогла. Но и отказаться сил не было, поэтому просто промолчала.

Донеслось глухое *чпок* извлекаемой пробки, бульканье; он поставил бокал на столик перед ней. Сладкий густой аромат.

Себе тоже налил и сел рядом.

– Я уезжаю, – после долгой паузы произнес он.

Вианна растерянно повернулась.

– Не стоит так откровенно радоваться. Это всего на несколько недель. Я не был дома два года. Жена, наверное, сидит сейчас в саду, гадает, кто же к ней вернется. Я ведь не тот, что прежде. Повидал многое... – Помолчал, сделал глоток. – Эта война, она совсем не такая, как я представлял. Да и вообще, когда тебя долго нет, все меняется, вы согласны?

– Да, – вздохнула Вианна. Она и сама часто думала так же.

Квакала лягушка, пахло жасмином, и легкий ветерок играл листвой над их головами. Соловей завел свою печальную одинокую песню.

– Вы сами на себя не похожи, мадам. Простите, что я так говорю.

– Меня сегодня уволили из школы. – Она впервые произнесла это вслух и тут же расплакалась. – Я... задумалась о себе.

– Рискованное занятие.

– Деньги, которые оставил мне муж, закончились. Я безработная. Скоро зима. Как жить? Чем кормить Софи, как ее обогреть?

Взгляды их встретились. Она хотела отвести глаза, но отчего-то не получалось.

Он бережно вложил бокал ей в ладонь, нежно сомкнул ее пальцы вокруг ножки. Его руки показались такими горячими, что Вианна вздрогнула. И внезапно вспомнила его кабинет – и запасы еды, сложенные там.

– Это просто вино, – повторил он, и запах спелых вишен, разогретого солнцем чернозема с легким оттенком лаванды окутал ее ноздри, напоминая о той, прежней жизни, о вечерах, когда они с Антуаном вот так же сидели здесь и пили вино.

Она сделала глоток и закашлялась – отвыкла от простых удовольствий.

– Вы прекрасны, мадам. – И голос его был так же сладок и мягок, как вино. – Должно быть, вы слишком давно этого не слышали.

Вианна поднялась так резко, что задела стол; вино расплескалось.

– Вам не следует так говорить, герр капитан.

– Да, – согласился он, вставая, – не следует. – От него пахло вином и мятной жвачкой.

– Пожалуйста... – Вианна не в силах была закончить фразу.

– Ваша дочь не будет голодать этой зимой, мадам, – шепнул он, словно они обсуждали общий секрет. – В этом вы можете быть уверены.

Господи, помоги Вианне, но ей стало легче. Она что-то пробормотала – сама не понимая что – и заторопилась в дом. Улеглась в кровать рядом с Софи, но уснула очень и очень не скоро.

Когда-то книжный магазин был местом встречи поэтов, писателей и ученых. Самые светлые детские воспоминания Изабель связаны с этими душными комнатами. Пока папа работал в задней комнате на типографском станке, мама читала Изабель сказки и сочиняла для нее веселые пьески. Они были счастливы здесь все вместе, пока мама не заболела, а папа не начал пить.

А вот и моя Из, иди-ка сядь на колени к папе, пока он пишет стихи для твоей мамочки.

А может, она просто выдумала эти воспоминания, сплела, как кружево, из собственных надежд и мечтаний и набросила себе на плечи. Она уже ни в чем не уверена.

Сейчас в проходах между книжными стеллажами толпятся немцы.

За те шесть недель, что минули с открытия магазина, среди оккупантов разнесся слух, что за прилавком книжной лавки можно увидеть юную очаровательную француженку. И они хлынули потоком, все в безупречной форме, толкались, галдели. Изабель немилосердно флиртовала с каждым, но прилавок не покидала до последнего посетителя. И всегда выходила только через заднюю дверь, в наглухо застегнутом черном плаще даже в летнюю жару. Может, эти солдаты и веселые милые парни – ну да, парни, они рассказывают о своих невестах, оставшихся дома, и покупают «разрешенных» французских

классиков для семейных библиотек, – но Изабель ни на минуту не забывала, что они – враги.

– Мадемуазель, вы просто красотка, но совсем не обращаете на нас внимания. Как нам жить после этого? – подкатился к ней молодой офицерик.

Изабель кокетливо хихикнула, изящно увернувшись от его объятий.

– Мсье, вы же знаете, у меня нет фаворитов. – Она упорхнула за стойку. – Смотрю, вы выбираете стихи. Наверняка дома вас ждет девушка, которой будет приятно получить столь многозначительный подарок.

Приятели офицера дружно загалдели, принялись подталкивать парня и ободряюще хлопать по плечу.

Изабель отсчитывала сдачу, когда звякнул дверной колокольчик.

Она вскинула голову, ожидая увидеть очередного военного, но в дверях стояла Анук. Одетая, как обычно, в черное – не столько по сезону, сколько соответственно своему настроению. Обтягивающий черный свитер, прямая юбка, черный берет и перчатки. В уголке ярко-красного рта незажженная «голуаз». Позади нее в проеме двери виднелся клочок бульвара с алыми пятнами герани на фоне зелени.

Немцы дружно обернулись на звук.

Дверь захлопнулась. Анук небрежно закурила сигарету, глубоко затянулась. Через полмагазина и трех немецких солдат их взгляды встретились.

За те недели, что Изабель работала курьером (успев побывать в Блуа, Лионе, Марселе, Амбуазе и Ницце, не говоря уже о дюжине явок в самом Париже, под своим новым именем – Жюльет Жервэ – и с фальшивыми документами, которые ей как-то вручила Анук в бистро прямо под носом у немцев), Анук была ее постоянной связной, и, несмотря на разницу в возрасте – лет десять, не меньше, – они стали подругами. В этой дружбе не было места посиделкам в кафе и болтовне, но от этого она не становилась менее реальной. Изабель уже не придавала значения вечно угрюмому выражению лица Анук, привыкла к ее немногословности. Она чувствовала за всем этим печаль. Огромную печаль. И гнев.

Анук равнодушно прошествовала мимо военных, осадив взглядом, прежде чем кто-то из них успел отпустить замечание. Немцы

молча расступились. Изабель расслышала шепот «как мужик» и еще один – «вдова».

Анук подчеркнуто никого не замечала. Остановилась у прилавка, еще раз глубоко затянулась. Облачко дыма окутало ее лицо, и на миг лишь карминно-красные губы проступили сквозь завесу. Затем достала из сумочки маленькую коричневую книжечку. На кожаном переплете вытравлено имя – Бодлер, обложка истрепана, в царапинах, так что название прочесть невозможно, но Изабель узнала издание. *Les Fleurs du mal. Цветы зла*. Книга была паролем.

– Я ищу другие книги этого автора, – сказала Анук, пыхнув дымом.

– Прошу прощения, мадам. У нас нет Бодлера. Может, Верлен? Или Рембо?

– Нет, тогда ничего. – Анук так же спокойно развернулась и вышла. Книга осталась лежать на прилавке.

Солдаты заговорили, только когда звякнул и затих колокольчик.

Убедившись, что на нее они не смотрят, Изабель незаметно проверила томик стихов. Внутри сообщение, которое нужно доставить, и нужное время. Место обычное: скамейка напротив «Комеди Франсез». Записка спрятана под задней обложкой, которую уже десятки раз приподнимали и потом приклеивали на место.

Остаток дня Изабель с нетерпением поглядывала на часы, торопя стрелки.

Точно в шесть она выдворила немцев и заперла магазин. У соседнего бистро курил его владелец и шеф-повар мсье Депард. Бедняга выглядел измотанным. Изабель частенько думала, наблюдая, как он обливается потом над жаровнями или вскрывает устриц, каково это – кормить оккупантов.

– Добрый вечер, мсье, – поздоровалась она.

– Добрый вечер, мадемуазель.

– Тяжелый день?

– Да уж.

Изабель протянула ему сборник детских сказок:

– Для Жака и Джиги.

– Момент. – Сосед нырнул в свое в кафе и тут же вернулся с небольшим, в масляных пятнах, пакетом: – Картошка.

Изабель, как ни странно, была признательна. Теперь она не только подъядала объедки за врагом, она еще и благодарила за них:

– Спасибо.

Велосипед она оставила в магазине, но решила не спускаться в людное и одновременно зловеще тихое метро и пошла домой пешком, лакомясь по пути солоноватыми, истекающими маслом ломтиками жареной картошки. Куда ни кинь взгляд, сплошь немцы, сидят в кафе, бистро и ресторанах, а парижане с напряженными серыми лицами спешат по домам, чтобы успеть до комендантского часа. Дважды у нее возникало неприятное чувство, что за ней следят, но, обернувшись, Изабель никого не замечала.

Она не могла объяснить, что заставило ее остановиться на углу у парка, но ее захлестнула уверенность: что-то не так. Неправильно. Улица забита нацистскими автомобилями, яростно сигналищими. Чьи-то крики вдалеке.

Изабель почувствовала, как волоски на шее приподнялись. Стремительно обернулась, но – нет, никого. В последнее время ей часто мерещилась слезка. Нервы на пределе. Золотой купол Дома инвалидов сиял в лучах заходящего солнца. Сердце колотилось. От страха она вся взмокла. Терпкий запах пота смешался с запахом пригоревшего жира, и Изабель едва сдержала тошноту.

Все в порядке. Никто ее не преследует. Она просто дурочка.

Изабель свернула на рю Гренель.

Что-то промелькнуло в поле зрения. Она остановилась.

Над головой снова мелькнула непонятная тень. Что там может двигаться?

Изабель быстро перешла на другую сторону улицы, лавируя между автомобилями. Стараясь не сбиться на бег, миновала уличное кафе, за столиками которого потягивала вино немецкая солдатня, и направилась к угловому дому с небольшим садом.

Вот там она его и увидела. В садике, за густой живой изгородью и большой кадкой, в которой росло лимонное деревце, на земле скорчился человек.

Изабель скользнула в сад, уловила шуршание гравия – человек явно старался отползти подальше.

Шуршание стихло.

Изабель слышала, как гогочут немцы в кафе на улице, как подгоняют замученных официантов.

Время ужина. Час, когда оккупанты сосредоточены на том, чтобы набить брюхо французскими деликатесами, залить глотку французским вином. Изабель подкралась поближе и заглянула за лимонное деревце.

Человек, сидевший за кадкой, сжался так, будто изо всех сил пытался сделаться невидимым. Лицо грязное, один глаз заплыл, британская летная форма не оставляла никаких сомнений.

– Боже, – прошептала Изабель. – Англичанин?

Он молчал.

– *Royal Air Force?*^[4] – спросила по-английски.

Он испуганно вытаращился. Изабель видела, что он мучительно размышляет, можно ли ей доверять. Потом очень медленно кивнул.

– Давно вы здесь прячетесь?

– Весь день.

– Вас поймают. Рано или поздно. – Изабель знала, что нужно многое выяснить, но сейчас нет времени. С каждой секундой, что они здесь торчат, опасность увеличивается. Чудо, что его до сих пор не схватили.

Необходимо либо помочь британцу, либо уходить, не привлекая внимания. Уйти, безусловно, разумнее.

– Авеню де Ла Бурдонне, – зашептала она по-английски. – Дом сразу за углом. Сейчас я пойду туда. В девять тридцать выйду за сигаретами. Вы подойдете к дверям. Если за вами не будут следить, я помогу вам. Вы меня понимаете?

– Откуда мне знать, что вам можно доверять?

Изабель, не выдержав, рассмеялась.

– Я совершаю сейчас очень большую глупость. И *обещаю* впредь не быть столь импульсивной. Впрочем, ладно. – Развернувшись, она вышла из садика, защелкнув за собой калитку. И всю оставшуюся дорогу жалела о своем опрометчивом решении. Но теперь уж ничего не поделаешь. Изабель шла не оглядываясь до самого дома, но, посмотрев на массивную медную ручку по центру дубовой двери, ощутила, как голова кружится от страха.

Повернув ключ в замке, толкнула дверь и бросилась в спасительную темноту. Вестибюль был забит велосипедами и

тележками. Изабель кое-как протиснулась к винтовой лестнице, опустилась на нижнюю ступеньку и затихла.

Раз сто она посмотрела на часы, убеждая себя, что этого делать не стоит, но ровно в девять тридцать вышла на улицу. Стемнело. Фонари не горели, на окнах светомаскировка, и потому на улице мрак, как в пещере. Автомобили с погашенными фарами шуршали мимо; звук мотора, бензиновая вонь и лишь на краткий миг блеснет в лунном свете темный металл. Она закурила, медленно выпустила дым, пытаясь успокоиться.

– Я здесь, мисс.

Изабель шагнула назад, открыла дверь:

– Держитесь рядом. Смотрите под ноги.

Они пробрались мимо деревянных тачек и велосипедов, то и дело натываясь на торчащие рули и педали. Никогда еще Изабель не взбегала на свой пятый этаж так стремительно. Втолкнула англичанина в квартиру, захлопнула дверь.

– Раздевайтесь, – скомандовала она.

– Простите?

Она зажгла свет.

Парень оказался гораздо выше ее. Широкоплечий, но сухощавый, лицо узкое, а нос выглядит так, будто несколько раз сломан. Из-за коротко остриженных волос голова походила на одуванчик.

– Ваш летный комбинезон. Снимайте. Быстро.

О чем она только думает? Отец вернется домой, обнаружит летчика и сдаст их обоим немцам.

Куда она денет комбинезон? Еще эти башмаки – убийственная улика.

Парень тем временем уже стянул одежду.

Изабель никогда не видела взрослого мужчину в одних трусах и майке. Почувствовала, что краснеет.

– Не смущайтесь так, мисс, – улыбнулся он, как будто не происходило ничего особенного.

Сунув свернутый комбинезон под мышку, она указала на жетон. Он стянул с шеи и отдал ей два металлических кругляшка. На обоих один и тот же текст. Лейтенант Торренс Маклей. Группа крови, вероисповедание и номер.

– Идите за мной. Тихо. Как это по-вашему... на кончиках пальцев.

– На цыпочках, – поправил он.

Изабель отвела летчика в свою комнату. Там – медленно, стараясь не шуметь, – отодвинула шкаф и открыла тайное убежище.

Строй кукол уставился на них стеклянными глазами.

– Какая жуть, мисс, – поежился парень. – И здесь очень мало места для крупного мужчины.

– Залезайте. И сидите тихо. Один неосторожный звук – и нас обнаружат. Мадам Леклерк, соседка, очень любопытна и может быть коллаборационисткой, понимаете? А еще скоро вернется мой отец. Он работает в немецком штабе.

– Твою мать...

Она понятия не имела, что он хотел этим сказать, но не было сил разбираться – она и так вся взмокла от напряжения, блузка липла к груди. О чем она только думала, предлагая помощь этому человеку?

– А что, если мне надо будет... ну, вы понимаете?

– Терпите. – Она втолкнула его в каморку, сунула следом подушку и одеяло со своей кровати. – Я вернусь, как только смогу. Сидите тихо, ясно?

Он кивнул:

– Спасибо.

Не удержавшись, она покачала головой:

– Я просто дура. Жуткая дура.

Прикрыла дверцу, задвинула шкаф на место, не совсем ровно, но сойдет. Теперь надо избавиться от одежды и жетонов, пока не явился отец.

Она босиком прокралась через квартиру. Неизвестно, что могут подумать жильцы снизу, услышав, как тут двигают шкафы. Лучше перестраховаться. Затолкав комбинезон в старую сумку, прижала ее к груди, почти проползла мимо двери мадам Леклерк и кинулась вниз по лестнице.

И только на улице наконец шумно вдохнула.

И что теперь? Такой груз не выбросишь где попало. Не хватало еще втянуть в неприятности других людей...

Впервые Изабель обрадовалась затемнению в городе. Ступила на тротуар – и растворилась во тьме. Близился комендантский час, и парижане исчезали с улиц, а немцы слишком заняты французским вином, чтобы разглядывать, что там творится снаружи.

Изабель постаралась успокоиться. Подумать. Возможно, до комендантского часа остаются считанные минуты, – впрочем, это не самая большая проблема. В отличие от отца, который вот-вот вернется.

Река.

Она в паре кварталов, и на набережной растут деревья.

По узкой улочке Изабель прокралась к набережной, прячась за военными грузовиками, припаркованными вдоль тротуара.

В жизни она не передвигалась так медленно. Один шаг – вдох. Другой шаг – выдох. Последние пятьдесят футов до берега Сены, казалось, тянулись вечность, а затем еще и ступени к воде. Но вот и река. Канаты, которыми лодки привязаны к причалам, тихонько поскрипывают в темноте, волны шлепают в деревянные борта. Изабель почудились шаги наверху. Она замерла. Нет, все тихо. Она ждала, что вот-вот раздастся резкий голос, требующий показать документы.

Но нет. Показалось.

Прошла минута, потом еще одна.

Изабель опустила в черную реку узел с одеждой, а следом и жетоны. Вода бесследно поглотила улики.

Но Изабель все еще дрожала, поднимаясь на набережную, а потом и всю дорогу до дома.

У дверей квартиры она помедлила, поправляя влажные от пота волосы и сбившуюся блузку.

В гостиной горел свет. Отец, сгорбившись, сидел за обеденным столом, разложив перед собой бумаги. Как же он похудел и осунулся. Изабель вдруг сообразила, что не знает, где и как он ест. За все это время она ни разу не видела его за едой. Обедали они – как делали и все остальное – по отдельности. Раньше она думала, что отец питается объедками со стола оккупантов, но теперь засомневалась.

– Ты опоздала, – буркнул он.

На столе стояла бутылка. Полупустая. Еще вчера она была полная. Откуда у него коньяк?

– Немцы все никак не расходились. – Она положила на стол несколько банкнот: – Сегодня был удачный день. Смотрю, твои дружки из немецкого штаба исправно снабжают тебя выпивкой.

– Нацисты не из щедрых, – буркнул отец.

– Ну да. Поэтому приходится исправно служить им.

Станный звук, как будто что-то упало.

– Что это? – Отец вскинул голову.

И вновь звук, скрежет деревяшки о деревяшку.

– В квартире кто-то есть! – Отец встал.

– Папа, это глупо.

Но он уже выскочил из комнаты. Изабель поспешила следом:

– Папа...

– Ш-ш-ш.

С комода в прихожей он взял медный подсвечник, запалил свечу.

– Ты же не думаешь, что кто-то вломился к нам.

Отец, сдвинув брови, метнул на нее сердитый взгляд:

– Сколько раз повторять, чтобы ты помолчала. Придержи язык.

– Но почему...

– Заткнись! – Отец двинулся по узкому коридору напрямик к спальням.

Сразу за небольшим шкафом с верхней одеждой дрожащее пламя свечи осветило дверь в бывшую комнату Вианны. Пусто, только кровать, тумбочка и стол. Все на своих местах. Отец медленно опустился на колени и заглянул под кровать.

Удовлетворенный увиденным, направился в комнату Изабель.

Интересно, он слышит, как грохочет сейчас ее сердце?

Отец обыскал всю комнату – под кроватью, за дверью, за тяжелыми портьерами, закрывавшими окно во двор.

Изабель заставляла себя не смотреть в сторону гардероба.

– Убедился? – громко произнесла она, надеясь, что летчик услышит голоса и затаится. – Никого здесь нет. Ну правда, папа, работа на врага превращает тебя в параноика.

При свете свечи лицо отца выглядело изможденным и старым.

– Знаешь, тебе не повредит, если и ты начнешь бояться.

Это угроза?

– Тебя, папа? Или нацистов?

– Ты что, вообще ничего не замечаешь, Изабель? Ты должна бояться всех. А сейчас уйди с дороги. Мне нужно выпить.

Восемнадцать

Изабель лежала в постели, прислушиваясь и дождаясь, пока отец забудется пьяным сном. Потом поднялась, отыскала старый бабушкин ночной горшок.

Медленно, по дюйму, отодвинула гардероб от стены. Ровно настолько, чтобы приоткрыть дверь.

Внутри было очень темно и очень тихо, даже дыхание летчика едва угадывалось.

– Мсье? – шепнула Изабель.

– Хелло, мисс, – донеслось из темноты.

Она зажгла керосиновую лампу, принесла ее в убежище. Летчик сидел вытянув ноги, и при свете лампы лицо его казалось совсем юным.

Изабель вручила парню горшок, заметив, как он смущенно покраснел.

– Благодарю.

Она устроилась напротив.

– Я выбросила вашу форму и жетоны. Но ваши башмаки нужно обрезать. Вот нож. Завтра утром я принесу вам что-нибудь из отцовской одежды. Не знаю только, придется ли по размеру.

Он кивнул.

– А у вас есть план?

– Не уверена, – нервно усмехнулась Изабель. – Вы ведь летчик?

– Лейтенант Торренс Маклей. Королевские ВВС. Мой самолет сбили над Реймсом.

– И с тех пор вы скрываетесь? Один, в летной форме?

– В детстве мы с братом много играли в прятки.

– Здесь прятки опасны.

– Догадываюсь. – Улыбка настолько преобразала его, что Изабель видела в нем всего лишь юного паренька, оказавшегося далеко от дома. – Если вам от этого станет легче, я утащил с собой три немецких самолета.

– Вам нужно как можно быстрее вернуться в Британию.

– Как нельзя более согласен. Но как? Все побережье затянуто колючей проволокой и охраняется собаками. Я не могу выбраться из

Франции ни морем, ни по воздуху.

– У меня есть... друзья, которые занимаются этим. Завтра мы пойдем к ним.

– Вы очень храбрая девушка.

– Или просто глупая. – Она и сама не знала, что вернее. – Мне часто говорят, что я импульсивна и недисциплинированна. Думаю, завтра друзья скажут мне то же самое.

– О, мисс, но я вас считаю только храброй.

Поутру Изабель слышала, как отец бродит по комнате, потом донесся запах цикория. Наконец щелкнул замок входной двери.

Она тут же бросилась в отцовскую комнату. Жуткий бардак, вещи разбросаны по полу и незастеленной кровати, пустая бутылка из-под коньяка валяется на письменном столе. Отдернув штору, Изабель выглянула в окно. Крепко прижимая к груди черный портфель и ссутулившись, точно старая секретарша, отец семенил к метро. Как только он скрылся, Изабель принялась рыться в его гардеробе. Вытянутый, потерявший всякую форму свитер с обтрепанными рукавами, залатанные вельветовые штаны, серый берет.

Изабель неслышно отодвинула шкаф, открыла тайное убежище. Оттуда так крепко пахло потом и мочой, что она невольно зажала нос.

– Простите, мисс, – пролепетал Маклей.

– Надевайте это. Помойтесь вон там из кувшина, а потом приходите в кухню. Гардероб задвиньте на место. Только тихо. Внизу живут люди. Они знают, что отец ушел и дома осталась только я, так что не топчите сильно.

Вскоре он появился в кухне. В отцовских обносках похож на мальчишку из сказки, который вырос в одну ночь, – свитер туго обтягивает торс, а штаны такие тесные, что не застегиваются. Берет еле-еле налез на макушку и скорее напоминал ермолку.

Да, не годится. Как его в таком виде вести через весь город?

– Не волнуйтесь, мисс. Я пойду сзади. Поверьте, мисс, я справлюсь. Я же сумел выжить в форменном комбинезоне. А это вообще пустяки.

Все равно отступить поздно. Она ввязалась в это дело и теперь должна найти для парня безопасное укрытие.

– Следуйте на квартал позади меня. Если я остановлюсь, вы тоже останавливайтесь.

– Но если меня сцапают, то вы не останавливайтесь. Даже не оглядывайтесь.

«Сцапают» – это, наверное, арестуют. Она подошла к нему вплотную, поправила берет, внимательно посмотрела в глаза:

– Откуда вы, лейтенант Маклей?

– Ипсвич, мисс. Вы ведь сообщите моим родителям... если что?

– Не будет никаких «если что», лейтенант. – Она снова подумала о риске, которому подвергается ради него. Остается надеяться на фальшивые документы в сумочке, согласно которым она Жюльет Жервэ из Ниццы, крещена в Марселе, сейчас студентка Сорбонны. Изабель осторожно высунулась за дверь, огляделась. Вроде никого. Подтолкнула летчика к выходу, напутствовав:

– Ступайте, подождите около закрытого галантерейного магазина. Потом идите следом за мной.

Дверь за летчиком закрылась.

Один. Два. Три...

Изабель представляла себе разные ужасы и, когда неизвестность стала совершенно невыносимой, кинулась вниз.

Все спокойно.

Он ждал ее, где было велено. Она надменно прошествовала мимо, не оборачиваясь.

Так и не повернула головы ни разу за всю дорогу до Сен-Жермен. Несколько раз слышала окрики *halt!* свистки, дважды – выстрелы, но не замедлила шаг и не посмотрела в ту сторону.

У порога нужного дома на рю Сен-Симон Изабель была уже почти в обмороке.

Постучала четыре раза условным стуком.

Дверь приоткрылась.

В проеме показалась голова Анук, в глазах удивление. Шагнув назад, она открыла дверь шире.

– Что ты здесь делаешь?

Вокруг расстеленной на столе карты сидели люди, некоторых из них Изабель уже встречала раньше.

Анук собралась было закрыть дверь, но Изабель остановила ее:

– Погоди.

Все насторожились. Мсье Леви медленно отодвинул карту.

Высунувшись наружу, Изабель увидела приближающегося Маклея. Втащила его внутрь, заперла дверь. Все молчали.

– Это лейтенант Торренс Маклей из королевских ВВС. Летчик. Вчера вечером он прятался в кустах неподалеку от моего дома.

– И ты привела его сюда. – Анук задумчиво пыхнула сигаретой.

– Ему нужно вернуться домой в Британию. Я подумала...

– Нет, – перебила Анук. – Не подумала.

Леви, откинувшись на спинку стула, вытащил «голуаз», закурил, внимательно изучая летчика.

– В городе есть еще англичане, о которых мы знаем, и еще больше тех, кто бежал из немецкого плена. Мы хотели бы отправить их отсюда, но побережье и все аэродромы закрыты наглухо. – Он затянулся, кончик сигареты вспыхнул и вновь потемнел. – Мы работаем над этой проблемой.

– Я знаю, – спокойно согласилась Изабель.

Она осознавала всю ответственность. Неужели она опять поспешила? Они разочарованы в ней? Непонятно. Она что, должна была просто пройти мимо? Бросить Маклея на произвол судьбы? Изабель уже открыла рот, чтобы задать все эти вопросы, но тут услышала голоса в соседней комнате.

– Кто это здесь?

– Остальные, – ответил Леви. – Они всегда тут. К тебе не имеют отношения.

– Нам нужен план, это верно, – сказала Анук.

– Думаю, из Испании мы сможем их отправить, – задумчиво произнес Леви. – Если сумеем доставить в Испанию.

– Пиренеи, – напомнила Анук.

Изабель видела Пиренеи, поэтому прекрасно поняла, что имеет в виду Анук. Зазубренные пики вздымаются к облакам и обычно либо покрыты снегом, либо теряются в тумане. Мама любила Биарриц, маленький курортный городок на побережье, и когда-то давно они всей семьей дважды отдыхали там на каникулах.

– Границу с Испанией патрулируют и немцы, и сами испанцы, – сказала Анук.

– Всю границу? – удивилась Изабель.

– Конечно, не всю. Но кто знает, где они есть, а где их нет?

– Рядом с Сен-Жан-де-Люз горы не такие высокие, – заметила Изабель.

– И что? Все равно они непреодолимы, а дороги охраняют.

– Лучший друг моей матери – баск, а его отец – пастух. Он всю жизнь ходит по этим горам.

– Об этом мы уже думали. И даже однажды попытались, – сказал Леви. – О группе с тех пор ничего не слышали. И в одиночку-то пробраться мимо немецких дозоров в Сен-Жан-де-Люз непросто, не говоря о целой группе, а потом еще надо пешком перейти через горы. Почти невозможно.

– «Почти невозможно» и «невозможно» – не одно и то же. Если пастух может ходить по горам, то военный летчик уж наверняка справится. – Едва Изабель произнесла это вслух, как в голову пришла отличная мысль. – Женщине проще миновать посты. Особенно молодой женщине. Никто ее не заподозрит.

Анук и Леви переглянулись.

– Я сделаю это! – выпалила Изабель. – Ну или хотя бы попытаюсь. Я отведу этого парня. А где остальные?

Леви нахмурился. Такого поворота событий он явно не ожидал. Клубы сигаретного дыма становились все гуще, он размышлял.

– А вы когда-нибудь бывали в горах?

– Я в отличной форме.

– Если вас схватят, то бросят в тюрьму... или расстреляют, – тихо проговорил Леви. – На минутку смирите свой пылкий нрав и подумайте об этом, Изабель. Это не листовки. Видели объявления в городе? Что ждет тех, кто помогает врагу?

Изабель энергично закивала.

Анук тяжело вздохнула, ткнула окурком в уже переполненную пепельницу. Долго, прищурившись, разглядывала Изабель, потом подошла к задней двери, приоткрыла ее и негромко свистнула.

Из соседней комнаты донесся скрежет отодвигаемых стульев, шаги.

И вошел Гаэтон.

В линялых штанах, коротких и обтрепанных внизу, в свитере, мешком сидевшем на его худощавой фигуре. Черные волосы давно пора подстричь, черты лица заострились, и в них появилось что-то

волчье. Он смотрел на нее так, словно в комнате кроме них никого не было.

И мгновенно окружающий мир исчез. И нахлынули чувства, которые она пыталась отрицать, похоронить, забыть. Он смотрел в ее глаза – и дыхание замирало.

– Ты знакома с Гаэтом, – констатировала Анук.

Изабель откашлялась. Он ведь знал, что она здесь, все это время знал, но предпочел не вступать в контакт. Впервые с тех пор, как стала членом группы, Изабель почувствовала себя глупой девчонкой. И отделенной от остальных. Они все знали? И посмеивались над ее наивностью?

– Да.

– Итак, – нарушил неловкое молчание Леви, – у Изабель есть план.

– Неужели? – Гаэтон не улыбнулся.

– Она хочет стать проводником для этого англичанина и остальных, провести их через Пиренеи в Испанию. Полагаю, до британского консульства.

Гаэтон выругался сквозь зубы.

– Но нужно *хотя бы попытаться*, – высказал свое мнение Леви.

– Ты на самом деле понимаешь, чем рискуешь, Изабель? – вступила Анук. – Если план сработает, наци обязательно пронюхают. И начнут на тебя охоту. Они назначили награду в десять тысяч франков тем, кто укажет на пособников англичан.

Всю жизнь Изабель вела себя одинаково: ее обгоняли – она догоняла, ее убеждали, что она не сможет чего-то, – она справлялась. Каждое препятствие она превращала в возможность.

Но это...

Она почти поддалась страху, но потом вспомнила флаги со свастикой над Эйфелевой башней, вспомнила Вианну, живущую под одной крышей с оккупантом, Антуана, пропавшего где-то в лагере. И про Эдит Кавелл вспомнила – та, наверное, тоже боялась. Изабель *не позволит* страху остановить ее. Летчики должны вернуться домой в Британию, чтобы и дальше сбрасывать бомбы на немцев.

Изабель повернулась к англичанину:

– Вы ведь крепкий парень, лейтенант? Не отстанете от девушки в горном походе?

– Не отстану, – улыбнулся он. – Особенно от такой хорошенькой, как вы, мисс. Глаз с вас не спущу.

– Я отведу его в консульство в Сан-Себастьяне, – сказала она. – А там уж пускай им занимаются британцы.

Изабель внимательно следила за тем, как переглядываются друзья, она отчасти разделяла их невысказанные вопросы и сомнения. Решение было принято без единого слова. Риск неизбежен, и с этим придется смириться.

– Потребуется время, несколько недель, а то и больше. – Леви обратился к Гаэтону: – А деньги нужны срочно. Поговоришь со своим агентом?

Гаэтон кивнул, решительно нахлобучил черный берет.

Изабель глаз не могла отвести от него. Она жутко злилась – точно, злилась, – но, когда он подошел ближе, гнев иссох и рассыпался пылью. Она так истосковалась, что все остальное не имело никакого значения. Глаза их встретились, но он, сдержавшись, вышел. Дверной замок щелкнул.

– Итак, – сказала Анук, – нам нужен план.

Вот уже шесть часов Изабель сидела за столом на конспиративной квартире на рю Сен-Симон. К разработке операции привлекли остальных членов группы, раздали всем задания: собрать одежду для летчиков и съестные припасы. Они сверили карты, составили маршрут и перешли к самой сложной и неопределенной части предприятия – поиску безопасных укрытий по пути. Постепенно отчаянная идея обретала форму и обращалась в четкий план.

Леви напомнил о комендантском часе, и Изабель поднялась. Друзья уговаривали ее остаться на ночь, но это могло вызвать подозрения у отца. Изабель одолжила у Анук плотный черный жакет, который служил прекрасной маскировкой.

На бульваре Сен-Жермен неприятно тихо, ставни закрыты, на окнах затемнение, фонари не горят.

Изабель держалась поближе к домам, кралась мимо заграждений и немецких патрульных, радуясь, что стоптанные каблучки ее белых полуботинок не стучат по мостовой.

Она уже почти добралась до дома, когда сзади раздался рев двигателя. Немецкий грузовик протащился мимо, голубоватые фары

погасли.

Изабель прижалась к стене, стараясь слиться с поверхностью. Потом все стихло.

Свистнула птичка. Длинная переливчатая трель. *Очень знакомая трель.*

Да, она ждала его, надеялась...

Изабель медленно отодвинулась от стены, выпрямилась.

– Изабель, – шепот Гаэтона.

Она едва различала в темноте его черты, но ощущала резкий запах лавандового мыла и табака.

– Откуда ты узнал, что я работаю с Полем?

– А кто, по-твоему, тебя рекомендовал?

– Анри... – озадаченно выговорила она.

– А кто рассказал Анри о тебе? Я с самого начала просил Дидье присмотреть за тобой. Знал, что ты непременно нас отыщешь.

Он бережно поправил ей выбившуюся прядь, интимность этого жеста отозвалась в ней надеждой. Но она совсем не хотела вспоминать, какие чувства он вызывал в ней, как кормил ее жареным кроликом, как нес на руках, когда она устала... и показал, каким может быть поцелуй.

– Прости, что обидел тебя.

– Зачем?

– Теперь уже неважно, – вздохнул он. – Мне сегодня надо было задержаться там, на квартире. Лучше было бы, конечно, не видеться с тобой.

– Не для меня.

Он улыбнулся:

– Ты все так же говоришь вслух обо всем, что у тебя на уме, а, Изабель?

– Все так же. Так почему ты меня бросил?

Он так нежно коснулся ее щеки, что Изабель едва не расплакалась; это походило на прощание, да и было прощанием – она чувствовала.

– Я хотела забыть тебя.

Она могла сказать что-нибудь еще, может, «поцелуй меня», или «не уходи», или «скажи, что я тебе не безразлична», но поздно – момент упущен.

– Будь осторожна, Из, – ласково произнес он, сделал шаг назад и растворился в темноте, прежде чем она успела ответить.

Изабель всем своим существом почувствовала, что его больше нет рядом. Она подождала минутку, чтобы унять сердцебиение и уgomонить чувства. Но, едва повернула ручку входной двери, как ее буквально втащили внутрь. Дверь захлопнулась.

– Где, черт побери, тебя носит?

От отца густо пахло алкоголем и еще чем-то горьковатым. Как будто он жевал аспирин. Она попыталась вырваться, но отец прижал ее крепко, а запястье стиснул безжалостно – обязательно останутся синяки.

Так же стремительно, как схватил, он выпустил ее. Изабель покачнулась, принялась шлепать ладонью по стене в поисках выключателя. Нащупала, повернула, но ничего не произошло.

– Денег на электричество нет, – буркнул отец. Он зажег керосиновую лампу, в свете которой был похож на восковую куклу – черты лица расплываются, набрякшие веки посинели, нос усеян черными точками размером с булабочную головку. Но даже в таком виде.... старый и уставший... Что-то в его взгляде настораживало.

Что-то не так.

– Пошли со мной, – коротко бросил он, непривычно членораздельно и внятно для этого времени суток. Она молча прошла за ним в свою комнату.

Гардероб отодвинут, дверца в секретное убежище нараспашку. Крепкий запах мочи. Слава богу, что летчик исчез.

Изабель молчала. А что тут скажешь?

Отец сел на край кровати.

– Господи, Изабель. Ты настоящая заноза в заднице.

Нет сил двигаться. И думать. Изабель с тоской бросила взгляд на дверь, прикидывая, не сбежать ли.

– Папа, это ерунда. Просто парень. Мы встречаемся. Только целовались, пап.

– И что, все твои ухагеры мочатся в чулане? Ты, должно быть, очень страстная. Ладно. – Он печально вздохнул. – Прекращай этот театр.

– Театр?

– Вчера вечером ты обнаружила английского летчика, спрятала его в шкафу, а сегодня отвела его к мсье Леви.

– Прости? – Изабель подумала, что ослышалась.

– Твой сбитый летчик обоссал весь чулан и наследил в коридоре, а потом ты отвела его к мсье Леви.

– Не понимаю, о чем ты.

– Молодец, Изабель.

И надолго замолчал.

– Папа?

– Я знаю, что ты курьер подполья и работаешь в группе Поля Леви.

– К-как...

– Мсье Леви – мой старый друг. С началом оккупации он пришел ко мне, вытащил из бутылки, в которой я почти утонул. И пристроил меня к делу.

У Изабель ноги подкосились. Садиться рядом с отцом – это немножко чересчур, поэтому она опустилась прямо на ковер.

– Я не хотел впутывать тебя в эту историю, Изабель. Поэтому первым делом выставил из Парижа. Не хотел подвергать тебя риску. Но должен был догадаться, что ты найдешь собственный путь к неприятностям.

– А все остальные разы, когда ты отсылал меня? – Она немедленно пожалела, что задала этот вопрос, но так уж была устроена – что на уме, то и на языке.

– Я плохой отец. Мы оба это знаем. По крайней мере, с тех пор, как твоя мама умерла.

– Откуда нам знать? Ты же никогда не пытался быть отцом.

– Пытался. Просто ты не помнишь. В любом случае это дело прошлое. Сейчас у нас проблемы гораздо серьезнее.

– Да, – согласилась она. Прошлое вдруг отодвинулось, сделалось зыбким и непонятным. Изабель утратила уверенность, и уж лучше сменить тему, чем разбираться сейчас в чувствах и мыслях. – Я... у меня есть кое-какие планы. На некоторое время придется уехать.

– Я знаю. Я разговаривал с Полем. – И добавил, помолчав: – Пойми, отныне твоя жизнь изменится. Тебе придется жить в подполье – не здесь, со мной, не с кем бы то ни было. Ты не сможешь оставаться на одном месте дольше чем на несколько ночей. Никому

вообще не сможешь доверять. Изабель Россиньоль исчезнет, вместо нее останется Жюльет Жервэ. Нацисты и коллаборационисты будут искать тебя днем и ночью, а если найдут...

Изабель кивнула.

Они поглядели в глаза друг другу, и Изабель ощутила, что никогда прежде они не были так близки.

– Военнопленные могут рассчитывать на снисхождение. Ты – нет.

Она вновь кивнула.

– Справишься, Изабель?

– Справлюсь, папа.

– Хорошо. Ты разыщешь Мишлин Бабино. Подругу твоей матери из Уррюнь. Ее муж погиб во время Великой войны. Думаю, она будет тебе рада. И передай Полю, что мне срочно нужны фотографии.

– Фотографии?

– Летчиков.

Изабель все еще потрясенно молчала, и отец неожиданно широко улыбнулся:

– Нет, правда, Изабель, ты что, не могла связать концы с концами?

– Но...

– Я делаю фальшивые документы, Изабель. Поэтому работаю в немецком штабе. Сначала писал листовки, те самые, что ты разносила в Карриво, но... выяснилось, что у поэта ловкие руки. Почему, думаешь, тебя зовут Жюльет Жервэ?

– Н-но...

– Ты была уверена, что я сотрудничаю с оккупантами. И я не могу тебя винить за это.

И она вдруг увидела в нем совсем другого – маленького и несчастного – человека, а вовсе не злобного бессердечного типа, к которому почти привыкла. Она готова была броситься к нему, опуститься на колени, обнять. Слезы навернулись на глаза.

– Но почему ты бросил нас с Вианной?

– Надеюсь, ты никогда не узнаешь, насколько ты беззащитна, Изабель.

– Я вовсе не беззащитна.

Улыбка лишь чуть тронула его губы:

– Мы все хрупки и беззащитны, Изабель. Этой простой истине нас учит война.

Девятнадцать

ВНИМАНИЕ!

Каждый мужчина, оказавший помощь, прямо или косвенно, военнослужащим вражеской авиации, спустившимся с парашютом или совершившим вынужденную посадку, способствующий их бегству, укрывающий их или иным способом содействующий, будет расстрелян на месте.

Женщины, предоставившие врагу подобную помощь, будут отправлены в лагеря на территории Германии.

– Похоже, мне повезло, что я женщина, – пробормотала Изабель. Как это немцы умудрились до сих пор – до октября 1941 года – не заметить, что Франция обратилась в страну женщин?

Но она прекрасно осознавала браваду своих слов. Да, сейчас ей хотелось быть отважной – Эдит Кавелл, рискующая жизнью, – но здесь, на вокзале, охраняемом немецкими солдатами, она откровенно боялась.

Пути назад нет, не передумает. Спустя несколько месяцев подготовки она с четырьмя английскими летчиками готова проверить на практике план бегства.

Сегодняшним октябрьским утром ее жизнь изменится. Как только она сядет в поезд до Сен-Жан-де-Люз, Изабель Россиньоль, девушка из книжного магазина на авеню де Ла Бурдонне, исчезнет.

Отныне она Жюльет Жервэ, подпольная кличка Соловей.

– Пошли. – Анук подхватила Изабель под руку и повела к билетной кассе.

Они столько раз повторяли план действий, что Изабель выучила его назубок. Вот только одна загвоздка: все попытки связаться с мадам Бабино провалились. Ключевой момент – поиски проводника – полностью ложился на плечи Изабель. Чуть в стороне лейтенант

Маклей, одетый как крестьянин, дожидался ее сигнала. От своего аварийного комплекта он сохранил две таблетки бензедрина и крошечный компас, похожий на пуговицу, который сейчас был приколот к воротнику. У англичанина тоже поддельные документы – теперь он фламандский фермер – паспорт и разрешение на работу; отец гарантирует, что к бумагам не подкопаешься. А еще лейтенант обрезал свои высокие армейские башмаки и сбрил усы.

Изабель с Анук потратили кучу времени, натаскивая Маклея, объясняя, как правильно себя вести. Обрядили его в мешковатый плащ, рабочие штаны. Отбелили никотиновые пятна на втором и третьем пальцах и научили курить по-французки, придерживая сигарету большим пальцем и указательным. Он выучил, что, переходя улицу, надо посмотреть сначала налево, а не направо, и что он не должен первым приближаться к Изабель. Лейтенанту было велено притвориться глухонемым и в поезде читать газету – всю дорогу. Ехать он должен в том же купе, что и Изабель, но не обращать на нее внимания. Остальные подсядут на других станциях. И даже на месте, в Сен-Жан-де-Люз, мужчины должны были держаться подальше от Изабель.

Анук повернулась к Изабель. *Готова?*

Та медленно кивнула.

– Кузен Этьен сядет в поезд в Пуатье, дядюшка Эмиль – в Руффеке, Жан-Клод – в Бордо.

Остальные летчики.

– Ясно.

В Сен-Жан-де-Люз из поезда вместе с Изабель выйдут четыре офицера – два англичанина и два канадца – и пойдут за ней через горы в Испанию. Оттуда она должна прислать телеграмму. «Соловей запел» означает успешное завершение.

Чмокнув Анук в щеку, Изабель шепнула «пока», поспешила к окошку кассы и решительно протянула деньги кассиру:

– Сен-Жан-де-Люз.

С билетом в руках, не оглядываясь, прошла на платформу С.

Паровоз громко засвистел.

В вагоне было довольно много пассажиров, Изабель заняла свое место по левую сторону. Напротив уселись немецкие солдаты.

Маклей вошел последним. Пробрался мимо, не глядя в ее сторону и ссутулившись, чтобы казаться меньше ростом. Пристроившись в другом конце купе, он тут же развернул газету.

Еще один свисток паровоза, и огромные колеса начали вращаться, постепенно набирая скорость. Вагон слегка качнулся, поезд завел свою чух-чухающую умиротворяющую песенку.

Немец, что сидел напротив Изабель, рассеянно осмотрел купе. Взгляд его остановился на Маклее. Он похлопал по плечу товарища, и оба начали подниматься с мест.

– Добрый день. – Изабель очаровательно улыбнулась солдатам.

Немцы немедленно уставились на нее и плюхнулись на сиденье.

– Добрый день, мадемуазель, – хором ответили они.

– У вас прекрасный французский, – продолжила она.

Сидевшая рядом грузная тетка в деревенском платье выразительно откашлялась и прошипела по-французски: «Постыдилась бы». Изабель лишь кокетливо хихикнула.

– А куда вы едете? – спросила она. Им несколько часов торчать в одном купе. Уж лучше пускай они интересуются только ею.

– В Тур, – сказал первый.

А второй добавил:

– В Онзен.

– О. А вы умеете играть в карты? Мы могли бы скоротать время. У меня с собой как раз есть колода.

– Да, да! – обрадовался тот, что помоложе.

Изабель достала из сумочки карты. Она весело хохотала, сдавая для очередной партии, когда в вагон вошел второй летчик.

Чуть позже появился кондуктор. Маклей повел себя точно по инструкции – не прерывая чтения, протянул свой билет. То же самое сделал и второй летчик.

Изабель облегченно выдохнула и откинулась на спинку сиденья.

До Сен-Жан-де-Люз Изабель и четыре летчика добрались без приключений. В городе они дважды благополучно миновали – разумеется, порознь – немецкие заставы. Солдаты мельком просмотрели фальшивые документы и тут же вернули с коротким *danke schon*, даже не глянув на их лица. Они определенно не ждали тут никаких сбитых летчиков, им наверняка такое и в голову не приходило.

Но вот Изабель со спутниками подошли совсем близко к горам. В маленьком парке на берегу реки она села на лавочку. Один за другим, согласно плану, собрались мужчины. Первым явился Маклей и устроился рядом с ней, остальные расположились неподалеку.

– Таблички у вас с собой? – спросила Изабель.

Маклей вытащил листок бумаги с надписью: ГЛУХОНЕМОЙ, ЖДУ МАМУ, ОНА МЕНЯ ЗАБЕРЕТ. Остальные продемонстрировали такие же листки.

– Если начнут приставать немцы, просто покажите документы и эти таблички. *Не разговаривайте.*

– А я еще могу вести себя, как идиот, это для меня обычное дело, вы же знаете, – ухмыльнулся Маклей.

Но Изабель слишком нервничала, чтобы оценить шутку.

Свой рюкзак она вручила Маклею. Там только самое необходимое: бутылка вина, три свиные колбаски, две пары шерстяных носков и несколько яблок.

– В Уррюнь сядьте где-нибудь. Только не все вместе, разумеется. Притворитесь, что читаете газету. Не поднимайте головы, пока не услышите, как я говорю: «Вот вы где, кузен, а мы вас повсюду разыскиваем». Понятно?

Парни дружно кивнули.

– Если я не вернусь к рассвету, отправляйтесь в По, найдите отель, о котором я вам говорила. Женщина по имени Элиана поможет вам.

– Будьте осторожны, – напутствовал Маклей.

Изабель двинулась к шоссе. Примерно через милю, когда уже начинало темнеть, показался старый шаткий мост. Дорога постепенно превратилась в узкую грязную тропу, которая поднималась все выше, выше, выше к зеленому подножию гор. Луна освещала путь и заодно сотни крошечных белых пятнышек на склонах. Овцы. На такой высоте никаких жилищ уже не было, только навесы для скота.

Но вот наконец двухэтажный фахверковый дом под красной крышей, в точности такой, как описывал отец. Неудивительно, что никому не удалось связаться с мадам Бабино. Дом, казалось, специально построен так, чтобы люди держались подальше, – чего стоит одна дорога сюда. При появлении Изабель овцы тревожно заблеяли и заметались. Сквозь небрежно задернутые шторы

пробивался свет, над трубой поднимался дымок, вселяя некоторую надежду.

На стук дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы продемонстрировать один глаз и густую седую бороду хозяина.

– Здравствуйте. – Изабель подождала ответа, но старик молчал. – Я ищу мадам Бабино.

– Зачем это?

– Меня послал Жюльен Россиньоль.

Старик прищелкнул языком и распахнул дверь.

Первое, что увидела Изабель, – жаркое, булькающее в огромном черном котле, который висел над таким же громадным очагом.

За длинным деревянным столом в дальнем конце кухни сидела женщина, одетая по-мужски: бриджи и рубаха с воротником на кожаной шнуровке. Волосы цвета стальных опилок, в зубах сигарета.

Хотя прошло пятнадцать лет, Изабель узнала ее. Она помнила, как они вместе сидели на пляже в Сен-Жан-де-Люз. Помнила женский смех. И как мадам Бабино говорила: «С этой красоткой хлопот не оберешься, Мадлен, парни будут виться вокруг нее стаями», а мама отвечала: «Она слишком умна, чтобы тратить жизнь на парней, верно, моя Изабель?»

– У тебя все башмаки в грязи.

– Я шла пешком от станции в Сен-Жан-де-Люз.

– Интересно. – Женщина ногой подтолкнула Изабель стул: – Садись. Я Мишлин Бабино.

– Я знаю, кто вы. – Но продолжать Изабель не стала. По нынешним временам любая информация может быть опасной. Следует разумно ею распорядиться.

– Неужто?

– Я Жюльет Жервэ.

– И что с того?

Изабель нервно оглянулась на старика, который чересчур внимательно ее рассматривал. Неприятно сидеть к нему спиной, но выбора не было.

– Сигарету хочешь? Это синие «голуаз». Отдала за них три франка и козу, но оно того стоило. – Женщина с наслаждением затянулась и выдохнула ароматное облако дыма. – Так и что мне за дело до тебя?

– Жюльен Россиньоль полагает, вам можно доверять.

Мадам Бабино еще раз напоследок длинно затянулась и загасила сигарету о подошву башмака. Окурок она хозяйственно сунула в карман рубахи.

– Он говорит, вы были близкой подругой его жены. И крестной матерью его старшей дочери. А он – крестный вашего младшего сына.

– Был. Немцы убили обоих моих сыновей. А муж погиб в прошлую войну.

– Он вам писал...

– Почта нынче паршиво работает. Чего ему надо?

Вот оно, самое слабое место во всем плане. Если мадам Бабино из коллаборационистов, то здесь все и кончится. Изабель тысячу раз представляла себе этот момент, планировала всевозможные варианты разговора. Придумала миллион уловок, чтобы спастись в случае чего.

И теперь понимала, насколько все они бессмысленны и бесполезны. Придется говорить напрямик – как в омут с головой.

– В Уррюнь меня дожидаются четверо сбитых летчиков. Я хочу отвести их в Испанию, в британское консульство. Мы надеемся, что англичане отправят их домой и они смогут еще не раз бомбить Германию.

В наступившем молчании Изабель слышала биение своего сердца, тиканье часов на камине, блеяние овец далеко в горах.

– И? – едва слышно спросила мадам Бабино.

– И... мне нужен проводник из басков, чтобы перейти Пиренеи. Жюльен думает, что вы можете помочь.

– Позови Эдуардо, – после паузы бросила мадам Бабино старику, который тут же сорвался с места. Дверь хлопнула так, что потолок задрожал.

Мадам достала из кармана недокуренную сигарету, зажгла и, попыхивая, молча разглядывала Изабель.

– Что вы... – начала Изабель.

Но женщина прижала к губам желтый от никотина палец.

Дверь рывком отворили, и в комнату ворвался молодой мужчина. Изабель успела только разглядеть, что он широкоплечий и здоровенный.

Схватив Изабель за руку, он выдернул ее из кресла и швырнул к стене. Изабель хватала ртом воздух от боли, пыталась вырваться, но мужик, просунув колено ей между ног, крепко прижимал ее к стене.

– Знаешь, что немцы делают с такими, как ты? – прошипел он, придвигаясь так близко, что Изабель не могла различить ничего, кроме огромных черных глаз с пушистыми длинными ресницами. От него несло табаком и перегаром. – Знаешь, сколько нам заплатят за тебя и твоих англичан?

Изабель повернула голову, уворачиваясь от тяжелого духа.

– Где они, твои летчики?

Пальцы больно стиснули плечо.

– Где они?

– Какие летчики? – испуганно выдохнула она.

– Которым ты помогла сбежать.

– К-какие летчики? Не понимаю, о чем вы говорите.

Он зарычал и стукнул ее головой о стену:

– Ты же просила помочь тебе перевести летчиков через Пиренеи.

– Я, женщина, ползти в Пиренеи? Вы, должно быть, шутите. Не понимаю, о чем вы.

– Хочешь сказать, мадам Бабино лжет?

– Я не знаю никакой мадам Бабино. Я просто зашла спросить дорогу. Я заблудилась.

Он ухмыльнулся, демонстрируя потемневшие от табака зубы:

– Умная девочка. – И отпустил ее. – И не слаба в коленках.

– Она молодец, – проговорила мадам Бабино, вставая.

Мужчина чуть отступил назад и представился:

– Я Эдуардо. – Потом, обернувшись к мадам: – Погода хорошая.

Она – крепкая девчонка. Парни пускай переночуют здесь. Если они не слабаки, завтра я их провожу.

– Вы нас проведете? В Испанию? – с надеждой уточнила Изабель.

Эдуардо посмотрел на мадам Бабино, а та – на Изабель:

– Помочь вам – большая честь для нас, Жюльет. Итак, где они, ваши летчики?

Мадам Бабино разбудила Изабель в полночь, отвела в кухню, где в очаге уже вовсю плясало пламя.

– Кофе?

– Ой, нет, спасибо, это чересчур роскошно.

Мадам улыбнулась:

– Женщину моего возраста никто не заподозрит. Это здорово помогает в контрабанде. Держи, – и вручила Изабель выщербленную фарфоровую кружку с дымящимся ароматным кофе. *Настоящим* кофе.

Обхватив чашку обеими руками, Изабель вдохнула знакомый никогда-в-жизни-ни-с-чем-не-спутаешь запах.

Мадам Бабино села рядом.

Сострадание в ее глазах напомнило Изабель о матери.

– Мне страшно, – призналась она. Впервые решившись произнести это вслух.

– Так и должно быть. Нам всем страшно.

– Если что-то пойдет не так, вы ведь сообщите Жюльену? Он в Париже. Если мы... не справимся, скажите ему, что Соловей не улетел.

Мадам Бабино кивнула.

Пока они пили кофе, один за другим в кухне собрались летчики. Парни почти не спали этой ночью, но уже пора было собираться в путь.

Мадам Бабино подала свежий хлеб, лавандовый мед и мягкий козий сыр. Англичане расселись вокруг стола, весело гомоня, и вмиг смели еду.

В распахнувшуюся дверь порывом холодного ночного воздуха внесло охапку сухих листьев, они заплясали по полу и прилипли к камням у очага, словно маленькие черные ладошки. Огонь затрепетал, дверь закрылась.

В комнате с низким потолком Эдуардо казался волосатым гигантом. Типичный баск – запросто может перенести на широченных плечах человека через бурную речку Бидасоа, а лицо словно вытесано в камне тупым зубилом. Плащ, весь залатанный, слишком легкий для такой погоды.

Он дал Изабель баскские туфли – эспадрильи – на веревочной подошве, очень удобные для ходьбы по неровной местности.

– Как там с погодой, Эдуардо? – озабоченно спросила мадам Бабино.

– Холод надвигается. Медлить нельзя. – Он сбросил с плеча рюкзак и обратился к англичанам: – Вот ваши эспадрильи, держите. В них легче идти. Подберите подходящие.

Изабель перевела его слова. Летчики послушно устремились к рюкзаку, принялись вытаскивать обувь и примерять, передавая друг

другу.

– А мне ни одни не годятся, – огорчился Маклей.

– Берите что есть, – сказала мадам Бабино. – У нас тут все-таки не обувная лавка.

Парни переобулись, и Эдуардо выстроил их в шеренгу. Придирчиво осмотрел каждого, проверяя одежду и снаряжение.

– Выньте все из карманов и оставьте здесь. Испанцы арестуют вас за все что угодно, а вы же не хотите сбежать от немцев только для того, чтобы оказаться в испанской тюрьме.

Потом он оделил каждого маленьким бурдюком с вином и узловатой палкой – посохом. Напоследок хлопнул по спине, едва не сбив с ног, напутствовав:

– Тишина. Всегда.

Они вышли из уютного тепла кухни на пастбище позади дома, залитое голубоватым лунным светом.

– Ночь – наша защита. Ночь, и скорость, и тишина, – повторил Эдуардо и вскинул руку, приказывая остановиться. – Жюльет пойдет последней. Я – впереди. Я иду – вы идете за мной. След в след. Никаких разговоров. Совсем. Вы замерзнете – сегодня ночью заморозки, – проголодаетесь и очень скоро устанете. Но продолжайте идти.

И Эдуардо двинулся вверх по склону.

Изабель замерзла почти сразу; холод пробирал сквозь шерстяной жакет, мороз пощипывал щеки.

Часам к трем ночи прогулка превратилась в настоящий поход. Подъем становился все круче, луна скрылась за невидимыми облаками, погрузив горы в кромешную темноту. Изабель слышала, как мужчины, идущие впереди, дышат все тяжелее. Они явно замерзли: почти у всех одежда совершенно не годилась для восхождений, да еще обувь не по размеру. Под ногами хрустели ветки, а когда они поднялись выше, из-под подметок посыпались камешки и шуршали, скатываясь по скальному склону.

Начался дождь. Ветер, поднявшийся со стороны долины, едва не сбивал с ног. Ледяные струи хлестали как плети. Изабель вся дрожала, дыхание с шумом вырывалось из легких, она задыхалась, но шла и шла. Все вверх и вверх, выше и выше.

Кто-то из четверки вскрикнул и упал. Изабель не разглядела, кто именно. Человек, идущий впереди, резко остановился, она наткнулась на него, парень запнулся, упал. Ударился о камень, выругался.

– Не тормозим, ребята, – Изабель постаралась, чтобы это прозвучало бодро.

Они взбирались вверх, пока Изабель не начала задыхаться уже на каждом шаге, но Эдуардо не давал пощады. Он остановился, только чтобы убедиться, что никто не отстал, и двинулся дальше, прыгая по камням, как коза.

Ноги у Изабель горели, и, несмотря на эспадрильи, постепенно набухали мозоли. Каждый шаг причинял дикую боль.

Час за часом, и еще, и еще. Изабель не просто запыхалась – она не могла вдохнуть, чтобы прохрипеть, как ей нужен глоток воды, – впрочем, Эдуардо все равно ее не слышал бы. Где-то впереди пыхтел Маклей, он чертыхался всякий раз, поскользнувшись, и вскрикивал от боли.

Она больше не видела, куда идет. Просто брела вверх, натянув шарф на лицо и мучительно борясь с желанием закрыть глаза. Прерывистое дыхание сначала согревало шарф, а потом ткань замерзла, обратившись в кусок льда.

– Пришли, – донесся из темноты зычный голос Эдуардо. Так высоко в горах можно было не опасаться ни немецких, ни испанских патрулей. Здесь жизни угрожала только стихия.

Изабель повалилась прямо на острые камни. Вскрикнула от боли, но и только – на большее сил не осталось.

Со стоном «Боже всемогущий» рядом рухнул Маклей и тут же начал сползать куда-то вниз. Изабель вцепилась в его руку и удержала.

– Не здесь, – буркнул Эдуардо. – Пастушья хижина. Вон там.

Изабель еле встала. Последняя в цепочке, дрожа от холода, она дожидалась, пока поднимутся остальные. Обхватила себя руками в попытке удержать внутри остатки тепла, но там ничего не осталось. Она чувствовала себя цельным куском льда, в любой момент готовым расколоться. Сознание ускользало, приходилось то и дело встряхивать головой, чтобы сбросить наваливающееся оцепенение.

Потом она слышала шаги и поняла, что рядом стоит Эдуардо, все лицо в ледяной крошке.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Промерзла насквозь. На ноги боюсь смотреть.

– Мозоли?

– С тарелку размером, точно. Не пойму, башмаки снаружи промокли или изнутри пропитались кровью.

Слезы застывали, еще не пролившись, ресницы смерзлись.

Эдуардо взял ее за руку и помог добраться до хижины, где он уже развел огонь. Лед постепенно таял, и у ног Изабель быстро накопала с волос целая лужица. Англичане падали кто где стоял и, привалившись к деревянной стене, тут же тянулись за рюкзаками и принимались шарить там, доставая еду. Маклей махнул Изабель.

Пробравшись между остальными, она опустилась рядом с ним. В тишине, нарушаемой только сдавленными стонами и чавканьем, съела сыр и яблоки.

Как уснула, Изабель не помнила. Вот она вроде жует, а в следующую минуту Эдуардо уже будит ее и в грязное окошко пробивается сероватый дневной свет. Они проспали весь день, уже вечерело.

Эдуардо разжег очаг, сварил котелок эрзац-кофе. Доели хлеб и твердый сыр – неплохо, но совсем недостаточно, чтобы утолить голод.

Эдуардо пустился в путь бодрым шагом, ловко карабкаясь по обледеневшим, предательски скользким сланцевым плиткам козьей тропы.

Изабель выбралась из хижины последней. Тоскливо взглянула на тропинку. Горные пики скрылись под серыми облаками, крупные снежные хлопья заглушали все звуки, и лишь шумное дыхание путников нарушало тишину. Мужчины, один за другим, удалялись, превращаясь в черные точки на белоснежном склоне. Изабель решительно шагнула навстречу стуже и полезла вверх по тропе. В снежном тумане она не различала теперь ничего, кроме широкой спины карабкающегося впереди летчика.

Эдуардо был по-прежнему безжалостен. Не замедляя шаг, поднимался по извилистой тропинке и, казалось, вовсе не замечал ледяного холода, разрывавшего легкие при каждом вдохе. Изабель упорно шагала, подбадривая англичан, когда те начинали отставать, – уговаривала, поддразнивала, понукала.

Отстань кто-нибудь из них, потеряй из виду товарищей – и останется навеки в этой ледяной мгле. Отойти от тропы на несколько

футов – неминуемая смерть.

Кто-то со стоном упал. Один из канадцев. Он хрипел, опустившись на колени.

Изабель присела на корточки рядом, и спина мгновенно начала застывать.

– Со мной кончено, куколка, – попытался он улыбнуться сквозь промерзшие усы.

– Вы же Тедди, правильно?

– Точняк. Послушай. Я готов. Иди дальше.

– Тедди, у вас в Канаде есть жена или девушка?

Лица его она не видела, но слышала, как он чуть всхлипнул.

– Это нечестно, куколка.

– Жизнь и смерть – это вообще нечестно, Тедди. Как ее зовут?

– Элис.

– Вставайте, ради Элис, поднимайтесь, Тедди.

Парень шевельнулся. Она подставила ему плечо, помогла встать. Вздрогнув всем телом, Тедди сделал шаг.

– Ладно, все в порядке. – И побрел дальше.

Изабель бил озноб, внутренности сводило от голода, во рту пересохло, но она не останавливалась. Мысли путались, и постепенно осталась лишь одна: надо сделать шаг, и еще шаг, и еще.

На исходе ночи снегопад перешел в дождь, шерстяные плащи, высохшие возле очага в хижине, вновь промокли и отяжелели. Изабель не заметила, когда тропа пошла вниз. Просто в какой-то момент один из них падал, оскальзываясь на мокрых камнях, и съезжал по склону. Удержать человека было невозможно, разве только помочь подняться, когда тело натыкалось на препятствие.

Рассвело. Эдуардо остановился и показал на черный провал в склоне горы – вход в небольшую пещеру. Мужчины, тяжело дыша, забились внутрь, вытянули ноги. Изабель слышала, как они роются в рюкзаках, доставая остатки съестного. Где-то в глубине пещеры зашуршал зверек, скребя когтями по земляному полу. Из стен торчали корни, между камней просачивалась вода. Эдуардо развел костер, использовав для растопки сухой мох, собранный еще накануне и запасливо сохраненный в поясном кармане.

– Ешьте – и спать, – скомандовал он. – Завтра последний рывок. – Сделав длинный глоток из своей кожаной фляги, Эдуардо вышел из

пещеры.

Сырые ветки в костре потрескивали и иногда громко разрывались, но на звук, похожий на выстрел, никто не реагировал – и Изабель, и мужчины были измучены настолько, что не осталось сил даже испуганно вздрагивать. Изабель устало привалилась к Маклею.

– Вы просто чудо, – прошептал он.

– Мне всегда говорили, что я принимаю idiotские решения. Вот вам доказательство. – Она дрожала то ли от холода, то ли от усталости.

– Глупая, но храбрая, – усмехнулся он.

– Да, это про меня. – Изабель была благодарна за эту беседу, за шутки.

– Я, наверное, не смогу толком отблагодарить вас... вы спасли мне жизнь.

– Пока еще не спасла, Торренс.

– Зовите меня Торри, как все друзья.

Он говорил что-то еще – о девушке, которая ждет его в Ипсвиче, наверное, – но Изабель слишком устала, чтобы слушать.

Когда она проснулась, шел дождь.

– Твою ж мать... – бормотал кто-то. – Какая там хрень.

Перед пещерой стоял Эдуардо, широко расставив крепкие ноги, лицо и волосы мокрые от дождя, но он, похоже, этого не замечал. За спиной – непроницаемая тьма.

Летчики развязали рюкзаки. Никому больше не нужно было напоминать, что пора поесть, – все усвоили правила. Когда разрешают остановиться, ты пьешь, ешь, спишь, именно в такой последовательности. Когда тебя разбудили, ты ешь, пьешь и встаешь на ноги, и неважно, что и как у тебя болит.

Вставали они со стонами. И с руганью. Сырая безлунная ночь. Кромешная тьма.

Они преодолели горы: почти на тысячу метров вверх в предыдущую ночь – и примерно пятьсот вниз с другой стороны, но дождь не прекращался.

На выходе из пещеры мокрые ветки хлестнули Изабель по лицу. Она лишь отвела их и двинулась дальше, опираясь на посох. На мокрой глине ноги скользили лучше, чем по льду, вдобавок вдоль тропки теперь бежали ручейки. Парни грязно ругались сквозь зубы, а

Изабель упрямо переступала израненными ногами. Эдуардо задал изнурительный темп, оставалось только держаться за ним.

– Смотрите! – услышала она возглас.

Далеко впереди мелькнул огонек, а потом целая паутинка из белых огоньков рассыпалась в темноте.

– Испания, – сказал Эдуардо.

Они зашагали быстрее, посохи бодрее стучали по земле, а дорога постепенно становилась все ровнее.

Сколько прошло времени? Пять часов? Шесть? Изабель постоянно отплевывалась от воды, голод стал звериным. Небо на горизонте посветлело. Пока они спускались по извилистой тропинке, нежно-лавандовая полоска постепенно порозовела, потом стала желтой. Но Изабель не обращала внимания на красоты – ноги горели огнем, ей приходилось стискивать зубы, чтобы не орать от боли.

К исходу третьего дня она утратила чувство времени и направления. Не представляла, где они находятся и как долго еще будет продолжаться эта мука. Мысль обратилась в простейшую молитву, которая пульсировала в сознании в ритме ее шагов. *Кон-сульство, кон-сульство, кон-сульство.*

– Стой! – Эдуардо вскинул руку.

Изабель налетела на Маклея. Его обветренные щеки ярко пылали, губы потрескались, он тяжело дышал.

Вдали, на склоне, Изабель увидела людей – все в светлозеленом. Военный патруль.

Первая мысль – *мы в Испании*, но тут Эдуардо сделал знак, чтобы они спрятались за деревьями.

Прятались они там долго, потом опять куда-то шли. Через несколько часов добрались до берега, где грохот воды перекрывал остальные звуки.

Здесь Эдуардо наконец остановился и подозвал всех. Он стоял в луже грязи, эскадрильи тонули в темной жиже. На серых гранитных скалах за его спиной, вопреки законам гравитации, умудрялись расти чахлые деревца. У подножия скал густо зеленел кустарник.

– Мы спрячемся здесь до темноты, – сказал Эдуардо. – За этой грядой – река Бидасоа. На другом ее берегу – Испания. Мы близко к цели, но близко – ничего не значит. Между рекой и вашей свободой

патрули с собаками. Они стреляют во все, что движется. Не двигайтесь.

И Эдуардо ушел. Изабель с англичанами забились в щели между громадными валунами и стволами упавших деревьев и затаились.

Дождь превращал грязь под ногами в болото. Изабель дрожала, прижав колени к груди и закрыв глаза. Как ни странно, ей удалось заснуть, жаль только ненадолго. В полночь Эдуардо разбудил ее.

Первое, что она заметила, открыв глаза, – дождь кончился. Небо над головой усеяно звездами. Поднявшись на ноги, Изабель скривилась от боли.

Под покровом ночи они пустились в путь, звук шагов терялся в шуме реки.

И вот они у бурного переката. Далеко внизу вода бурлит, закручивается в водовороты, бьется о камни, вздымая фонтаны брызг.

– Мы не можем плыть, – сказал Эдуардо. – После дождей река превратилась в чудовище, которое проглотит нас. Идите за мной.

Они шли вдоль берега около часа, затем Эдуардо сделал знак остановиться. Раздался протяжный скрип, будто где-то открылась гигантская несмазанная дверь, а потом стук.

Сначала ничего не произошло, а потом на другом берегу вспыхнул яркий свет и выхватил из тьмы хлипкий подвесной мостик, переброшенный над бурной рекой. На той стороне располагался испанский погранпункт, вдоль которого прохаживались солдаты.

– Мать Божья, – выдохнул один из летчиков.

– Чтоб меня... – отозвался другой.

Укрывшись в кустах, Изабель с мужчинами наблюдали, как лучи прожектора скользят по речной поверхности.

В третьем часу ночи Эдуардо решил, что пора. На противоположном берегу все давно стихло. Если удача повернется к ним лицом – если им вообще полагается удача, – караульные сейчас спят.

– Пошли, – шепотом скомандовал Эдуардо.

Мост – две веревки и дощатый настил, в щели видны пенистые струи, нескольких досок недостает. Мост раскачивался на ветру из стороны в сторону и поскрипывал.

Изабель посмотрела на спутников – почти все бледны как призраки.

– По одному, – распорядился Эдуардо. – Доски выглядят ненадежно, но ваш вес они выдержат. У каждого ровно шестьдесят секунд – это промежуток между вспышками прожектора. Как только окажетесь на том берегу, приседаете на корточки и проползаете под окошком караульной будки.

– А вы ведь уже делали это раньше, да? – неуверенно уточнил Тедди, взглянув на Изабель, и на слове «раньше» голос дрогнул.

– Много раз, Тедди, – соврала Изабель. – И если это смогла девушка, brave пилот вроде вас справится без проблем. Я права?

– Даже не сомневайтесь, – кивнул он.

Изабель наблюдала, как преодолел мост Эдуардо. Потом собрала летчиков поближе и одного за другим, отсчитывая шестидесятисекундные интервалы, отправляла их на ту сторону. Затаив дыхание всякий раз, пока очередной мужчина не оказывался на твердой земле.

Но вот и ее черед. Откинув мокрый капюшон, она подождала, пока луч прожектора минует ее, и ступила на мост. На вид непрочный, но ведь выдержал крепких мужчин, значит, и ее выдержит.

Судорожно вцепившись в веревку, она сделала первый шаг. Мост тут же закачался. Изабель глянула на бурный поток в ста футах под ногами. Стиснув зубы, она осторожно переступала с доски на доску, пока не оказалась на испанском берегу. Стремительно присела, луч прожектора прошел над головой. Изабель пробралась мимо поста, вскарабкалась вверх по обрыву и нырнула в кусты, где ее уже ждали спутники.

Эдуардо отвел их в укромный уголок за насыпью и тут позволил отдохнуть.

Взошло солнце. Изабель сонно моргнула, просыпаясь.

– А здесь неплохо, – прошептал Торри.

Изабель огляделась. Они лежали в какой-то придорожной канаве, укрытые от посторонних глаз полоской деревьев.

Эдуардо протянул бурдючок с вином. Он так и сиял.

– Это за вами. – Он показал на дорогу, по которой катила девушка на велосипеде. А за ее спиной в солнечном свете сверкал белоснежными стенами городок – словно картинка из детской книжки: башенки, часы, церковные шпили. – Альмадора отведет вас в консульство в Сан-Себастьяне. Добро пожаловать в Испанию.

Изабель мгновенно забыла и об усталости, о боли в стертых ногах, и о страхах, сопровождавших на каждом шагу.

– Спасибо, Эдуардо.

– В следующий раз будет нелегко.

– И в этот раз было нелегко.

– Сейчас они нас не ждали. Но скоро будут.

Да, он прав. Им не пришлось прятаться от немецких патрулей и сбивать со следа собак, да и испанцы на посту были беспечны и спокойны.

– Но когда вы приведете еще летчиков, я буду на месте, – пообещал он.

Изабель благодарно кивнула и обернулась к мужчинам, измотанным не меньше, чем она:

– Пойдемте, мсье, нам пора.

Они поздоровались с девушкой, которая терпеливо дожидалась их в сторонке, и Альмадора повела компанию какими-то задворками, через лабиринт улочек и переулков, пока они не остановились наконец перед роскошным, карамельного цвета зданием в Парте Вьехо – старинном районе Сан-Себастьяна. Издалека доносился плеск волн.

– Спасибо, – поблагодарила она девушку.

– *De nada*^[5].

Черная дверь, покрытая лаком.

– Нам сюда, – решительно сказала Изабель, поднимаясь по каменным ступеням. Трижды постучала, потом позвонила. Появившемуся на пороге человеку в строгом черном костюме она сказала: – Мне нужно видеть британского консула.

– Он вас ожидает?

– Нет.

– Мадемуазель, консул занят...

– Я привела из Парижа пилотов королевских ВВС.

Глаза привратника округлились.

Маклей выступил вперед:

– лейтенант Торренс Маклей, королевские ВВС.

Остальные последовали его примеру, тоже назвав себя.

Дверь широко открылась. И вот уже Изабель сидит в неудобном кожаном кресле, а какой-то мужчина недоверчиво смотрит на нее из-за стола напротив. Летчики выстроились рядом с ней.

– Я доставила из Парижа ваших сбитых летчиков, – доложила Изабель. – На юг страны мы добрались поездом, а затем прошли через Пиренеи...

– *Пешком?*

– Ну, пожалуй, лучше назвать это походом.

– То есть вы пешком преодолели Пиренеи, перейдя из Франции в Испанию. – Он откинулся в кресле, лицо его выражало недоверие.

– В будущем я готова повторить этот путь. Чем больше вы будете бомбить, тем чаще будут сбивать ваши самолеты, и летчиков надо спасать. Для этого нам нужна помощь. Деньги на одежду, документы, продовольствие для них. И кое-что для тех, кто предоставляет нам убежище по пути.

– Вы могли бы позвонить М19, – вступил Маклей. – Они оплатят все, в чем нуждается группа Жюльет.

Человек за столом ошеломленно качал головой:

– Хрупкая девушка ведет военных летчиков через Пиренеи. Неужели чудеса еще возможны?

– Это точно чудо, сэр, – ухмыльнулся Маклей, покосившись на Изабель. – Я ей говорил ровно то же самое.

Двадцать

Выбраться из оккупированной части Франции – дело трудное и опасное. Попасть обратно – по крайней мере, для двадцатилетней улыбочивой девушки – сущие пустяки.

Спустя несколько дней после прибытия в Сан-Себастьян, после бесконечных совещаний, докладов и отчетов, Изабель уже сидела в поезде, идущем в Париж, на деревянной скамье в вагоне третьего класса и любовалась долиной Луары. Чертовски холодный вагон был забит болтливыми немецкими солдатами и запуганными французами, которые жались на своих местах, не поднимая голов, покорно сложив руки на коленях.

У Изабель с собой были кусок сыра и яблоко, но, хотя она проголодалась, сумочку открыть не решалась. Ей казалось, что она и так обращает на себя внимание в этих вытянутых коричневых штанах и шерстяном жакете. Щеки обветрены и исцарапаны, сухие губы потрескались. Но подлинные изменения произошли внутри. Гордость за выполненное задание, за то, что ей удалось в Пиренеях, изменила ее, Изабель стала взрослой. Впервые в жизни она точно знала, чего хочет.

Она встретила с агентом М19, они разработали маршрут очередного побега из Оккупированной Зоны. Она была их первым связным – под псевдонимом Соловей. В сумочке под подкладкой спрятаны сто сорок тысяч франков. Хватит, чтобы подготовить безопасные убежища, купить провизию и одежду для сбитых летчиков и тех, кто приютит их по пути. Она пообещала связному Иэну (псевдоним Вторник), что скоро приведет еще английских военных. «Соловей запел». Эта телеграмма Полю стала самым значительным событием ее жизни.

В Париж она прибыла незадолго до комендантского часа. Промозглый осенний город под хмурым серым небом. Ветер резвился в голых ветвях деревьев, гонял мусор по пустым улицам, хлопал навесами.

Она сделала крюк, чтобы пройти мимо своей старой квартиры на авеню де Ла Бурдонне, и здесь на нее неожиданно нахлынула... тоска, наверное. Так близко дом, такой родной теперь, но войти – и

повидаться с отцом – нельзя. Запрещено с того момента, как начал функционировать маршрут спасения. Им опасно встречаться. Изабель направлялась на конспиративную квартиру: разномастные стулья, стол, матрас на полу, холодильник, в котором нечего охладить. Оставшийся от прошлых жильцов ковер, насквозь провонявший табаком, стены в пятнах плесени.

У входной двери она помедлила, огляделась. Пусто и темно. Изабель вставила ключ, повернула, раздался щелчок – и тут ее охватила тревога: что-то не так. Чужая тень, посторонние звуки, металлическое позвякивание из соседнего бистро, закрытого еще месяц назад.

Она медленно обернулась, вглядываясь в полумрак тихой улицы. Там и сям припаркованы военные грузовики, из окон оставшихся кафе падают на мостовую треугольнички света; внутри можно различить силуэты военных. Во всем когда-то оживленном квартале сейчас запустение и уныние.

На другой стороне улицы, под давно погасшим фонарем, притаилась странная тень, мрачным провалом заметная даже на фоне окружающей темени.

Это он. Она точно знала, хотя не видела его. Да, это его дыхание она различала в тишине. Следит за ней. Ждал ее возвращения, беспокоился.

– Гаэтон, – тихо окликнула она, стараясь, чтобы голос звучал соблазнительно. – Ты уже целый месяц следишь за мной. Зачем?

Тишина. Молчание, ледяное, как ветер.

– Иди сюда, – взмолилась она.

Все так же безответно.

– Ну и кто из нас не готов?

Оно задевало ее, это молчание, до боли, но Изабель понимала причины. Они оба рискуют многим, и любовь сейчас, пожалуй, самая опасная затея.

А может, она ошибается, никого там нет и никогда не было. Никто ее не ждал и не следил за ней. Может, она просто глупая девчонка, тоскующая по мужчине, которому до нее нет никакого дела.

Нет.

Он был здесь.

Зима выдалась еще более суровой, чем прошлая. Разгневанный Бог карал Европу свинцовым небом и снегопадами день за днем. Мороз – жестокое дополнение к мрачной реальности.

Карриво, как многие городки в Оккупированной Зоне, превратился в островок отчаяния, отрезанный от внешнего мира. Никаких сведений о событиях в Европе не поступало, а выискивать истину между строк пропагандистских газет ни у кого не было времени – слишком много сил отнимала борьба за выживание. Люди знали одно: с тех пор как в войну вступили американцы, наци стали еще злее и мстительнее.

Морозным утром в начале февраля 1942 года, когда ветви деревьев потрескивали от стужи, а оконные стекла походили на замерзший пруд, Вианна проснулась рано и долго разглядывала просмоленные балки потолка своей спальни. Боль пульсировала в голове, тело покрылось испариной. А когда попробовала вдохнуть поглубже, легкие обожгло и она закашлялась.

Совсем не хотелось выбираться из постели, как, впрочем, и умирать от голода. Продуктовые карточки этой зимой стали практически бесполезны: еды просто не было. Как и обуви, ткани, кожи. Кончились дрова и деньги, нечем платить за электричество. Газ – настолько дорогое удовольствие, что банальное купание превратилось в тяжкий, утомительный ритуал. Они с Софи спали вместе, зарывшись, как щенки, в гору одеял и пледов. За несколько месяцев Вианна сожгла в печке все, что могло гореть, и распродала все ценности.

Еще вечером она натянула почти всю одежду, что еще сохранилась, – фланелевые штаны, шерстяное белье, которое сама связала, старый свитер, шарф, но все равно дрожала, вылезая из-под одеял. Обмороженные ступни коснулись ледяного пола, и она поморщилась от боли. Поверх штанов – шерстяная юбка. Этой зимой она так похудела, что на талии пришлось заколоть булавкой. В темноте она натянула еще пару носков поверх тех двух, что уже на ней, потом завернулась в одеяло и надела перчатки, которые недавно связала из старого одеяльца Софи.

Кашляя, Вианна сползла вниз, окруженная облачками пара от собственного дыхания.

Дверь в гостевую комнату закрыта, капитана нет уже несколько недель. Как ни противно признавать, но сейчас его отсутствие гораздо хуже, чем присутствие. Когда он на месте, дома по крайней мере есть еда и дрова. Капитан не может жить в холодном доме. Вианна старалась есть поменьше – убеждала себя, что ее долг голодать, но не брать пищу из рук врага, – но какая мать позволит страдать своему ребенку? Неужели ради доказательства своего патриотизма она должна морить голодом Софи?

В промерзшей кухне она зажгла керосиновую лампу и, освещая себе путь, вышла во двор. Она двигалась медленно, но все равно запыхалась, взбираясь по обледеневшему склону к сараю. Дважды оскальзывалась и падала на замерзшую траву.

Металлическая дверь обжигала холодом руки даже сквозь перчатки. Пришлось навалиться на нее всем телом, иначе дверь не поддавалась. В сарае Вианна поставила лампу на пол. Подвинуть машину – это, пожалуй, несколько чересчур для нее в нынешнем состоянии.

Но, взяв себя в руки, она все же сняла автомобиль с тормоза, уперлась покрепче в бампер и подтолкнула изо всех сил. Автомобиль медленно, словно в сомнении, двинулся вперед.

Показался люк, Вианна осторожно сползла по шаткой лесенке. За долгие месяцы безысходности, с тех пор как ее уволили и деньги закончились, она распродала потихоньку фамильные ценности: живопись – чтобы прокормить зимой кроликов и цыплят, лиможский чайный сервиз отдала за мешок муки, серебряные солонку и перечницу – за пару тощих синих кур.

Она открыла мамину шкатулку с драгоценностями. Не так давно здесь была целая куча побрякушек и несколько по-настоящему ценных украшений: серьги, серебряный браслет филигранной работы, брошь с рубинами. Теперь остался только жемчуг.

Стянув перчатку, Вианна пропустила между пальцами бусины, гладкие и матовые, как кожа девушки.

Последняя ниточка, соединяющая с матерью – и прошлым семьи.

Теперь Софи не наденет этот жемчуг в день своей свадьбы и не передаст его своим дочерям.

– Зато она будет сыта этой зимой, – громко сказала Вианна. И не поняла, чего больше в ее голосе – горя, тоски или облегчения. Какое

счастье, что еще осталось кое-что на продажу.

Она смотрела на жемчуг, ощущала его тяжесть в ладони, от него словно исходило тепло. Но уже в следующее мгновение Вианна натянула перчатку и полезла вверх по лестнице.

Три недели беспросветного холода, а Бека по-прежнему нет. Голова опять дико болит и наверняка температура. Кашляя, Вианна все же встала, попыталась завернуться в одеяло, чтобы согреться, – не помогло. Ее всю трясло. За окном завывал ветер, ставни постукивали, замерзшие стекла дребезжали за тяжелыми темными шторами.

Вианна медленно копошилась по хозяйству, автоматически повторяя привычные действия и стараясь не дышать глубоко, чтобы не вызвать нового приступа кашля. Она приготовила Софи скудный завтрак – жидкую водянистую кукурузную кашу, а потом они вдвоем вышли в метель и побрели в город. Снег не прекращался, заметая дорогу, укутывая деревья.

Церковь приютилась на клочке ровной земли, с одной стороны защищенном стеной старого аббатства, а с другой – рекой.

– Мама, с тобой все в порядке?

Вианна плелась, сгорбившись и втянув голову в плечи. Она крепко сжимала ручку дочери и не ощущала ничего, кроме этого перчатка-в-перчатке. Каждый вдох застревал в легких, с трудом пробиваясь наружу.

– Все хорошо.

– Тебе нужно было позавтракать.

– Я не голодна.

– Ха, – фыркнула Софи, вытаптывая тропку в сугробе.

В церкви было почти тепло, во всяком случае, не видно пара от дыхания. Взмывающие ввысь своды смыкаются над головой, словно молитвенно сложенные ладони, удерживаемые великолепными резными балками. Мерцают разноцветными огоньками витражи. Почти все скамьи заняты, но в церкви тихо, никому не хочется разговаривать в такой холод.

Ударил колокол, церковные двери затворились, погасив остатки и без того жалкого дневного света.

Отец Жозеф, добродушный старый священник, служивший здесь, сколько помнила Вианна, вышел к кафедре.

– Сегодня мы вознесем молитвы за всех наших мужчин, которые ушли на фронт. Мы будем молиться, чтобы эта война не затянулась... и чтобы нам хватило сил противостоять врагу и смело заявить, кто мы такие.

Не такой проповеди ждала Вианна. Она пришла в церковь за утешением, за ободрением, которое должно звучать в словах «честь», «долг» и «верность». Но, кажется, сейчас эти идеалы утратили ценность. Как можно верить в идеалы, когда ты болен, страдаешь от голода и холода? Как смотреть в глаза соседям, если берешь еду у врага, пускай и жалкие крохи ее? Остальным же еще хуже.

Она настолько глубоко погрузилась в размышления, что пропустила момент окончания службы. Вианна поднялась, голова закружилась, она ухватилась за спинку скамьи, чтоб не упасть.

– Мама?

– Все в порядке.

Слева по проходу тянулись прихожане – по большей части женщины. Все без исключения исхудавшие, слабые и измученные, как и Вианна, все замотаны в несколько слоев одежды и старых газет.

Софи повела мать к выходу, поддерживая под руку. На пороге Вианна опять закашлялась. Как же не хотелось выходить обратно в ледяную белую стужу.

Но она шагнула за порог (через который Антуан перенес ее на руках в день свадьбы... хотя нет, то был порог Ле Жарден, она все перепутала) прямо в снежную бурю. Плотнее намотала шарф на шею и голову. Наклонившись навстречу ветру, побрела сквозь тяжелый мокрый снег.

Добравшись до сломанных ворот своего сада, она уже едва дышала. Почти в беспамятстве обогнула засыпанный снегом мотоцикл. *Вернулся*, равнодушно подумала она, *теперь Софи наконец-то нормально поест...* Пару шагов не дойдя до двери, Вианна начала оседать наземь.

– Мама!

Она слышала голос Софи, успела подумать, что напугала ее, и пожалеть об этом, но ноги просто не держали, она устала... очень устала...

Откуда-то издалека послышался скрип открывающейся двери, вопль дочери «Господин капитан!», а потом стук чьих-то башмаков.

Вианна тяжело рухнула, ударившись головой о мерзлую ступеньку, да так и осталась лежать без движения. *Отдохну немножко, потом поднимусь и приготовлю обед для Софи... но из чего?*

Потом она куда-то плыла... или нет, летела. Глаза не открывались – она слишком устала, и голова болела, – но она точно чувствовала, что передвигается в пространстве, кто-то баюкает ее. Антуан, это ты? Это ты несешь меня на руках?

– Открой дверь. – Чей-то голос, скрип дерева, а потом: – Я сниму с нее пальто. Беги за мадам де Шамплен, Софи.

Вианна чувствовала, как ее опускают на что-то мягкое. Кровать.

Она облизнула пересохшие губы, попыталась поднять неожиданно тяжелые веки. Получилось только со второй попытки, и все равно перед глазами все плыло.

На кровати рядом с ней сидел капитан Бек. Наклонился к самому лицу, держа ее за руку:

– Мадам?

Она чувствовала на щеке тепло его дыхания.

– Вианна! – влетела в комнату Рашель.

Капитан Бек тут же вскочил:

– Она упала в обморок, мадам, и ударилась головой о ступеньку. Я принес ее сюда.

– Благодарю вас, – вежливо кивнула Рашель. – Я позабочусь о ней, герр капитан.

Но Бек все не уходил.

– Она ничего не ест, – сдавленно пробормотал он. – Все отдает Софи. Я видел.

– Так поступают все матери, герр капитан, идет война. А теперь... если позволите....

Она обошла его и присела на кровать к Вианне. Бек растерянно постоял еще мгновение и вышел.

– Итак, ты отдаешь ей все до крошки? – Рашель нежно погладила влажные волосы подруги.

– А что я должна делать?

– Не умирать, – сказала Рашель. – Ты нужна Софи.

Тяжело вздохнув, Вианна прикрыла глаза и провалилась в глубокий сон. Ей снилось, что она лежит на чем-то мягком, а во все стороны расстилаются черные поля. Она слышала, как ее зовут из

темноты, как подходят к ней, но двигаться совершенно не хотелось; она спала, спала и спала.

Проснувшись она на диване в гостиной, у весело горящего очага. Медленно села, чувствуя ужасную слабость.

– Софи? – еле слышно позвала она.

Из гостевой комнаты высунулся капитан Бек: фланелевая пижама, шерстяной кардиган и почему-то сапоги.

– Добрый вечер, мадам, – улыбнулся он. – С возвращением.

Вианна осмотрела себя – фланелевые штаны, два свитера, носки, даже вязаная шапочка. Кто ее одел?

– Долго я спала?

– Всего лишь весь день.

Он прошел мимо нее в кухню и вернулся с чашкой дымящегося кофе с молоком, ломтем хлеба, кусочком голубого сыра и лепестком ветчины. Молча поставил поднос на столик перед Вианной.

Она не отводила глаз от еды, в животе заурчало. Потом подняла взгляд на капитана.

– Вы ударились головой и могли умереть.

Вианна пощупала шишку на макушке.

– Что будет с Софи, если вы умрете? Об этом вы подумали?

– Вас долго не было. На двоих нам не хватало еды.

– Ешьте, – приказал он, глядя ей прямо в глаза.

Отчего-то ей это было приятно. И стыдно, что ей стало гораздо спокойнее с его возвращением. Когда она все же смогла отвести взгляд, решила потянуться за едой.

Поднесла тарелку к лицу, вдохнула дымный солоноватый аромат ветчины, смешанный с терпким запахом сыра, – и захмелела, и куда только подевались все благие намерения. Соблазнительные ароматы не оставили ей выбора.

Середина марта, а весной еще и не пахло. Ночью союзники разбомбили к дьяволу завод «Рено» в Булонь-Бийанкур, в пригородах Парижа погибли сотни людей. Парижане – включая Изабель – были нервными и пугливыми. Американцы вступили в войну, и авианалеты стали обычным делом.

Холодным дождливым вечером Изабель катила на велосипеде по грязной разъезженной грунтовке. Мокрые волосы липли к лицу и

мешали смотреть на дорогу. Звук в тумане разносился далеко – крики фазанов, которых испугнуло чавканье шин по грязи, постоянное гудение самолетов над головой, мычание коров за пеленой дождя.

Вдалеке показалась демаркационная линия, словно начерченная на пергаменте неуверенной рукой. Изабель разглядела витки колючей проволоки, натянутой по обе стороны от черно-белых ворот пропускного пункта. У входа, положив винтовку на колени, развалился на стуле немецкий солдат. Завидев Изабель, он поднялся, наставил на нее оружие:

– *Halt!*

Изабель замедлила ход, колеса тут же увязли в грязи, и она едва не свалилась, но успела спрыгнуть с велосипеда – прямо в лужу. За подкладкой плаща спрятаны пять банкнот по сто франков и пачка фальшивых документов для летчиков, которые прячутся в доме где-то неподалеку.

Изабель, улыбаясь, пошлепала по грязи навстречу немцу.

– Документы.

Она протянула паспорт на имя Жюльет.

Караульный небрежно пролистал, сунул ей паспорт обратно. По всему видно, как тоскливо ему дежурить здесь, на тихом участке, да еще в проливной дождь.

– Проходи, – угрюмо бросил он.

Изабель сунула паспорт в карман, взгромоздилась на велосипед и поспешила прочь с максимальной скоростью, возможной на таком бездорожье.

Через полтора часа она добралась до предместья городишка Брантом. Здесь, в Свободной Зоне, немецких войск не было, хотя в последнее время французская полиция была опаснее нацистов, так что Изабель держалась настороже.

Веками Брантом считался священным местом, исцеляющим тело и просветляющим души. На земле, опустошенной и обезлюдившей после Черной смерти и Столетней войны, монахи-бенедиктинцы построили аббатство, защищенное с одной стороны устремленными ввысь серыми утесами, а с другой – широкой рекой Дрон.

На окраине города находилось одно из конспиративных убежищ – тайная комната в заброшенной мельнице, стоящей на клочке земли между рекой и пещерами. Старинные, поросшие мхом деревянные

лопасти мерно вращались, каменные стены исписаны антигерманскими лозунгами.

Изабель внимательно посмотрела налево, направо. Вроде бы никого. Она прислонила велосипед к дереву, перешла через улицу, наклонилась к двери, ведущей в подвал, тихонько приоткрыла. Остальные двери были заколочены, это единственный вход в мельницу.

Спустившись в темный пыльный погреб, зажгла керосиновую лампу, предусмотрительно оставленную на полке. Дальше она пробиралась по секретному ходу, которым пользовались монахи, скрываясь от так называемых варваров. Узкая крутая лесенка вела в кухню. Изабель открыла дверь и, миновав затянутое паутиной помещение, продолжала карабкаться выше, в крошечную каморку десять на десять, пристроенную к старой кладовой.

– Она здесь! Больше жизни, Перкинс.

В комнатенке, освещенной единственной свечой, двое мужчин в нетерпении вскочили на ноги. Оба одеты как французские крестьяне.

– Капитан Эд Перкинс, мисс, – представился тот, что повыше. – А эта деревенщина – Иэн Трафффорд или как-то так. Он валлиец. А я – янки. Мы оба чертовски рады вас видеть. Чуть не рехнулись в этой дыре.

– Только чуть? – пошутила она. С плаща натекла уже целая лужа под ногами. Больше всего на свете ей хотелось сейчас забраться в спальный мешок и поспать, но сначала дело. – Перкинс, вы сказали.

– Да, мисс.

– Откуда?

– Бенд, штат Орегон, мисс. Мой папаша водопроводчик, а матушка печет лучшие яблочные пироги в четырех округах.

– И какая погода в Бенде в это время года?

– Сейчас, в середине марта? Холодно, думаю. Снег уже не идет, пожалуй, но и солнышка особо нет.

Изабель повертела головой, разминая затекшую шею. Вся эта езда на велосипеде по разбитым дорогам, ночевки на полу не проходят даром.

Она допрашивала летчиков, пока не убедилась, что они и в самом деле те, за кого себя выдают, – два офицера, которые несколько недель дожидаются возможности выбраться из Франции. Удостоверившись,

развязала рюкзак и достала припасы. Втроем они уселись на вытертый, погрызенный мышами ковер, свечку поставили по центру. На ужин – багет, клин камамбера и бутылка вина, которую они пустили по кругу.

Янки – Перкинс – болтал без умолку, а валлиец молча жевал, даже «спасибо» не выдал из себя, принимая бутылку.

– А у вас, наверное, где-то есть муж, который волнуется за вас, – поинтересовался Перкинс. Изабель улыбнулась. Ей теперь часто задавали этот вопрос, особенно парни ее возраста.

– А у вас, должно быть, жена, которая ждет от вас весточки, – в тон ответила она. Она всегда так отвечала.

– Не-а. За таким олухом, как я, девчонки не бегают. А теперь и вообще...

– Что вообще? – нахмурилась Изабель.

– Понимаю, звучит не геройски, но вот я могу выйти из этого заколоченного дома в городе, название которого, мать его, и не выговоришь, и меня запросто пристрелит парень, против которого я лично ничего не имею. Могу сдохнуть, попытавшись проехать через ваши горки...

– Горы.

– По пути в Испанию меня могут расстрелять испанцы или наци. Черт, да я просто могу замерзнуть до смерти в ваших проклятых горках.

– В горах, – настойчиво поправила она, пристально глядя на американца. – Ничего не случится.

Иэн тяжело вздохнул:

– Вот видишь, Перкинс. Эта малышка обязательно спасет нас. – Валлиец печально улыбнулся. – Я так рад, что вы здесь, мисс. Этот малый чуть не свел меня с ума своей трепотней.

– Пускай себе болтает, Иэн. Завтра к этому времени вам потребуются все силы, только чтобы продолжать дышать.

– Это на горках-то? – искренне изумился Перкинс.

– Да, – улыбнулась Изабель. – На горках.

Американцы. Они никогда никого не слушают.

В конце мая весна вернула жизнь, цвет и тепло в долину Луары. Вианна находила утешение в саду. Сегодня, когда она пропалывала

рядки и сажала овощи, мимо Ле Жарден проехала колонна грузовиков с солдатами и несколько «мерседесов». За пять месяцев, что в войну вступили американцы, нацисты перестали изображать приличия. Теперь они бесконечно маршировали, разъезжали туда-сюда, устраивали смотры и забивали склады боеприпасами. Гестапо и СС выискивали повсюду саботажников и подпольщиков из Сопротивления. Быть обвиненным в терроризме ничего не стоит – достаточно сплетен. Рев аэропланов над головой теперь не стихает, как и бомбежки.

Сколько раз этой весной к ней подкрадывались в очереди, или когда она шла по городу, или дожидалась почты, и спрашивали, что там передает Би-би-си?

У меня нет радио. Оно запрещено, всегда отвечала она, и это правда. Но всякий раз, когда ей вновь задавали этот вопрос, Вианна вздрагивала от страха. Появилось новое слово: *коллабы*. Коллаборационисты. Французы, которые выполняют грязную работу для наци, шпионят за друзьями и соседями, а потом доносят на них врагу, докладывают о любых нарушениях, подлинных и мнимых. По их доносам людей арестовывают за малейшие пустяки, и многие из тех, кого отводят в комендатуру, больше никогда не возвращаются.

– Мадам Мориак! – Во двор влетела Сара. Хрупкая, худенькая как тростинка, сквозь бледную кожу проступают вены. – Маме нужна помощь.

Вианна присела на пятки, откинула назад соломенную шляпку:

– Что случилось? Вести от Марка?

– Не знаю, что случилось, мадам. Мама не разговаривает. А когда я сказала, что Ари проголодался и ему нужно сменить штанишки, она только пожала плечами и сказала: «Да какая разница?» Она сидит на заднем дворе и рассматривает шитье, и все.

Вианна живо поднялась, сняла рабочие перчатки, сунула их в карман холщовых штанов.

– Пойду-ка взгляну на нее. Позови Софи, ходим туда вместе.

Пока Сара бегала в дом, Вианна умылась, повязала платок, потом убрала в сарай инструменты и вместе с девочками направилась к соседке.

Трехлетний Ари мирно спал на коврик. Вианна подхватила его на руки, поцеловала в щечку, обернулась к девочкам:

– Давайте вы пока поиграете в комнате Сары, хорошо?

Приподняв занавеску, взглянула на Рашель, сидящую во дворе.

– С мамой все нормально? – заволновалась Сара.

Вианна рассеянно кивнула:

– Бегите, дети, играйте.

Как только девочки скрылись за дверью, она отнесла Ари в комнату Рашель, уложила в кроватку, накрывать не стала – на улице сегодня тепло.

Рашель сидела в своем любимом деревянном кресле под каштаном. Корзинка с шитьем стояла у ног. На подруге саржевый комбинезон защитного цвета и косынка «в огурцах». Рашель курила самокрутку, а на столе рядом бутылка и пустой стакан.

– Раш?

– Сара сбегала за подмогой, я смотрю.

Вианна подошла, опустила руку подруге на плечо и почувствовала, что ту бьет дрожь.

– Марк?

Рашель помотала головой:

– Слава богу.

Рашель потянулась за бутылкой, плеснула себе в стакан и осушила его одним глотком.

– Они выпустили новое предписание, – выговорила она с трудом. Медленно разжала левую руку, показывая скомканные клочки желтой ткани, вырезанные в форме звезды. На каждой черная надпись **ЕВРЕЙ**. – Мы должны носить это. Пришить к верхней одежде – на три предмета верхней одежды, которые нам позволены, – и всегда носить это в общественных местах. Мне пришлось *купить* их на свою продовольственную карточку. Может, не надо было регистрироваться. Если мы не будем носить эту метку, последуют «суровые санкции». Не знаю, что это означает.

Вианна тяжело опустилась на стул.

– Видела в городе плакаты, где евреи – это такие грызуны и паразиты, от которых надо избавляться, они хапуги, которые хотят завладеть всеми богатствами мира? Мне-то что, но... но как быть с Сарой? Ей ужасно стыдно и горько... одиннадцатилетним и без того нелегко живется, Вианна.

– Не пришивай.

– Если поймают, сразу арестуют. А про меня всем известно. Я же зарегистрировалась. А еще... Бек. Он знает, что я еврейка.

Подруги молчали, и Вианна знала, что обе думают об арестах в Карриво, о людях, которые внезапно «исчезают».

– Тебе нужно перебираться в Свободную Зону, – тихо сказала Вианна. – Отсюда всего четыре мили.

– Евреям не выдают *Ausweis*, а если меня поймают...

Верно, бежать рискованно, особенно с детьми. Если Рашель задержат при пересечении границы без *Ausweis*, ее посадят в тюрьму. Или казнят.

– Мне страшно, – прошептала Рашель.

Вианна взяла подругу за руку. Они смотрели в глаза друг другу, и Вианна пыталась найти слова, хоть как-то обнадежить, но сказать было нечего.

– Дальше будет только хуже.

Вианна думала так же.

– Мама?

Во двор вышли Сара и Софи. Девочки выглядели смущенными и напуганными. Они понимали, какие настали времена, и страхи у них теперь стали совсем иными. У Вианны сердце сжималось, когда она замечала, как изменила девочек эта война. Всего три года назад это были обычные дети, которые смеялись, играли, шалили, не слушались родителей. Сейчас у них даже походка стала другой – осторожной, как будто в любой момент под ногами разорвется бомба. Обе худые, и созревание их задерживается из-за плохого питания. Волосы у Сары все еще густые, но она нервно теребит и дергает их во сне, так что там и сям виднеются проплешинки. А Софи никуда не выходит без своего Бебе. Плюшевый бедолага так обтрепался, что начал рассыпать клочья ваты по всему дому.

– Да, – отозвалась Рашель. – Идите сюда.

Девочки робко приблизились, так крепко вцепившись друг в друга, что казались одним целым. Их дружба, как у Рашель и Вианны, наверное, оставалась единственным, во что можно верить. Сара присела в кресло к Рашель, а Софи, выпустив наконец подружку, прижалась к Вианне.

Рашель посмотрела на Вианну. Один короткий взгляд, вспышка горя и тоски. Как рассказать своим детям о таких вещах?

– Эти желтые звезды, – начала Рашель, показывая уродливые лоскуты с черными отметинами, – мы теперь всегда должны носить их на одежде.

– Но... зачем? – нахмурилась Сара.

– Мы евреи, – объяснила Рашель. – И гордимся этим. Ты должна помнить, что мы гордимся этим, даже если люди...

– Наци. – Прозвучало жестче, чем хотелось Вианне.

– Наци, – подтвердила Рашель. – Они хотят заставить нас чувствовать себя... неловко.

– Надо мной будут смеяться? – Сара готова была расплакаться.

– Я тоже буду носить такую, – заявила Софи.

Сара посмотрела на подружку с надеждой.

Рашель нежно привлекла дочь к себе, приобняла за плечи:

– Нет, детка. Это то, что вы с лучшей подругой не можете делать вместе.

Вианна видела страх, недоумение и смущение в глазах Сары. Она старалась быть хорошей девочкой, быть сильной и улыбаться, но в глазах стояли слезы.

– Хорошо, – пролепетала она.

И это было самым печальным словом, которое Вианна слышала за три года печали и горя.

Двадцать один

Лето, пришедшее в долину Луары, было столь же жарким, сколь суровой выдалась зима. Вианна растворила настежь окно спальни, но душной июньской ночью – ни ветерка. Она устало опустилась на стул у кровати.

Софи тихонько застонала. Вианна едва различала «мамочка» в сбивчивом бормотании; она окунула полотенце в миску с водой на единственной уцелевшей тумбочке. Вода была теплая, как и все в комнате. Она выжимала полотенце над миской, наблюдая за стружкой, потом положила влажную ткань на лоб дочери.

Софи пробормотала что-то и забилась в судорогах.

Вианна держала ее, шептала на ушко ласковые слова, успокаивала. Девочка вся горела.

– Софи, – Вианна повторяла имя дочери, словно молитву без начала и без конца, – я здесь, с тобой. – И так до тех пор, пока Софи не затихала.

Температура не спадала. Несколько дней Софи хныкала, жаловалась на боль то тут, то там. Сначала Вианна подумала, что девочка просто отлынивает от домашней работы, которая теперь легла на плечи обеих, – огород, стирка, заготовка консервов, шитье. Даже сейчас, в середине лета, Вианна не могла забыть о предстоящей зиме и запасалась, как белка, еще и еще.

Но сегодня утром открылась страшная правда (и она тут же почувствовала себя ужасной матерью, потому что не догадалась сразу): Софи заболела, тяжело. Лихорадка терзала ее весь день, Вианна ничем не могла сбить температуру, и напоить девочку никак не удавалось.

– Давай сделаем глоточек лимонада, – уговаривала она.

Бесполезно.

Вианна коснулась губами жаркой щеки дочери. Бросила полотенце в миску с водой, сбегала вниз. На столе в гостиной стояла полупустая коробка – очередная посылка для Антуана. Она начала собирать ее вчера и планировала сегодня отправить, но Софи стало хуже.

Уже на пороге кухни она услышала крик дочери.

И бросилась вверх по лестнице.

– Мама! – захлебывалась в кашле Софи. Жуткий, чудовищный кашель. Девочка металась в кровати, сбрасывала с себя одеяло.

Вианна схватила ее, обняла, но Софи вырывалась, как дикая кошка, и кричала, и кашляла, и задыхалась.

Если бы у них был хлородин... Волшебное средство от кашля, но не осталось ни капли.

– Все хорошо, маленькая, мама с тобой, – бормотала в отчаянии Вианна.

Бек возник рядом бесшумно, ниоткуда. Вианна понимала, что должна разозлиться – как он посмел явиться *сюда*, в ее спальню? – но она была слишком напугана, чтобы лгать самой себе.

– Не знаю, что делать. В городе нет аспирина ни за какие деньги.

– Даже в обмен на жемчуг?

– Вы знаете, что я продала мамин жемчуг? – изумилась она.

– Я ведь живу у вас. И обязан знать, что происходит. – Он посмотрел на Софи: – Она кашляла всю ночь. Я слышал. – И вытащил из кармана какой-то пузырек: – Вот, это должно помочь.

Вианна растерялась. Если она будет думать, что Бек спас жизнь ее дочери, это преувеличение? Или он *хочет*, чтобы она именно так думала? Когда он приносил продукты, это можно было рационально объяснить: в конце концов, ему же надо что-то есть, а она должна ему готовить.

Но этот жест – чистой воды любезность, и наверняка небескорыстная.

– Возьмите, – ласково сказал он.

И она взяла. На секунду руки их встретились. И взгляды. Что-то произошло, молчаливый диалог – вопрос и ответ.

– Спасибо.

– Рад помочь.

– Сэр, Соловей здесь.

Британский консул кивнул:

– Пусть войдет.

Изабель переступила порог роскошного, отделанного красным деревом кабинета. Мужчина из-за стола поднялся ей навстречу:

– Рад видеть вас вновь.

Изабель села в неудобное кожаное кресло, приняла предложенный стакан с виски. Последний переход через Пиренеи дался тяжело, несмотря на чудесную июльскую погоду. Один из американцев был недоволен, что пришлось подчиняться «девчонке», и решил идти самостоятельно. Кажется, его схватили испанцы.

– Янки, – покачала головой Изабель. И больше не о чем тут говорить.

С Иэном – псевдоним Вторник – они работали вместе с самого начала, как только появился «Маршрут Соловей». С помощью группы Поля они создали целую сеть убежищ на территории Франции и отряд партизан, готовых отдать жизни для спасения сбитых летчиков. Французы ночи напролет следили за небом, чтобы не пропустить подбитые аэропланы и парашютистов. Они прочесывали улицы, рыскали по развалинам и сараям в поисках прячущихся союзников. По возвращении в Англию летчики не участвовали больше в боевых операциях – слишком много знали о европейском подполье, – но занимались подготовкой своих товарищей, учили, как избегать встреч с врагом, как искать помощь, снабжали их франками, компасами и фотографиями для изготовления поддельных документов.

Изабель медленно потягивала виски. Опыт подсказывал, что после перехода надо быть осторожнее с алкоголем – обычно она бывала сильно обезвожена, особенно в летнюю жару.

Иэн подтолкнул поближе конверт. Она пересчитала банкноты, сунула в карман.

– За последние восемь месяцев вы привели сюда восемьдесят семь офицеров, Изабель, – сказал он, усаживаясь на место. Только здесь, в этом кабинете, один на один, он называл ее настоящим именем. В официальных документах M19 она была Соловей, для других сотрудников консульства и британских служб – Жюльет Жервэ. – Думаю, вам нужно сделать паузу.

– Паузу?

– Немцы разыскивают Соловья, Изабель.

– Это старая новость, Иэн.

– Они пытаются внедриться в организацию под видом сбитых летчиков. И если вы найдете одного из них...

– Мы всегда осторожны, Иэн. Вы же знаете. Я лично допрашиваю каждого. И парижская группа законспирирована.

– Они ищут Соловья. Если они вас обнаружат...

– Не обнаружат. – Она поднялась.

Они стояли друг против друга.

– Будьте осторожны, Изабель.

– Я всегда осторожна.

Выйдя из-за стола, он взял ее под руку и повел гулять по городу.

У нее было совсем мало времени, чтобы насладиться красотами Сан-Себастьяна, пройтись по набережной над бушующим прибоем, поглазеть на здания, на которых не висят флаги со свастикой. Но Изабель не могла позволить себе надолго возвращаться к нормальной жизни – слишком большая роскошь сейчас. Она отправила Полю записку с курьером:

*Дорогой дядюшка,
Надеюсь, эта записка застанет тебя в добром
здравии. Я в нашем любимом месте на побережье.
Друзья добрались благополучно. Завтра в три я
загляну в жандармерию Парижа.
С любовью,*

Жюльет

В Париж она возвращалась кружным путем: следовало заехать в каждый пункт на тайном маршруте – Карриво, Брантом, По, Пуатье – и оставить деньги помощникам. Одежда и еда для летчиков – недешевая затея, а все мужчины, женщины и дети (по большей части женщины), обеспечивающие эвакуацию союзников, и так рисковали жизнью. Подпольщики старались хотя бы поддержать их материально.

Проходя по улицам Карриво (скрытно, пряча лицо под капюшоном), она всякий раз думала о сестре. В последнее время отчего-то начала скучать по Вианне и Софи. Воспоминания подернулись теплой патиной – вот они играют в белот и в шашки у камина, Вианна учит Изабель вязать (ну, пытается), а Софи весело хохочет. Иногда она представляла, как Вианна предлагает ей шанс, упущенный в свое время, – родной дом.

Но теперь слишком поздно. Изабель не может подвергать риску Вианну и появляться в Ле Жарден. Бек наверняка будет

расспрашивать, что это она так долго делала в Париже. А может, он настолько любопытен, что начнет проверять.

Сойдя с поезда в Париже, она смешалась с толпой понурых мутноглазых людей в темной одежде, словно с полотен Эдварда Мунка. В тумане, окутавшем улицы и оборвавшим цвет с деревьев, поблескивал купол Инвалидов. Почти все кафе закрылись, столики и стулья свалены под драными навесами. На другой стороне улицы квартира, которую она называла своим домом последние месяцы, – крошечная убогая темная мансарда, приткнувшаяся над закрытой колбасной лавкой. Стены насквозь провоняли свининой и специями.

Окрик *Halt!* свистки, крики. Солдаты вермахта в компании французских полицейских окружили группку людей, которые немедленно упали на колени и подняли руки. На груди у всех Изабель заметила желтые звезды.

Изабель замедлила шаг.

Из-за спины возникла Анук, подхватила под руку.

– Привет! – Бодрый голос недвусмысленно давал понять, что за ними следят. Или Анук подозревала, что следят.

– Ты как героиня американских комиксов, появляешься и исчезаешь, – Тень, кажется.

Анук улыбнулась:

– Ну и как каникулы в горах?

– Незабываемо.

Анук наклонилась поближе:

– Прошел слух, что-то готовится. Немцы набирают женщин для секретарской работы в воскресенье вечером. Оплата двойная. И все очень секретно.

Изабель незаметно достала конверт с деньгами, передала Анук, та уронила его в сумочку.

– Ночная работа? Секретарская?

– Поль тебя записал. Начало в девять. Когда закончишь, иди в отцовскую квартиру. Он будет ждать тебя.

– Хорошо.

– И осторожнее, это может быть опасно.

– А что не опасно? – пожала плечами Изабель.

Вечером Изабель отправилась пешком в префектуру. Тротуар гудел под ногами от десятков грузовиков, проезжавших по мостовой. Слишком много машин.

– Эй ты, стой!

Изабель послушно остановилась. Улыбнулась.

Немец, держа винтовку наизготовку, внимательно рассматривал ее грудь, нет ли желтой звезды.

– Я работаю сегодня вечером. – Она показала на здание префектуры. Хотя окна укрыты затемнением, но видно, что внутри много народу. Офицеры вермахта и жандармы сновали туда-сюда – очень странно для такого времени суток. Во дворе выстроились в ряд автобусы, их водители курили и болтали рядом.

Полицейский кивнул:

– Проходи.

Изабель плотнее запахнула воротник неприметного коричневого плаща. На улице тепло, но ей не хотелось сегодня привлечь лишнего внимания. Лучший способ затеряться на местности – маскировка: коричневое, коричневое и еще раз коричневое. Светлые волосы она спрятала под черным платком, завязав его тюрбаном, а косметики никакой вообще, даже губной помады.

Опустив голову, она просеменила сквозь толпу мужчин в полицейской форме и остановилась, только войдя внутрь.

Префектура – огромное помещение: лестницы по обе стороны вестибюля, двери через каждые несколько футов. Но сейчас это место выглядело как заводской конвейер, где вплотную друг к другу за столами сидели сотни женщин. Непрерывно звонили телефоны, вокруг суетились французские полицейские.

– Вы будете помогать с сортировкой? – окликнул ее один из жандармов.

– Да.

– Сейчас я найду вам место. Пойдемте, – и повел ее по периметру зала.

Стол стояли настолько тесно, что Изабель пришлось пробираться бочком к пустому месту, которое ей указали. Стол уставлен картонными коробками.

Она открыла ту коробку, что была ближе, внутри стопка карточек. Изабель вытащила первую.

ШТЕРНГОЛЬЦ, ИСААК
12 авеню Раст, 4-й округ
Саботье (делает деревянные башмаки)

Дальше указаны жена и дети.

– Вы должны выбирать иностранных евреев, – приказал жандарм, который, оказывается, шел следом за ней.

– Простите? – переспросила она, беря следующую карточку. «Берр, Симон».

– Вот пустая коробка. Отделяйте евреев, родившихся во Франции, от тех, кто родился в других странах. Нас интересуют только иностранные евреи. Мужчины, женщины и дети.

– Но почему?

– Потому что они евреи. Да какая разница? Приступайте к работе.

Изабель обернулась, разглядывая зал. На ее столе сотни карточек, а только в этом помещении работает не меньше ста женщин. Масштаб предприятия невозможно постичь. Что бы все это значило?

– Давно вы тут? – спросила она у соседки.

– Несколько дней, – ответила та, открывая очередную коробку. – Вчера вечером впервые за несколько месяцев мои дети легли спать сытыми.

– Чем это мы занимаемся?

Женщина пожала плечами:

– Слышала, они что-то говорили насчет операции «Весенний ветер».

– А что это значит?

– И знать не хочу.

Изабель перебирала карточки в коробке. Одна из последних –

ЛЕВИ, ПОЛЬ
61 рю Блондин, кв. С, 7-й округ
Профессор литературы

Она вскочила так стремительно, что толкнула соседку, та сердито выругалась. Карточки со стола каскадом посыпались на пол. Изабель поспешно опустилась на колени и принялась собирать их, украдкой сунув карточку мсье Леви в рукав.

Не успела она выпрямиться, как ее схватили за руку и поволокли по узкому проходу.

На свободном клочке в конце зала Изабель резко развернули и швырнули к стене.

– Что это такое, а? – рявкнул жандарм, стискивая ее руку до синяков.

Только бы не нащупал карточку в рукаве.

– Простите. Пожалуйста, простите. Мне нужна эта работа, но я заболела. Простуда. – И она зашла в кашле.

И, продолжая кашлять, выскочила из префектуры и поскорее свернула за угол. А оттуда припустила бегом.

– Что бы это могло значить?

Чуть отодвинув шторы светомаскировки, Изабель разглядывала улицу. Отец сидел за столом, нервно постукивая пальцами. Как чудесно вновь быть вместе после нескольких месяцев разлуки, но она слишком встревожена, чтобы расслабиться и наслаждаться ощущением дома.

– Ты, наверное, ошиблась, Изабель, – осушив второй стакан, сказал он. – По твоим словам, там десятки тысяч карточек. Получается, что это все евреи Парижа...

– Вопрос в том, что это значит, папа, а не в самом факте. Немцы собирают сведения о каждом еврее иностранного происхождения. О мужчинах, женщинах, детях.

– Но зачем? Поль Леви родом из Польши, верно, но он почти всю жизнь живет здесь. Он сражался за Францию в Великой войне, а его брат погиб за Францию. Правительство Виши заверило, что ветераны защищены от гонений наци.

– Вианну просили составить список имен, – сказала Изабель. – Записать каждого еврея, коммуниста и франкмасона из числа школьных учителей. А потом всех их уволили.

– Ну, вряд ли их уволят повторно. – Он налил себе еще. – И потом, это же французская полиция собирает сведения. Если бы немцы, тогда другое дело.

Изабель нечего было сказать. Этот разговор они вели уже третий час.

На дворе глубокая ночь, а ни один из них так и не смог найти разумного объяснения, зачем вишисты и полиция регистрируют всех иностранных евреев, живущих в Париже.

За окном раздался приглушенный рокот. Изабель приподняла штору чуть выше. По темной улице ползла колонна автобусов с выключенными фарами – будто огромная сороконожка длиной в несколько кварталов.

Эти автобусы она видела во дворе префектуры.

– Папа... – Не договорив, она услышала шаги на лестнице.

В щель под дверью скользнула какая-то листовка.

Отец подобрал листок, принес к столу, поближе к свече. Изабель подошла к нему.

– Предупреждение, – поднял голову отец, – полиция намерена собрать всех иностранных евреев и депортировать в немецкие концлагеря.

– Мы тут болтаем, когда нужно действовать! – вскинулась Изабель. – Нужно спрятать наших соседей по дому.

– Этого мало. – Руки у отца дрожали. Изабель вновь подумала, что же такого он видел на той войне, что такое узнал, чего не знает она.

– Но это в наших силах. Мы можем спрятать хоть кого-то. Хотя бы на сегодня. Завтра подумаем, что дальше.

– Спрятать. И где же, Изабель? Если этим занимается французская полиция, мы пропали.

На это ответить нечего. Изабель молча вышла.

В таком старом доме, как их, трудно перемещаться незаметно, а отец всегда был довольно неповоротлив. Вдобавок выпивка сослужила плохую службу, и, спускаясь по узкой лестнице к соседям, отец дважды споткнулся, чертыхаясь. Постучал в дверь.

Сосчитал до десяти и постучал еще раз, посильнее.

Очень медленно дверь приоткрылась.

– О, Жюльен, это вы. – Рут Фридман, босиком, в мужском плаще поверх ночной рубашки. Бигуди в волосах, голова повязана платком.

– Вы видели предупреждение?

– Да, я получила. Это правда? – прошептала она.

– Не знаю, – ответил отец. – Но на улице полно автобусов, и всю ночь колесят грузовики. Изабель была сегодня в префектуре, говорит,

они собирали сведения обо всех иностранных евреях. Думаю, вам лучше отвести детей к нам. У нас есть укромное место.

– Но... мой муж – военнопленный, ветеран. Правительство Виши обещало нам защиту.

– Не уверена, что мы можем доверять правительству Виши, мадам, – вмешалась Изабель. – Пожалуйста, давайте хотя бы на время спрячемся.

Рут колебалась. Желтая звезда на плаще – как напоминание о том, как изменился мир. Но вот женщина приняла решение. Она скрылась в комнате. Не прошло и минуты, как она вернулась, ведя с собой двух девочек.

– Что нам взять с собой?

– Ничего.

Изабель повела Фридманов наверх. Дома отец проводил их в секретный чулан, где они едва поместились.

– Я к Визнякам, – заторопилась Изабель. – Не ставь пока гардероб на место.

– Они на третьем этаже, Изабель. Ты не...

– Запри за мной дверь. Не открывай, пока не услышишь мой голос.

– Изабель, не...

Но она уже летела вниз по лестнице, не касаясь перил, и почти успела, но тут внизу послышались голоса.

Они поднимались.

Поздно. Изабель присела на корточки, прячась за шахтой лифта.

На площадку вышли двое французских полицейских. Тот, что помоложе, постучал в дверь Визняков, подождал пару секунд и просто выбил ее. В квартире заголосила женщина.

Изабель подкралась ближе, прислушалась.

– ...Мадам Визняк? Вашего мужа зовут Эмиль, а детей – Антон и Элен?

Изабель выглянула из-за угла.

Мадам Визняк – очень красивая женщина, с нежной кремовой кожей и роскошными, всегда идеально уложенными волосами. Изабель никогда не видела ее такой растрепанной. На мадам было шелковое кружевное negligé, когда-то стоявшее, должно быть, целое состояние. Сын и дочь прижимались к ней, испуганно тараща глаза.

– Собирайтесь. Только самое необходимое. Вы подлежите перемещению, – объявил старший полицейский, перелистывая свои бумаги.

– Но... мой муж военнопленный, он в тюрьме, в Пицевьер. Как он отыщет нас?

– После войны вы вернетесь домой.

– О. – Мадам Визняк растерянно пригладила волосы.

– Ваши дети – французские граждане, – уточнил полицейский. – Можете оставить их дома. Их в моем списке нет.

Дольше прятаться Изабель уже не могла. Вскочив на ноги, она вышла на лестничную площадку и спокойно произнесла:

– Я заберу детей, Лили.

– Нет! – взвыли дети, вцепляясь в мать.

Полицейские разом обернулись.

– А вы кто такая? Имя?

Изабель похолодела. Какое имя назвать?

– Россиньоль, – решила она. Без документов это опасный выбор, но фамилия Жервэ заставит их поинтересоваться, что она делает в этом доме в три часа ночи и почему сует нос в дела посторонних.

Полицейский сверился со списком и повелительно махнул рукой:

– Убирайтесь. Сегодня вы меня не интересуете.

Изабель смотрела только на Лили Визняк:

– Я заберу детей, мадам.

Но Лили, казалось, не понимала.

– Вы думаете, я смогу их оставить?

– Я думаю...

– Ну хватит... – рявкнул старший полицейский, стукнув по полу прикладом винтовки. – Вы, – скомандовал он Изабель, – убирайтесь отсюда. Это дело вас не касается.

– Мадам, пожалуйста, – взмолилась Изабель. – Уверю вас, они будут в безопасности.

– Безопасности? – удивилась Лили. – Французская полиция гарантирует нашу безопасность. Нам обещали. И потом, мать никогда не бросит своих детей. Когда-нибудь вы это поймете. – И повернулась к детям: – Собирайте вещи.

Второй полицейский осторожно коснулся руки Изабель и тихо сказал:

– Уходите. – По его глазам Изабель не могла понять, он хочет напугать или защитить. – Немедленно.

Выбора нет. Если она останется, требуя объяснений, ее имя попадет в полицейские протоколы – и, возможно, станет известно немцам. Но она и ее группа заняты слишком серьезным делом, а отец обеспечивает подполье поддельными документами, поэтому ни в коем случае нельзя попадать в поле зрения властей. Даже по такому пустяковому поводу, как попытка выяснить, куда увозят соседей.

Молча, не поднимая глаз (уж слишком многое они могли прочесть в ее взгляде), Изабель зашагала по лестнице.

Двадцать два

Вернувшись от Визняков, Изабель зажгла керосиновую лампу; отец спал в гостиной прямо за столом, опустив голову на твердое дерево, как будто внезапно потерял сознание. Рядом с ним стояла полупустая бутылка. Изабель переставила бутылку на комод, надеясь, что утром, не увидев ее, отец не вспомнит о выпивке.

Она протянула было руку погладить седоватую щетину – он сильно зарос, – чуть помятую щеку. Как же хочется прикоснуться вот так – ласково, с любовью, сочувственно.

Но вместо этого Изабель ушла в кухню, приготовила горький желудевый кофе, отыскала булку безвкусного серого хлеба – другого теперь в Париже не достать. Отломил кусочек (что бы сказала на это мадам Дюфур? «Как можно есть на ходу?»), медленно разжевала.

– Дерьмово пахнет этот кофе, – пробормотал отец, заспанно моргая.

– На вкус еще хуже.

Она протянула ему кружку, еще одну налила себе и села рядом. В приглушенном свете морщины на его лице проступили глубже, мешки под глазами набухли.

Изабель ждала, что скажет отец, но он лишь смотрел на нее. Под этим пристальным взглядом она допила кофе (иначе никак не проглотить отвратительный сухой хлеб), отодвинула чашку и сидела с ним, пока отец вновь не заснул, потом пошла к себе. Но как тут уснешь. И она лежала, не смыкая глаз, тревожась, перебирая в уме разные варианты. В конце концов терпение лопнуло, она вернулась в гостиную.

– Схожу на разведку, – сообщила она отцу.

– Не надо, – возразил он.

– Я буду разумна.

Изабель переоделась в летнюю голубую юбку и белую блузку с короткими рукавами, спутанные волосы прикрыла легкой голубой косынкой, повязав ее под подбородком, и вышла из квартиры.

Дверь к Визнякам была открыта, она заглянула.

В комнате все вверх дном. Только большие шкафы остались на местах, но все ящики выдвинуты. По полу разбросана одежда,

валяются всякие безделушки. Темные пятна на стенах отмечают места, где висели картины.

Изабель тихонько прикрыла дверь. У выхода из подъезда помедлила, успокаиваясь.

По улице все тянулись и тянулись автобусы, один за другим. Сквозь грязные окна виднелись детские лица, прижавшиеся носами к стеклам, а за ними – силуэты матерей. И вокруг на удивление безлюдно.

Изабель заметила на углу французского полицейского, спросила:

– А куда их везут?

– Велодром д'Ивер.

– На стадион? Но зачем?

– Не ваше дело. Идите отсюда, не то посажу вас в автобус и поедете с ними.

– Возможно, я так и сделаю. Может...

Полицейский злобно прошипел:

– Вали отсюда! – Ухватив за руку, он поволок ее в сторону. – У нас приказ стрелять в каждого, кто попытается бежать. Ясно?

– И вы будете *стрелять*? В женщин и детей?

Лицо у юного полицейского было абсолютно несчастным.

– Слушайте, идите уже.

Изабель поняла, что должна сидеть дома. Это самое разумное сейчас. Но до велодрома всего несколько кварталов, она доберется туда даже прежде автобусов. Может, там удастся разузнать, что происходит.

Впервые за долгое время около заграждения на боковых улицах не было патрульных. Изабель нырнула в ближайший переулок и побежала к реке. Уже через несколько минут, запыхавшись, она остановилась через дорогу от стадиона. Длинная вереница автобусов, набитых людьми, подползала к высокой стене, извергала наружу пассажиров, затем двери захлопывались и автобусы отъезжали. На смену им тут же прибывали другие. Вокруг колыхалось целое море желтых звезд.

Тысячи евреев – мужчин, женщин и детей, – растерянных и напуганных, загоняли в ворота стадиона. Многие были тепло одеты – чересчур тепло для июльской жары. Полиция гнала людей, как американские ковбои – стадо коров; они свистели, выкрикивали команды, только что не щелкали кнутами.

Гнали целыми семьями.

Изабель видела, как полицейский ударил дубинкой женщину и та упала на колени. Он ударил еще, женщина качнулась, заслоняя собой маленького мальчика, и, с трудом поднявшись, поковыляла к воротам.

Заметив знакомого полицейского, того, молоденького, Изабель подошла к нему:

– Что происходит?

– Это вас не касается, мадемуазель, уходите.

На огромном поле стадиона – люди, люди; семьи старались держаться вместе, чтобы не растерять друг друга в этой давке. Полицейские заталкивали в толпу все новых, упавших волокли по земле. Дети рыдали. Беременная женщина, стоя на коленях, раскачивалась взад-вперед, баюкала свой огромный живот.

– Но... их здесь так много...

– Их скоро депортируют.

– Куда?

– Понятия не имею.

– Но что-то же вам известно.

– В рабочие лагеря, – промямлил полицейский. – Где-то в Германии. Все, что я знаю.

– Но... здесь же женщины и дети.

Полицейский только пожал плечами.

У Изабель не укладывалось в голове. Как французская жандармерия может вот так обходиться с *парижанами*? С детьми и женщинами?

– Но дети не могут работать, мсье. А здесь ведь тысячи детей. И много беременных женщин. Каким образом...

– Вы что, видите на мне офицерские погоны? Я похож на организатора этого мероприятия? Я просто выполняю приказ. Мне приказано арестовать иностранных евреев, проживающих в Париже, я подчиняюсь. Решают разделить их: одиноких мужчин в Дранси, семьи – на д'Ив. *Voilà!* Готово. Наставьте на них оружие и будьте готовы стрелять. Правительство хочет выслать всех иностранных евреев из Франции на восток, мы выполняем.

Из всей Франции? Воздух разом вышел из легких. Операция «Весенний ветер».

– Вы хотите сказать, это происходит не только в Париже?

– Нет, в Париже – только начало.

День напролет Вианна простояла в очереди на солнцепеке, и ради чего – полфунта засохшего сыра и буханка отвратительного хлеба.

– Мам, можно немножко клубничного джема намазать? А то хлеб есть невозможно.

Выйдя из магазина, Вианна притянула к себе дочь, потрепала по голове, как маленькую:

– Если только немножко, в меру. Помнишь, какая была зима? А скоро настанет следующая.

Мимо промаршировали солдаты, следом за ними, грохоча по бульжной мостовой, проехал танк.

– Что-то их сегодня много, – заметила Софи.

Вианна подумала о том же. И еще полиция – жандармы толпами прибывают в город.

Какое облегчение – посидеть в тихом ухоженном саду Рашель. Единственное место, где она может быть собой.

На стук Вианны сначала высунулась только голова, Рашель подозрительно огляделась, заметила гостей и с улыбкой широко распахнула дверь:

– Вианна! Софи! Заходите, заходите.

– Софи! – радостно завопила Сара.

Девочки обнялись, словно не виделись несколько недель. Обеим нелегко далась разлука, пока Софи болела. Сара тут же потащила подружку во двор, они устроились под яблоней.

Рашель оставила дверь открытой, чтобы слышать, что там происходит. Вианна размотала косынку, затолкала ее в карман.

– Я тебе кое-что принесла.

– Не надо, Вианна. Мы это уже обсуждали, – возразила Рашель. На ней был мешковатый комбинезон из старой занавески для ванной. Летний кардиган – когда-то белый, а сейчас посеревший от постоянной носки и частой стирки – висел на спинке кресла. Отсюда Вианне хорошо были видны две нашитые желтые звезды.

Вианна прошла в кухню, выдвинула ящик стола. Здесь почти ничего не осталось – за два года оккупации немцы «реквизировали» у местных жителей почти все имущество. Сколько раз за это время они врывались ночами в дома, выгребая подчистую все сколько-нибудь

ценное? А потом «необходимое для нужд Германии» эшелонами отправлялось на восток. В итоге гардеробы, чуланы и сундуки горожан опустели. У Рашель в ящике только несколько вилок, ложек и единственный хлебный нож.

Вианна достала хлеб и сыр, аккуратно разрезала пополам и свою долю уложила обратно в корзинку. У Рашель слезы стояли в глазах:

– Прошу тебя, не делай так. Тебе нужны эти продукты.

– Тебе тоже.

– Да надо просто отодрать эту чертову звезду. Тогда хоть смогу потолкаться в очереди, пока что-то там еще есть.

Новые ограничения для евреев появлялись едва не еженедельно: отныне им запрещено пользоваться велосипедами и появляться в общественных местах; в магазин позволено приходить от трех до четырех часов дня, но к тому времени продукты всегда заканчивались.

Вианна не успела ответить, как раздался треск мотоцикла. Она узнала звук и подошла к открытой двери.

– Что ему здесь надо? – встала за плечом Рашель.

– Посмотрим.

– Я с тобой.

Мимо розария, в котором весело щебетали птицы, Вианна прошла к воротам, вышла на дорогу. Рашель не отставала ни на шаг.

– Дамы. – Бек снял фуражку, щелкнул каблуками. – Прощу прощения, что побеспокоил, но мне срочно необходимо сообщить вам кое-что, мадам Мориак. – Подчеркнутое *вам* прозвучало так, словно у них есть общие секреты.

– В самом деле? И что же это такое, герр капитан?

Оглянувшись по сторонам, он чуть наклонился к Вианне:

– Мадам де Шамплен не следует быть дома завтра утром.

– Простите? – Вианна решила, что неправильно поняла его.

– Мадам де Шамплен завтра утром не следует быть дома, – повторил он.

– Мы с мужем – владельцы этого дома, – возмутилась Рашель. – Почему я должна уходить?

– Право собственности не имеет никакого значения. По крайней мере, завтра.

– Но мои дети...

Бек наконец обратился прямо к Рашель:

– Ваши дети нас не интересуют. Они родились во Франции. В списке их нет.

Опять эти списки. Она уже боится этого слова.

– Что это означает? – тихо спросила Вианна.

– Это означает, что если завтра утром она еще будет здесь, то послезавтра ее уже не будет.

– Но...

– Будь она моей подругой, я бы нашел способ спрятать ее на эти сутки.

– Только на один день? – Вианна пристально посмотрела в глаза Беку.

– Это все, что я могу сказать, дамы, хотя и этого не следовало делать. Меня... накажут, если узнают. Прошу, если вас будут расспрашивать, не упоминайте о моем визите. – Он еще раз щелкнул каблуками, поклонился и ушел.

Рашель и Вианна переглянулись. До них доходили слухи об облавах в Париже – о депортации женщин и детей, – но никто в это не верил. Неужели правда? Безумие, такое просто невозможно. Французская полиция посреди ночи вышвыривает из дома десятки тысяч людей? Внезапно, одним махом? Это просто не может быть правдой.

– Ты ему веришь?

– Да, – ответила Вианна, сама себе удивляясь.

– И что мне делать?

– Уводи детей в Свободную Зону. Сегодня же. – Неужто она, Вианна, произносит это вслух?

– На прошлой неделе мадам Дюран попыталась перейти через границу, ее застрелили, а детей депортировали.

На месте Рашель она рассуждала бы так же. Одно дело – бежать самой, совсем другое – рисковать жизнью своих детей. Но вдруг оставаться здесь – еще больший риск?

– Ты права, это опасно. Но, думаю, тебе надо последовать совету Бека. Спрятаться. Хотя бы на один день. Может, позже что-то прояснится.

– Но где?

– Изабель предвидела такой поворот событий и подготовилась. А я-то считала ее дурочкой. У нас в сарае есть погреб.

- Но ты понимаешь, если узнают, что ты меня спрячешь...
- Знаю, – резко оборвала ее Вианна. Ей не хотелось, чтобы это прозвучало вслух – *смертная казнь*. – Я знаю.

Вианна накапала Софи в лимонад немножко макового отвара и отправила дочь спать пораньше. (Да, хорошие матери так не поступают, но и брать Софи с собой не стоит, равно как и позволять ей сидеть дома в одиночестве. Куда ни кинь... И довольно об этом.) Вианна мерила шагами комнату, дожидаясь, пока дочь уснет. Прислушивалась к каждому удару ставень, каждому скрипу старых балок. Едва пробило шесть, она надела старые рабочие штаны и спустилась вниз.

Бек сидел на диване перед керосиновой лампой и рассматривал фотографию своей семьи: жена – Хильда, Вианна знала, как ее зовут, – и дети Гизела и Вильгельм.

Увидев Вианну, он не встал.

Вианна не очень понимала, что делать. Лучше бы он скрылся с глаз, что ли, ушел в свою комнату и сидел там. Однако же он рисковал карьерой ради Рашель, с этим нельзя не считаться.

– Страшные вещи творятся, мадам. Невозможные. Я ведь солдат, надеялся сражаться за свою страну, хотел, чтобы родные гордились мною. А что теперь о нас будут думать? Что будут думать обо мне?

Вианна села рядом:

– Я тоже волнуюсь, что Антуан обо мне подумает. Я не должна была составлять для вас тот проклятый список. Мне следовало экономнее вести хозяйство. Постараться сохранить работу. Наверное, стоило внимательнее прислушиваться к Изабель.

– Не нужно себя ругать. Уверен, ваш муж тоже так считает. Мы, мужчины, слишком поспешно тянемся к оружию.

Он чуть повернулся, разглядывая ее наряд – штаны, черный свитер, на голове черный платок. Домохозяйка-шпион.

– Бежать через границу очень опасно, – сказал он.

– Как, вероятно, и оставаться здесь.

– Верно. Жуткая дилемма.

– А что все-таки опаснее?

Она думала, Бек промолчит, но он после паузы ответил:

– Думаю, оставаться опаснее.

Вианна кивнула.

– Не надо вам идти.

– Я не могу отпустить ее одну.

Бек поразмыслил.

– Вы знаете участок мсье Фретта, где пастбище?

– Да, но...

– Там позади хлева проходит коровья тропа. Она ведет к последнему охраняемому пропускному пункту. Идти далеко, но до комендантского часа успеете. Если это имеет значение.

– Мой отец, Жюльен Россиньоль, живет в Париже, авеню де Ла Бурдонне, 57 Если я... не вернусь...

– Я прослежу, чтобы ваша дочь уехала в Париж. – Он поднялся, не выпуская из рук фотографию. – Я иду спать, мадам.

Вианна все не могла понять, как ей себя вести.

– Я боюсь доверять вам.

– Я бы больше боялся не доверять.

Они стояли в крошечном круге света, вплотную друг к другу.

– Вы хороший человек, герр капитан?

– Всегда думал, что да, мадам.

– Благодарю вас.

– Пока не за что благодарить, мадам.

И он оставил ее одну, плотно закрыв за собой дверь.

Вианна ждала. В половине восьмого она сняла с вешалки большую черную шаль.

Будь смелее, уговаривала она себя, хоть раз в жизни.

Набросив шаль на голову и плечи, она решительно шагнула за дверь.

Рашель с детьми дожидались за сараем. В маленькой тачке спал Ари, завернутый в одеяло. Туда же в тачку Рашель затолкала немногочисленные пожитки.

– Документы у тебя есть?

– Есть. Не знаю, насколько хорошо они сделаны, но я отдала за них обручальное кольцо.

Уверена, что хочешь пойти с нами?

Да.

Они понимали друг друга без слов.

– Почему мы должны уходить? – испуганно хныкнула Сара.

Рашель ласково погладила дочь по голове, заглянула ей в глаза:

– Ты должна быть сильной, ради меня, Сара. Помнишь наш разговор?

Сара медленно кивнула:

– Ради Ари и папы.

За дорогой они двинулись прямо через поле к маленькой роще вдалеке. Под ветвями чахлах деревьев Вианна все же почувствовала себя увереннее – хоть какое-то укрытие. Когда добрались до фермы Фретта, уже совсем стемнело. Коровья тропа вела напрямиком в чащу леса, из земли торчали толстые корни, через которые Рашель с трудом толкала тачку. Раз за разом та натыкалась на препятствие, брякая железками, переваливалась и, погромыхая, катилась дальше. Ари хныкал во сне и сосал палец. Вианна чувствовала, как пот струйками стекает по спине.

– Надо было заниматься спортом, – пропыхтела Рашель.

– А я люблю прогуляться по лесу, – отозвалась Вианна. – А вы, мадемуазель Сара, вам нравится наше приключение?

– Мне нравится, что нет этой идиотской звезды. А почему Софи не пошла с нами? Она же любит лес. Помните, мы играли в поиски клада? Она всегда первой находила сокровища.

В просвете между деревьями мелькнули огни, а потом показались и черно-белые пограничные столбы.

Пропускной пункт был ярко освещен, одним только немцам это не воспрещалось – или они просто могли позволить себе подобные излишества. У ворот стояли солдаты, автоматы поблескивали в свете прожекторов. Очередь оказалась совсем небольшой, пропускали тех, у кого документы в порядке. Если фальшивка Рашель не сработает, ее с детьми тут же схватят.

Вот и все. Вианна замедлила шаг.

– Я напишу, если смогу, – сказала Рашель.

Горло перехватило. Даже если все обойдется, она еще много лет не получит весточки от подруги. Или вообще никогда. В этом новом мире нет надежного способа дать знать о себе любимым.

– Не смотри на меня так. – Рашель чуть не плакала. – Мы скоро встретимся, будем пить шампанское и танцевать под твой дурацкий джаз.

Вианна смахнула слезы:

– Ну уж нет, если ты начнешь танцевать, нас в приличное общество не пустят.

Сара потянула ее за рукав:

– П-передайте Софи мое до свидания.

Вианна наклонилась и крепко обняла Сару. Если б могла, она удержала бы ее так навеки.

Затем, отпустив девочку, потянулась к Рашель, но та отстранилась:

– Если я тебя обниму, обязательно разревусь, а мне нельзя плакать.

Вианна покорно опустила руки.

Рашель ухватила ручки тележки, и последний участок тропы до выхода из леса они прошли втроем – спотыкаясь, перетаскивая свой груз через торчащие корни, пока не вышли на ровное место и не пристроились в хвост очереди к пропускному пункту. Вот границу пересек мужчина на велосипеде и бодро покатыл дальше, за ним – пожилая женщина с тачкой, полной цветов. Почти подошла очередь Рашель, когда раздался резкий свисток, следом громкая команда по-немецки. Охранники вскинули автоматы и открыли огонь по людям.

Мелкие красные вспышки прорезали темноту.

Тра-та-та-та.

Вскрикнула женщина, мужчина рядом с ней рухнул на землю. Очередь мгновенно рассеялась, люди бросились врассыпную.

Все произошло так быстро, что Вианна не успела опомниться. Она видела, как Рашель и Сара бегут в ее сторону, под защиту деревьев; Сара впереди, а Рашель с тележкой за ней.

– Сюда! – закричала Вианна, но ее голос утонул в грохоте автоматных очередей.

Сара упала на колени. Крик Рашель:

– Сара!

Вианна бросилась вперед, подхватила девочку на руки, потащила в лес и только там опустила на землю, расстегнула на ней плащ.

Все тело изрешечено пулями. Кровь пузырилась, выплескиваясь в пулевые отверстия.

Сорвав с себя шаль, Вианна прижала ее к ранам.

– Как она? – запыхавшись, подбежала Рашель. – Это что, *кровь*?

Рашель осела на траву рядом с дочерью, Ари в тележке заплакал.

На контрольном пункте замигал прожектор, солдаты начали строиться, залаяли собаки.

– Рашель, надо бежать, – скомандовала Вианна. – Быстрее.

Она вытащила Ари из тележки, сунула его Рашель, которая, кажется, ничего не соображала. Выкинув все барахло, Вианна со всей возможной осторожностью положила Сару на металлическую раму, подсунула под голову одеяльце Ари. Стиснув окровавленными ладонями рукоятки, она подтолкнула тележку:

– Вперед. Мы можем ее спасти.

Рашель растерянно кивнула.

Вианна изо всех сил толкала тележку, не обращая внимания на корни деревьев, на грязь под ногами. Сердце бешено колотилось, во рту кислый привкус страха, но она не оглядывалась и ни на миг не останавливалась. Она знала, что Рашель спешит следом – Ари все не унимался, – а не преследует ли их кто-нибудь еще, она и знать не хотела.

Из последних сил Вианна протащила тележку по колдобинам у Ле Жарден и вверх на холм к сараю. Только здесь она остановилась. Тележка глухо стукнула о землю, и Сара застонала.

Рашель отпустила Ари, приподняла Сару и бережно уложила на траву. Ари плакал и тянул руки к матери.

Опустившись на колени рядом с дочерью, Рашель увидела жуткие раны Сары. Взгляд подруги, полный боли и горя, Вианна не смогла выдержать. Рашель, опустив голову, нежно гладила бледную щеку дочери.

– Мы перешли через границу? – прошептала Сара, приподняв голову. На бесцветных губах пузырилась кровавая пена.

– Да, перешли, – ответила Рашель. – Теперь мы все в безопасности.

– Я ведь была храброй, да?

– Да, – сдавленно выговорила Рашель. – Очень храброй.

– Мне холодно. – Сара судорожно втянула воздух.

– Теперь у нас будут конфеты. И пирожные. Я люблю тебя, Сара. И папа тебя любит. Ты наша звездочка. – Голос Рашель дрогнул, она больше не могла сдерживать слез. – Сердечко наше. Ты же знаешь это, да?

– Скажите Софи, что я... – Веки Сары затрепетали, она шумно вдохнула последний раз и затихла. Губы приоткрылись, но девочка уже не дышала.

Вианна опустилась рядом с Сарой, пощупала пульс. В наступившей мрачной тишине Вианне чудился детский смех; каким пустым стал мир без Сары. Вианна уже встречалась со смертью и горем, разрывающим душу на части, и от этого не было лекарства. Непонятно, как Рашель вообще еще может дышать. В любое другое время Вианна сидела бы рядом с подругой, держала ее за руку и рыдала вместе с ней. Или просто обнимала. Или разговаривала. Или молчала. Вианна свернула бы горы, лишь бы утешить подругу. Но сейчас все иначе. Ужас в том, что у них даже нет времени горевать.

Ради Рашель она должна быть сильной.

– Ее нужно похоронить, – как можно нежнее сказала Вианна.

– Она боится темноты.

– Там с нею будет моя мама. И твоя. А тебе с Ари надо спрятаться в погреб. О Саре я позабочусь.

– Как?

Вианна понимала, что Рашель спрашивает не о том, как прятаться в сарае, – спрашивает, как жить после такого, как спасти одного ребенка, потеряв другого, как продолжать существовать, прошептав «прощай».

– Я не могу ее оставить.

– Ты должна. Ради Ари.

Рашель, прерывисто всхлипывая, наклонилась к дочери, прильнула к холодной щеке:

– Я всегда буду любить тебя.

Вианна помогла подруге подняться на ноги, обняла Ари, прижала его к себе так крепко, что малыш опять расплакался.

Женщины добрели до сарая.

– Я приду за вами, когда все уляжется, – сказала Вианна.

– Уляжется... – глухо повторила Рашель, не отводя взгляда от раскрытой двери сарая.

Вианна деловито отодвинула машину, подняла люк:

– Там внизу есть лампа. И немножко еды.

С сыном на руках Рашель спустилась в погреб. Вианна прикрыла люк, вернула автомобиль на место и пошла к зарослям сирени,

которую ее мать сажала еще тридцать лет назад. С тех пор сирень разрослась в настоящую рощу. А под ней, почти незаметные в буйной летней зелени, – три маленьких белых креста. Два – для младенцев, которых она не смогла выносить, и один – для сына, который прожил меньше недели.

Рашель была рядом с ней в те страшные дни, когда хоронили ее мальчиков. А теперь Вианне придется хоронить дочь своей лучшей подруги. Лучшую подругу своей дочери. Какой же всемилостивый Бог мог допустить такое?

Двадцать три

Близился рассвет, Вианна сидела перед свежим могильным холмиком. Хотела помолиться, но вера куда-то подевалась, вера – это из жизни совсем другой женщины.

Небо окрасилось в нежно-лавандовый цвет, потом порозовело – словно в насмешку, утро выдалось поразительно красивым. Во дворе Вианна содрала с себя окровавленную одежду, бросила прямо на землю, умылась под краном. Сняла с бельевой веревки ночную рубашку и вошла в дом.

Она была вымотана без остатка, в душе – пустота. От такой усталости не отдохнешь. Она сидела на диване и, закрыв глаза, вспоминала Антуана. Что она теперь ему скажет? *Я больше не знаю, что правильно, а что нет. Я хочу спасти Софи, но что толку в безопасности, если ребенку придется расти в мире, где люди исчезают бесследно только потому, что молятся другому Богу? Если меня арестуют...*

Дверь гостевой комнаты открылась. Бек, свежесбрившийся, в форме. Вианна поняла, что он ждал ее возвращения. Беспokoился.

– Вы вернулись, – с облегчением сказал он.

И тут заметил оставшиеся кое-где следы крови и грязи. Повисла почти невыносимая пауза; он ждал, что сейчас она заговорит, расскажет, что случилось. А Вианна понимала: стоит раскрыть рот – и она начнет кричать. Или рыдать и требовать от него объяснений, как это так, почему детей можно запросто расстреливать в ночи.

– Мама? – В гостиную спустилась сонная Софи. – Я проснулась, а тебя нет. Я испугалась.

– Прости, Софи. – Вианна стиснула ладони коленями, не двигаясь с места.

– Ну, – кашлянул Бек, – мне нужно идти. Всего доброго.

Едва за ним закрылась дверь, Софи под села к матери:

– Мам, мне страшно. Что-то произошло?

Вианна знала, что должна сообщить дочери страшные вести, а что потом? Будет обнимать ее, гладить по голове, утешать и уговаривать быть сильной? Как же она устала быть сильной.

– Пойдем, Софи, – проговорила она, поднимаясь с дивана. – Попробуем вздремнуть еще немножко, если получится.

Вианна думала, что в городе будут толпы солдат – винтовки наизготовку, лающие овчарки рвутся с поводков, площадь забита полицейскими фургонами, повсюду снуют эсэсовцы в черном. В общем, любые признаки тревоги.

Но все шло как обычно.

Они с Софи бродили по Карриво весь день, стояли в очередях, хотя было ясно, что это напрасная трата времени. Сначала Софи тараторила без умолку, но Вианна едва реагировала, да и как можно разговаривать о чем-то, когда в подвале сидят Рашель с Ари, а Сара накануне погибла.

Часам к трем Софи устала.

– Может, пойдем домой, мам? Здесь точно больше ничего не будет, мы просто теряем время.

Наверное, Бек ошибся. Или просто перестраховался.

Немцы явно не намерены устраивать облаву на евреев. Всем известно, что нацисты пунктуальны и строго соблюдают распорядок дня, особенно в части приема пищи, – а уж как любят французскую еду и вино – и во время обеда не станут заниматься арестами.

– Ладно, Софи, пойдем домой.

Даже на дороге из города было тише, чем обычно, но Вианна все же тревожилась.

– А Сара зайдет? – спросила Софи, открывая калитку.

Сара.

– Ты грустная, – заметила Софи.

– Да, мне грустно.

– Ты думаешь о папе?

Вианна глубоко вздохнула, положила руку на плечо Софи и сказала:

– Пойдем со мной.

Они сели на траву под яблоней.

– Мама, что случилось?

Вианна понимала, что все делает не так, но как надо – не представляла. Софи уже достаточно взрослая, чтобы ее не обманывать, но и для правды слишком мала. Вианна не имеет права рассказать, что

Сару застрелили при попытке перехода границы. Дочь может проболтаться не тем людям.

– Мам?

– Вчера ночью Сара умерла, – проговорила она, нежно взяв в ладони лицо дочери.

– Как умерла? Она же ничем не болела.

– Иногда так случается. Господь забирает к себе внезапно. Она теперь на небесах. Вместе со своей бабушкой. И твоей.

Софи оттолкнула мать, вскочила на ноги:

– Ты что, считаешь меня душой?

– Ч-что ты такое говоришь?

– Она же еврейка!

Вианну испугал взгляд дочери. В нем не было ничего детского – никакой наивности, невинности, надежды. Даже горя не было. Только гнев.

Хорошая мать постаралась бы обратить этот гнев в горечь утраты, а затем в светлые воспоминания, которые никогда не угаснут, но сейчас у Вианны не осталось душевных сил, чтобы быть хорошей матерью. Она не в состоянии найти слова, которые не были бы лживы или бессмысленны.

Она рывком отодрала кружевную манжету с рукава.

– Видишь вон те красные ленточки на ветке у тебя над головой?

Ленточки давно выцвели, поблекли, но все еще заметны на фоне зеленой листвы и незрелых яблок. Софи кивнула.

– Я привязала их там, чтобы вспоминать папу. Ты можешь привязать вот это и будешь вспоминать ее всякий раз, как увидишь.

– Но папа же не умер! – вскрикнула Софи. – Или ты солгала...

– Нет, нет. Но мы же вспоминаем не только тех, кто ушел навсегда, но и тех, кого очень долго ждем, верно?

Софи взяла из рук матери кружевную ленточку и привязала ее к той же ветке.

Вианне до боли хотелось обнять дочь, но та молча стояла, не сводя глаз с клочка кружева, глаза ее блестели от слез.

– Так будет не всегда, – все, что сумела придумать Вианна.

– Я тебе не верю, – ответила Софи и устало добавила: – Я пойду прилягу.

В обычное время Вианна растерялась бы и встревожилась, но сейчас просто кивнула и встала. Стряхнув траву с юбки, направилась к сараю. Откатила «рено», подняла крышку люка:

– Раш? Это я.

– Слава богу, – донеслось из темноты.

Рашель, с Ари на руках, вскарабкалась по шаткой лесенке наверх:

– Что там?

– Ничего.

– Ничего?

– Я была в городе. Все спокойно. Может, Бек перестраховался, но, думаю, тебе надо посидеть здесь до завтра.

Лицо Рашель недовольно вытянулось:

– Нам нужно в туалет и еще нужно ополоснуться. Мы с Ари оба уже воняем.

Ари захныкал, Рашель ласково заворковала, успокаивая малыша.

Втроем они вышли из сарая и двинулись к дому Рашель.

Они были уже во дворе, когда к дому подрулила полицейская машина. Оттуда выскочил Поль и с винтовкой наперевес бросился напрямик во двор:

– Вы Рашель де Шамплен?

– Ты же и так знаешь, – мрачно буркнула Рашель.

– Вы подлежите депортации. Следуйте за мной.

Рашель крепко прижала к груди ребенка:

– Не троньте моего сына...

– Его нет в списке.

Вианна вцепилась в рукав полицейского:

– Поль, не делай этого. Она же француженка!

– Она еврейка! – И наставил винтовку на Рашель: – Шевелись.

Не слушая робких протестов Рашель, он схватил ее за руку, вытащил на дорогу и швырнул на заднее сиденье машины.

Вианна была твердо намерена оставаться на месте, но уже в следующий миг оказалось, что она бежит вслед за автомобилем, колотит в дверь и требует пустить ее к подруге. Поль притормозил, Вианна села, он нажал на газ.

– Уходи, – сказала Рашель, когда они проезжали мимо Ле Жарден. – Тебе здесь не место.

– Здесь никому не место.

Еще неделю назад она, возможно, и оставила бы Рашель один на один с бедой. Возможно, отступила – сожалея, наверное, и уж точно мучаясь чувством вины, – но подумала бы, что защитить Софи важнее всего остального.

Прошлая ночь изменила ее. Да, она по-прежнему напугана и уязвима – может, даже больше, чем прежде, – но теперь она еще и в ярости.

Основные улицы в городе перегорожены баррикадами. Из полицейских фургонов высаживают людей с желтыми звездами и гонят к железнодорожной станции, где дожидаются телячьи вагоны. Сотни людей – похоже, со всего департамента.

Машина остановилась, Поль распахнул дверь. Вианна, Рашель и Ари оказались в толпе еврейских женщин, детей и стариков, медленно продвигавшихся к платформам.

Паровоз нетерпеливо попыхивал клубами черного дыма. На платформе стояли два немца, один из них – Бек. С хлыстом в руках. *Хлыстом.*

Но за все это действие отвечала французская полиция; это они строили людей в колонны и загоняли в вагоны, отдельно мужчин и женщин с детьми.

Впереди какая-то женщина с ребенком на руках попыталась убежать. Жандарм выстрелил ей в спину. Она упала к ногам жандарма, младенец выкатился из мертвых рук прямо под дымящийся еще ствол автомата.

Рашель резко остановилась.

– Возьми моего сына, – прошептала она.

Толпа теснила их.

– Забери его. Спаси!

Вианна не колебалась ни мгновения. Теперь она знала – никто не может остаться в стороне от происходящего. Как и прежде, ей было страшно за Софи, но сейчас ее гораздо больше пугала возможность того, что дочери придется жить в мире, где люди не в силах остановить зло, где славная добрая женщина может оставить в беде свою лучшую подругу. Вианна схватила Ари на руки, прижала к себе.

– Эй ты! – жандарм толкнул Рашель прикладом. – Пошевеливайся!

Рашель смотрела на Вианну, и в глазах ее – вся вселенная их дружбы: общие тайны, клятвы, которые обе сдержали, мечты о детях – все, что роднило и связывало их крепче, чем родных сестер.

– Уходи! – хрипло прокричала Рашель. – Уходи скорей!

Не успев опомниться, Вианна уже проталкивалась сквозь толпу, прочь от вокзала, солдат и собак, подальше от запаха страха, щелканья кнутов, детского плача и женских воплей. Она позволила себе обернуться, только добравшись до края платформы.

Рашель стояла у черного зияющего провала дверей вагона, лицо и руки все еще забрызганы кровью дочери. Она искала взглядом Вианну, нашла, вскинула руку, а потом ее уже не было видно, ее оттеснили женщины, толкавшиеся вокруг. Двери вагона с лязгом сомкнулись.

Вианна неподвижно сидела на диване. Ари, в насквозь промокших штанишках, заходился плачем. Надо встать, помыть малыша, переодеть, хоть чем-то заняться. Но Вианна будто окаменела.

В комнату вошла Софи.

– А почему здесь Ари? – испуганно спросила она. – И где мадам де Шамплен?

– Уехала. – Сил не было придумывать красивую ложь, да и какой в ней толк? Все равно не удастся спрятать дочь от зла, царящего вокруг.

Софи слишком быстро взрослеет. Она уже знает, что такое страх, горе, утрата близких и, возможно, ненависть.

– Рашель родилась в Румынии, – с трудом произнесла Вианна. – В этом – и еще в том, что она еврейка, – все ее преступление. Правительству Виши дела нет до того, что она прожила во Франции двадцать пять лет, что замужем за французом, который сражался за Францию. Ее депортировали.

– Наше правительство? Депортировало? Я думала, это нацисты.

Вианна вздохнула:

– Сегодня этим занималась французская полиция. Но наци там были, да.

– Куда ее увезли?

– Не знаю.

– А после войны она вернется?

Да. Нет. Надеюсь. Как должна ответить хорошая мать?

– Надеюсь.

– А Ари?

– Он останется у нас. Его в списке не было. Видимо, наше правительство полагает, что дети могут сами о себе позаботиться.

– Но, мама, что делать...

– Делать? Что *нам* делать? Понятия не имею. Сейчас ты присмотришь за малышом, а мне нужно принести его кроватку и одежду.

Когда она уже была в дверях, Софи спросила:

– А как же капитан Бек?

Вианна замерла. Вспомнила, как видела его на платформе, с хлыстом в руках, – хлыстом, которым загоняли в вагоны женщин и детей.

– Ну да, – пробомотала она. – Как же капитан Бек?

Вианна выстирала окровавленную одежду, развесила сушиться. Выплеснула грязную воду, стараясь не обращать внимания на ее красный цвет. Приготовила ужин для Софи и Ари. Уложила обоих спать. Но едва дом погрузился в темноту, чувства всколыхнулись с новой силой. Она была в ярости, все внутри истошно вопило, – и одновременно безутешна и подавленна.

Она никак не могла совладать с мрачными, безысходными мыслями. Оторвала кружевной воротничок от блузки, вспомнила, как Рашель подарила ей эту кофточку. Три года назад.

В Париже все носят именно такое.

Лишь со второй попытки удалось привязать кружево к сучковатой ветке яблони, между ленточками Антуана и Сары.

Сара.

Рашель.

Антуан.

Клочки ткани вдруг расплылись перед глазами, и она поняла, что плачет.

– Прошу тебя, Господи, – попробовала она молиться, глядя на тряпицы, колышущиеся среди яблок. Но какой толк от молитв, когда самые дорогие ушли навсегда?

За воротами послышался треск мотоцикла.

– Мадам?

– А где же ваш хлыст, герр капитан? – резко обернулась Вианна.

– Вы были там?
– И каково это, пороть француженок?
– Вы же не думаете, что я на это способен, мадам.
– И все же вы там присутствовали.
– Как и вы. Эта война вынуждает всех нас быть там, где мы ни за что не желали бы оказаться.

– Ну, вы, немцы, в лучшем положении.

– Я пытался помочь ей, – напомнил он.

И тут на смену гневу пришло горе. Он ведь действительно пытался спасти Рашель. Если бы они послушались его и посидели в сарае подольше. Голова закружилась. Бек подскочил, поддержал ее.

– Вы велели спрятаться утром. Она проторчала в этом чертовом погребе весь день. После полудня я подумала... казалось, все нормально.

– Фон Рихтер изменил график. Были трудности с поездами.

Да, поезда.

Рашель, прощальный взмах руки.

– Куда их повезли? – Первый осмысленный вопрос, который она ему задала.

– В рабочие лагеря в Германии.

– Я прятала ее весь день, – повторила Вианна, как будто это имело какое-то значение.

– Вермахт больше не контролирует ситуацию. Это компетенция гестапо и СС. Они более... суровы, чем армия.

– Почему вы там были?

– Я выполнял приказ. А где ее дети?

– Немецкие солдаты застрелили Сару, на контрольном пункте.

– *Mein Gott*, – прошептал он.

– Ее сын у меня. Почему его не было в списке для депортации?

– Он родился во Франции, и ему еще нет четырнадцати. Французских евреев не депортируют. – Он посмотрел ей прямо в глаза: – Пока.

У Вианны перехватило дыхание.

– Они что, придут и за Ари?

– Думаю, скоро депортируют всех евреев, независимо от возраста и места рождения. И когда это начнется, станет опасно селить у себя в доме *любого* еврея.

– Детей... депортировать. Без родителей. – В такой ужас невозможно поверить, даже после всего, что видели своими глазами. – Я обещала Рашель спасти его. Вы выдадите меня?

– Я не чудовище, Вианна. – Впервые он назвал ее по имени. – Я хочу защитить вас, – тихо сказал он, подходя вплотную.

Хуже ничего придумать не мог. Уже несколько лет она чувствовала себя одинокой, но сейчас поняла, что и в самом деле – одна.

Он тронул ее плечо, и это прикосновение электрическим ударом отозвалось во всем теле. Вианна беспомощно смотрела на Бека.

Он так близко, на расстоянии поцелуя. Достаточно легкого намека – вздоха, движения головы – и это расстояние исчезнет. На миг Вианна забыла, кто она, что произошло сегодня, ей необходимо забвение, ей необходимо утешение. Она чуть качнулась вперед, ощутила его дыхание на своих губах, но вдруг память вернулась – мгновенно, взрывом, – и она оттолкнула его так, что капитан едва устоял на ногах.

Принялась с остервенением тереть губы, как будто он успел коснуться их.

– Мы не должны.

– Конечно, не должны.

Но когда он смотрел на нее – а она на него, – оба понимали, что есть вещи похуже, чем запретный поцелуй.

Гораздо хуже – желать этого.

Двадцать четыре

Лето кончилось. Золотые деньки сменились дождями, небо поблекло. Но Изабель была настолько занята, что и не заметила, как испортилась погода.

Прохладным октябрьским днем она вышла из поезда с букетом осенних цветов в руках.

По бульвару Сен-Жермен все так же сновали немецкие автомобили, а солдаты горделиво шествовали сквозь толпу понурых парижан. Флаги со свастикой хлопали на осеннем ветру.

Изабель спустилась в метро. Там все было обклеено нацистскими плакатами, на которых евреи и англичане – истинные чудовища, а у фюрера есть ответ на любой вопрос.

Внезапно завывли сирены воздушной тревоги. Лампы замигали и погасли, погрузив тоннель в полную темноту. Изабель слышала шорох тысяч ног, детский плач, чей-то кашель. Издалека донеслись глухие удары взрывов. Похоже, Булонь-Бийанкур – опять. «Рено» делает грузовики для немцев.

Все стихло, но люди не двигались, пока вновь не зажегся свет.

Изабель уже садилась в поезд, когда раздались резкие свистки.

Она застыла на месте. По платформе шли солдаты и французские полицейские. Они расталкивали людей к стенам, заставляли опуститься на колени.

– Документы. – Немец наставил на Изабель ствол автомата.

Стиснув цветы одной рукой, другой Изабель принялась нервно шарить в сумочке. В букете спрятано послание для Анук. Этот обыск – не совсем неожиданное событие, конечно. С начала наступления союзников в Северной Африке немцы постоянно проверяли документы, задерживали людей на улицах, в магазинах, в транспорте, даже в церкви. Нигде от них не скрыться. Изабель протянула свой поддельный паспорт:

– Я встречаюсь за обедом с подругой своей матушки.

Из-за плеча патрульного возник француз-коллаборационист, внимательно изучил документы Изабель, отрицательно помотал головой. Немец сунул Изабель бумаги и буркнул:

– Проходи.

Изабель улыбнулась, торопливо кивнула и успела впрыгнуть в вагон прежде, чем двери закрылись.

К шестнадцатому округу она уже взяла себя в руки. Влажный туман полз по улицам, окутывал дома, скрывал баржи, медленно плывущие по Сене. Привычные звуки казались странными. Где-то мяч стучал по мостовой – должно быть, мальчишки играют на улице. Прогудела баржа, и звук повис в густом воздухе.

Изабель свернула за угол, вошла в бистро – одно из немногих, где горел свет. Прошла к стойке, заказала кофе с молоком (без кофе и молока, разумеется).

– Жюльет? Это ты?

– Габриэль, рада тебя видеть. – Изабель улыбнулась Анук и протянула цветы.

Они пили кофе, стоя на промозгой террасе, Анук щебетала:

– Я вчера разговаривала с дядей Анри. Он скучает по тебе.

– Он что, приболел?

– Нет-нет. Ровно наоборот. Собирается устроить вечеринку в следующий вторник. Просил меня разослать приглашения.

– Я должна подготовить для него подарок?

– Нет, достаточно и открытки. Вот, держи, я как раз захватила с собой.

Изабель взяла конверт, сунула за подкладку сумочки.

Под глазами Анук черные круги, на лбу и возле рта новые морщины. Жизнь в подполье даром не проходит.

– Ты в порядке, дорогая? – тихо спросила Изабель.

Улыбка у Анук получилась усталая, но искренняя.

– Да. – И добавила: – Я вчера видела Гаэтона. Он тоже приедет в Карриво.

– А почему ты мне об этом говоришь?

– Изабель, ты самый откровенный человек из всех, кого я в жизни встречала. Все твои мысли и чувства написаны у тебя на лице. Ты что, не помнишь, что все уши мне прожужжала о нем?

– Правда? А мне казалось, я так удачно это скрываю.

– Но это же на самом деле очень здорово. Благодаря тебе я помню, за что мы сражаемся. За очень простые вещи – юноша, девушка, их будущее. – Она поцеловала Изабель в щеку и шепнула: – Он тоже бесконечно твердит о тебе.

К счастью для Изабель, в этот день в Карриво лил проливной дождь.

В такую погоду никому нет дела до случайных прохожих, даже немцам. Натянув капюшон, Изабель вытащила велосипед из вагона и, не обращая внимания на холодные струйки, стекавшие по лицу, побрела по платформе.

На окраине города взобралась в седло и поехала, выбирая улочки поспокойнее. Но в такой день народу было мало, только женщины и дети, мокнувшие под дождем в очередях. Немцы сидели по домам.

Добравшись до отеля «Бельвю», она запыхалась. Пристегнула велосипед к фонарю, вошла. Звякнул колокольчик, оповещая о ее прибытии немецких солдат, потягивавших свой кофе в нижнем зале.

– Мадемуазель, – удивился один из офицеров, не донеся до рта пышную и золотистую *rain au chocolat*. – Вы насквозь промокли.

– Эти бестолковые французы совершенно не умеют укрываться от дождя, – улыбнулась она.

Дружный хохот.

Продолжая улыбаться, Изабель прошла к отельной стойке, позвонила в колокольчик.

Из задней комнаты с подносом в руках появился Анри, приветливо кивнул:

– Одну минутку, мадам.

Он ловко проскользнул мимо нее, подал кофе за столик двум эсэсовцам, похожим на пауков в своей мерзкой черной форме. Вернувшись, любезно приветствовал:

– Мадам Жервэ, с возвращением. Приятно вновь видеть вас. Ваша комната готова. Прошу за мной...

Изабель последовала за Анри по узкому коридору и дальше по лестнице на второй этаж. Здесь он отомкнул дверь в крошечную комнатку, где стояли узкая кровать и тумбочка с ночником. Впустив Изабель, Анри захлопнул дверь и заключил девушку в объятия:

– Изабель! Как же я рад тебе. – Отпустил, сделал шаг назад. – Роменвиль... я беспокоился.

– Да. – Изабель откинула мокрый капюшон.

В последние два месяца наци с новой силой ополчились на тех, кого они называли «саботажниками». Они наконец сообразили, какую

роль играют женщины в этой войне, больше двухсот француженок были схвачены и отправлены в Роменвиль.

Изабель сбросила плащ, вытащила из-за подкладки письмо, протянула Анри:

– Вот, держи. – Потом вручила ему деньги от M19. Его отель – одно из основных убежищ, которые поддерживала их группа. Изабель ужасно нравилось, что им удается проводить англичан, янки и бойцов Сопротивления прямо под носом у нацистов. А вот сегодня она будет постояльцем в этой самой маленькой из комнат отеля.

Она выдвинула стул из-за облезлого письменного столика, села.

– Встреча сегодня?

– В одиннадцать. В заброшенном сарае на ферме Ангелера.

– А что случилось?

– Не в курсе. – Он присел на край кровати. – Говорят, немцы землю носом роют – ищут Соловья. Прошел слух, что они засылают провокаторов на маршрут.

– Мне это известно, Анри. – Изабель презрительно скривилась. – Надеюсь, ты не собираешься объяснять мне, как это все опасно?

– Ты слишком часто ходишь через горы, Изабель. Сколько уже было групп?

– Двадцать четыре.

Анри покачал головой:

– Неудивительно, что они взбесились. Говорят, есть еще один маршрут, через Марсель и Перпиньян, и тоже успешный. Изабель, это и вправду становится слишком рискованно.

Изабель сама удивилась, насколько ее тронуло его участие и как приятно, оказывается, слышать свое настоящее имя. Как здорово вновь стать Изабель Россиньоль, хотя бы на несколько минут, и поболтать с человеком, который знает тебя давным-давно. Нынешняя ее жизнь – это непрерывное бегство, тайные квартиры и укрытия, компания незнакомых людей.

Впрочем, нет смысла рассуждать об этом. Маршрут, который они организовали, настолько ценен, что стоит любого риска.

– Вы же присматриваете за моей сестрой?

– Да.

– Этот наци все еще живет у них?

Анри отвел взгляд.

- В чем дело?
- Вианну уволили из школы. Еще год назад.
- Почему? Дети ее любят, она прекрасный учитель.
- Говорили, она начала спорить с офицером гестапо.
- Непохоже на Вианну. И на что она живет?
- Да ходят всякие слухи... – Анри явно было неловко.
- Какие еще слухи?
- Ну, про нее и этого немца.

Все лето Вианна прятала сына Рашель в Ле Жарден. Она не решалась показываться с ним на улице, даже в саду. Без документов она не сумела бы выдать малыша за кого-то другого, кроме Ариэля де Шамплен. Приходилось оставлять Софи с мальчиком, когда уходила в город, но всякий раз она тряслась от страха. Всем подряд – лавочникам, соседям, монашкам – Вианна рассказывала, что Рашель депортировали вместе с детьми.

Больше ничего придумать не смогла.

Сегодня, после утомительного стояния по очередям, итогом которого был ответ, что ничего не осталось, Вианна брела домой совершенно разбитая. Говорили о новых облавах и депортациях по всей Франции. Тысячи французских евреев уже отправлены в концентрационные лагеря.

Мокрый плащ она повесила снаружи, на крючок у двери. До завтра не высохнет, но хотя бы лужи на полу не останутся. Грязные башмаки она тоже оставила у дверей и в дом вошла босиком. Софи, как всегда, ждала на пороге.

- Все нормально, – сообщила Вианна.
- У нас тоже, – грустно кивнула Софи.
- Искупаешь Ари, пока я приготовлю ужин?

Софи потянула Ари за руку, и дети вышли из кухни.

Вианна поставила корзинку в раковину, чтобы вода стекла, принесла из кладовки колбасу, несколько мелких мягких картофелин и луковицу.

Разожгла плиту, разогрела чугунную сковородку. Добавив несколько капель драгоценного масла, подрумянила колбасу. Когда розовые ломтики приобрели приятный коричневый оттенок и покрылись корочкой, в сковородку отправились нарезанный кубиками

картофель, мелко нарубленный лук и чеснок. Аппетитные запахи разлились по кухне.

– Пахнет чудесно.

– Герр капитан, – тихо сказала она. – Я не слышала вашего мотоцикла.

– Мадемуазель Софи впустила меня.

Вианна убавила огонь, накрыла сковороду крышкой и только потом повернулась к Беку. По молчаливому уговору оба делали вид, что тогда в саду ничего не произошло. Но, хотя ни один не произнес ни слова, это воспоминание словно висело в воздухе между ними.

С той ночи все неуловимо изменилось. Теперь он почти всегда ужинал с ними; и еду приносил он – немного, ломтик ветчины, пакет муки или несколько колбасок. Охотно и откровенно говорил о жене и детях, а она рассказывала об Антуане. Эти разговоры призваны были укрепить стену, которая уже рухнула. Он регулярно предлагал, и крайне любезно, отправить посылку Антуану; Вианна собирала для мужа мелочи, которые удалось сберечь, – старые зимние перчатки, которые ей самой велики, сигареты, забытые Беком, баночка джема.

Вианна старалась не оставаться с Беком наедине. Вот это – самое главное изменение. Она больше не выходила в сад вечерами и не сидела в гостиной, когда Софи уходила спать. Вианна не доверяла себе и предпочитала не находиться с капитаном с глазу на глаз.

– А у меня для вас подарок, – сказал он и протянул стопку бумаг. Свидетельство о рождении ребенка в июне 1939 года, родители – Этьен и Эме Мориак. Мальчику дали имя Даниэль Антуан Мориак.

Неужели она рассказывала Беку, что они с Антуаном мечтали назвать мальчика Даниэлем? Наверное, но не помнит.

– Сейчас опасно жить в доме с еврейским ребенком. Или станет опасно в скором времени.

– Вы очень рисковали ради него. Ради нас...

– Ради вас, – тихо поправил он. – И помните, мадам, что документы фальшивые. Придумайте какую-нибудь правдоподобную историю, мол, это ребенок ваших родственников.

– Я никогда не проболтаюсь, никто не узнает, откуда эти документы.

– Я не о себе беспокоюсь, мадам. Ари должен немедленно стать Даниэлем. А вы должны быть крайне осторожны. Гестапо и СС, они...

звери. Союзники крепко наподдали нам в Африке. А это окончательное решение еврейского вопроса... зло, которое невозможно понять. Я... – Он помедлил, пристально глядя в глаза Вианне. – Я хочу защитить вас.

– Вы уже защищаете. – Она шагнула к нему, понимая, что совершает ошибку, он шагнул к ней.

В кухню влетела Софи:

– Мам, Ари просит есть.

Бек замер на месте. Потянулся за вилкой – коснувшись ее руки. Наколол аппетитный кусочек колбаски, хрустящий кубик картофеля, поджаристый лук. Медленно прожевал, не отводя глаз от Вианны. Он стоял так близко, что она чувствовала на щеке его дыхание.

– Вы превосходно готовите, мадам.

– Спасибо, – сдавленно пробормотала она.

Бек чуть отодвинулся:

– Сожалею, но не могу остаться на ужин, мадам. Я должен идти.

Вианна с трудом отвела взгляд, улыбнулась Софи:

– Тогда накрывай стол на троих.

Ужин стоял на плите, чтоб не остыл, а Вианна поднялась к детям в спальню.

– Софи, Ари, мне нужно поговорить с вами.

– Что случилось, мам? – Софи мгновенно насторожилась.

– Они депортируют евреев, родившихся во Франции. И детей тоже.

Софи шумно втянула воздух и с ужасом посмотрела на трехлетнего Ари, беззаботно прыгавшего в кроватке.

Он слишком мал и не поймет, что должен стать другим мальчиком. Ему можно внушить, что теперь его зовут Даниэль Мориак, но он же не поймет почему. И если будет ждать, что мать вернется, то рано или поздно обязательно проговорится. Его депортируют, а их всех, наверное, расстреляют. Нельзя так рисковать. Она вынуждена разбить его сердце ради его же спасения.

Прости меня, Рашель.

Они с Софи переглянулись.

– Ари, – ласково проговорила Вианна, наклоняясь и беря лицо мальчика в ладони, – твоя мама теперь с ангелами на небесах. Она не вернется.

– Как это?

– Она ушла навсегда. – Вианна чувствовала, что вот-вот расплачется. Но придется повторять эти страшные слова, пока малыш не запомнит. – Теперь я твоя мама. И тебя теперь зовут Даниэль.

Мальчик нахмурился, выпятил губы, растопырил пальцы, словно пересчитывая их:

– Ты говорила, она скоро вернется.

Вианна ненавидела себя, но все же сказала:

– Нет, не вернется. Она ушла навсегда. Как тот крольчонок, помнишь?

Месяц назад они похоронили во дворе погибшего крольчонка.

– Ушла, как зайчик? – Карие глазки налились слезами, губы задрожали.

Вианна подхватила малыша на руки, принялась гладить, шептать что-то ласковое. Наконец он успокоился настолько, чтобы она смогла чуть отодвинуться и заглянуть ему в лицо:

– Ты понял меня... Даниэль?

– Ты будешь моим братиком, – вступила Софи. – По-настоящему.

Душа разрывалась в клочья, но Вианна понимала, что это единственный способ спасти сына Рашель. Она молила Господа, чтобы малыш забыл, что на самом деле он Ари, и от этой молитвы становилось еще горше.

– Ну-ка скажи, – как можно более спокойно постаралась произнести она, – скажи, как тебя зовут.

– Даниэль. – Мальчик явно был сбит с толку, но старался быть послушным.

В тот вечер Вианна раз десять задавала ему этот вопрос – когда они ужинали, и потом, когда вместе мыли посуду, и когда передевались ко сну. Можно лишь уповать на Бога, чтобы нехитрой уловки оказалось достаточно, чтобы документы не вызвали подозрений. Никогда больше она не назовет его Ари и даже не подумает о нем как об Ари. Завтра пострижет мальчика покороче, а потом пойдет в город и расскажет каждому встречному (и в первую очередь главной сплетнице Элен Рюэль), что ей пришлось приютить ребенка умершей кузины из Ниццы.

Помоги нам всем Господь.

Двадцать пять

Изабель, вся в черном, пробиралась по пустынным улочкам Карриво. Комендантский час давно наступил. Изредка прорывающийся сквозь пелену облаков узкий серп луны еле освещал бульжную мостовую.

Она напряженно прислушивалась к звуку шагов, моторов и замирала при каждом подозрительном шорохе. На окраине города перелезла через увитую розами стену, не обращая внимания на шипы, прыгнула на влажную черную землю. Изабель была уже на полпути к назначенному месту встречи, когда над головой проревели три аэроплана – так низко, что деревья и земля задрожали. Пулеметные очереди, взрывы, вспышки света.

Тот аэроплан, что поменьше, сделал вираж, развернулся. Она разглядела американские опознавательные знаки на крыльях, пока самолет набирал высоту. Через минуту донесся свист падающих бомб – нечеловеческий пронзительный вой, а потом взрывы.

Аэродром. Они бомбят аэродром.

Самолеты заходили на следующий круг. Вновь пулеметные очереди, и вот американский самолет подбит. За ним потянулся шлейф дыма, раздался рев, и самолет, вращаясь, устремился к земле; на металлических плоскостях поблескивал лунный свет.

Сбитая машина врезалась в лес, ломая деревья как спички. Удар сотряс землю, во все стороны разлетелись мелкие стальные детали. Удушающий запах дыма окутал Изабель, а потом – гулкое ууух, и самолет исчез в языках пламени.

В небе раскрылся купол парашюта, человек, болтавшийся под ним, был не больше точки.

Изабель продиралась сквозь горящий лес. Дым ел глаза.

Где же он?

Взгляд зацепился за светлое пятно, она метнулась туда.

Смятый парашют валялся на земле, рядом с ним – летчик.

Послышались голоса – не очень далеко. Она надеялась, что это ее товарищи, спешащие на встречу подпольщиков, но как тут проверишь. Нацисты сейчас заняты на аэродроме, но это ненадолго.

Изабель упала на колени, отстегнула парашютные стропы, скомкала полотнище и забросала ветками и палой листвой. Вернулась к летчику, ухватила его за талию и поволокла поглубже в лес.

– Вы должны сидеть тут, сидеть тихо. Понимаете? Я вернусь, но вы должны очень тихо лежать здесь.

– Ты... обещаю, зуб даю, – едва слышно прошептал он.

Изабель и его закидала ветками и листьями, но тут заметила свои следы в грязи и рыхлую полосу, где она тащила мужчину. Черный дым становился все гуще, огонь приближался.

– Вот черт, – пробормотала она.

Голоса. Близко.

Она попыталась отряхнуть руки, но грязь только гуще размазывалась по ладоням.

Из темноты выступили три фигуры, двинулись к ней.

– Изабель, – окликнул мужской голос. – Это ты?

Мелькнул луч фонарика, осветив лица Анри и Дидье. И Гаэтона.

– Нашла летчика? – спросил Анри.

– Он ранен.

Где-то залаяли собаки. Немцы.

– У нас мало времени, – сказал Дидье.

– До города не успеем, – заметил Анри.

Изабель приняла решение мгновенно:

– Я знаю место поближе, где можно его спрятать.

– Это плохая идея, – буркнул Гаэтон.

– Быстрее, – раздраженно прошипела Изабель. Они пробрались в сарай Ле Жарден, плотно прикрыли дверь. Летчик без сознания лежал на грязном полу, плащ и перчатки Дидье насквозь промокли от крови. – Подвиньте машину.

Анри с Дидье подтолкнули «рено», подняли крышку люка. Протестующе скрипнув, крышка стукнула в бампер автомобиля.

Изабель зажгла лампу, спустилась в погреб.

– Давайте его сюда. – Она приподняла лампу повыше.

Мужчины встревоженно переглянулись.

– Не уверен я в этом, – покачал головой Анри.

– У нас что, есть выбор? – нетерпеливо прикрикнула Изабель. – Тащите!

Гаэтон и Анри опустили тело в темный погреб, уложили на матрас, хрустнувший под его весом.

Анри вылез наверх, позвал:

– Поторопись, Гаэт.

Гаэтон посмотрел на Изабель:

– Нам придется поставить машину на место. Ты не сможешь выбраться, пока мы не придем за тобой. Если с нами что-то случится, никто не узнает, что ты здесь. – Изабель показалось, что он хочет обнять ее, и она до боли желала этого. Но оба стояли уронив руки. – Немцы не отступятся, они будут землю носом рыть, разыскивая летчика. Если тебя найдут...

Она вздернула подбородок, чтобы не показать, как сильно боится:

– Так сделай так, чтобы они меня не нашли.

– Думаешь, я не буду стараться?

– Знаю, что будешь.

Сверху раздался нетерпеливый голос Анри:

– Гаэт! Нужно найти доктора и придумать, как их завтра вытащить отсюда.

– Когда вернемся, постучим три раза и свистнем, ты уж не стреляй.

– Попробую.

– Изабель...

Она ждала продолжения, но Гаэтон так больше ничего и не сказал. Только вздохнул и полез вверх по лестнице.

Хлопнул люк, заскрипели доски под колесами «рено», и наступила тишина.

Изабель запаниковала. Она словно опять в запертой спальне; мадам Жуть поворачивает ключ в замке, велит ей заткнуться и прекратить канючить.

Она не сможет выбраться отсюда, даже если начнется пожар.

Стоп. Успокойся. Ты прекрасно знаешь, что нужно сейчас делать.

Изабель подобралась к полкам, отодвинула отцовское ружье, вытащила аптечку. Так, что тут? Ножницы, нитка с иголкой, спирт, бинты, хлороформ, таблетки бензедрина, пластырь.

Она села рядом с летчиком, с трудом отодрала прилипшую к ране ткань комбинезона. В груди зияла здоровенная дыра, Изабель сразу

поняла, что здесь уже ничем не поможешь. Все, что оставалось, – сидеть и держать его за руку до последнего трепещущего вдоха. Но вот губы его бессильно приоткрылись, дыхание замерло.

Изабель осторожно стянула жетон с его шеи. «Лейтенант Кит Джонсон».

Задув лампу, она сидела в темноте рядом с мертвым телом.

С утра Вианна натянула штаны и фланелевую рубашку Антуана, которую пришлось порядком ушить. Она так похудела, что даже перешитая рубашка болталась на ней как на вешалке. Видимо, нужно опять браться за иголку. На кухонном столе лежала посылка для Антуана, готовая к отправке.

Софи ночью глаз не сомкнула, поэтому Вианна не стала ее будить. Спустилась вниз приготовить себе кофе и в гостиной наткнулась на капитана Бека.

– О, герр капитан, простите.

Он, казалось, не слышал ее. Никогда еще Вианна не видела Бека таким взволнованным. Волосы растрепаны, непослушная прядь все время падает на лицо, и он непрестанно бранится, поправляя ее. На поясе – пистолет, чего прежде не бывало.

Он метался из угла в угол, сжав кулаки. Лицо, искаженное гневом, стало почти неузнаваемым.

– Вчера ночью неподалеку упал самолет, – сказал он, оборачиваясь к ней. – Американский. Они называют его «Мустанг».

– Я думала, вы хотите, чтобы они падали. Разве не для этого в них стреляют?

– Мы всю ночь искали пилота и не нашли. Кто-то его спрятал.

– *Спрятал?* Сомневаюсь. Вероятно, он просто погиб.

– Тогда должно было остаться тело, мадам. Мы нашли парашют, но не тело.

– Но кто может быть настолько глуп? Вы же... наказываете людей за подобное?

– Без промедления.

Вианну поразило его тон, она инстинктивно отшатнулась. И тут же вспомнила, как он стоял с хлыстом на платформе в тот день, когда депортировали Рашель.

– Простите мне резкость, мадам. Но мы изо всех сил демонстрировали свою лояльность и вот что получаем в ответ от вас, французов. Ложь, предательство и саботаж.

Вианна потрясенно раскрыла рот.

Он наконец заметил ее взгляд, смутился, попытался улыбнуться.

– Еще раз простите. Я не вас имею в виду, разумеется. Комендант обвиняет меня в провале поисков летчика. Приказано сегодня удвоить усилия. – Он направился к выходу. – Если не найду...

В открытой двери мелькнули серо-зеленые пятна. Солдаты.

– Всего доброго, мадам. – И добавил, оглянувшись: – Заприте все двери, мадам. Этот летчик, скорее всего, доведен до отчаяния. Вы же не хотите, чтобы он ворвался к вам в дом.

Бек вышел во двор к своей свите. Собаки остервенело рвались с поводков, обнюхивая землю у разрушенной стены.

Вианна проводила его взглядом и вдруг заметила, что дверь сарая чуть приоткрыта.

– Герр капитан!

Капитан остановился, псы натянули поводки.

И тут она вспомнила Рашель. Именно в сарае подруга спряталась бы, сумей сбежать.

– Н -нет, н-ничего, герр капитан.

Он коротко кивнул и вывел своих людей на дорогу.

Как только солдаты скрылись из виду, Вианна натянула башмаки и побежала к сараю. Она так спешила, что пару раз чуть не упала. На пороге перевела дыхание и рванула дверь.

Машину явно двигали.

– Я здесь, Рашель!

Откатив «рено», Вианна подняла крышку люка, включила фонарик и осветила темное нутро погреба.

– Рашель?

– Убирайся отсюда, Вианна. НЕМЕДЛЕННО.

– Изабель? – Вианна торопливо полезла вниз, приговаривая: – Изабель, что ты... – Она спрыгнула на земляной пол, обернулась к сестре.

И радостная улыбка тут же погасла. Платье Изабель было измазано кровью, в волосах листья, ветки, грязь, лицо исцарапано, и выглядела она так, будто продиралась через заросли ежевики.

Но это еще не самое страшное.

– Летчик, – в ужасе прошептала Вианна, уставившись на человека на матрасе. Она так перепугалась, что шарахнулась к стене, едва не повалив полки. – Тот, которого ищут.

– Ты не должна была сюда приходить.

– Это я не должна была? Какая же ты дура. Знаешь, что с нами будет, если его найдут здесь? Как ты могла подвергать нас такой опасности?

– Прости. Просто закрой подвал и поставь автомобиль на место. Завтра утром нас тут уже не будет.

– Ах, *прости*. – Вианну трясло от гнева. Как сестра посмела рисковать жизнью Софи, ее собственной жизнью? Да еще теперь, когда с ними Ари, который пока не осознал, что он теперь Даниэль. – Мы все погибнем из-за тебя.

Вианна не желала больше тут оставаться. Скорее прочь, подальше от этого американца... и безрассудной эгоистичной сестрицы.

– Чтобы к утру тебя здесь не было, Изабель. И не вздумай возвращаться.

– Но... – уязвленно начала было Изабель.

– Нет уж, – оборвала Вианна. – Я устала искать тебе оправдания. Да, я скверно относилась к тебе в детстве, мама умерла, папа алкоголик, мадам Дюма ужасно обращалась с тобой. И все это правда, и я старалась быть тебе хорошей сестрой, но сейчас – все, конец. Ты безрассудна и легкомысленна, как всегда, только теперь из-за тебя могут погибнуть люди. Но я не позволю тебе погубить Софи. Не смей сюда возвращаться. А если вернешься, я сама на тебя донесу. – С этими словами Вианна вылезла наверх и захлопнула за собой люк.

Чтобы не сорваться на истерику, Вианна принялась суетиться по дому. Разбудила детей, накормила их завтраком и погрузилась в домашние заботы.

Собрав последние созревшие овощи, она замариновала огурцы и цуккини, закатала несколько банок тыквенного пюре. И все это время Изабель и летчик не шли у нее из головы.

Что же делать? Вопрос преследовал ее до самого вечера. Хорошего решения не находилось. Очевидно одно: надо молчать, молчание всегда лучший выход.

Но как быть, если Бек, гестапо или эсэсовцы с собаками ворвутся в сарай? Если Бек отыщет летчика в сарае во дворе дома, где он сам живет, комендант едва ли будет доволен. Беку конец.

Комендант обвиняет меня в провале поисков летчика.

А униженный мужчина может быть опасен.

Может, рассказать все Беку? Он хороший человек. Он хотел спасти Рашель. Раздобыл документы для Ари. Отправлял посылки от Вианны в лагерь военнопленных.

Может, Бек согласится просто забрать летчика, а Изабель не тронет? Американца отправят в лагерь, а это не так уж плохо.

Вианна так и эдак крутила эти вопросы в голове – и за ужином, и после, когда укладывала детей. Сама она даже не пыталась уснуть. Разве можно спать, когда семья в опасности? И, вспомнив, кто виноват, она опять разозлилась на Изабель. В десять часов раздался топот сапог, громкий стук в дверь.

Отложив штопку, Вианна поправила прическу, поднялась с дивана и отворила. Руки так дрожали, что пришлось упереть их в бока.

– Герр капитан. Вы сегодня припозднились. Приготовить вам ужин?

– Нет, благодарю, – буркнул он, впервые столь нелюбезно. Молча прошел к себе, появился с бутылкой. Налил щедрую порцию в выщербленный стакан, осушил одним махом, налил еще.

– Герр капитан?

– Мы его не нашли, – выдохнул он, прикончив вторую порцию и наливая третью.

– О.

– Гестапо. – Он мрачно посмотрел на Вианну. – Меня расстреляют.

– Нет, что вы.

– Они не терпят неудач. – Допив вино, он грохнул стакан на стол, едва не разбив. – Я искал всюду. Обшарил каждый уголок, каждую щель в этом дрянном городишке. Я обыскал погребы, подвалы и курятники. Рылся в колючих кустах и мусорных кучах. И что в итоге? Окровавленный парашют, а летчика след простыл.

– В-вы наверняка еще не везде искали. – Она хотела утешить его. – Давайте я вас покормлю? Кое-что осталось от ужина.

Внезапно он замер. Прищурившись, пробормотал:

– Это невозможно, но... – Схватив фонарь, Бек бросился в кухонный чулан, рывком распахнул дверь.

– Что вы д-делаете?

– Обыскиваю ваш дом.

– Не думаете же вы...

Сердце колотилось как бешеное, пока он метался из комнаты в комнату, вышвыривал вещи из шкафов, отодвигал диван от стены.

– Удовлетворены?

– Удовлетворен, мадам? На этой неделе мы потеряли четырнадцать пилотов и бог знает сколько человек из наземных служб. Два дня назад разбомбили завод «Мерседес-Бенц», все рабочие погибли. Мой дядя там работает. То есть работал.

– Мне очень жаль...

Вианна выдохнула, надеясь, что все улеглось наконец, но тут он ринулся во двор.

Она что, вскрикнула? Похоже, да. Вианна бросилась следом, пытаясь ухватить Бека за рукав, но опоздала. Подсвечивая себе фонариком, он уже бежал к голубятне. Рванул дверь, заглянул.

– Герр капитан! – Запыхавшись, она вытерла потные ладони о юбку. – Вы никого и ничего не найдете здесь, герр капитан. Вы должны это знать.

– Вы ведь лжете, мадам? – Он не разозлился, нет. Он испугался.

– Нет, вы же знаете, я не лгунья, Вольфганг. – Впервые она назвала его по имени. – И ваше начальство не накажет вас, уверяю.

– Вот в чем беда с вами, французами, – горько сказал он. – Вы не хотите видеть правду, даже когда она у вас под носом. – И, отодвинув ее, двинулся прямо к сараю.

Он найдет Изабель и летчика...

И что?

Всех ждет тюрьма. Или даже хуже.

Он ни за что не поверит, что она не знала. Поздно изображать простодушие. И на его благородство ради спасения Изабель больше нельзя рассчитывать. Вианна солгала ему.

Он остановился на пороге сарая, внимательно огляделся. Убрал фонарик, зажег лампу. Поставив лампу на пол, обследовал каждый дюйм помещения, каждое стойло и сеновал.

– В-видите? – приободрилась Вианна. – А теперь пойдете домой. Думаю, вам не помешает еще глоток вина.

И тут он заметил следы шин в пыли.

– Вы как-то обмолвились, что мадам де Шамплен пряталась в погребе...

Нет. Вианна открыла рот, но не могла выдать ни звука.

Он рванул дверцу «рено», переключил передачу, подтолкнул машину...

– Капитан, прошу вас...

Присел на корточки, провел пальцами по полу, нащупывая контуры люка.

Если он его откроет, все кончено. Он застрелит Изабель или арестует и отправит в тюрьму. И Вианну с детьми тоже арестуют. Поговорить с ним, попробовать убедить уже не получится.

Бек расстегнул кобуру, взвел курок.

Вианна отчаянно озиралась в поисках хоть какого-нибудь оружия, заметила лопату, прислоненную к стене.

Он приподнял крышку люка, крикнул что-то. Крышка с грохотом отлетела в сторону, Бек выпрямился, прицелился. Вианна схватила лопату и, изо всех сил размахнувшись, опустила на голову капитана. С глухим *чавк* металлическое лезвие вошло в череп. Кровь хлынула из затылка и залила всю спину.

Одновременно грянули два выстрела, один из пистолета Бека, другой – из подвала.

Бек покачнулся и начал медленно поворачиваться, заваливаясь на спину. Из груди его фонтаном ударила кровь – через отверстие размером с луковицу. Лоскут кожи с волосами повис надо лбом, прикрывая глаз.

– Мадам... – прохрипел он, падая на колени. Пистолет брякнул об пол.

Отшвырнув лопату, Вианна бросилась к Беку. Тот уже лежал лицом в луже крови. Навалившись всем весом, Вианна перекатила его на спину. Лицо белое как мел, волосы слиплись от крови, кровь пузырится на губах при каждом вдохе.

– Прости меня, – прошептала Вианна.

Веки капитана затрепетали.

Вианна попыталась стереть кровь с его лица, но лишь размазала ее. Теперь и ее руки были в крови.

– Я должна была остановить вас...

– Сообщите семье...

Вианна увидела, как жизнь покинула его тело, как прекратило биться сердце, замерло дыхание.

Рядом послышался шорох, это сестра выбиралась из погреба.

– Вианна!

Она не двинулась.

– Ты... в порядке? – просипела бледная Изабель, ее била дрожь.

– Я убила его. Он умер, – глухо произнесла Вианна.

– Это не ты. Это я застрелила его, – возразила Изабель.

– Я ударила его лопатой по голове. *Лопатой.*

– Вианна...

– Нет, – отрезала Вианна. – Не желаю слышать твои объяснения. Ты понимаешь, что ты натворила? Немец. Мертвый. В моем сарае.

Изабель не успела ответить, как раздался свист, а потом к дверям сарая подползла телега.

Вианна схватила пистолет Бека. Чуть пошатываясь на залитом кровью полу, наставила оружие на незнакомцев.

– Вианна, не стреляй! – остановила ее Изабель. – Это друзья.

Вианна посмотрела на оборванцев в телеге, потом на сестру – вся в черном и оттого кажется мертвенно-бледной, под глазами темные круги.

– Ну разумеется, кто же еще... – Она шагнула в сторону, но продолжала держать под прицелом мужчин, сгрудившихся у ветхой повозки, на которой лежал сосновый гроб. Вианна узнала Анри – он держал отель в городе, с ним Изабель сбежала в Париж. Думала, этот коммунист в нее влюблен. – Твой любовник, конечно...

Анри спрыгнул на землю:

– Какого черта, что тут произошло?

– Вианна ударила его лопатой, а я застрелила, – спокойно сообщила Изабель. – Немножко повздорили по-сестрински, кто именно его прикончил, но результат очевиден: он мертв. Капитан Бек. Немец, который квартирует в этом доме.

Анри покосился на одного из своих спутников – длиннолицего оборванца с очень длинными волосами.

– Да, это проблема, – сказал он.

– Вы можете избавиться от тела? – спросила Изабель. Она все прижимала руку к груди, будто хотела унять бьющееся сердце. – И летчика тоже – не выжил.

Из телеги выбрался грузный косматый мужик в залатанной куртке и не по росту коротких штанах:

– Избавиться от тел – это самое простое.

Кто все эти люди?

– Бека будут искать. Моя сестра не сумеет соврать и уклониться от допроса. Нужно спрятать ее и Софи.

Надо же, они говорят о Вианне так, словно ее здесь нет.

– Бегство только докажет мою вину.

– Ты не можешь здесь оставаться, – возразила Изабель. – Это опасно.

– Бога ради, Изабель, ты беспокоишься обо мне *сейчас*, когда из-за тебя мы с детьми оказались в опасности, а я вынуждена была убить человека.

– Вианна, прошу тебя...

Но Вианна чувствовала, как что-то внутри окаменело. Всякий раз, когда казалось, что она дошла до точки, опустилась на самое дно и хуже некуда, обстоятельства складывались еще более жутким образом. И вот теперь она стала убийцей, и все из-за Изабель. Последнее, что она делает, – последует совету сестры и сбежит из Ле Жарден.

– Я скажу, что Бек ушел на поиски пилота, да так и не вернулся. Что я, простая французская домохозяйка, понимаю в таких вещах? Вот он был, а вот его больше нет.

– Нормальный ответ, ничем не хуже любого другого, – заметил Анри.

– Это я во всем виновата. – Изабель подошла поближе.

Вианна видела, что сестра искренне раскаивается, но ей было уже все равно. Она слишком боялась за детей, чтобы интересоваться еще и чувствами Изабель.

– Да, ты, но ты и меня втравила в это. Мы убили хорошего человека, Изабель.

– Ви, они придут за тобой.

Вианна открыла рот, готовясь огрызнуться: «И кто же в этом виноват?» – но слова застряли в горле.

Она разглядела кровь, струящуюся между пальцев Изабель. Мир закачался, накренился, остались только звуки – мужские голоса за спиной, топот копыт мула, запряженного в телегу, ее собственное шумное дыхание. Изабель осела на пол без чувств.

Мужская ладонь прикрыла рот Вианны, заглушая крик. Следующее, что она помнит, – как ее оттаскивают от сестры. Она вырывается, но мужские руки держат крепко.

Анри опустился рядом с Изабель, расстегнул плащ, блузку, открывая пулевое отверстие прямо под ключицей. Разорвав на себе рубаху, Анри прижал ткань к ране.

Вианна ткнула локтем того, кто ее держал, – глухое оохх в ответ – и бросилась к сестре, едва не поскользнувшись на скользких от крови досках.

– В погребке есть аптечка.

Темноволосый парень – он почему-то нервно дрожал, как и сама Вианна, – спрыгнул в люк и мгновенно вынырнул оттуда с коробкой.

Руки у Вианны тряслись, когда она открыла бутылочку со спиртом, протерла руки как смогла. Глубоко вдохнув, перехватила у Анри рубаху, крепко прижала к ране, чувствуя, как та пульсирует под пальцами.

Ткань пришлось отжимать дважды, но в конце концов кровотечение прекратилось. Осторожно она перекатила Изабель на бок, обнаружила выходное отверстие.

Слава богу.

Бережно опустила сестру.

– Будет больно, – шепнула она. – Но ты же сильная, Изабель, правда?

Она полила рану спиртом. Изабель дернулась, но не очнулась и не закричала.

– Хорошо, – бормотала Вианна. Звук собственного голоса успокаивал, напоминал, что она – мама, а мамы всегда заботятся о своей семье. – Это хорошо, что без сознания.

Она вдела нитку в иголку, опустила в спирт и склонилась над раной. Очень аккуратно принялась сшивать края – получилось не идеально, но она старалась.

Зашив входное отверстие, она почувствовала себя увереннее, справилась с выходным, тщательно забинтовала.

А потом просто села, устало разглядывая свои окровавленные руки и залитую кровью юбку.

Изабель лежала такая бледная, худенькая, хрупкая и нежная – совсем на себя не похожа. Волосы грязные, одежда в крови – своей и чужой, – и сама она почти ребенок.

Совсем ребенок.

Вианне стало так стыдно, до тошноты. Неужели она и вправду велела своей сестре – *сестре* – убираться вон и никогда не возвращаться?

Как часто в своей жизни бедняжка Изабель слышала эти слова – и от своих близких, от тех, кто должен бы любить и беречь ее?

– Я отвезу ее в безопасное место в Брантоме, – сказал черноволосый парень.

– Нет, не отвезешь, – решительно заявила Вианна, глядя снизу вверх на трех мужчин, сгрудившихся у телеги. Поднялась на ноги и повторила: – Она никуда с вами не поедет. Это из-за вас она оказалась здесь.

– Это мы здесь из-за нее, – буркнул черноволосый. – Я ее забираю, немедленно.

Вианна присмотрелась к парню. Сила и решительность в его глазах прежде напугали бы ее, но сейчас она выше страха и осторожности.

– Я знаю, кто ты, – сказала она. – Она тебя хорошо описала. Это ты – парень из Тура, который бросил ее, прикрепив записочку к одежде, как будто она бродячая собака. Гастон, верно?

– Гаэтон, – едва слышно поправил он, так что Вианне пришлось наклониться, чтобы разобрать. – Но вы-то в таких вещах дока. Разве не вы бросили сестру, когда она так нуждалась в вас?

– Если попробуешь ее тронуть, я тебя прикончу.

– Ну-ну, – усмехнулся он.

– Я убила его лопатой, – кивнула она в сторону Бека. – А он мне нравился.

– Довольно. – Анри прекратил перепалку, вставая между ними. – Ей нельзя здесь оставаться, Вианна. Сама подумай. Немцы будут искать своего пропавшего капитана. Ни к чему, чтобы они обнаружили

женщину с огнестрельным ранением и поддельными документами. Понимаешь?

– Мы похороним капитана и американца, – вмешался здоровяк. – И мотоцикл припрячем. Гаэтон, а ты отвезешь ее в убежище в Свободной Зоне.

Вианна растерянно переводила взгляд с одного на другого:

– Но сейчас темно, комендантский час, до границы четыре мили, Изабель ранена. Как...

Еще не договорив, она сообразила.

Гроб.

Нет, какая чудовищная мысль, нет.

– Я позабочусь о ней, – постарался успокоить ее Гаэтон.

Но Вианна не верила ему ни на грош.

– Я поеду с вами. Хотя бы до границы. Когда увижу, что вы переправили ее в Свободную Зону, я вернусь.

– Вы не сможете, – покачал головой Гаэтон.

– Ты удивишься, на что я способна. А теперь давайте выносите ее отсюда.

Двадцать шесть

6 мая 1995 года

Побережье Орегона

Чертово приглашение не давало мне покоя. Готова поклясться, оно живое.

Несколько дней я игнорировала его призывы, но нынешним чудесным весенним утром обнаружила себя стоящей перед кухонной стойкой, где лежит это проклятое письмо. Прелестно. Не помню, как здесь оказалась, но все же я тут.

Чья-то женская рука тянется к конверту. Нет, не моя – не может быть, чтобы эта дрожащая морщинистая лапа с уродливыми суставами и набухшими венами была моей рукой. Она берет конверт, эта другая женщина.

Руки трясутся даже сильнее, чем обычно.

Приглашаем Вас на встречу Ассоциации спасения и эвакуации пилотов, которая состоится в Париже 7 мая 1995 года, в честь пятидесятой годовщины окончания войны.

Впервые вместе соберутся родственники и друзья отважных проводников, дабы почтить отважную героиню Соловей, известную также как Жюльет Жервэ. Встреча состоится в большом зале отеля «Иль де Франс» в Париже, в 19:00.

Зазвонил телефон. Приглашение, выскользнув из пальцев, упало на стол.

– Алло?

На том конце французская речь. Или мне померещилось?

– Это по поводу продажи? – растерянно переспросила я.

– Нет, нет. Это по поводу нашего приглашения.

Я чуть не выронила трубку.

– Вас очень трудно было разыскать, мадам. Я звоню по поводу завтрашней встречи проводников. Мы собираемся, чтобы поздравить

тех, кто создавал и поддерживал «маршрут спасения». Вы получили приглашение?

– Да, – ответила я, стиснув телефонную трубку.

– Первое письмо, которое мы вам отправляли, вернулось, к сожалению. Простите, что приглашение пришло так поздно. Но... вы приедете?

– Думаю, люди хотят видеть не меня, а Жюльет. А ее уже давно нет на свете.

– О, как вы ошибаетесь, мадам. Встреча с вами очень много значит для нас.

Я бросила трубку так резко, словно таракана раздавила.

Но мысль о возвращении – возвращении *домой* – уже проникла в сознание. Я больше ни о чем другом не могла думать.

Долгие годы я отгоняла от себя воспоминания. Спрятала их на пыльном чердаке, подальше от любопытных глаз. Я убедила мужа, детей, саму себя, что во Франции для меня ничего не осталось. Думала, что в Америке смогу начать новую жизнь и навеки забыть о том, на что вынуждена была пойти, чтобы выжить.

Но оказалось, не могу.

Сознательно ли я приняла решение? Разумное давай-все-обдумаем-и-решим-как-лучше-поступить решение?

Нет, конечно. Я просто позвонила своему агенту и заказала билет на рейс до Парижа, через Нью-Йорк. Потом собрала чемодан. Маленький, на колесиках, из тех, что берут с собой деловые дамы в двухдневную командировку. Чулки, брюки, несколько джемперов, жемчужные серьги, которые муж подарил на сороковую годовщину, еще какие-то штучки. Понятия не имея, что пригодится, да это и не важно. А потом приялась ждать. С нетерпением.

В последний момент, уже вызвав такси, позвонила сыну и оставила сообщение на автоответчике. Повезло. Не уверена, что у меня хватило бы храбрости сообщить ему правду, окажись он дома.

– Привет, Жюльен, – радостно начала я. – Я лечу в Париж на выходные. Рейс в час десять, я позвоню, когда доберусь до места, чтобы ты не волновался. Большой привет девочкам. – И замолчала, представляя, что он почувствует, получив это сообщение, как огорчится. Все потому, что все эти годы я позволяла ему думать о себе как о слабом создании; он видел, что я во всем полагаюсь на мужа,

доверяю ему принятие решений. Он всегда слышал от меня «Как скажешь, дорогой», миллион раз. Видел, как я стою в роли болельщицы на трибунах его жизни, вместо того чтобы показать ему огромное поле своей. Да, это моя ошибка. Неудивительно, что он любит неполную версию меня. – Я должна была рассказать тебе правду.

Положила трубку. Подъехало такси. Я вышла.

Двадцать семь

Октябрь 1942-го

Франция

Телега медленно катила по лесной дороге. Гаэтон правил, Вианна сидела рядом с ним, а гроб лежал сзади, и когда телегу особенно сильно трясло, слышно было, как он стучается о деревянные борта. Дороги в темноте было не различить, так что им приходилось постоянно останавливаться и разворачиваться или ехать задом. Моросил дождь. За последние полтора часа они перебросились лишь парой слов, решая, куда ехать.

– Вон там, – заметила наконец Вианна. Впереди показался свет, и деревья на краю леса казались чернильно-черными полосами на слепяще-белом фоне. Граница.

– Уф, – выдохнул Гаэтон, натянув поводья.

Вианна никак не могла избавиться от страшных воспоминаний о том, что произошло в прошлый раз, когда она была здесь.

– И как ты собираешься перебраться на ту сторону? В комендантский час? – спросила она, сжимая руки, чтобы унять дрожь.

– Как Лоуренс Оливье. Сломленный горем трагический герой, везущий тело погибшей сестры домой для погребения.

– А если они решат проверить, дышит ли она?

– Значит, кто-то нашей встречи не переживет, – тихо ответил он.

Вианна догадалась, о чем он. И с удивлением поняла, что не знает, как ответить. Парень готов пожертвовать жизнью, чтобы защитить Изабель. Он повернулся и уставился на нее. Не просто взглянул, а именно *уставился*, впился в нее взглядом. И вновь в серых глазах хищная настороженность, но вместе с тем нечто гораздо большее. Он ждал – терпеливо ждал – ее ответа. Почему-то для него этот ответ был важен.

– Отец изменился, когда вернулся с войны, – тихо произнесла она, сама удивляясь своей откровенности. Она никогда не говорила об этом вслух. – Стал злым. Жестким. Начал много пить. Пока мама была жива, он был совсем другим... – Она передернула плечами. – После ее смерти он даже притворяться перестал. Отослал нас обеих, меня и Изабель, к чужому человеку. Мы были еще совсем детьми, и обе

страшно горевали. Я смирилась с его безразличием. Забыла о нем, вычеркнула из жизни, встретила того, кто полюбил меня. А Изабель... Она не умеет признавать поражения. Она все пыталась как-то до него достучаться, отчаянно старалась добиться его любви.

– Зачем ты мне об этом рассказываешь?

– Изабель кажется такой сильной. На вид ее вроде бы ничем не сломишь. Снаружи – стальная оболочка, но сердце у нее хрупкое. Не делай ей больно. Если не любишь ее...

– Люблю.

Вианна взгляделась в его лицо:

– А она об этом знает?

– Надеюсь, что нет.

Всего год назад она бы не поняла этого ответа. Не поняла бы, какой опасной может быть любовь и почему иногда ее лучше скрывать.

– Сама не пойму, почему так легко забываю, как сильно люблю ее.

Начинаем ссориться, и...

– Сестры...

Вианна вздохнула:

– Наверное. Хотя из меня сестра так себе.

– Ну, все еще впереди.

– Ты правда так считаешь?

Его молчание было красноречивее любых слов. Наконец он заговорил снова:

– Будь осторожна, Вианна. Ей нужно будет вернуться домой, когда все это закончится.

– Если закончится.

Вианна спрыгнула с телеги в мокрую траву и горько вздохнула:

– Не уверена, что она захочет ко мне возвращаться.

– Тебе придется быть храброй, – сказал Гаэтон. – Когда немцы придут искать своего человека. Ты знаешь, как нас всех зовут по-настоящему. Значит, ты теперь тоже в опасности.

– Я буду храброй, – ответила она. – Лучше постарайся убедить мою сестру, что ей можно иногда быть трусихой.

Гаэтон улыбнулся, и Вианна поняла, почему этот щуплый парень с заострившимися чертами, одетый в лохмотья, вскружил голову Изабель. Улыбка полностью преображала его – глаза, щеки; у него даже ямочка на подбородке появлялась. Эта улыбка, казалось,

говорила: у меня нет никаких секретов, душа нараспашку. Ни одна женщина не устоит перед такой искренностью.

– Да, – усмехнулся он. – Ведь твою сестру так легко убедить.

Огонь.

Он повсюду, со всех сторон, скачущие, танцующие языки пламени. Костер. Волны дрожащего красного света. Пламя касается лица, обжигает.

Оно везде, со всех сторон, и... исчезает.

Мир обращается в лед, белый, прозрачный. Тело трясет от холода, пальцы стремительно синеют, замерзают, отваливаются. Ледяным крошевом осыпаются вниз.

– Изабель?

Птица поет. Соловей. Какая печальная трель. Соловьи – это к потере, да? Любовь уходит, такая скоротечная, исчезающая, а была ли она вообще? Про это есть стихи.

Нет, не птицы.

Мужчина. Огненный король. Принц, поджидающий в замерзшем лесу. Волк.

Она оглядывается в поисках следов на снегу.

– Изабель? Просыпайся.

Она слышала его голос во сне. Гаэтон.

На самом деле его рядом не было. Она была одна – как всегда, – и ей снился сон. Ей было холодно, и горячо, и больно, а сил совсем не было.

Она вспомнила мелодичные звуки. Голос Вианны.

Не возвращайся.

– Я здесь.

Она почувствовала, как он сел рядом.

На лоб легло что-то влажное и прохладное, и это было так приятно, что на секунду она забыла обо всем. А потом почувствовала, как он касается ее губ своими, приникает. Он что-то говорил, но слов не разобрать. И вдруг отодвинулся. Поцелуй прервался до боли внезапно, как и возник.

Он был таким... настоящим.

Она хотела сказать: «Не уходи, не бросай меня», но не смогла. Еще раз – нет, ни за что. Она устала умолять о любви.

Кроме того, его же здесь все равно нет, так какой смысл говорить?

Изабель закрыла глаза, чтобы не видеть мужчину, которого не было.

Вианна сидела на кровати Бека.

Забавно, как легко она начала так думать, но тем не менее. Она сидела в его комнате и надеялась, что та не останется *его* комнатой навсегда. В руках у нее была маленькая фотография – портрет его семьи.

Вам понравится Хильда. Смотрите, она прислала вам штрудель, мадам. За то, что терпите такую деревенщину, как я.

Вианна сглотнула. По нему она больше не плакала. Сопротивлялась, но, Господи, как же ей хотелось плакать – о себе, о том, что сделала, в кого превратилась. Она хотела бы оплакать человека, которого убила, и сестру, которая, возможно, не выживет. Когда дошло до дела, когда она поняла, что ради спасения Изабель придется убить Бека, она не колебалась. Но почему она с такой легкостью предала Изабель прежде? *Тебе здесь не рады.* Как она могла сказать такое собственной сестре? Что, если это последние слова, которые Изабель слышала от нее?

Вианна сидела, смотрела на фотографию (*сообщите семье*) и ждала стука в дверь. С исчезновения Бека прошло почти два дня. Немцы могут появиться в любую минуту.

А придут они обязательно, в этом она не сомневалась. Скоро в дверь начнут грохотать кулаки. А может, даже стучать не будут, просто ворвутся внутрь. Последние два дня она почти постоянно думала о том, что будет делать. Пойти к коменданту и заявить, что Бек пропал?

Нет, глупости, ни один француз так не поступит.

Или ждать, пока за ней придут?

Не самый приятный вариант.

Или попытаться бежать?

Но эта мысль только напомнила ей о Саре и о ночи, из-за которой лунный свет теперь навеки связан для нее с брызгами крови на детском лице. Замкнутый круг.

– Мама? – Софи и малыш стояли в дверях. – Тебе надо поесть.

Софи выросла. Ростом уже почти с Вианну. Когда только успела? И как же она исхудала! Вианна помнила, что у дочери когда-то были круглые румяные щеки и озорные глаза. А теперь она была, как и все они, изможденной и с погасшим взглядом.

– Скоро придут, – сказала Вианна. Она так часто повторяла это в последние два дня, что дочь перестала удивляться. – Ты помнишь, что делать?

Софи мрачно кивнула. Она понимала, как это важно, хотя и не знала, что случилось с капитаном. Она даже не спрашивала, что с ним произошло и куда он делся.

Вианна продолжила:

– Если меня заберут...

– Не заберут, – возразила Софи.

– А если все-таки заберут?

– Мы ждем твоего возвращения три дня, а потом идем к матери Мари-Терезе в монастырь.

В дверь начали колотить. Вианна вскочила так резко, что покачнулась и ударилась бедром об угол стола, уронив фотографию. Стекло, закрывавшее снимок, треснуло.

– Иди наверх, Софи. Немедленно.

Глаза у Софи округлились, но она понимала, что сейчас не время для споров. Быстро подхватила мальчика на руки и побежала наверх. Услышав, как наверху хлопнула дверь спальни, Вианна одернула юбку. Она тщательно подбирала одежду: серый шерстяной кардиган и поношенная черная юбка. Почтенная дама. Волосы завиты и уложены в прическу, делающую ее старше.

Стук повторился. Она позволила себе один глубокий, успокаивающий вдох по дороге к двери. Отворяя, она дышала спокойно и ровно.

На пороге стояли два солдата СС. Тот, что повыше, оттолкнул Вианну и зашел в дом. Он бродил из комнаты в комнату, отшвыривал попадавшиеся на пути предметы, сбрасывал на пол прямо под ноги уцелевшие безделушки. В комнате Бека он остановился и обернулся к ней:

– Это комната гауптмана Бека?

Вианна кивнула.

Второй солдат стремительно подошел вплотную, наклонился к самому лицу. И, глядя из-под сверкающей железной каски, рывкнул:

– Где он?

– От-ткуда мне знать?

– Кто наверху? Шаги.

Это был первый раз, когда ее спросили об Ари.

– Мои... дети. – Ложь чуть не застряла у нее в горле, ответ прозвучал глухо и неубедительно. Пришлось откашляться и повторить. – Можете подняться, если хотите, но, пожалуйста, не будите малыша. Он... заболел. Грипп. Или, может, туберкулез.

Она добавила про туберкулез, зная, как нацисты боятся заразы.

Длинный кивнул своему товарищу, тот двинулся вверх. Она слышала, как он расхаживает над головой, как скрипят половицы под его ногами. Вскоре он спустился и сказал что-то по-немецки.

– Вы пойдете с нами, – распорядился длинный. – Наверняка вам нечего скрывать.

Он схватил Вианну за руку и потащил к черному «ситроену», припаркованному у ворот. Ее втокнули на заднее сиденье, дверь захлопнули.

У Вианны было примерно пять минут, чтобы оценить ситуацию, успокоиться и подготовиться. Машина остановилась. Вианну вытащили наружу и повели к каменным ступеням ратуши. На площади было полно людей – и местные, и солдаты. Местные жители торопливо разбежались от подъезжающего «ситроена».

– Это же Вианна Мориак, – услышала она смутно знакомый женский голос.

Немец держал ее за плечо крепко, до боли, но Вианна не издала ни звука, пока ее вели в ратушу и дальше, вниз по узкой лестнице. Здесь ее втокнули в открытую дверь, которая тут же с грохотом захлопнулась у нее за спиной.

Глаза не сразу привыкли к полумраку. Она оказалась в маленьком помещении без окон, с каменными стенами и деревянным полом. В центре стоял стол с черной настольной лампой, освещавшей поцарапанную столешницу. За столом – и перед ним – деревянные стулья.

Она услышала, как дверь за спиной открылась и снова закрылась. Тихие шаги. Кто-то подошел к ней сзади. Она чувствовала его

дыхание – колбаса и сигареты – и мускусный запах пота.

– Мадам, – голос прозвучал прямо над ухом, и она невольно вздрогнула. – При вас есть оружие? – Его французский звучал как злобное змеиное шипение.

Он ошупал ее бока, провел ладонью по груди – едва заметно сжав, – а потом перешел к ногам.

– Никакого оружия. Хорошо. – Обогнув ее, он сел за стол. Из-под козырька черной форменной фуражки смотрели пронзительные голубые глаза. – Сядьте.

Она села, сложив руки на коленях.

– Я штурмбанфюрер фон Рихтер. А вы – мадам Вианна Мориак?

Она кивнула.

– Вы знаете, почему вы здесь? – спросил он, вынимая из кармана сигарету и закуривая.

– Нет, – ответила Вианна дрожащим голосом. Руки слегка тряслись.

– Гауптман Бек пропал.

– Пропал? Вы уверены?

– Когда вы видели его в последний раз, мадам?

Она нахмурилась:

– Я не слежу за ним, но если на то пошло... я бы сказала, две ночи назад. Он был очень взволнован.

– Взволнован?

– Из-за сбитого летчика. Он был очень недоволен, что летчика не нашли. Герр капитан считал, что кто-то его укрывает.

– Кто-то?

Вианна заставила себя не отводить взгляд. Ей даже удалось сдержаться и не начать нервно постукивать ногой, не попытаться почесать шею.

– Он весь день искал летчика. Когда он вернулся домой, он был... взволнован, по-другому не скажешь. Выпил целую бутылку вина и в ярости сломал несколько предметов мебели. А потом... – Она сделала паузу и нахмурилась еще сильнее.

– Потом?

– Я уверена, это не имеет значения.

Он резко ударил ладонью по столу. Лампа закачалась.

– Что случилось потом?

– Неожиданно герр капитан сказал: «Я знаю, где он прячется», схватил оружие и ушел из дома, хлопнув дверью. Я видела, как он запрыгнул на мотоцикл и уехал куда-то, очень быстро... и все. Он так и не вернулся. Я решила, что он занят в комендатуре. Как я и сказала, его передвижения меня не касаются.

Немец глубоко затянулся. Кончик сигареты разгорелся, потом медленно потемнел. Пепел просыпался на стол. Он внимательно изучал ее из-за завесы дыма.

– Какой мужчина захочет покинуть такую красивую женщину?

Вианна не шевельнулась.

Он уронил окурок на пол, затоптал его каблуком.

– Подозреваю, что молодой гауптман не так хорошо владел оружием, как следовало. Вермахт, – сказал он, покачав головой, – они часто... разочаровывают. Дисциплинированные, но лишены... рвения.

Он встал из-за стола и подошел к Вианне. Когда он оказался совсем близко, она поднялась, стараясь быть вежливой.

– Несчастье гауптмана для меня обернулось удачей. – Липкий взгляд скользнул по ее шее и вниз, к груди. – Мне нужно место для жилья. Отель «Бельвю» меня не устраивает. А вот ваш дом, я думаю, подойдет.

Выходя из ратуши, Вианна чувствовала себя жертвой кораблекрушения, сумевшей спастись. Ноги дрожали, ладони взмокли, лоб отчаянно чесался. Куда ни посмотри, кругом были солдаты; большинство – в черной форме СС. Она услышала окрик *Halt!* и, обернувшись, увидела двух женщин в поношенных плащах с желтыми звездами на груди, которых солдат пинком поставил на колени. Потом он схватил одну из них и поднял на ноги. Женщина постарше зарыдала. Это была мадам Фурнье, жена мясника. Ее сын Жиль закричал: «Не забирайте мою маму!» и бросился к французским полицейским, стоявшим неподалеку.

Жандарм удержал мальчика, схватив за плечо:

– Не дури.

Вианна не раздумывала. Она видела, что один из ее учеников попал в беду, и поспешила на помощь. Бога ради, он всего лишь ребенок, не старше Софи. Вианна учила его еще малышом, когда тот даже читать не умел.

– Что вы делаете? – требовательно спросила она, не успев даже сообразить, что следовало понизить голос.

Полицейский обернулся к ней. Поль. Еще толще, чем в прошлый раз, когда они встречались. Лицо так раздулось, что глаза, утопающие в необъятных щеках, казались размером с игольное ушко.

– Не лезьте, мадам.

– Мадам Мориак! – вцепился в нее Жиль. – Они уводят маму в поезд! Я хочу с ней!

Вианна посмотрела на мадам Фурнье, в глазах которой застыло бессилие, и сказала:

– Пойдем со мной, Жиль.

– Спасибо, – прошептала мадам Фурнье.

Поль опять схватил Жилия:

– Довольно. Мальчишка идет с нами.

– Нет! – воскликнула Вианна. – Поль, пожалуйста, мы же французы. – Она надеялась, что, если назвать его по имени, он, может быть, вспомнит, что они все-таки соседи, земляки, часть одного целого. Как она учила своих детей. – И мальчик ведь французский гражданин. Он родился здесь!

– Плевать, где он родился. Он в списке, мадам. Он идет с нами. – И прищурился: – Хотите пожаловаться?

Мадам Фурнье рыдала уже в голос. Другой полицейский дунул в свисток и подтолкнул Жилия стволом автомата.

Жиль с матерью влились в толпу, которую гнали к поезду.

Нам все равно, где он родился, мадам.

Бек был прав. То, что он француз, Ари не защитит.

Вианна поспешила домой. Дорога снова раскисла, и у ворот Ле Жарден она уже с трудом поднимала ноги.

Дети ждали ее в гостиной. Вианна устало улыбнулась.

– Ты как, мама? – спросила Софи.

Ари бросился к Вианне:

– Мама! Мама!

Лукавая улыбка свидетельствовала, что малыш усвоил правила новой игры.

Вианна подхватила мальчика и крепко прижала к себе.

– Меня допросили и отпустили. Это хорошая новость.

– А плохая?

Вианна печально посмотрела на дочь. Софи росла в мире, где ее одноклассников загоняли в поезд, как скот, под дулом автомата и увозили туда, откуда обычно не возвращались.

– У нас поселится другой немец.

– Как герр капитан Бек?

Вианна вспомнила хищный блеск в ледяных глазах фон Рихтера и то, как он ее «обыскивал».

– Нет, – ответила она как можно мягче. – Не думаю. Не говори с ним без необходимости. Даже не смотри на него. И, Софи, они депортируют всех евреев, даже родившихся во Франции, даже детей сажают в поезда и увозят в рабочие лагеря. – Вианна еще крепче обняла сына Рашель. – Так что его теперь зовут Даниэль. Он твой двоюродный брат. *Всегда*, даже когда мы наедине. Сын наших родственников из Ниццы, мы его усыновили. Нам нельзя ошибаться, а то они заберут его – и нас. Ты поняла? Не хочу, чтобы кто-нибудь даже *смотрел* на его документы.

– Мне страшно, мама, – прошептала девочка.

– Мне тоже, Софи.

Теперь рисковали они обе. Продолжить она не успела, потому что раздался стук в дверь и тут же вошел штурмбанфюрер фон Рихтер – прямой, с неподвижным лицом под сверкающим козырьком фуражки. Серебряные железные кресты украшали его черную форму – воротник, грудь. Слева на груди была приколот булавка со свастикой.

– Мадам Мориак, – начал он, – вижу, вы шли пешком домой под дождем.

– Ничего страшного, – ответила она, убирая мокрые, растрепанные волосы с лица.

– Надо было попросить моих людей вас довести. Такой красивой женщине не следует продирается через грязь, как корове, идущей к кормушке.

– Спасибо, мсье, в следующий раз обязательно наберусь смелости их попросить.

Он прошел в комнату, не снимая фуражки. Огляделся, изучая обстановку. Наверняка заметил светлые пятна на стенах, где раньше висели картины, пустую каминную полку и вытертые полы, еще недавно покрытые коврами. Ничего не осталось.

– Да, вполне пойдет. – Он посмотрел на детей: – А это кто тут у нас?

– Мой сын. – Вианна побоялась назвать его Даниэлем, опасаясь, что мальчик ее поправит. – И моя дочь, Софи.

– Я не помню, чтоб гауптман Бек говорил про двух детей.

– С чего бы, герр штурмбанфюрер. Не стоит упоминания...

– Ну, – коротко кивнул он Софи, – девочка, принеси мои сумки. – И повернулся к Вианне: – Покажите мне комнаты, я выберу, в которой жить.

Двадцать восемь

Изабель проснулась в темноте. От боли.

– Не спишь? – спросил кто-то рядом.

Она узнала голос Гаэтона. Сколько раз за последние два года она мечтала о том, чтобы оказаться с ним в постели?

– Гаэтон?

И тут же нахлынули воспоминания.

Сарай. Бек.

Изабель села так резко, что голова закружилась.

– Вианна? – спросила она.

– Твоя сестра в порядке.

Он зажег керосиновую лампу и поставил ее рядом с кроватью на перевернутую корзину из-под яблок. Они оказались в круге желтовато-карамельного света, в уютном маленьком мире посреди темноты. Она прикоснулась к больному месту на плече и поморщилась.

– Этот подонок в меня выстрелил, – сказала она, удивляясь, как можно было позабыть о таком. Вспомнила, как прятала сбитого летчика, как ее поймала Вианна... Летчика – теперь уже мертвого...

– А ты в ответ застрелила его.

Да, действительно. Бек нашел ее, наставил на нее пистолет. Два выстрела... Она выбиралась наружу, спотыкаясь, голова кружилась. Поняла ли она, что в нее стреляли?

Вианна с окровавленной лопатой. Рядом с ней, в луже крови, Бек.

Вианна белая как мел и дрожит. *Я убила его.*

Дальше все расплывается, ярко помнится только злость Вианны. *Тебе здесь не рады... Если вернешься, я сама на тебя донесу.*

Изабель медленно легла. Больней, чем рана. В кои-то веки Вианна была права. О чем она думала, когда решила спрятать летчика в доме сестры, где квартирует капитан вермахта?

– Сколько я тут пробыла?

– Четыре дня. Рана заживает. Твоя сестра хорошо тебя заштопала.

Лихорадка вчера утихла.

– А... Вианна? Как она? На самом деле?

– Мы подстраховали ее как смогли. Она отказалась прятаться. Так что Анри и Дидье закопали оба тела, подчистили в сарае и разобрали

мотоцикл.

– Ее будут допрашивать, – сказала Изабель. – А убийство будет мучить ее всю жизнь. Она не умеет ненавидеть.

– До конца войны научится.

Изабель почувствовала, как внутри у нее все сжимается от стыда.

– Я люблю ее. По крайней мере, очень стараюсь. Как так получается, что я об этом забываю, едва мы начинаем спорить?

– Она сказала примерно то же самое на границе.

Изабель попыталась повернуться и задохнулась от боли в плече. Глубоко вдохнув, собралась и все-таки перевернулась на бок – медленно. Оказывается, кровать меньше, чем ей показалось, и он совсем близко. Они лежали как любовники – она у него на плече, глядя на него сверху вниз, а он на спине, глядя в потолок.

– Вианна была на границе?

– Да, а ты лежала в гробу, в телеге. Она хотела удостовериться, что мы перебрались на ту сторону без проблем. – По голосу было слышно, что он улыбается. По крайней мере, так ей показалось. – Обещала убить меня, если я о тебе не позабочусь.

– *Моя сестра обещала тебя убить?* – Она не могла в это поверить. Но еще труднее поверить, что Гаэтон будет врать, чтобы помирить сестер. Даже в мягком свете лампы профиль у него был острый, четкий. Он не смотрел на нее и лежал так близко к краю кровати, что едва не падал.

– Она боялась, что ты не выживешь. Мы оба боялись.

Он говорил очень тихо, она с трудом его расслышала.

– Как в старые времена, – осторожно начала Изабель, боясь произнести неудачное слово, но еще больше – промолчать. Кто знает, будет ли у них другой шанс поговорить. – Ты и я, одни, в темноте. Помнишь?

– Помню.

– Тур, кажется, был целую жизнь назад. Я была совсем девчонкой. Он молчал.

– Посмотри на меня, Гаэтон.

– Засыпай, Изабель.

– Ты меня знаешь, не отстану, пока не сведу тебя с ума.

Он вздохнул и повернулся к ней лицом.

– Я думаю о тебе, – сказала она.

- Не надо. – Его голос звучал глухо.
- Ты поцеловал меня. Это был не сон.
- Ты не можешь этого помнить.

Изабель почувствовала в его словах что-то странное, и ее дыхание на секунду замерло.

– Ты хочешь меня так же сильно, как я тебя, – сказала она наконец.

Он покачал головой, но она слышала только его молчание и как дыхание его участилось.

– Ты думаешь, я слишком молода и невинна, слишком порывиста. Слишком... слишком. Я понимаю. Про меня всегда так говорили. Я слишком инфантильная.

– Дело не в этом.

– Но ты ошибаешься. Два года назад ты был прав. Я *сказала*, что люблю тебя, и звучало это, наверное, безумно. – Она вздохнула. – Но это правда, Гаэтон. Может быть, единственное, в чем я уверена. И единственная разумная вещь в этом кошмаре. Любовь. У нас на глазах рушатся города, наших друзей арестовывают и депортируют, и неизвестно, увидим ли мы их когда-нибудь. Я могу погибнуть, Гаэтон, – спокойно произнесла она. – И говорю об этом не как школьница, которой только бы парня заполучить. Это правда, и ты это знаешь. Мы оба можем погибнуть в любой момент. И знаешь, о чем я буду жалеть?

– О чем?

– О нас.

– Не получится никаких «нас», Из. Не сейчас. Я тебе толкую об этом с самого начала.

– Если я пообещаю больше об этом не заговаривать, ответишь на один вопрос, но честно?

– Всего один?

– Один. А потом засну. Обещаю.

Он кивнул.

– Если бы мы были не здесь, если бы не приходилось прятаться, а мир не разваливался на части, если бы сегодня был обычный день обычной жизни, ты бы хотел, чтобы были... мы? Гаэтон?

Изабель видела, как боль исказила его лицо, и эта боль была любовью.

– Это неважно, разве ты не понимаешь?

– Только это и важно, Гаэтон.

Она стала мудрей, чем прежде. Теперь она поняла, какой хрупкой может быть любовь и сама жизнь. Никто не скажет, она будет любить его только сегодня, или только на этой неделе, или же до глубокой старости. Может, он станет любовью всей ее жизни... или только на время войны... может, он всего лишь ее первая любовь. Она точно знала одно: посреди всех творящихся вокруг ужасов она нашла нечто неожиданное и прекрасное.

Нашла – и не собиралась терять.

Она чувствовала его дыхание на своих губах, ближе любого поцелуя. Склонилась над ним, не сводя с него прямого, ясного взгляда, и потушила лампу.

В темноте она зарылась в одеяло и прижалась к нему. Поначалу он лежал неподвижно, напряженно, как будто боялся к ней прикоснуться, но постепенно расслабился, перевернулся на спину и начал похрапывать. Позже – хотя сказать, сколько прошло времени, она не смогла бы, – она закрыла глаза и обняла его, чувствуя, как медленно вздымается и опадает его грудь. Как положить руку на поверхность океана летней ночью, в прилив.

Крепко прижавшись к нему, Изабель заснула.

Кошмары не отпускали. Где-то на краю сознания звучали ее собственные всхлипы, она слышала голос Софи *мама, ты утянула все одеяла*, но не просыпалась. Во сне она сидела на стуле, ее допрашивали. *Мальчик, Даниэль, он еврей. Отдай его мне*, требовал фон Рихтер, тыча пистолетом ей в лицо... а потом его лицо расплылось, расплавилось и он превратился в Бека, укоризненно качающего головой, с фотографией жены в руках, и половины лица у него не было... А потом Изабель лежит на полу, истекая кровью, и умоляет: *прости меня, Вианна*, а Вианна в ответ кричит: *тебе здесь не рады...*

Она проснулась, тяжело дыша. Кошмары мучили ее уже шесть дней; всякий раз она просыпалась обессиленной. На дворе ноябрь, а от Изабель так и нет никаких вестей. Вианна выбралась из-под одеяла. Пол был холодным, но все же пока не по-зимнему. Вианна потянулась

за шалью, которую оставила в ногах кровати, завернулась в нее поверх платья.

Фон Рихтер занял верхнюю спальню. Вианна отдала ему весь этаж, переехав вместе с детьми вниз, и спали они теперь все вместе на двуспальной кровати в комнате Бека.

Неудивительно, что он ей снился. Здесь, казалось, до сих пор витал его запах. Запах, напоминающий, что человека, которого она знала, больше нет среди живых, что она убила его. Вианна хотела покаяться, но разве тут поможет покаяние? Она убила человека – достойного человека, несмотря ни на что. Он был врагом, но это не имело значения, так же как не имело значения, что она просто пыталась спасти сестру. Она знала, что поступила правильно. Ее мучили не сомнения, а сам факт. *Убийство*. Она убила человека.

Выйдя из спальни, она заперла дверь, стараясь не шуметь.

Фон Рихтер сидел на диване, читал книгу и пил настоящий кофе. От аромата у нее зашумело в голове. Кофе хотелось так, что почти мутило. Немец прожил здесь уже несколько дней, и каждое утро начиналось с аромата густого, хорошо прожаренного кофе, а фон Рихтер следил, чтобы она почувствовала запах, чтобы ей захотелось кофе. Естественно, ей не доставалось ни глотка, за этим он следил. Вчера утром вылил в раковину почти целый кофейник, улыбаясь и глядя ей в глаза.

С первой встречи она поняла, что фон Рихтер из тех людей, кто, получив даже крошечную толику власти, цепляется за нее двумя руками. Это стало ясно в первые часы его появления в доме – когда он выбрал лучшие комнаты и собрал себе самые теплые одеяла и все свечи, оставив Вианне всего одну керосиновую лампу.

– Герр штурмбанфюрер, – поздоровалась она, поправляя бесформенное платье и шаль на плечах.

Не отрывая взгляда от занимавшей все его внимание немецкой газеты, он бросил:

– Еще кофе.

Она взяла у него пустую чашку и ушла в кухню, вскоре вернувшись с новой порцией.

– Союзники зря тратят время в Северной Африке, – сказал он, принимая чашку у нее из рук и ставя на стол перед собой.

– Да, герр штурмбанфюрер.

Внезапно рука его метнулась змеей и обвилась вокруг ее запястья. Она чуть не вскрикнула – хватка оказалась железной. Наверное, останется синяк.

– Сегодня к ужину у меня будут гости. Вы приготовите ужин. И держите мальчишку подальше, он визжит, как свинья на бойне.

И отпустил руку.

– Да, герр штурмбанфюрер.

Она поспешила вернуться в спальню и заперла за собой дверь. Пора было будить Даниэля.

– Мама, – промычал он, не вынимая изо рта пальца. – Софи так громко сопит.

Вианна улыбнулась и взъерошила дочке волосы. Вокруг бушевала война, они голодали и жили в постоянном страхе, но девочка все равно спала крепко и спокойно.

– Ты храпишь как буйвол, Софи, – поддразнила ее Вианна.

– Очень смешно, – пробурчала Софи. Она покосилась на закрытую дверь: – А герр колорадский жук тут?

– Софи! – ужаснулась Вианна, испуганно оглянувшись.

– Он нас не слышит, – успокоила Софи.

– И все равно, – вполголоса ответила Вианна. – Не понимаю, с чего бы тебе сравнивать нашего гостя с насекомым.

Даниэль обнял Вианну и влажно чмокнул в щеку. Нежно прижимая к себе малыша, Вианна услышала, как на улице заурчал двигатель автомобиля.

Слава богу.

– Он уехал, – шепнула она мальчику, потеревшись носом о нежную щечку. – Пойдем, Софи.

С Даниэлем на руках она вышла в гостиную, где все еще пахло кофе и мужским одеколоном. Начинался новый день.

Сколько Изабель себя помнила, ее всегда называли импульсивной. А позже еще и буйной, а в последнее время – неосторожной. За этот год она повзрослела настолько, что начала понимать: отчасти они были правы. С самого детства она сначала делала, а потом думала. Наверное, это из-за одиночества. У нее не было лучшего друга, не было никого, кто мог бы ее выслушать и образумить. Не с кем было обсуждать и планировать.

Кроме того, ей всегда было тяжело контролировать свои порывы. Может быть, просто ей нечего было терять.

Теперь она знала, что значит бояться и хотеть чего-то – или кого-то – так сильно, что сердце болит.

Прежняя Изабель призналась бы Гаэтону в любви, решительно бросив карты на стол.

Новая Изабель не хотела даже пытаться. Не уверена была, что хватит сил пережить еще один отказ.

И все же.

Они на войне. Время вдруг стало роскошью, которой они не могли себе позволить. Завтрашний день казался таким же далеким и нереальным, как поцелуй в темноте.

Изабель стояла в крошечном чулане, служившем им ванной комнатой. Гаэтон принес несколько ведер горячей воды, чтобы она могла помыться, и она нежилась в медной лохани, пока вода не остыла. Зеркало на стене треснуло и висело кривовато, так что отражение распадалось на части, половина лица оказалась ниже другой.

– Как тебе не стыдно бояться, – сказала она отражению.

Она переходила заснеженные Пиренеи и переплывала ледяные воды Бидасоа под лучами прожектора. Однажды попросила агента гестапо перенести через границу полный чемодан фальшивых документов, потому что «он такой тяжелый, а я так устала в дороге», но никогда раньше она не нервничала так сильно, как сейчас. Изабель вдруг поняла, что женщина может полностью перевернуть свою жизнь одним-единственным поступком.

Глубоко вдохнув, она завернулась в драное полотенце и направилась в комнату. Помедлив у двери ровно столько, чтобы унялось бешеное биение сердца (не помогло ничуть), повернула ручку.

Гаэтон стоял у затемненного окна в своей рваной, запятнанной кровью одежде. Она нервно улыбнулась и потянулась к краю полотенца, завязанного на груди.

Он замер – кажется, даже дышать перестал, а ее дыхание, наоборот, участилось.

– Не делай этого, Из, – прищурился он; раньше она приняла бы это за гнев.

Изабель развернула полотенце и позволила ему упасть на пол. Из одежды на ней осталась повязка на ране.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил он.

– Ты знаешь.

– Ты девушка. Идет война. Я преступник. Тебе мало причин держаться от меня подальше?

Все эти аргументы подошли бы для прежнего мира.

– В другое время я заставила бы тебя за мной погоняться. – Она шагнула к нему. – Заставила бы как следует потрудиться, чтобы меня раздеть. Но у нас нет времени, так ведь?

Стоило признать это, произнести слух, как ее захлестнула волна печали. Так было с самого начала – у них не было времени. На ухаживания, на влюбленность, на то, чтобы пожениться и завести детей. Возможно, у них даже одного дня не было. Ей не хотелось, чтобы ее первый раз был таким, полным печали. Не хотелось думать, что для них все уже кончилось, не успев начаться, но поделаться с этим она ничего не могла.

Изабель наверняка знала одно: она хочет, чтобы этот мужчина стал ее первым любовником. Хочет запомнить его навсегда.

– Монашки вечно твердили, что я плохо кончу. Думаю, они имели в виду тебя.

Он подошел к ней, взял ее лицо в ладони:

– Ты меня пугаешь, Изабель.

– Поцелуй меня.

С первым прикосновением его губ мир будто изменился. Или, может, она сама изменилась. Ее пронзила дрожь, дыхание перехватило. Она терялась в его руках и снова находилась, разбивалась на части и собиралась заново. Слова «Я люблю тебя» горели в ее душе, стремясь вырваться наружу. Но еще больше она хотела *услышать* эти слова, чтобы хотя бы раз ей сказали, что она любима.

– Ты пожалеешь об этом, – сказал он.

О боже, какие глупости.

– Никогда. А ты пожалеешь?

– Уже жалею, – прошептал он. И снова поцеловал ее.

Двадцать девять

Следующую неделю Изабель провела в счастливом забытии. Они допоздна засиживались при свечах – говорили обо всем на свете, держались за руки, а по ночам просыпались от желания, занимались любовью и снова засыпали.

В это утро Изабель проснулась, как обычно, уставшей и с ноющей болью в плече. Рана затягивалась, но теперь постоянно чесалась и немного ныла. Она чувствовала рядом Гаэтона, его теплое и крепкое тело. Он не спал – она поняла это по его дыханию, а может, по царящей вокруг тишине. За последние несколько дней Изабель хорошо его изучила. Что бы он ни делал, она замечала каждую мелочь, постоянно говорила себе: *запомни*.

Изабель прочитала тьму любовных романов и всегда мечтала о любви, но до недавнего времени даже не представляла, что обычный матрас может стать целым миром, их маленьким оазисом. Повернувшись на бок, она потянулась, чтобы зажечь лампу. В полумраке пристроилась теснее к Гаэтону, положила руку ему на грудь. Осторожно тронула кончиком пальца тонкий шрам, прорезавший заросли на его теле.

– Брат бросил в меня камнем, а я не успел увернуться, – объяснил он. И ласково добавил: – Жорж.

Изабель вспомнила, что брат Гаэтона в плену.

Целая жизнь, его жизнь, о которой она почти ничего не знала. Его мать была портнихой, а отец пас свиней... жили они где-то в лесу, в доме без водопровода, с единственной большой комнатой. Он отвечал на ее вопросы, но почти ничего не рассказывал сам. Говорил, что ему больше нравится слушать ее истории о приключениях, из-за которых ее выгнали из стольких школ. *Интересней, чем истории о бедняках, которые просто стараются выжить*, говорил он.

Но за всеми словами и бесконечными рассказами Изабель не оставляло чувство, что их время иссякает. Нельзя здесь надолго оставаться. Они и так задержались. Она достаточно окрепла, чтобы двигаться дальше. Может, и не через Пиренеи, но из постели уже можно бы вылезать.

Но что, если она никогда больше его не увидит? Этого она боялась больше всего на свете.

– Знаешь, я понял, – сказал Гаэтон.

Она не догадалась, о чем он, но расслышала обреченность в его голосе и поняла, что ничего хорошего ее не ждет. Тоска, заполнявшая их маленький мирок, – столь же яркая, как и радость, – нахлынула с новой силой.

– Понял что? – спросила она, не уверенная, что хочет слышать ответ.

– Каждый раз, когда мы целуемся, мы прощаемся.

Она закрыла глаза.

– Там война, Из. Мне нужно возвращаться.

Она это знала и была согласна, хотя сердце сжималось от одной только мысли.

– Я знаю, – только и смогла выдать она. От любых объяснений будет еще больней. – В Уррюнь собирается группа. Я должна быть там к вечеру среды. Если повезет.

– Нам обычно не везет, – усмехнулся он. – Могла бы уже заметить.

– Ошибаешься, Гаэтон. Теперь ты ни за что не сможешь меня забыть. Это уже много.

Он что-то произнес, совсем тихо, почти встретившись с ней губами; может быть, «этого мало». Ей было все равно, она не желала ничего слышать.

В ноябре жители Карриво начинали готовиться к зиме. В этот раз они точно знали то, в чем сомневались еще год назад: жизнь может стать гораздо хуже. Война полыхала по всему миру – в Африке, в Советском Союзе, в Японии и даже на далеком острове со странным названием Гуадалканал. Учитывая, что Германия воевала на стольких фронтах, еды должно стать еще меньше, так же как дров, горючего, электричества и прочих необходимых вещей.

Утро пятницы выдалось особенно холодным и серым. Не лучший день для прогулки, но Вианна решила, что сегодня *тот самый день*. Ей понадобилось немало времени, чтобы набраться смелости выйти из дома с Даниэлем, но она понимала, что рано или поздно придется это сделать. Она постригла его коротко, почти налысо, одела в то, что

малышу явно велико, чтобы на вид казался помладше, – все что угодно, лишь бы его не узнали.

Шагая по улице с двумя детьми, по одному с каждой стороны, она старалась держать осанку. Софи и Даниэль.

Даниэль.

В булочной Вианна встала в очередь и затаив дыхание ждала, что кто-нибудь спросит про мальчика, но женщины рядом с ней были слишком измучены, голодны и подавлены, чтобы обращать внимание на чужого ребенка. Когда подошла наконец очередь Вианны, из-за прилавка на нее посмотрела Иветт. Всего два года назад это была красотка со струящимися медными волосами и угольно-черными глазами, на третий год войны ее было не узнать, так постарела и подурнела.

– Вианна Мориак. Давненько я вас с дочерью не видела. Привет, Софи, как ты выросла. – Она заглянула за прилавок: – А кто этот симпатичный молодой человек?

– Даниэль! – гордо объявил мальчик.

Вианна положила дрожащую руку на детскую голову.

– Мы его усыновили, когда кузина Антуана в Ницце... умерла.

Иветт отодвинула со лба непослушные волосы и внимательно посмотрела на мальчика. У нее самой было трое сыновей, младший немногим старше Даниэля.

Сердце Вианны бешено колотилось.

Иветт отошла от прилавка к маленькой двери, отделявшей булочную от пекарни.

– Герр лейтенант, – позвала она, – вы не могли бы выйти на секунду?

Вианна изо всех сил вцепилась в ручку плетеной корзинки, судорожно перебирая пальцами, словно по клавишам пианино.

Из задней комнаты появился упитанный краснощекий немец с целой охапкой свежеиспеченных багетов. Увидев Вианну, он остановился.

– Мадам, – невнятно поздоровался он с набитым ртом.

У Вианны едва хватило сил кивнуть.

Иветт обратилась к немцу:

– На сегодня хлеб кончился, герр лейтенант. Если испеку еще, поберегу лучшие батоны для вас и ваших людей. Но вот этой бедной

женщине не досталось даже вчерашнего багета.

Глаза немца сочувственно прищурились. Он подошел к Вианне, громко топая по каменному полу, молча уронил в ее корзину обкусанную половину багета и, не говоря ни слова, вышел из булочной, только колокольчик над дверью прозвенел.

Когда они остались одни, Иветт подошла к Вианне так близко, что та едва сдержалась, чтобы не отстраниться.

– Слышала, у тебя поселился ээсовец. А что случилось с красавчиком капитаном?

– Пропал, – спокойно ответила Вианна. – Никто не знает куда.

– Никто? А зачем тебя допрашивали? Все видели, как тебя повели на допрос.

– Я просто домохозяйка, откуда мне знать про такие дела?

Иветт смотрела на Вианну еще секунду, словно оценивая ее.

– Ты хороший друг, Вианна Мориак, – тихо произнесла она.

Вианна коротко кивнула и вывела детей наружу. Поболтать со знакомыми на улице теперь никто не останавливался. Даже просто встречаться взглядом было опасно. Дружеские разговоры исчезли вслед за маслом, кофе и свиной.

Вианна задержалась на выщербленных каменных ступеньках, через щели в которых пробивалась побитая морозом трава. Она была в зимнем пальто, которое сама смастерила из стеганого одеяла: двубортное, длиной по колено, с широкими отворотами и пуговицами от одного из маминых любимых твидовых пиджаков. Сегодня еще можно терпеть, но скоро придется прокладывать газеты между свитером и пальто.

Порыв ледяного ветра ударил в лицо, и Вианна ту же затянула шарф, закрывавший голову. Листья кружили по переулку, танцую вокруг ее тяжелых башмаков. Она крепко взяла Даниэля за руку в рукавике и вышла на улицу. И сразу поняла: что-то не так. Слишком уж много было вокруг военных, куда больше обычного.

Что бы тут ни происходило, явно ничего хорошего, да и вообще от солдат лучше держаться подальше – особенно после побед союзников в Северной Африке.

– Пойдемте, дети. Пора домой.

На углу она хотела повернуть направо, но улица оказалась перегорожена. Все двери закрыты, ставни заперты. Бистро пусты. В

воздухе пахло опасностью.

Следующая улица тоже оказалась перекрыта. Двое немецких караульных тут же наставили на нее винтовки. За их спинами маршировала колонна солдат.

Вокруг грохотали грузовики и автобусы, съезжаясь в одну точку – на площадь. Что-то явно готовилось. Вианна пыталась увести детей подальше, но улочки, одна за другой, оказывались недоступны для пешеходов.

В результате против своей воли она все-таки оказалась на площади. Остановилась, прижала к себе детей.

Безумие. Ад кромешный. Автобусы выстроились в очередь, выплевывая потоки пассажиров – все с желтыми звездами. Женщин и детей выталкивали наружу, немцы образовали по периметру площади живой забор, а жандармы срывали с женщин украшения и тащили людей дальше.

– Ты! – рывкнул один из жандармов старому, очень старому человеку, стоявшему недалеко от Вианны. – Halt!

Седобородый старик замер и, тяжело опираясь на трость, обернулся к полицейскому. Жандарм схватил старика. Тот попытался высвободиться, но полицейский толкнул его с такой силой, что старик влетел в ближайшую стеклянную витрину. Жандарм сорвал с несчастного штаны, обнажив обрезанный пенис. А потом отправил старика на мостовую ударом приклада.

– Мама! – закричала Софи.

Вианна зажал дочери рот рукой.

Слева от нее молодую женщину толкнули на землю, а потом подняли и потащили за волосы через толпу.

– Вианна?

Она резко обернулась и увидела Элен Рюэль. В одной руке кожаный чемодан, другой она держала маленького мальчика. Мальчик постарше стоял рядом. У матери и старшего мальчика на одежде желтые звезды.

– Возьми моих сыновей, – в отчаянии попросила она Вианну.

– Что? – ошарашенно проговорила та, озираясь по сторонам.

– Нет, мама, – сказал старший мальчик, – папа велел мне заботиться о тебе. Я тебя не оставлю. Мы должны быть вместе.

Позади них оглушительно засвистели.

Элен толкнула младшего мальчика к Вианне, так что он налетел на Даниэля.

– Его зовут Жан-Жорж, как дядю. В июне будет четыре года. Родственники мужа в Бургундии...

– Но у меня нет документов для него... меня убьют...

– Ты! – крикнул один из солдат. Он схватил Элен за волосы, она повалилась на старшего сына, тот с трудом удержал мать.

А потом Элен и ее сын исчезли в толпе. А малыш остался рядом с ними, и плакал, и звал маму.

– Надо уходить. *Немедленно.*

Она схватила Жан-Жоржа за руку так крепко, что он зашелся в слезах: *мама!* Умоляя ребенка замолчать, Вианна пробежала по одной улице, по другой, вверх, вниз, обходя баррикады и группы солдат, выбивающих двери домов и вытаскивающих евреев на площадь. Дважды их останавливали – и пропускали, потому что у них на одежде не было желтых звезд. Выйдя на грязную проселочную дорогу, они пошли медленней, но не останавливались, хотя оба мальчика хныкали не переставая.

Перевели дух лишь у ворот Ле Жарден.

Перед домом стоял черный «ситроен» фон Рихтера.

– О нет, – прошептала Софи.

Взглянув на дочь, Вианна увидела в ее глазах отражение своего страха, и тут же поняла, что нужно делать.

– Надо его спасти, иначе мы ничем не лучше их, – сказала она. Вот и все. Она не хотела втягивать в это дело дочь, но что ей оставалось? – Я должна уберечь этого мальчика.

– Как?

– Пока не знаю, – признала Вианна.

– Но фон Рихтер...

Как будто услышав свое имя, он появился в дверях – совершенно неуместный здесь в своей идеально аккуратной форме.

– А, мадам Мориак, – сказал он, пристально глядя на нее. – Вот и вы.

Вианна изо всех сил старалась казаться спокойной.

– Мы ходили в город, по магазинам.

– Не лучший день для покупок. Евреев собирают для депортации. – Он подошел ближе, остановился рядом с яблоней, на

голых ветвях которой трепетали лишь полоски ткани. Красная. Розовая. Желтая. Белая. И новая, для Бека, – черная.

– А это что за молодчик? – спросил фон Рихтер, покровительственно стирая слезы с детской щеки рукой в черной перчатке.

– Сын подруги. Его мать умерла от туберкулеза несколько дней назад.

Фон Рихтер отдернул руку, как будто ему сообщили, что мать ребенка умерла от бубонной чумы.

– Не смейте приводить этого ребенка в дом. Ясно? Немедленно отправьте его в приют.

Приют. Мать Мари-Тереза.

Она кивнула:

– Конечно, герр штурмбанфюрер.

Немец двинулся к воротам, но на полпути обернулся:

– Завтра мы уезжаем, но перед этим я хочу, чтобы вы как следует накормили меня и моих людей.

– Уезжаете? – переспросила она, стараясь не выказать вспыхнувшей надежды.

– Оккупируем остальную Францию. Никакой больше Свободной Зоны. Давно пора, черт возьми. Это ваше самостоятельное французское правительство – это была просто шутка. Не разрешать же вам, французам, самим управлять такой прекрасной страной. Хорошего дня, мадам.

Вианна осталась стоять, держа детей за руки. Даже сквозь плач Жан-Жоржа она расслышала, как хлопнула калитка и заурчал мотор.

Софи спросила:

– Мать Мари-Тереза его спрячет?

– Надеюсь. Отведи Даниэля в дом и запри дверь. Не открывай никому, кроме меня. Я вернусь как только смогу.

– Ты молодец, мама.

– Посмотрим, – оставалось надеяться, что все обойдется.

Когда дети ушли в дом и заперлись, она повернулась к маленькому мальчику:

– Пойдем, Жан-Жорж.

– К маме?

Она не нашла в себе сил посмотреть ему в глаза.

– Пойдем.

Пока Вианна с малышом шли обратно в сторону города, зарядил дождь. Жан-Жорж то хныкал, то плакал, но Вианна так нервничала, что едва его слышала.

Можно ли просить мать-настоятельницу так рисковать?

Но как не просить?

Они прошли мимо церкви к монастырю. Орден Сестер Святого Иосифа был основан в 1650 году шестью женщинами, которые хотели помочь бедным соседям. К началу Французской революции, когда религиозные организации по всей стране запретили, орден насчитывал тысячи членов по всей Франции. Некоторые из сестер стали мученицами – погибли на гильотине.

Вианна подошла к монастырским воротам и стукнула тяжелым дверным молотком.

– Зачем мы сюда пришли? – всхлипнул Жан-Жорж. – Мама здесь?

– Тсс.

Дверь открыла монахиня с круглым добрым лицом, в белом апостольнике и черном платке поверх.

– Вианна, – улыбнулась она.

– Сестра Агата, я бы хотела поговорить с матерью-настоятельницей, если можно.

Монахиня отступила, длинная ряса зашуршала по каменному полу:

– Я ее позову. Подождите в саду, ладно?

Вианна кивнула. Они с Жан-Жоржем прошли через холодный клуатр, в конце свернули налево в сад, просторный, с мраморным фонтаном в центре и каменными скамейками. Вианна выбрала скамейку посуше, села, притянула мальчика к себе.

Ждать пришлось недолго.

– Вианна, – приветствовала мать-настоятельница. Ее ряса касалась подернутой инеем травы, пальцы сжимали тяжелое распятие, висящее на шее. – Рада видеть тебя. Давненько не заходила. А кто этот молодой человек?

Мальчик посмотрел на нее:

– Моя мама здесь?

Вианна встретилась с настоятельницей глазами.

– Его зовут Жан-Жорж Рюэль, матушка. Можно поговорить с вами наедине?

Настоятельница хлопнула в ладоши, и почти сразу же появилась молодая монашенка и увела мальчика. Когда они остались во дворике одни, настоятельница присела рядом с Вианной, а у той все никак не получалось собраться с мыслями. Повисла тишина.

– Жаль твою подругу, Рашель.

– И не только ее.

Матушка кивнула:

– Мы слышали по «Радио Лондон» жуткие истории про эти лагеря.

– Может, его святейшество...

– Пока хранит молчание. – В голосе настоятельницы отчетливо послышалось разочарование.

Вианна решительно вдохнула.

– Элен Рюэль и ее старшего сына депортировали сегодня. Жан-Жорж остался один. Его мать... оставила его мне.

– Тебе? – Мать Мари-Тереза помолчала. – Опасно приводить к себе ребенка-еврея, Вианна.

– Я хочу его спасти, – тихо сказала она.

Настоятельница молчала так долго, что Вианна испугалась, не случилось ли с ней чего.

– И как ты намерена это осуществить? – спросила наконец мать-настоятельница.

– Спрятать его.

– Где?

Вианна молча посмотрела на матушку. Та побледнела.

– Здесь?

– Это же приют. Самое разумное место, чтобы прятать детей, не так ли?

Мать-настоятельница встала, снова села. Опять встала, изо всех сил стиснув в руке распятие, и снова села, на этот раз медленно и задумчиво. На секунду она поникла, но гордо выпрямилась, стоило ей принять решение.

– Ребенку нужны документы. Бумага о крещении – это я... могу достать, но остальные документы...

– Я найду, – поспешно заверила Вианна, хотя и не представляла, как это сделать.

– Тебе ведь известно, что укрывать евреев теперь незаконно. Наказание – депортация, и то если повезет, а в последнее время, кажется, никому во Франции не везет.

Вианна кивнула.

– Я возьму мальчика. И... у нас, наверное, найдется место еще для нескольких детей.

– Еще нескольких?

– Их много, Вианна. Я поговорю с одним своим знакомым из Жиро. Он работает в Организации спасения еврейских детей. Думаю, он знает немало семей – и детей, – которые прячутся от немцев. Я предупрежу его. Он будет тебя ждать.

– М-меня?

– Твоя идея, тебе и командовать. И раз уж мы рискуем жизнью, можно попытаться спасти как можно больше. – Настоятельница решительно встала, обняла Вианну за плечи и повела ее за собой. – Никто здесь не должен знать правды. Детей придется подготовить, достать бумаги, которые пройдут проверку. А тебя надо официально устроить к нам – может быть, учительницей, да, учительницей. Мы даже сможем тебе немного платить, а главное, никто не спросит, почему ты столько времени проводишь с детьми.

– Пожалуй, – неуверенно согласилась Вианна.

– И не бойся так, Вианна. Ты все делаешь правильно.

В этом Вианна не сомневалась, и все равно ей было страшно.

– Вот что они с нами сотворили. Пугаемся собственной тени. – Она посмотрела на матушку: – Как вы думаете, у меня получится? Не представляю, как вообще это делать – приходиться к голодным, напуганным женщинам и предлагать им отдать мне детей?

– Спросишь у них, видели ли они, как их друзей загоняют в поезда и увозят. Спросишь, на что они готовы, чтобы уберечь своих детей от этого поезда. А потом пусть решают сами.

– Ужасно. Не уверена, что сама смогла бы отдать Софи и Даниэля, даже ради их безопасности.

Матушка наклонилась к ней.

– Я слыхала, у тебя остановился один из этих жутких штурмовиков. Ты ведь понимаешь, что и ты сама, и Софи в жуткой

опасности?

– Конечно. – Но нельзя же, чтоб она считала, что в такое время можно сидеть сложа руки?

Мать-настоятельница остановилась и нежно погладила Вианну по щеке:

– Будь осторожна, Вианна. Мне пришлось хоронить твою мать, не хочу хоронить еще и тебя.

Тридцать

Холодным утром в середине ноября Изабель и Гаэтон сели в поезд, идущий из Брантома в Байонну. Вагон был набит мрачными немецкими солдатами, а на платформе в Байонне было и вовсе не протолкнуться.

Изабель держала Гаэтона за руку, пока они продирались через море серо-зеленых шинелей. Обычная влюбленная парочка, направляющаяся в прибрежный городок.

– Мама обожала ходить на пляж. Я тебе рассказывала? – спросила Изабель, когда они проходили мимо двух офицеров СС.

– У вас, богатеев, вообще жизнь интересная.

Изабель улыбнулась.

– Не такие уж мы и богатеи, Гаэтон, – возразила она, когда они выходили из здания вокзала.

– Ну уж бедными вас точно не назовешь, – отозвался он. – Бедность мне знакома. – Помолчал и добавил: – А ведь мог бы и разбогатеть. Когда-нибудь.

Она знала, о чем он думает. Все думали об одном и том же: а сохранится ли в будущем Франция?

Гаэтон замедлил шаг. Вскоре и Изабель заметила то, что привлекло его внимание.

– Не останавливайся, – предупредил он.

Впереди был пропускной пункт. Повсюду – вооруженные немцы.

– Что происходит?

– Нас заметили. – Гаэтон крепче стиснул ее руку, направляясь напрямиком к кучке солдат.

Здоровенный часовой с квадратной челюстью преградил им дорогу и потребовал показать документы и пропуска.

Изабель протянула паспорт на имя Жюльет. Гаэтон показал свои фальшивки, но часового, похоже, больше занимало происходящее у него за спиной. Он едва взглянул на их бумаги.

Изабель изобразила свою самую невинную улыбку:

– А что такое случилось?

– Нет больше Свободной Зоны. – Солдат жестом показал им, чтобы не задерживались.

– Нет Свободной Зоны? Но...

– Мы оккупируем Францию, – грубо перебил ее солдат. – Больше нет нужды притворяться, что убогое правительство Виши что-то решает. Долго еще будете стоять?

Гаэтон потащил ее вперед.

Они шли еще несколько часов. Часто приходилось пропускать немецкие грузовики и автомобили. Только в тихом приморском городке Сен-Жан-де-Люз немцев было поменьше. Они забрались на пустой волнорез, возвышающийся над бурными водами Атлантики. Внизу полоска желтого песка сдерживала натиск океана, вдалеке виднелся ярко-зеленый полуостров, усеянный белыми пятнышками баскских домиков с красными черепичными крышами. Небо над головой было бледным и выцветшим, а облака тянулись по нему тонкими полосками, как бельевые веревки. На улицах пусто, никто не прогуливался ни по пляжу, ни по старинной дамбе. Впервые за несколько часов Изабель смогла немного успокоиться.

– Что он имел в виду – нет больше Свободной Зоны?

– Ничего хорошего, это уж точно. Дело твое будет еще опасней, чем раньше.

– Я уже пробиралась через Оккупированную Зону.

Она крепче вцепилась ему в руку и увела с волнореза. Они спустились по неровным ступеням к дороге.

– Мы здесь отдыхали, когда я была маленькой, – сказала она. – До того, как мама умерла. По крайней мере, так мне рассказывали. Я почти ничего не помню.

Изабель пыталась завязать разговор, но Гаэтон молчал. В тишине Изабель ясно чувствовала, как ее душит тоска, тоска по нему, хотя, казалось бы, – вот он, совсем рядом, держит ее за руку. Почему она так мало расспрашивала его в те дни, что они провели вместе? А теперь времени не осталось, и оба это знали. Дальше шли молча.

В сумерках Гаэтон впервые в жизни увидел затянутые дымкой Пиренеи.

Острые, заснеженные пики поднимались к свинцовому небу, вершушки скрывались в облаках.

– Черт. И сколько раз ты переходила эти горы?

– Двадцать семь.

– Ты – чудо.

– Я такая, – улыбнулась Изабель.

Они шли по темным пустым улицам Уррюнь, мимо запертых магазинов и бистро, в которых сидели одни старики. Из города немощеная дорога вела выше, к подножию гор. Наконец добрались до скрытого в холмах коттеджа, из трубы которого валил дым.

– Ты в порядке? – спросил Гаэтон, заметив, что она замедлила шаг.

– Я буду по тебе скучать, – тихо ответила Изабель. – Ты надолго сможешь остаться?

– Утром надо уходить.

Она боялась выпустить его руку – а вдруг они больше не увидятся. Жутко становилось от одной мысли. Но нужно собраться, сосредоточиться. У нее есть работа. Решительно высвободив руку, Изабель резко постучала в дверь коттеджа – три быстрых удара.

Дверь открыла мадам Бабино – в мужской одежде, с «голуаз» в зубах. Отступила с порога, приглашая их войти:

– Жюльет! Заходи, заходи!

Изабель и Гаэтон прошли в главную комнату, где вокруг стола собралось четверо летчиков. В очаге горел огонь, над ним висел булькающий закопченный котелок. Изабель потянула носом – козлятина, вино, бекон, крепкий бульон, грибы и шалфей. Запах божественный, и она сразу вспомнила, что целый день ничего не ела.

Мадам Бабино представила мужчин – трое англичан, один американец. Британцы провели здесь уже несколько дней, ждали американца, который добрался только вчера. Завтра утром Эдуардо поведет их через горы.

– Приятно познакомиться, – сказал один из них, пожимая руку Изабель с таким энтузиазмом, будто качал воду из колонки. – Вы и вправду красавица, как нам рассказывали.

Парни заговорили все разом. Гаэтон сразу оказался своим в этой компании, как будто общий давний приятель. А Изабель, отведя в сторонку мадам Бабино, отдала ей конверт с деньгами, которые должны были оказаться у нее почти две недели назад.

– Простите за задержку.

– Ничего, у тебя были дела поважней. Как рана?

Изабель пошевелила плечом.

– Лучше. Через неделю буду готова идти в горы.

Мадам протянула ей сигарету. Изабель глубоко затянулась и медленно выдохнула, изучая людей, оказавшихся под ее началом.

– Как они?

– Видишь вот того, высокого и худого, с носом, как у римского императора?

Изабель не смогла сдержать улыбку:

– Вижу.

– Утверждает, что он лорд или герцог, в общем, что-то в этом роде. Сара из По говорит, что от него одни проблемы. Не желает, чтоб женщина ему указывала, что делать.

Изабель запомнила. Такое случалось нередко, пилоты не хотели подчиняться женщинам – а также девчонкам, девицам и девкам, – но с этим она научилась справляться.

Мадам Бабино протянула Изабель смятый, в пятнах, лист бумаги:

– Один из них принес. Сказал, что для тебя.

Изабель торопливо развернула письмо. Она сразу узнала неровный почерк Анри.

Ж.! Твоя подруга вернулась жива-здоровая, но у нее гости. Не появляйся тут. Мы за ней присмотрим.

С Вианной все в порядке, ее отпустили после допроса, но еще один офицер – или офицеры – поселился в ее доме. Изабель смяла письмо и швырнула в огонь. Она не знала, беспокоиться ей или, наоборот, расслабиться. Невольно оглянулась на Гаэтона, который не спускал с нее глаз, разговаривая с одним из летчиков.

– Кстати, я вижу, как ты на него смотришь.

– На лорда-большеноса?

Мадам Бабино коротко хохотнула:

– Я, может, и старая, но не слепая. На этого худого красавчика с голодными глазами. Он тоже от тебя глаз отвести не может.

– Завтра утром он уйдет.

– Вон оно что.

Изабель обернулась к пожилой женщине, ставшей за последние пару лет ее близким другом:

– Боюсь его отпускать. Знаю, звучит глупо, учитывая, какая опасная у меня жизнь.

Глаза хозяйки были полны понимания.

– В другое время я бы посоветовала тебе быть осторожной. Сказала бы, что он слишком молод и занят слишком рискованным делом, а молодые рискованные парни непостоянны. – Она вздохнула. – Но мы нынче слишком осторожны. Если еще и с любовью осторожничать...

– Любовь, – прошептала Изабель.

– Я, впрочем, добавлю, потому что я как-никак мать и ничего с собой поделывать не могу, – разбитое сердце на войне болит так же сильно, как в мирное время. Попрошайся с ним как следует.

Изабель дождалась, пока все стихнет – насколько это возможно в комнате, где на полу храпят четыре человека, выбралась из-под одеяла, проскользнула через комнату и вышла наружу.

Над головой мерцали звезды. Козы, пасущиеся на склоне холма, в лунном свете казались серебристо-белыми.

Она стояла у ограды и смотрела на небо. Ждать пришлось недолго. Гаэтон подошел к ней сзади, обнял. Она прижалась к нему спиной.

– Так спокойно, когда ты меня обнимаешь.

Он не ответил, и она поняла – что-то произошло. Сердце провалилось куда-то вниз. Она медленно повернулась:

– Что случилось?

– Изабель... – начал он.

Не говори мне, ни в коем случае не говори, ничего не говори. В тишине все звуки стали звонче и яснее – блеянье коз, грохот ее сердца, стук камня, катящегося по склону холма где-то вдалеке.

– Та встреча. На которую мы собирались в Карриво, когда ты нашла сбитого летчика...

– Да? – Она все-таки неплохо его изучила за последние дни и по малейшей тени, скользящей по лицу, могла определить настроение. Вот сейчас точно знала: что бы он ни готовился произнести, ее это не обрадует.

– Я ухожу из группы Поля. Буду сражаться... по-другому.

– Как?

– Оружием, – тихо ответил он. – И бомбами. Всем, что сможем достать. Я присоединяюсь к партизанам. Ухожу в лес. Буду заниматься взрывчаткой. – Он улыбнулся: – И похищением компонентов для бомб.

– Тут твой воровской опыт пригодится.

Попытка поддразнить не удалась. Его улыбка погасла.

– Я не могу просто возить бумажки, Из. Хочу делать больше. И наверное, мы долго не увидимся.

Она кивнула, хотя про себя могла думать только об одном. *Как? Как я смогу его отпустить?* И поняла, чего он боялся с самого начала.

Они смотрели в глаза друг другу, и это было ближе, нежнее и сокровеннее любого поцелуя. Может, они никогда больше не увидятся.

– Займись со мной любовью, Гаэтон, – попросила она.

Как в последний раз.

Вианна стояла под дождем у отеля «Бельвю». Окна запотели, но внутри горел свет, и она видела движущиеся за стеклом фигуры в серо-зеленой форме.

Вперед, Вианна, хватит медлить.

Она расправила плечи и открыла дверь. Над головой приглушенно звякнул колокольчик, и все присутствующие обернулись. Вермахт, СС, гестапо. Она чувствовала себя ягненком на заклании.

Стоящий у стойки Анри поднял глаза. Увидев ее, вышел из-за стойки навстречу, подхватил под руку, прошипел: «Улыбайся». Она честно постаралась улыбнуться, но, кажется, не слишком успешно.

Он отпустил ее руку, только когда они оказались у стойки. Он что-то говорил – и даже, кажется, смеялся, занимая свое место за конторкой с кассой и тяжелым черным телефоном.

– С отцом, верно? – громко спросил он. – Комнату на две ночи?

Она кивнула.

– Пойдемте со мной, покажу вам свободные комнаты.

Вианна проследовала за ним в длинный узкий коридор. Они миновали небольшой столик, уставленный блюдами с фруктами (которые могли себе позволить только немцы), и пустой ватерклозет. Анри провел ее к узкой лестнице и дальше, в крошечную комнату с затемненным окошком, в которой помещалась только одна кровать.

Закрыв за ними дверь.

– Вам нельзя сюда приходить. Я же отправил сообщение, что с Изабель все в порядке.

– Спасибо. – Вианна собралась с духом. – Мне нужны документы. Вы единственный, кого я знаю, кто мог бы помочь.

Он нахмурился:

– Опасная просьба, мадам. Для кого?

– Для еврейского мальчика, который прячется от немцев.

– Прячется? Где?

– Вам лучше не знать.

– Да, пожалуй. Место безопасное?

Она пожала плечами. Станный вопрос. Где же теперь безопасно?

– Я слышал, у вас остановился штурмбанфюрер фон Рихтер. Он раньше жил здесь, в отеле. Страшный человек. Мстительный и жестокий. Если он вас поймает...

– А что нам делать, Анри? Ничего?

– Вы похожи на свою сестру.

– Поверьте, я не такая храбрая.

Анри долго молчал. Наконец сказал:

– Постараюсь достать пустые бланки. Подделывать придется самой, я и так слишком занят. Практикуйтесь, используйте свои документы как образец.

– Спасибо.

Она смотрела на него и вспоминала, как несколько месяцев назад он принес записку и что она подумала тогда о своей сестре. Теперь-то она знала, что Изабель с самого начала занималась очень опасным делом. И очень важным. Изабель защищала ее, не рассказав ей ничего, не побоялась выставить себя эгоистичной дурочкой. Рассчитывала, что Вианна с готовностью поверит в худшее.

Так оно и вышло, и теперь Вианне было стыдно.

– Не рассказывайте Изабель, ладно? Не хочу, чтобы она переживала за меня.

Анри кивнул.

– До свидания.

Закрывая за собой дверь комнатки, Вианна услышала, как он сказал:

– Ваша сестра гордилась бы вами.

Вианна не ответила и даже не замедлила шаг. Игнорируя посвистывание и сальные шуточки немецкой солдатни, вышла из отеля и направилась домой.

Ликвидация Свободной Зоны мало изменила повседневную жизнь Вианны. Она, как и прежде, с утра до ночи стояла в очередях. Главной проблемой был Даниэль. Она по-прежнему старалась не показывать его лишней раз, хотя история про усыновление, кажется, ни у кого не вызвала вопросов. А рассказала она всем, кому могла, – но, похоже, все были так заняты собственным выживанием, что ее дела никого не интересовали; а может, люди догадывались и поддерживали ее, кто знает.

Вот и сегодня она оставила детей дома, заперла двери, уходя, но все равно переживала. Получив все, что удалось, по карточкам, она плотнее закуталась в шерстяную шаль и вышла из лавки бакалейщика.

Проходя по улице Виктора Гюго, Вианна чувствовала себя такой несчастной и так погрузилась в свои тревоги и переживания, что не сразу заметила пристроившегося рядом Анри.

Он огляделся по сторонам. На холодной, ветреной улице ни души. Ставни заперты, зонтики кафе сиротливо полощутся на ветру, в бистро никого.

Анри протянул ей багет:

– Необычная начинка. Рецепт моей матушки.

Вианна поняла, о чем он. Документы.

– Хлеб с особой начинкой нынче найти непросто. Не съедайте все сразу.

– А если нам понадобится еще... хлеб?

– Еще?

– Голодных детей много.

Он остановился, повернулся к ней и неожиданно чмокнул в щеку.

– Тогда приходите снова, мадам.

Она успела шепнуть ему на ухо:

– Передайте сестре, что я о ней спрашивала. Мы скверно расстались.

Он улыбнулся:

– Мы с братом постоянно ссоримся, даже во время войны. Но на то мы и братья.

Вианна кивнула. Может, он и прав. Она положила багет в корзину, прикрыв его куском ткани, рядом с сухой молочной смесью и овсянкой, которые ей удалось раздобыть. Корзина, казалось, потяжелела, пока она смотрела в спину уходящему Анри. Сжав покрепче ручку, Вианна двинулась дальше.

– Мадам Мориак! Какой сюрприз.

Голос как масло – липкий, густой и скользкий.

Он вернулся вчера вечером и был очень весел, непрерывно разглагольствовал, как легко было оккупировать Францию. Вианна накормила постояльца и его людей ужином, бесконечно подливая им вино. Недоеденное он выбросил. Вианна с детьми легли спать голодными.

Он был в форме, украшенной свастиками и железными крестами, с сигаретой в зубах. Левую половину лица скрывала завеса табачного дыма.

– Закончили с покупками?

Вианна расправила плечи, стараясь выглядеть уверенно и невозмутимо.

– Купила, что смогла, герр штурмбанфюрер. Мало что удалось.

– Если бы ваши мужчины не были такими трусами, их женщинам не приходилось бы голодать.

Она стиснула зубы и попыталась изобразить улыбку.

Он изучающе смотрел на нее:

– Вы в порядке, мадам?

– Да, герр штурмбанфюрер.

– Позвольте понести вашу корзину. Провожу вас домой.

Она сжала плетеную ручку:

– Нет, что вы, не нужно...

Он протянул руку в черной перчатке. Выбора не было – пришлось отдать корзину.

Он двинулся вперед широким, размашистым шагом. Вианна едва попевала, не говоря уж о том, что не слишком уютно себя чувствовала, прогуливаясь по улицам Карриво с эсэсовцем.

На ходу фон Рихтер почти непрерывно говорил. О неизбежном поражении союзников в Африке, о трусости французов и жадности евреев. Об «окончательном решении еврейского вопроса» – как хозяйка, делящаяся особо удачным рецептом с соседкой.

Вианна старалась не прислушиваться, да и в любом случае плохо его слышала из-за гула в ушах. Каждый раз, набравшись смелости бросить взгляд на корзину, она видела, что из-под красно-белого полотна выглядывает багет.

– Вы дышите как скаковая лошадь, мадам. Плохо себя чувствуете? Точно. Вот оно.

Прикрыв рот рукой, она выдавила из себя кашель.

– Простите, герр штурмбанфюрер. Надеюсь вас этим не доносить, но, боюсь, я заразилась гриппом от детей.

Он резко остановился.

– Я же просил держать ваших микробов подальше от меня! – И с силой пихнул ей корзину.

Она отчаянно схватилась за плетеную ручку, испугавшись, что если корзина упадет, то багет треснет и документы вывалятся прямо к его ногам.

– П-простите... я не подумала.

– К ужину не ждите, – сказал он, разворачиваясь на каблуках.

Вианна постояла несколько секунд на месте – на случай, если он обернется, – и поспешила домой.

Далеко за полночь, когда фон Рихтер заснул, Вианна выскользнула из спальни в кухню. Обратившись в спальню она вернулась со стулом, поставила его у ночного столика. При свете единственной свечи достала из-за пояса бланки документов. Вытащила свои собственные паспорта и принялась изучать, присматриваясь к каждой мелочи. Потом раскрыла семейную Библию и попыталась скопировать подписи – на полях, между строчками, везде, где было хоть немного пустого места.

Поначалу руки у нее так дрожали, что буквы получались неровными, но чем больше она практиковалась, тем ей становилось спокойней. Окончательно справившись с волнением, она изготовила новое свидетельство о рождении для Жан-Жоржа, на имя Эмиля Дюваля.

Но одних бумаг недостаточно. Что будет, когда война кончится и Элен Рюэль вернется? Если с Вианной что-нибудь случится (учитывая, как она рисковала, такую страшную вероятность нельзя исключать),

Элен не сможет найти сына, не сможет даже узнать, как его теперь зовут.

Придется сделать *fiche*, формуляр, со всей информацией – и кто он на самом деле, и кто его родители и прочие родственники. Все, что она сможет вспомнить.

Вианна вырвала три странички из Библии и на каждой написала по списку.

На первой, темными чернилами, прямо поверх молитв:

1. *Ари де Шамплен*
2. *Жан-Жорж Рюэль*

На втором листе:

1. *Даниэль Мориак*
2. *Эмиль Дюваль*

И на третьем:

1. *Карриво, Мориак*
2. *Аббатство Троицы*

Она аккуратно свернула каждый листок в трубочку. Завтра она спрячет их в трех разных местах. Один – в какой-нибудь старой банке в сарае, сверху насыплет ржавых гвоздей; еще один – в банке из-под краски в амбаре; последний зарует в коробке, за курятником. А формуляр отдаст настоятельнице.

Если собрать вместе формуляры и списки, можно будет после войны разыскать всех детей и вернуть родным. Опасно, конечно, записывать все это, но если не записать – и если с ней что-нибудь случится, – как дети воссоединятся с родными?

Вианна долго изучала плоды своих трудов. Даниэль беспокойно заворочался в постели, она нежно похлопала его, успокаивая, и сама забралась под одеяло.

Тридцать один

6 мая 1995 года

Портленд, Орегон

– Убегаю из дома, – сообщаю я девушке, сидящей рядом.

У нее волосы цвета сахарной ваты и татуировок больше, чем у среднестатистического байкера, но она одинока, как и я, в этом огромном шумном аэропорту. Ее зовут, как я выяснила, Фелиция. За последние пару часов – с тех пор как объявили, что наш рейс задерживается, – мы успели подружиться. Наша встреча произошла очень естественно. Она увидела, как я без удовольствия ем отвратительные френч-фрайз, которые так любят американцы, а я заметила, что она смотрит на меня голодными глазами. Естественно, я подозвала ее и предложила купить ей поесть. Мать, она навсегда мать.

– А может, наоборот, возвращаюсь домой, впервые за много лет. Иногда не поймешь.

– А я вот точно убегаю, – говорит она, прихлебывая из чудовищных размеров стакана газировку, которую я ей купила. – Если Париж окажется недостаточно далеко, отправлюсь в Антарктиду.

Несмотря на все железки у нее на лице и вызывающие татуировки, мы в чем-то похожи. Родственные души. Две беглянки.

– Я больна, – произношу я, к своему собственному удивлению.

– Типа как лишай? У моей тетушки такое было, жуткая пакость.

– Нет, типа как рак.

– Ух ты! (Хлюп, хлюп.) А зачем вы летите в Париж? Вам же, наверное, надо химиотерапию, уколы какие-то?

Начинаю отвечать (нет, никакого лечения, мне уже хватит), а потом вдруг задумываюсь по-настоящему. *Зачем вы летите в Париж?* И я замолкаю.

– Я понимаю. Вы умираете. – Она так трясет стакан, что внутри гремит ледяное крошево. – Потеряли надежду и все такое.

– Какого черта?

Я так погрузилась в свои мысли – в неожиданную ясность ее слов *вы умираете*, – что не заметила, как к нам подошел Жюльен. На сыне темно-синяя спортивная куртка, которую я подарила ему на Рождество,

и модные вытертые джинсы. Волосы взъерошены, на плече небольшая черная кожаная сумка. Выглядит он недовольным.

– Париж, мам?

– *Через пять минут начинается посадка на рейс Air France 605 до Парижа.*

– Это наш, – сообщает Фелиция.

Я знаю, о чем думает мой сын. Когда он был маленьким, он часто просил меня свозить его в Париж, хотел увидеть места, про которые я ему рассказывала на ночь; пройтись вечером по набережной Сены, купить сувениры на площади Вогезов, посидеть в саду Тюильри, поесть пирожных макарони *Laduree*. И я каждый раз отвечала отказом, объясняя просто: *я теперь американка, мое место здесь.*

– *В первую очередь на посадку приглашаются пассажиры с детьми младше двух лет, а также те, кому требуется больше времени для прохода в самолет, и пассажиры первого класса...*

Я встаю, вытягиваю раздвижную ручку чемодана:

– Мой рейс.

Жюльен стоит прямо передо мной, не давая пройти:

– Ты ни с того ни с сего летишь в Париж, одна?

– Ну да. Какого черта, живем один раз и так далее. – Я натянуто улыбаюсь. Я обидела его, хотя и невольно.

– Это из-за того приглашения. И той правды, которой ты мне не сказала.

Зачем я вообще о ней брякнула?

– Не будь таким драматичным, – я взмахиваю морщинистой рукой, – ничего такого. А теперь брысь. Я позвоню...

– А вот и нет. Я лечу с тобой.

В этот момент в нем каждый разглядит врача – человека, который привык видеть кровь, кости, раны и спокойно лечить, исправлять то, что сломалось.

Фелиция забрасывает на плечо свой камуфляжной раскраски рюкзак и швыряет пустой стакан в урну – издали, как баскетбольный мяч, так что он проваливается куда-то в глубину, отскочив сначала от бортика.

– Вот и убежала, растяпа.

Не знаю, какое чувство сильнее – облегчение или разочарование.

– Сидишь рядом?

– Учитывая, что билеты пришлось брать в последнюю минуту, нет.

Я беру чемодан и иду к симпатичной девушке в белоголубой форме. Она забирает мой посадочный талон, желает счастливого полета.

В посадочном рукаве меня неожиданно одолевает клаустрофобия. Дышать тяжело. Колесики чемодана не желают перекатываться через порожек.

– Давай помогу, мам. – Жюльен легко поднимает мой чемодан. Звук его голоса напоминает мне, что я все-таки мать, а матери не позволено расклеиваться на глазах у детей, даже если дети уже взрослые, а матери очень страшно.

Стюардесса бросает на меня взгляд, и на ее лице появляется вежливое участливое выражение «вот старушка, которой надо помочь». Учитывая, где я теперь живу, – как будто в старой обувной коробке, набитой использованными ватными палочками, в которые превращаются старики, – это выражение мне знакомо. Обычно оно раздражает, заставляет расправлять плечи и отталкивать молодежь в сторону, ибо, что бы они себе ни воображали, я и сама прекрасно справлюсь, но сейчас я устала и немного напугана и помощь мне совсем не помешает. Так что я позволяю ей помочь мне добраться до сиденья у окошка во втором ряду. Разорилась на билет первого класса. А что такого? Особых причин экономить деньги у меня теперь нет.

– Спасибо, – благодарю я стюардессу и устраиваюсь в кресле.

Следующим в самолет заходит мой сын. Когда он улыбается стюардессе, она тихонько вздыхает. Ну *конечно*, женщины начали вздыхать по Жюльену, когда у него еще голос не сломался.

– Вы вместе? – спрашивает она. Он только что еще немного вырос в ее глазах – а как же, такой заботливый сын.

– Да, но соседние места взять не получилось. Я на три ряда дальше. – Он протягивает ей посадочный талон, одаривая одной из своих неотразимых улыбок, и засовывает мой чемодан и свою сумку на багажную полку.

– Ну, с этим мы что-нибудь придумаем, – обещает стюардесса.

Я смотрю в окно, ожидая увидеть бетон взлетной полосы и суetyщихся рабочих в оранжевых жилетках, но вижу только свое отражение.

– Огромное спасибо. – Жюльен усаживается рядом со мной и пристегивается.

Самолет уже полон, а симпатичная стюардесса предложила нам шампанского.

– Итак, – после долгого молчания начинает сын. – Приглашение.

– Приглашение, – вздыхаю я. Да, с него все началось. Или им закончилось, это как посмотреть. – Встреча. В Париже.

– Не понимаю.

– И не надо.

Он берет меня за руку. Крепко, но не слишком – успокаивает.

В его лице я вижу всю свою жизнь. Ребенок, родившийся, когда я уже сдалась... красота, которая меня давно покинула. В его глазах – моя жизнь.

– Я понимаю, что ты хочешь мне что-то рассказать, но тебе тяжело. Начни с начала.

Я не могу не улыбнуться. Мой сын такой американец. Он думает, что жизнь можно просто рассказать, от начала до конца. Не понимает, что иногда, пожертвовав чем-то, забыть об этом уже нельзя. А откуда ему знать? Я сама его от этого оберегала.

И все же я в самолете, лечу домой, и у меня есть возможность изменить свой выбор – отказаться от решения, принятого, когда боль была еще свежа, а будущее, вырастающее из прошлого, в котором нет места лжи, казалось невозможным.

– Позже, – говорю я, и на этот раз серьезно. Я расскажу ему о своей войне и о своей сестре. Не все, конечно, не самое страшное, но обязательно расскажу. Достаточно, чтобы он узнал меня почти настоящей. – И не здесь. Я устала.

Я откидываюсь на спинку огромного кресла первого класса и закрываю глаза.

Какое уж тут «начни с начала», если думать я могу только о конце?

Тридцать два

*Если вы идете
сквозь ад,
продолжайте
идти.*

Уинстон Черчилль

Май 1944-го

Франция

За те полтора года, что немцы полностью оккупировали территорию Франции, жизнь стала еще опасней, если такое вообще возможно. Французских политзаключенных отправляли в Дранси и Френе, в лагеря и тюрьмы, а сотни тысяч французских евреев депортировали в концентрационные лагеря в Германии. Приюты в Нейи-сюр-Сен и Монтрей опустели, детей оттуда, а также ребятишек – больше четырех тысяч, – которых согнали на велодром д'Ивер и отобрали у родителей, тоже вывезли в концлагеря. Союзники бомбили день и ночь. Аресты не прекращались – людей хватали в домах, в магазинах за малейший проступок, за малейший намек на сопротивление и бросали в тюрьму или депортировали. Заложников расстреливали за преступления, о которых они ничего не знали. Всех мужчин от восемнадцати до пятидесяти лет сослали на принудительные работы в Германию. Люди с желтыми звездами на одежде с улиц исчезли. Никто не чувствовал себя в безопасности. Люди избегали друг друга, прятали глаза, не заговаривали с незнакомыми.

Электричество осталось в прошлом.

Изабель стояла на углу оживленной парижской улицы и собиралась перейти на другую сторону, но не успели ее драные туфли с деревянными подошвами коснуться мостовой, как раздался свисток. Она отступила в тень цветущего каштана.

Париж в эти дни напоминал вопящую женщину. Шум, шум, шум. Свистки, выстрелы, грохот проезжающих по мостовой грузовиков, крики солдат. Военная удача отвернулась от немцев. Союзники

высадились в Италии, нацисты так и не смогли их отбросить. Из-за потерь они становились все агрессивнее. В марте они перебили больше трехсот итальянцев в Риме – ответ на партизанскую атаку, унесшую двадцать восемь немцев. Генерал Шарль де Голль принял командование вооруженными силами Свободной Франции, и вот-вот все ждали чего-то значительного.

По бульвару Сен-Жермен в направлении Елисейских Полей маршировала колонна солдат, офицер во главе колонны вел под уздцы белого коня.

Как только колонна миновала, Изабель перебежала дорогу и смешалась с толпой военных на противоположном тротуаре. Глаз она не поднимала, руки крепко сжимали сумочку. Одета она была в поношенное да латаное – как большинство парижан, деревянные подошвы громко стучали по мостовой. Кожаной обуви давно ни у кого не осталось. По пути Изабель видела длинные очереди сплошь из домохозяек и детей, тянущиеся от дверей булочных и мясных лавок. Пайки все урезали, и урезали, и урезали. Парижане выживали на восемьсот калорий в день. С улиц пропали собаки, кошки и даже крысы. На этой неделе можно было достать тапиоку и бобы. И больше ничего. На бульваре де ля Гар громоздились горы старинной мебели, картин и всякой всячины – ценности, изъятые у депортированных. Все это сортировали, паковали и отправляли в Германию.

Изабель нырнула в кафе на бульваре Сен-Жермен и села за столик в глубине зала. Она нетерпеливо ерзала на красном плюшевом диванчике под взглядами статуэток китайских мандаринов. За столиком ближе к выходу устроилась женщина, похожая на Симону де Бовуар. Она склонилась над листом бумаги и что-то остервенело писала. Изабель откинулась на мягкую спинку. Она до смерти устала. Только за последний месяц она трижды перешла Пиренеи и побывала в каждом из убежищ, расплачиваясь с хозяевами, *passseurs*.

– Жюльет.

Она подняла голову, перед ней стоял отец. Он изрядно постарел за войну – они все постарели. Голод, одиночество, отчаяние и страх проложили глубокие морщины на сером лице. Голова казалась слишком большой для исхудавшего тела.

Он сел напротив, положил морщинистые руки на роскошную столешницу красного дерева.

Она потянулась к нему, нежно обхватила запястья, на секунду их руки соединились. Когда Изабель отодвинулась, в ладони у нее была зажата бумажная трубочка не больше карандашного огрызка – фальшивые удостоверения личности. Привычным движением она спрятала листки в мешковатой одежде и улыбнулась появившемуся официанту.

– Кофе, – устало попросил отец.

Изабель покачала головой.

Официант вернулся с чашкой ячменного кофе и снова исчез.

– Сегодня было совещание, – сказал отец. – У важных наци. Эсэсовцев. Я слышал слово «Соловей».

– Мы осторожны, – тихо сказала она. – Ты рискуешь гораздо больше, добывая чистые бланки.

– Я старик. Они меня даже не замечают. Тебе нужно передохнуть. Пускай по горам поскачет пока кто-нибудь другой.

Она мрачно посмотрела на отца. Интересно, мужчинам такое предлагали? Женщины были ключевой частью Сопротивления. Почему мужчины этого не замечают?

Отец лишь печально вздохнул, прочитав ответ в ее глазах.

– Тебе есть где остановиться?

Изабель оценила предложение. Как все же изменились их отношения. Они по-прежнему не были близки, но теперь хотя бы работали вместе, а это уже многое значило. Он больше не отталкивал ее, а теперь – вот, приглашение. Изабель даже надеялась, что когда-нибудь, после войны, они смогут *поговорить* по-настоящему.

– Не могу. Слишком рискованно.

Дома она не была уже восемнадцать месяцев. И в Карриво тоже. Изабель редко проводила больше двух-трех ночей в одном месте, ее жизнь состояла из непрерывной череды тайных убежищ, пыльных матрасов и подозрительных незнакомцев.

– Слышно что-нибудь от сестры?

– Мои друзья за ней приглядывают. Говорят, она не высовывается, бережет дочь. С ней все будет в порядке. – Говорила она скорее с надеждой, чем с уверенностью.

– Ты по ней скучаешь, – заметил отец.

Да, она скучала по сестре, скучала по ней всю жизнь.

– Ну... – Он резко встал.

– У тебя руки дрожат.
– Бросил пить. Не то время, чтоб пьянствовать.
– Вот уж не знаю, – улыбнулась она. – Напиться, по-моему, самое время.
– Будь осторожна, Жюльет.
Ее улыбка погасла. Прощаться было тяжело, как всегда и со всеми. Никогда не знаешь, увидите ли снова.
– Ты тоже.

Полночь.

Изабель притаилась за осыпающейся каменной стеной. Здесь, в глуши, никого не удивишь крестьянской одеждой – парусиновый комбинезон, выдавший лучшие дни, башмаки на деревянной подошве и легкая рубашка из старой занавески. Пахло костром, но даже отблесков пламени не было видно.

Совсем рядом хрустнула ветка.

Она сжалась и затаила дыхание.

Раздался свист. Переливчатая трель соловья, почти как настоящая. Она засвистела в ответ и вскоре услышала шаги, затем дыхание, а потом...

– Из?

Она встала и обернулась к нему. Тонкий луч света скользнул за спиной и исчез. Изабель выскочила из-за упавшего бревна и бросилась в объятья Гаэтона.

– Я скучал, – сказал он, еле оторвавшись от ее губ.

Они не виделись больше восьми месяцев. Всякий раз, когда она слышала, что с рельсов сошел очередной немецкий поезд, или взорвался занятый немцами отель, или случилась очередная перестрелка с партизанами, она сходила с ума от волнения.

Он взял ее за руку и повел в лес. В крошечной тьме она не могла разглядеть ни спутника, ни тропинку под ногами, но Гаэтон шагал ровно и уверенно, не зажигая фонарика, – он прожил здесь больше года и чувствовал себя в лесу как дома.

Они вышли на огромный, поросший травой луг, где выстроились люди с фонариками; они размахивали ими, как маяки, освещая плоское пустое пространство между деревьями.

Раздался гул пролетающего над головой самолета, Изабель ощутила резкий порыв ветра на лице и запах керосина. А затем – громкий металлический скрип, звук удара металла о металл, в вышине раскрылся парашют, под которым покачивался большой железный ящик.

– Оружие, – объяснил Гаэтон. Он опять потянул ее за руку – на холм, к лагерю, что был разбит среди деревьев.

В самом центре лагеря горел большой костер, свет которого скрывали густые заросли. Вокруг костра курили несколько человек. Большинство мужчин уходило в леса, уклоняясь от депортации в немецкие трудовые лагеря, они вели свою войну – тайно, тихо, по ночам. Маки. Они пускали под откос поезда, подрывали мосты и склады с боеприпасами, затопляли каналы – всячески старались прервать поток людей и ресурсов, идущий из Франции в Германию. Припасами, оружием и информацией их снабжали союзники. Маки рисковали жизнью. Если немцам удавалось поймать кого-то из них, кара оказывалась стремительной и жестокой. пытки огнем, электрическим током, побори. Каждый маки носил в кармане капсулу с цианидом.

Мужчины выглядели немывтыми, голодными и изможденными. Большинство в коричневых вельветовых штанах и черных беретах.

Как бы Изабель ими ни восхищалась, ей не хотелось бы оказаться среди них.

– Пойдем, – сказал Гаэтон.

Он провел ее мимо костра к маленькой грязной палатке с пологом. Изабель согнулась и пролезла внутрь. Спальный мешок, куча одежды и пара стоптанных ботинок. Воняло носками и потом.

Гаэтан сел рядом с ней и завязал полог. Лампы он не зажигал.

– Изабель, – выдохнул он. – Я скучал по тебе.

Она наклонилась, позволила ему обнять себя и поцеловать. Когда поцелуй закончился – слишком быстро, – она перевела дыхание и постаралась сосредоточиться.

– У меня сообщение для твоей группы, из Лондона. Поль получил его сегодня вечером. «Долгий плач осенних скрипок».

Он резко втянул воздух. Сообщение было, конечно, закодировано.

– Что-то важное? – спросила она.

Гаэтон нежно взял ее лицо в ладони, потянулся снова поцеловать. Поцелуй получился грустным. И вновь прощальным.

– Настолько важное, что мне надо уходить. Прямо сейчас.

Она только и смогла, что кивнуть.

– Вечно нет времени, – прошептала она.

Каждое их свидание было словно украдено и всегда заканчивалось внезапно. Они встречались, любили друг друга в темных грязных палатках или пыльных комнатах, а потом он исчезал. Они не могли полежать вместе обнявшись, поговорить. Иногда уходить приходилось ей. Каждый раз, когда он прижимал ее к себе, она думала: вот и все, мы видимся в последний раз. И ждала, что вот сейчас он наконец скажет, что любит ее.

Она убеждала себя, что это все война. Что он любит, но боится признаться, боится потерять ее; что если он заговорит о чувствах, будет еще больнее. Иногда даже сама в это верила.

– Насколько это опасно?

Снова молчание.

– Я тебя найду, – пообещал он. – Может быть, выберусь в Париж на денек. Сходим в кино, вместе посвистим на кинохронике, погуляем в саду Родена.

– Как настоящая парочка. – Она постаралась улыбнуться. Они всегда говорили друг другу что-нибудь в таком духе, делились мечтами о другой жизни.

Он прикоснулся к ее лицу – с такой нежностью, что у нее слезы навернулись на глаза:

– Как настоящая парочка.

В последние полтора года война становилась все ожесточеннее, а вместе с ней ожесточались и немцы. Вианна нашла и спрятала в приюте тринадцать еврейских детей. Сперва она обследовала ближайшую округу, следуя указаниям OSE^[6]. Со временем настоятельнице удалось связаться с «Джойнт», Американским еврейским объединенным распределительным комитетом – группой, объединяющей еврейские благотворительные организации в Америке. Они поддерживали тех, кто спасал еврейских детей, и связали Вианну с другими нуждавшимися в помощи. Иногда матери приходили к ней

сами и со слезами на глазах умоляли помочь. Вианна никому не отказывала, хотя каждый раз боялась до дрожи.

Шел июнь 1944-го. Неделю назад в Нормандии союзники высадили десант в сто пятьдесят тысяч человек. Вианна стояла в своем классе в приюте и смотрела на печальных ребятишек, понуро склонившихся за партами. Конечно, они устали.

В последний год бомбежки почти не прекращались. Налеты случались так часто, что Вианна уже не тащила детей в подвал, если сирены выли посреди ночи. Теперь она просто обнимала их покрепче, пока не прозвучит отбой тревоги и не смолкнут взрывы.

Впрочем, они никогда не замолкали надолго.

Вианна хлопнула в ладоши, привлекая внимание. Может, игра немножко поднимет настроение.

– Бомбежка, мадам? – спросил Эмиль. Ему исполнилось шесть, и о матери он больше не вспоминал. Когда спрашивали, отвечал, что она «заболела и умерла», и все. Он не помнил, что когда-то его звали Жан-Жорж Рюэль.

Пятилетний Даниэль тоже не помнил, кем был раньше.

– Нет, вовсе нет, – успокоила Вианна. – Просто я подумала, что у нас жарковато сегодня.

– Это из-за светомаскировки, мадам, – сказала Клодин (бывшая Бернадетт). – Мать-настоятельница говорит, что в шерстяной рясе чувствует себя копченым окороком.

Дети засмеялись.

– Жара лучше, чем зимний холод, – сказала Софи, и все согласно закивали.

– Я подумала, – продолжила Вианна, – что сегодня неплохо было бы...

Договорить она не успела. С улицы донесся звук мотора, а потом по коридору прогрохотали тяжелые шаги.

Все замерли.

Дверь в класс распахнулась.

На пороге стоял фон Рихтер. Подходя к Вианне, он снял фуражку.

– Мадам, – начал он, – можно вас на минутку?

Вианна кивнула.

– Дети, посидите минутку, почитайте, и смотрите не шумите.

Фон Рихтер взял ее под руку – грубо, до боли – и вывел во дворик. Рядом булькал заросший мхом фонтан.

– Я хочу расспросить о вашем знакомом, Анри Наварра.

Вианна надеялась, что ей удалось не вздрогнуть.

– О ком, герр штурмбанфюрер?

– Анри Наварра.

– А, да. Из отеля. – Она сжала кулаки, чтоб унять дрожь в руках.

– Он ваш друг?

Вианна покачала головой:

– Нет, герр штурмбанфюрер. Мы знакомы, не более того. Городок у нас небольшой.

Фон Рихтер пристально смотрел на нее:

– Если вы врете в мелочах, приходится задуматься, о чем еще вы мне лгали.

– Герр штурмбанфюрер, я не...

– Вас с ним видели.

Он убьет меня, подумала Вианна. Она так долго была осторожна, не спорила с ним, не пререкалась, не встречалась взглядом без необходимости. Но в последние недели он стал непредсказуем, вечно на грани взрыва.

– Городок небольшой, но...

– Его арестовали за связь с врагом, мадам.

– О. – Больше ничего она выдать из себя не смогла.

– Мы с вами об этом еще поговорим, мадам. В маленькой комнате без окна. И поверьте, я узнаю правду. Узнаю, работаете ли вы с ним.

– Я?

Он так сильно сжал ее руку, что, казалось, кость сейчас треснет.

– Если вы что-нибудь об этом знали, я буду допрашивать ваших детей... с пристрастием. А потом пошлю вас всех в тюрьму Френ.

– Не трогайте детей, умоляю.

Она впервые просила его о чем-либо, и, услышав отчаяние в ее голосе, он вдруг насторожился. Его дыхание участилось. В голубых глазах блеснуло возбуждение. Больше полутора лет она постоянно следила за собой в его присутствии, одевалась неброско, вела себя незаметно, не привлекала внимания, говорила только «да» или «нет, герр штурмбанфюрер». В одну секунду все ее труды пошли прахом.

Она показала свою уязвимость, и он это заметил. Теперь он знал, как сделать ей больно.

Через несколько часов Вианна очутилась в той самой маленькой комнате без окон – в подвале ратуши. Она сидела на стуле, вцепившись в подлокотники так, что костяшки побелели.

Она здесь уже давно, одна, и все прикидывала, как лучше отвечать. Что им известно? Чему они поверят? Выдал ли ее Анри?

Нет. Если бы они узнали, что она подделывала документы и прятала еврейских детей, ее бы уже арестовали.

За спиной скрипнула дверь – открылась, потом закрылась.

– Мадам Мориак.

Она встала.

Фон Рихтер медленно обошел ее кругом, пристально разглядывая. Она была в старом, поношенном и выцветшем платье, без чулок, в ботинках на деревянной подошве. Голову она не мыла уже два дня, волосы покрывала льняная косынка, завязанная на манер тюрбана с узлом на лбу. Губная помада закончилась давно, так что губы были бледны, почти бесцветны.

Он остановился перед ней, совсем близко, держа руки за спиной.

Ей пришлось собрать всю свою храбрость, чтоб поднять голову. И тогда – увидев эти ледяные голубые глаза, – она поняла, что попала в беду.

– Вас видели с Анри Наварра на площади. Его подозревают в соучастии с маки, этими трусливыми животными, которые прячутся в лесах и помогают врагу.

Когда союзники высадились в Нормандии, маки устроили хаос по всей стране, подрывая железнодорожные пути, взрывая все подряд. Немцы остервенело ловили и казнили партизан.

– Я с ним едва знакома, герр штурмбанфюрер. А о помощи врагу ничего не знаю.

– Пытаетесь выставить меня идиотом, мадам?

Она помотала головой.

Он хотел ее ударить. Она видела это в его глазах – болезненное, уродливое желание. Оно появилось, когда она взмолилась о снисхождении, и теперь Вианна не представляла, как поправить дело.

Он протянул руку и провел пальцем по ее подбородку:

– Вы и правда невиновны?

– Герр штурмбанфюрер, вы полтора года прожили в моем доме. Вы видите меня каждый день. Я кормлю детей, работаю в саду и преподаю в приюте. Разве от этого союзникам есть хоть какая-то польза?

Он коснулся пальцем ее губ, слегка раздвинув их:

– Если я узнаю, что вы мне солгали, я сделаю вам больно. И мне это понравится. – Он убрал руку. – Но если вы скажете мне правду – сейчас, – я вас пощажу. Вас и ваших детей.

Она похолодела при мысли о том, что будет, если он узнает, как все это время жил под одной крышей с еврейским ребенком. Вот уж это точно выставит его идиотом.

– Я бы ни за что не стала вам лгать, герр штурмбанфюрер. Вы же знаете.

– Вот что я знаю, – сказал он, наклоняясь еще ближе, и зашептал прямо в ухо: – Я *надеюсь*, что вы лжете, мадам. – И отстранился. – Вы испуганы, – сказал он с улыбкой.

– Мне нечего бояться, – тихо ответила она.

– Увидим. Пока что идите домой, мадам. И молитесь, чтобы я не узнал, что вы мне солгали.

В тот же день Изабель была в Уррюнь. По пути из Парижа две ее «песни» – майор Фоули и сержант Смайт – точно выполняли все инструкции и спокойно миновали все посты. Она уже давно не оглядывалась, но не сомневалась, что они идут, как им велено – хотя бы в ста ярдах позади нее.

На вершине холма, на скамейке перед закрытой почтой, сидел мужчина. В руках у него табличка: ГЛУХОНЕМОЙ. ЖДУ, ПОКА ЗАБЕРЕТ МАТЬ. Удивительно, но немцы до сих пор покупались на эту нехитрую уловку.

Изабель подошла к нему.

– У меня есть зонт, – произнесла она по-английски.

– Кажется, собирается дождь, – отозвался он.

Она кивнула:

– Держитесь за мной, на отдалении. – И двинулась дальше, вверх, к горам.

До коттеджа мадам Бабино она добралась только вечером. У поворота задержалась, дожидаясь, пока догонят летчики.

Первым приблизился человек, сидевший на скамейке.

– Хэллоу, мэ. – Он стащил с головы берет. – Майор Том Дауд, мэ. Велено передать наилучшие пожелания от Сары из По, мэ. Она прекрасная хозяйка. Очень гостеприимная.

Изабель устало улыбнулась. Они были такие... огромные, эти янки, с их широкими улыбками и громовыми голосами. И такими же благодарностями. Совсем не как британцы, которые благодарили сухо и коротко, твердым рукопожатием. Она потеряла счет, сколько раз американцы на прощанье обнимали ее так, что ребра трещали.

– Жюльет, – представилась она.

Следующим прибыл майор Джек Фоули. Он широко улыбнулся и заметил:

– Неслабые горы.

– И то верно, – сказал Дауд, протягивая руку. – Дауд, Чикаго.

– Фоули, Бостон. Приятно познакомиться.

Последним подтянулся сержант Смайт.

– Добрый день, джентльмены, – сухо поздоровался он. – Недурно прогулялись.

– Подождите, горы еще впереди, – с улыбкой сказала Изабель.

Она проводила их к коттеджу, трижды постучала в дверь. Мадам Бабино выглянула в щелку, увидела Изабель и, улыбаясь, распахнула дверь; посторонилась, пропуская гостей в дом. Как всегда, над очагом висел закопченный котелок. Стол был накрыт. Их уже ждали стаканы с молоком и тарелки для супа.

Изабель огляделась:

– Эдуардо?

– В амбаре, с двумя летчиками. С припасами тяжело. Все из-за бомбежек. Полгорода в руинах. Ты выглядишь усталой, Жюльет. Все в порядке? – Она погладила Изабель по щеке.

От этой мимолетной ласки Изабель захотелось обнять мадам, пожаловаться на свои беды, выговориться – еще одна непозволительная роскошь во время войны. Твои проблемы – это только твои проблемы. Она не стала говорить, что гестапо все активнее ищет Соловья, что она волнуется за отца, сестру и племянницу. Какой смысл? У всех семьи. Все за них волнуются.

Изабель взяла мадам Бабино за руку. В их нынешней жизни много ужасов, но есть и это – дружба, родившаяся из общей беды, она будет крепче стали. Много лет неприкаянно мыкаясь по приютам и пансионатам, Изабель принимала эти простые человеческие отношения как драгоценный дар: у нее теперь есть друзья, люди, которые о ней заботятся и о которых заботится она.

– Все в порядке, дорогая.

– А что твой красавчик?

– Взрывает склады и поезда. Видела его перед высадкой в Нормандии. Понятно было, что-то грядет. Он в самом пекле. Я волнуюсь... – Изабель услышала приближающийся шум мотора. – Ждем кого-нибудь?

– Сюда никто никогда не приезжает.

Летчики тоже услышали. Они мгновенно замолчали. Фоули вытащил из-за пояса нож.

Снаружи заблеяли козы. Тень метнулась за окном.

Изабель не успела выкрикнуть «берегись», как дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвался свет с улицы, а вместе с ним – несколько эсэсовцев.

– Руки за голову!

Изабель получила удар прикладом по затылку. Охнув, качнулась вперед.

Ноги не слушались, она упала, стукнувшись головой о каменный пол.

Последнее, что она услышала, прежде чем потеряла сознание, – «все арестованы».

Тридцать три

Изабель очнулась. Она была привязана к деревянному стулу за запястья и лодыжки. Врезавшиеся глубоко в плоть веревки затянуты так, что не шевельнуться. Пальцы онемели. Под потолком висела одинокая лампочка. Пахло мочой и плесенью, по стенам сочилась вода.

В темноте, куда не попадал свет от лампы, вспыхнула спичка. Она услышала шорох, почувствовала запах серы и попыталась поднять голову. Движение вызвало такую боль, что она невольно застонала.

– *Gut*, – сказал кто-то. – Ей больно.

Гестапо.

Он выступил из темноты, подвинул стул и сел лицом к ней.

– Будет больно, – равнодушно сказал он. – Или нет. Выбирать тебе.

– Тогда давайте без боли.

Он ударил ее. Сильно. Рот залило кровью. Отвратительный металлический вкус. С подбородка закапало.

Два дня, подумала она. *Всего два дня*.

Ей нужно продержаться сорок восемь часов, не назвав ни одного имени. За это время отец, и Гаэтон, и Анри и Дидье, и Поль, и Анук успеют скрыться. Они скоро узнают, что ее арестовали, если уже не узнали. Эдуардо передаст новости и спрячется. Такой у них был план.

– Имя? – спросил он, доставая из нагрудного кармана блокнот и карандаш.

Она чувствовала, как кровь капает с подбородка на колени.

– Жюльет Жервэ. Вы же знаете. У вас есть мои документы.

– У нас есть документы на имя Жюльет Жервэ, это правда.

– Тогда зачем спрашивать?

– Кто ты на самом деле?

– Жюльет Жервэ.

– Место рождения? – лениво спросил он, разглядывая свои ухоженные ногти.

– Ницца.

– Что делала в Уррюнь?

– Я была в Уррюнь? – переспросила она.

Он выпрямился и с интересом посмотрел на нее:

– Возраст?

– Двадцать два или около того. Как-то не до дней рожденья теперь.

– Выглядишь моложе.

– Зато чувствую себя старше.

Он медленно поднялся:

– Ты работаешь на Соловья. Мне нужно его имя. Кто он?

Итак, они не знают, кто она.

– Я в птицах не разбираюсь.

Удар пришел словно из ниоткуда, неожиданный и оглушающий. Голова мотнулась в сторону, с треском врезавшись в спинку стула.

– Расскажи мне о Соловье.

– Я же сказала...

В этот раз он ударил ее по лицу железной линейкой, распоров щеку. Она почувствовала, как кровь заливает лицо. Он улыбнулся и повторил:

– Соловей.

Она попыталась сплюнуть кровь, но только испачкалась. Тряхнула головой, чтобы видеть получше, и сразу же об этом пожалела.

Он ритмично постукивал окровавленной линейкой по ладони.

– Я ротмистр Шмидт, комендант гестапо в Амбуазе. А ты кто?

Он убьет меня, подумала Изабель. Она забилась, пытаясь вырваться, освободить руки.

– Жюльет, – прошептала она, отчаянно надеясь, что на этот раз он ей поверит.

Два дня она не выдержит.

Ее об этом предупреждали. А ей все казалось приключением. И ее, и всех, кого она любит, убьют.

– Мы задержали почти всех твоих сообщников. Нет смысла умирать, чтобы защитить покойников.

Неужели это правда?

Нет. Если бы это было правдой, она тоже была бы мертва.

– Жюльет Жервэ, – повторила она.

Он ударил ее линейкой, наотмашь, с такой силой, что стул перевернулся и упал. Затылком она стукнулась о каменный пол. Он с

размаху ударил ее сапогом в живот. Такой боли она раньше даже представить не могла. Его голос доносился словно издалека.

– А теперь, мадемуазель, скажите мне, кто такой Соловей.

Она не могла бы ответить, даже если бы захотела.

Он снова ударил ее, вложив в удар всю силу.

Сознание вернулось, а вместе с ним вернулась боль.

Болело все. Голова, лицо, тело. Пришлось напрячь все силы, чтобы поднять голову. По-прежнему связана.

Где я?

Со всех сторон темнота. Не обычная темнота закрытой комнаты. Непроницаемый, чернильный мрак, сжимающийся вокруг нее. Стена была совсем рядом, в считанных дюймах от ее лица. Она попробовала выставить вперед ногу, веревки впились в тело, боль вспыхнула с новой силой.

Она в ящике.

И ей холодно. Она чувствовала, как дыхание вырывается паром изо рта. Волоски в ноздрях замерзли. Она дрожала всем телом и ничего не могла с этим поделать.

Изабель закричала от ужаса, но в ответ – ничего.

Холодно.

Дрожа всем телом, Изабель тихо скулила. Пар от дыхания замерзал едва ли не на губах. Ресницы смерзлись.

Думай, Изабель. Не сдавайся.

Она пошевелилась, преодолевая боль.

Привязана к стулу.

Голая.

Она закрыла глаза, с отвращением осознав, что он раздевал ее, касался ее, пока она была без сознания.

В зловонной темноте слышен какой-то звук. Сначала показалось, что это кровь стучит в ушах или отчаянно колотится сердце, разгоняя застывающую кровь, но нет.

Как будто мотор урчит, совсем близко. Знакомый звук... что это такое?

Изабель дрожала, пытаясь шевелить пальцами рук и ног, чтобы хоть как-то согреться и справиться с паникой. Сначала ноги и руки

болели, потом их просто слегка покалывало, а теперь... ничего. Двигать она могла только головой. Да и та все время стучалась обо что-то твердое. Она сидит голая, привязанная к стулу в...

Холодно. Темно. Гудит. Очень тесно...

Холодильник.

Паника захлестнула ее с новой силой, она отчаянно заворочалась, пытаясь высвободиться, но только обессилела. Смирилась с поражением. Не пошевелиться. Разве что пальцами, которые все равно слишком замерзли и ничего не чувствуют.

Пожалуйста, только не так.

Она замерзнет до смерти. Или задохнется.

Слышно было только дыхание – оглушительно громкий звук со всех сторон. Изабель заплакала, но слезы замерзали, превращаясь в сосульки на щеках.

Она вспоминала всех, кого любила, – Вианну, Софи, Гаэтону, отца. Почему она так редко говорила, что любит их? А теперь она умрет и не успеет ничего сказать Вианне.

Вианна, подумала она. Только имя. Молитва, раскаяние, прощание.

С каждого фонарного столба на городской площади свисало тело.

Вианна остановилась, не веря глазам. На другой стороне площади под одним из тел стояла пожилая женщина. Веревки громко скрипели на ветру, заглушая остальные звуки. Вианна осторожно шла через площадь, стараясь держаться подальше от столбов – и висящих на них синеличных, распухших тел.

Десять трупов – французов, само собой. Скорее всего из маки – партизан. Коричневые штаны и черные береты, повязки с триколором на рукавах.

Вианна подошла к старушке, обняла ее за плечи:

– Мадам, пойдете, не нужно...

– Мой сын, – прокаркала старуха. – Нельзя его оставлять...

– Пойдете, – сказала Вианна настойчивей. Она увела женщину с площади. На Ла Гранд та вырвалась и ушла, бормоча себе под нос.

По пути к мясной лавке Вианна миновала еще три мертвых тела. Карриво, казалось, затаил дыхание. Союзники непрерывно бомбили окрестности уже несколько месяцев. Некоторые здания были

разрушены в щебень. Со стен остальных что-то постоянно падало, обваливались карнизы и куски крыш.

В воздухе пахло смертью, город погрузился в тишину. Опасность подстерегала за каждым углом.

В лавке Вианна слушала тихий разговор двух стоящих в очереди женщин.

– Ответные меры...

– В Тюле еще хуже...

– Слышала про Орадур-сюр-Глян?

Несмотря на все творящееся кругом, на все аресты, депортации и казни, Вианна не могла поверить последним слухам. Вчера утром нацисты ворвались в деревушку Орадур-сюр-Глян – недалеко от Карриво – и согнали всех в церковь, якобы для проверки документов.

– Всех в городке, – шептала собеседница. – Мужчин, женщин, детей. Наци перестреляли всех, а потом заперли двери и сожгли церковь. – В глазах у нее стояли слезы. – Чистая правда.

– Да не может быть, – вмешалась Вианна.

– Моя Диди видела, как беременную женщину застрелили, прямо в живот.

– Видела? – с ужасом спросила Вианна.

Женщина кивнула:

– Диди пряталась за крольчатником несколько часов и видела, как горит деревня. Она говорит, никогда не забудет крики. Там еще оставались живые, когда они подожгли церковь.

Вроде бы расправу учинили в отместку за штурмбанфюрера, захваченного маки.

А вдруг и с ними случится то же самое? В следующий раз, когда немцы в очередной раз потерпят поражение? Неужели жителей Карриво тоже загонят в ратушу и сожгут?

Вианна взяла жестянку масла, положенную по рациону на эту неделю, и вышла из лавки, прикрыв капюшоном лицо.

Кто-то схватил ее за руку и потащил. Она споткнулась, потеряла равновесие и чуть не упала.

Человек втянул ее в темный переулок и повернулся.

– Папа! – От удивления ей больше ничего в голову не пришло.

Она сразу увидела, во что превратила отца война. Лицо избородили морщины, под глазами мешки. Седой и бледный, он

жутко исхудал, щеки покрылись старческими пятнами. Так же страшно он выглядел, вернувшись с Великой войны.

– Есть где поговорить спокойно? – спросил он. – Я бы с твоим немцем не хотел встречаться.

– Он не *мой*. Но да, есть. Соседний дом пустует. К востоку от нашего. Слишком маленький для немцев. Можем встретиться там.

– Через двадцать минут, – сказал он.

Вианна накинула капюшон на покрытые платком волосы и побрела по размытой дороге к дому. Зачем отец здесь? Она знала – вернее, предполагала, – что Изабель живет с ним в Париже. Насколько она поняла, у каждого из них своя жизнь. От Изабель ничего не слышно с той страшной ночи в сарае, хотя Анри и сообщил, что она в порядке.

Мимо аэродрома она прошла, не задерживаясь, не обращая внимания на дымящиеся остовы самолетов, уничтоженных бомбежкой.

У ворот дома Рашель помедлила и огляделась. Кажется, за ней никто не следит. Вианна проскользнула во двор и поспешила к заброшенному домику. Входную дверь давно выбили, и она болталась на одной петле, приоткрытая и покосившаяся.

В доме было темно и пыльно. Почти всю мебель вынесли либо немцы, либо мародеры, от картин на стенах остались темные пятна. Только в гостиной сиротливо стоял старый и грязный двухместный диванчик со сломанной ножкой. Вианна села, нервно постукивая носком по скрипучему полу.

Она грызла большой палец, не в силах успокоиться, и ждала. Наконец послышались шаги. Вианна осторожно выглянула в окно.

Отец. Хотя этот сгорбленный старик мало походил на ее отца.

Она позвала его. Отец провел рукой по редющим волосам. Его короткая седая шевелюра взъерошена, будто от удара током.

Отец медленно, прихрамывая, вошел в дом. Вся жизнь промелькнула у нее перед глазами. Мама говорила: «Прости его, Вианна. Он на себя не похож и сам себя простить не может... придется это делать нам».

– Вианна, – мягко начал он, растягивая ее имя – словно не хотел его отпускать.

И снова воспоминание. О том времени, давно забытом, когда он еще был самим собой. В последние годы она старалась о нем не

думать, прятала эти воспоминания даже от самой себя. Теперь они рвались наружу, и ей было немного страшно. Он так часто делал ей больно.

– Папа.

Он проковылял к дивану, подушки устало просели под его весом.

– Я был ужасным отцом.

Это прозвучало так неожиданно – и так верно, – что Вианна не нашлась что ответить.

Он вздохнул:

– Исправлять уже поздно.

Она под села к нему.

– Никогда не поздно попробовать, – осторожно начала она. А правда ли это? Сможет ли она его простить?

Да. Ответ пришел так же неожиданно, как и он сам.

– Столько нужно сказать, а времени совсем нет.

– Остайся. Я о тебе позабочусь...

– Изабель арестовали за пособничество врагу. Она в тюрьме в Жиро.

Вианна замерла, накрытая страшным ощущением вины. Что она сказала сестре в их последнюю встречу? *Не смей возвращаться.*

– Что мы можем сделать?

– Мы? Хороший вопрос, но неверный. Ты ничего не должна делать. Оставайся в Карриво, не попадай в неприятности. Береги мою внучку. Жди мужа.

Вианна едва сдержалась, чтобы не рассказать ему обо всем. *Я не та, что прежде, папа. Я спасаю и прячу еврейских детей.* Она так хотела, чтобы он посмотрел на нее с уважением, хотела, чтобы он ею гордился.

Скажи ему.

Нельзя. Он такой старый – старый, сломленный и какой-то потерянный. Тень прежнего человека. Не надо ему знать, что Вианна тоже рискует жизнью, не надо беспокоиться еще и о ней. Пусть думает, что она в безопасности, насколько это вообще возможно. Пускай считает ее трусихой.

– Изабель понадобится дом, когда все кончится. Скажешь ей, что она все правильно делала. Она будет терзаться, что поступила неверно.

Будет помнить, что оставила тебя с этим немцем, что из-за нее ты оказалась в опасности, и будет мучиться.

Вианна услышала в его словах признание. Он говорил о себе – как мог. Говорил, что сомневался в своем решении уйти на Великую войну, что мучился от того, что война сделала с его семьей. Он понимал, как изменился, знал, что боль отдалила его от жены и детей, а не сблизила их. И теперь жалел, что оттолкнул их от себя, оставив дочерей с мадам Дюма.

Как, должно быть, ему тяжело с этим жить. Впервые Вианна взглянула на свое детство глазами взрослого, с высоты опыта, после всего, что ей пришлось пережить. Война сломала отца, это она всегда знала. Мама все время твердила об этом, но только сейчас Вианна по-настоящему поняла, что та имела в виду.

Война *сломала* его.

– Вы, девочки, часть поколения, которое будет жить и помнить. Забыть... не получится. Вам надо держаться вместе. Пусть Изабель знает, что ее любят. Жаль, что я так ей этого и не показал, а теперь уже поздно.

– Ты как будто прощаешься.

Она поймала его взгляд, полный тоски и одиночества, и поняла, зачем он здесь и что хочет сказать. Он собирается пожертвовать собой, чтобы спасти Изабель. Вианна не представляла как, но была уверена – именно это отец и задумал.

– Папа, – нерешительно начала она, – что ты собираешься делать?

Он коснулся ее щеки. Рука была теплая, твердая, успокаивающая – прикосновение отца. Она и не осознавала – или не признавалась себе, – как скучала по нему. Но теперь, мимолетно заглянув в то будущее, которого никогда не случится, она по-настоящему поняла, чего лишилась.

– На что бы ты пошла, чтобы спасти Софи?

– На все что угодно.

Вианна смотрела на человека, который когда-то, до войны, научил ее читать, научил любить книги и любоваться закатами. Она так давно его не видела.

– Надо идти. – Он протянул ей конверт. «Изабель и Вианне», – было написано дрожащим почерком. – Прочитаете вместе.

Отец встал и двинулся к выходу.

Она не готова его потерять. Вианна вцепилась в рукав его куртки. Но в ладони остался только обрывок ткани – коричнево-белый лоскуток. Как те, что уже привязаны к ветвям яблони. Память об ушедших любимых.

– Я люблю тебя, папа, – тихо сказала она, только сейчас, кажется, понимая, что это правда, всегда было правдой. Любовь смешалась с чувством утраты, и много лет назад она оттолкнула ее, но любовь каким-то чудом выжила. Любовь дочери к отцу. Невыносимая, но вечная.

– Почему?

Она сморгнула слезы. Он тоже, кажется, плакал.

– А как иначе?

Он бросил на нее последний, долгий взгляд, поцеловал дважды – и отстранился. Тихо, едва слышно, проговорил:

– Я тоже тебя люблю.

И ушел.

Вианна смотрела, как он бредет по дороге. Когда отец скрылся, она вернулась к себе. Задержалась под яблоней, увешанной лоскутками ткани. За годы, что она повязывала их на ветви, дерево заболело, яблоки сделались горькими. Остальные яблони были здоровы, но это – дерево воспоминаний – почернело и изогнулось, изменилось, как истерзанный бомбежками город.

Она привязала клетчатый коричневый лоскуток рядом с ленточкой Рашель.

И прошла в дом.

В гостиной горел камин, в доме было тепло и дымно. Расточительство. Вианна, нахмурившись, закрыла дверь.

– Дети! – позвала она.

– Они наверху, в моей комнате. Я дал им конфет и игру.

Фон Рихтер. Что он делает дома среди дня?

Неужели он видел ее с отцом?

Знал про Изабель?

– Ваша дочь поблагодарила меня за шоколад. Очаровательное юное создание.

Вианна знала, что нельзя показывать страха. Она промолчала, стараясь держать себя в руках.

– А вот ваш *сын*, – он сделал едва заметное ударение на последнем слове, – он на вас совершенно не похож.

– Мой м-муж, Ан...

Удар оказался неожиданным. И стремительным, она не успела заметить его движения. Он схватил ее, вывернул руку. Вианна вскрикнула от боли, когда он притиснул ее к стене.

– Опять собралась врать?

Он заломил ей обе руки, прижав их к стене у нее над головой.

– Пожалуйста, – взмолилась она. – Не надо...

И тут же поняла, что совершила ошибку.

– Я проверил документы. У вас с Антуаном один ребенок. Девочка, Софи. Откуда мальчишка?

Вианна была слишком напугана, чтобы соображать. Она только помнила, что нельзя ни в коем случае говорить правду, или Даниэля депортируют. И что они тогда сделают с самой Вианной?.. И с Софи...

– Кузина Антуана умерла родами. Мы усыновили Даниэля как раз перед началом войны. Вы же знаете, как тяжело стало с документами, но у меня есть свидетельство о рождении и сертификат о крещении. Теперь он наш сын.

– Племянник, значит. Родня, да не родня. А откуда нам знать, что его отец не коммунист? Или не еврей?

Вианна судорожно сглотнула. Значит, он не догадывается...

– Мы католики, вы же знаете.

– На что вы готовы, чтобы он остался с вами?

– На все что угодно, – ответила она не задумываясь.

Он расстегнул ее блузку – медленно, пуговицу за пуговицей. Рука проскользнула внутрь, сжала грудь, вывернув сосок с такой силой, что она чуть не закричала.

– Все что угодно? – переспросил он.

Она сглотнула.

– В спальне, пожалуйста. Дети...

Он отступил.

– После вас, мадам!

– Вы позволите мне оставить Даниэля?

– Вы что, *торгуетесь* со мной?

– Да.

Он схватил ее за волосы и потащил в спальню. Пинком закрыл дверь и прижал Вианну к стене, выбивая воздух из легких. Задрал юбку, разорвал трусы.

Она отвернулась и закрыла глаза, но все равно слышала, как он расстегивает ремень.

– Смотри на меня, – потребовал он.

Она не пошевелилась, даже не вздохнула. И не открыла глаза.

Он снова ее ударил. Она все равно не шевелилась, крепко стиснув веки.

– Если будешь на меня смотреть, Даниэль останется. Она повернула голову и заставила себя открыть глаза. – Вот так-то лучше.

Она сжала зубы. Он спустил штаны и рывком расставил ее ноги, насилуя разом и тело и душу. Она так и не издала ни звука.

И не отвернулась.

Тридцать четыре

Изабель пыталась отползти от... чего? Ее били? Или жгли? Или заперли в холодильнике? Она не помнила. Она тащила окровавленное тело по полу, дюйм за дюймом. Болело все. Голова, лицо. Челюсть, руки, ноги.

Ее схватили за волосы и резко дернули. Толстые грязные пальцы раскрыли ей рот. Плеснули спиртное, которым она чуть не подавилась. Выплюнула.

Волосы оттаивали. По лицу текла ледяная вода.

Она медленно открыла глаза.

Перед ней кто-то стоял. Он курил сигарету, и от запаха ее затошнило.

Сколько она здесь пробыла?

Думай, Изабель.

Ее перевели в эту сырую душную камеру. Она дважды видела, как всходило солнце, верно?

Дважды? Или все-таки один раз?

Может, остальным уже хватило времени спрятаться? Думать не получалось.

Тот, что курил, задавал какие-то вопросы. Рот открывался, закрывался, изо рта вырывались облачка дыма.

Изабель инстинктивно дернулась, сжалась, попыталась прижаться к стене. Стоящий сзади пнул ее по спине, и она замерла.

Так. Двое. Один спереди, один сзади. *Следи за тем, кто говорит.*

Что он говорит?

– Сесть.

Она не хотела подчиняться, но сил сопротивляться уже не было. Она забралась на стул. Запястья разодраны, сочатся кровью и гноем. Изабель инстинктивно попыталась прикрыть наготу, но поняла, что смысла нет. Ей все равно раздвинут ноги, чтобы привязать лодыжки к стулу.

Вдруг что-то мягкое шлепнуло ей по лицу, сползло на колени. Она посмотрела вниз.

Платье. Не ее.

Она прижала его к обнаженной груди.

– Одевайся!

Изабель дрожащими руками натянула голубое, не по размеру большое платье. Чтобы справиться с пуговицами, понадобилась, кажется, целая вечность.

– Соловей, – протянул он.

Кончик сигареты зарделся, и Изабель инстинктивно вжалась в стул.

Шмидт. Вот как его звали.

– Я ничего не знаю о птицах, – пробормотала она.

– Вы Жюльет Жервэ.

– Я сто раз уже это говорила.

– И вы ничего не знаете о Соловье.

– Да, и об этом я тоже говорила.

Он резко кивнул, и Изабель услышала шаги, а потом у нее за спиной открылась дверь.

Это не больно, это просто тело. С душой они ничего не сделают.

Эти слова стали ее молитвой.

– Мы закончили.

Он улыбнулся, и у нее по телу побежали мурашки.

– Заводите.

В комнату ввели закованного в наручники человека.

Папа.

Она увидела ужас в его глазах и поняла, как выглядит: разбитые губы, синяки, рана на щеке... ожоги от сигарет на руках, кровь в волосах. Нужно было не двигаться, но она не смогла. Подалась вперед, сжав зубы от боли.

У него на лице не было ни синяков, ни порезов, а в движениях – болезненной скованности.

Его не били и не пытали, значит, не допрашивали.

– Я Соловей, – сказал отец. – Это вы хотели услышать?

Она покачала головой. *Нет.* Никто ее не услышал.

– Нет, это я Соловей, – произнесла она громко и едва не упала.

Шмидт расхохотался:

– Ты, девчонка? Знаменитый Соловей?

Отец обратился к немцу по-английски, но тот явно не понял.

Зато Изабель поняла. Они могут говорить по-английски.

Изабель стояла так близко к отцу, что могла бы его коснуться, но не решилась.

– Не делай этого.

– Поздно. – Он улыбнулся. Улыбка расцветала медленно, и Изабель почувствовала, как в груди словно что-то распрямилось. Волна воспоминаний захлестнула ее, смывая стены, которые она выстроила за годы одиночества. Вот отец подхватывает ее на руки и кружит; поднимает, упавшую, с земли и отряхивает. *Не так громко, маленькое ты чудище, маму разбудишь...*

Она сделала несколько коротких вдохов и вытерла глаза. Он просил прощения, искупал вину, возвращался к ней – все сразу, – жертвуя собой. На миг он снова стал тем, кем был когда-то, – поэтом, в которого влюбилась ее мать. Тот, прежний, довоенный отец, наверное, нашел бы иной путь, правильные слова, исцеляющие ошибки прошлого. Но перед ней стоял совсем другой человек. Слишком многое он потерял и слишком от многого отказался. У него не осталось слов. Лишь единственный способ рассказать ей о своей любви.

– Не так, только не так, – прошептала она.

– Иначе никак. Прости, – тихо ответил он.

Один из гестаповцев встал между ними. Схватил отца и поволок к двери.

Изабель похромала следом.

– Я Соловей! – кричала она.

Дверь захлопнулась у нее перед носом. Она вцепилась в металлические прутья оконной решетки.

– Я Соловей!

Под лучами яркого утреннего солнца отца вытолкнули на площадь у фонтана.

– Нам должно было хватить времени, – шептала она, заливаясь слезами.

Сколько раз она представляла, как они начнут все сначала – она, и папа, и Вианна; снова научатся смеяться, разговаривать друг с другом, станут настоящей семьей. Ничего этого никогда не будет; она так и не узнает своего отца по-настоящему, никогда не ощутит тепло его руки в своих ладонях, никогда не заснет, прижавшись к нему. Они так никогда и не скажут друг другу того, что должны были сказать. Не станут семьей, как обещала мама.

– Папа, – произнесла она вслух, и слово было таким огромным, что весь мир уместился в нем.

Отец повернулся к расстрельной команде. Выпрямился, расправил плечи и словно сделался выше ростом. Убрал с глаз седую прядь. Их глаза встретились. Изабель впилась в решетку, чтобы не упасть.

– Я люблю тебя, – произнес он одними губами.

Залп.

У Вианны болело все тело.

Она лежала в кровати, рядом с детьми, и старалась не вспоминать прошлую ночь.

Выбравшись из-под одеяла, она добрела до уличной колонки, умылась ледяной водой, вздрагивая, когда задевала кровоподтеки.

Оделась как можно проще – мятое льняное платье с расклешенной юбкой.

Всю ночь она ворочалась без сна, обнимая детей, оплакивая себя – и проклиная за то, что не дала отпор.

Ей хотелось убить его.

Или себя.

Что подумает Антуан?

Но больше всего ей хотелось свернуться в клубок, забиться в темный угол и никогда больше не покидать его.

Но стыд теперь был непозволительной роскошью. Как можно переживать из-за случившегося, когда Изабель в тюрьме, а отец отправился на верную смерть.

– Софи, – сказала она после завтрака, – у меня сегодня есть дела. А ты присмотри за Даниэлем. Запри двери.

– Фон Рихтер...

– Не вернется до завтра. – Она почувствовала, что краснеет. Ей же не положено этого знать. – Сам мне сказал вчера... вечером.

Софи вскочила:

– Мама?

Вианна вытерла слезы:

– Я в порядке. Но надо торопиться. Будь осторожна.

Она поцеловала детей и поспешила уйти, пока не придумала причины остаться.

Фон Рихтер. Сказал, что уезжает до завтра, но кто знает? Он мог отрядить кого-нибудь следить за ней. Но нельзя же переживать из-за всех «если». Так вообще ничего не удастся сделать. Спасая еврейских детей, Вианна научилась отодвигать свой страх.

Она должна помочь Изабель...

Не смей возвращаться. Я сама на тебя донесу.

...и папе, если сможет.

Вианна села в поезд, нашла место на деревянной скамье в вагоне третьего класса. Другие пассажиры – в основном женщины – сидели, понутив головы, сложив руки на коленях. У двери стоял высокий гауптштурмфюрер с винтовкой. В другом конце вагона сидел отряд мрачных солдат из французской милиции – ненавистных вишистских жандармов.

Вианна не смотрела на соседок. От одной из них несло чесноком и луком. От этого запаха в жарком и душном вагоне Вианну слегка замутило. К счастью, ехать было недалеко, и еще до одиннадцати часов она вышла из поезда на маленькой станции в Жиро.

И что теперь?

Солнце жарило вовсю, городок был погружен в дремоту. Многие из зданий разрушены, повсюду горы обломков. На уцелевших стенах разбомбленной школы синей краской нарисован лотарингский крест^[7].

На кривых мощеных улочках изредка встречались прохожие – девчушка на велосипеде, мальчик с тележкой, – но в целом здесь царила тишина. Город казался почти заброшенным.

А потом – вдруг женский крик.

Вианна повернула за угол и оказалась на городской площади. К фонтану было привязано тело. Вода красная от крови. Голову поддерживал армейский ремень, и лицо издали казалось почти расслабленным – губы чуть искривлены в улыбке, глаза открыты. Но вместо груди – кровавое месиво. От свитера уцелели лишь клочья. Штаны потемнели от крови.

Отец.

Ночь Изабель провела, скорчившись в углу камеры. Сцена казни вновь и вновь разворачивалась перед глазами.

Отец погиб. И ее тоже скоро убьют. В этом она не сомневалась.

Тянулись часы – время она измеряла вдохами и выдохами и еще биением сердца, – а она продолжала писать прощальные письма – отцу, Гаэтону, Вианне. Она нанизывала слова, фразы, тут же забывала их, и только одно неизбежное слово звучало снова и снова. Прости. Утром за ней пришли. Прогнившая, изъеденная жучками дверь заскрежетала по неровному полу. Изабель закричала бы, но сил не осталось даже на последнее НЕТ.

Ее рывком подняли на ноги. Женщина с телосложением танка швырнула ей пару башмаков и рывкнула что-то по-немецки. По-французски она, очевидно, не говорила.

За ботинками последовали документы на имя Жюльет, теперь изрядно помятые и грязные.

Башмаки оказались малы, пальцы ног свело судорогой, но Изабель была рада этой боли. Тюремщица вывела ее на лестницу и дальше, на залитую солнцем площадь. У здания на другой стороне стояли вооруженные солдаты. Изабель увидела тело отца, рванулась к фонтану и наконец закричала.

Все, кто был на площади, обернулись. Солдаты засмеялись.

Немка что-то прошипела.

Изабель хотела броситься на нее, но тут увидела Вианну.

Сестра шла как-то странно, будто не совсем владела собственным телом. Она была в старом платье, которое раньше казалось Изабель таким нарядным. Золотистые некогда волосы потускнели, лицо вытянулось и казалось почти прозрачным, точно хрупкий китайский фарфор.

– Я пришла помочь, – тихо сказала Вианна.

Изабель с трудом сдержала рыдания. Больше всего ей хотелось сейчас броситься к старшей сестре, упасть на колени, молить о прощении, обнять. Сказать «прости», и «я люблю тебя», и все остальные слова, что должны наконец быть сказаны.

Нельзя.

Сжавшись, она приготовилась нанести Вианне новый удар.

– Он попытался. – Изабель посмотрела на тело отца. – Уходи. *Пожалуйста.* Забудь меня.

Немка толкнула Изабель вперед. Она ковыляла по площади, глотая рвущиеся наружу стоны, но не оборачивалась. Она знала, что

еще минута-другая – и ее расстреляют, рядом с отцом, но вместо этого они прошли мимо тела отца, к грузовику, стоявшему на углу.

Изабель втолкнули в кузов. Она забралась в угол, сжалась. Брезентовый полог упал, опустился сумрак. Двигатель ожил. Изабель уткнулась подбородком в колени и закрыла глаза.

Очнулась она от того, что грузовик не двигался. Откуда-то донесся свисток.

Полог откинули, и в кузов ворвался свет, столь яркий, что Изабель различала лишь силуэты.

– *Schnell, schnell!*

Ее выволкли из кузова как мешок с мусором. У платформы стояли четыре вагона для перевозки скота. Три были закрыты. В четвертый загоняли женщин и детей. Шум стоял оглушительный – крики, плач, лай собак, команды солдат, свистки, пыхтение паровоза.

Немец поволок Изабель через толпу к вагону, подталкивая прикладом, стоило ей замешкаться хоть на миг.

Ее швырнули в вагон. Она не упала только потому, что люди стояли, прижавшись друг к другу. И число их росло, в вагон запихивали все новых и новых женщин – рыдающих, прижимающих к себе детей.

Окна забраны железными решетками. В углу, недалеко от себя, Изабель увидела бочку.

Вода.

Превозмогая боль, протолкалась через толпу плачущих женщин, вопящих детей. У самой бочки стояла, решительно скрестив руки на груди, женщина с седыми, закрытыми черной косынкой волосами.

Лицо мадам Бабино исказила желтозубая улыбка. Изабель чуть не разрыдалась от радости.

– Мадам Бабино.

– Называй уж меня Мишлин. – Она коснулась покрытого кровоподтеками лица Изабель: – Что они с тобой сделали?

– Все, что смогли.

– Вот уж не думаю. – Мишлин кивнула на бочку, до краев полную грязно-серой воды, которая то и дело плескала через край: вагон ходил ходуном из-за шевелящейся человеческой массы. К бочке был прицеплен треснутый деревянный черпак. – Попей, пока есть.

Изабель зачерпнула грязной воды. Ее чуть не вывернуло от мерзкого запаха, но она все же заставила себя сделать глоток. Выпила, передала ковшик Мишлин, та допила и вытерла губы рукавом.

– Плохо будет, – сказала Мишлин.

– Прости, что втянула тебя.

– Ни во что ты меня не втягивала, Жюльет. Я сама все решила.

Снова прозвучал свисток, и двери вагона задвинулись. Воцарилась темнота. Грохнул засов. Поезд резко дернулся и тронулся с места. Люди повалились друг на друга. Младенцы заорали еще истощнее, дети постарше завывали. Кто-то уже обмочился, и вонь перебивала даже смрад пота и страха.

Мишлин обняла Изабель за плечи, женщины забрались на охапку сена в углу.

– Меня зовут Изабель Россиньоль, – тихо сказала Изабель. Если она умрет в этом поезде, пусть хоть кто-нибудь знает, кто она такая.

Мишлин вздохнула:

– Дочка Жюльена и Мадлен.

– Ты с самого начала знала?

– Да. У тебя глаза отца и темперамент матери.

– Его казнили. Он назвался Соловьем.

Мишлин взяла ее за руку:

– Ну конечно. Когда-нибудь, когда сама станешь матерью, ты поймешь его. Мне поначалу казалось, что твои родители друг другу не подходят – тихий, интеллигентный Жюльен и живая, бойкая девчонка с шилом в заднице. Ничего общего. Теперь-то я знаю, что с любовью часто так бывает. Война его сломала, война. Как папиросу, пополам. Не починешь. А мать твоя так старалась ему помочь. Изо всех сил.

– Когда она умерла...

– Знаю. Вместо того чтобы разобраться с собой, он начал пить и испортил все окончательно, совсем ничего от него прежнего не осталось. – Мишлин вздохнула. – Не у всех историй счастливый конец. Даже у историй про любовь. Особенно у историй про любовь.

Поезд часто останавливался, в вагон загоняли еще женщин и детей. Иногда он не двигался, пережидая бомбежки. Женщины сидели и стояли по очереди, помогая друг другу. Вода закончилась быстро, а ведро, приспособленное под уборную, переполнилось и заливало все вокруг. Каждый раз, когда поезд замедлял ход, Изабель пробиралась к

боковой стенке вагона, выглядывала через щели наружу и пыталась понять, где они, но видела только солдат, и собак, и женщин, которых гнали точно скот. Люди царапали свои имена на клочках бумаги или ткани, проталкивали их через щели наружу в последней надежде, что их кто-нибудь запомнит.

Ко второму дню все так измучились, иссохли от жажды, что сидели молча, берегли силы. Жара в вагоне стояла невыносимая.

Ты должна бояться.

Это ведь Гаэтон ее предупреждал?

Тогда Изабель его не поняла. Теперь понимала. Она считала себя неуязвимой.

Повела бы себя иначе, если бы знала?

– Ни за что, – прошептала она в темноту.

Она повторила бы каждый свой шаг.

Еще не конец. Надо помнить об этом. Каждый день – шанс на спасение. Не сдаваться. *Никогда* не сдаваться.

Поезд в очередной раз остановился. Глаза слипались, тело затекло, ушибы все еще болели. Снаружи донеслись голоса, лай. Свисток.

– Проснись, Мишлин. – Изабель нежно коснулась плеча подруги.

Мишлин подняла голову.

Еще семьдесят человек – все, кто были в вагоне, женщины и дети, – медленно просыпались. Женщины инстинктивно жались друг к другу.

Изабель поморщилась от боли в истерзанных тесными башмаками ступнях. Она крепко держалась за холодную ладонь Мишлин.

Огромные двери вагона с грохотом отъехали в стороны. Яркое солнце ослепило. Сквозь пелену Изабель различила черные мундиры эсэсовцев. Они держали рвущихся с поводков, остервенело лающих псов.

Слезать, выходить, строиться.

Женщины помогали друг другу спуститься. Изабель выбралась из вагона, держась за руку Мишлин.

И сразу же получила удар прикладом по голове – такой силы, что упала на колени.

– Вставай, – потянула ее за руку одна из женщин. – Надо.

Изабель позволила себя поднять. Голова кружилась, и она оперлась на соседку. С другой стороны ее поддержала Мишлин.

Слева просвистел кнут, рассекая кому-то щеку. Женщина вскрикнула, схватилась за лицо. Между пальцами заструилась кровь, но женщина не замедлила шаг.

Они выстроились в неровную колонну, и их погнали по разбитой дороге к воротам, затянутым колючей проволокой. Над воротами нависала караульная вышка.

За воротами Изабель разглядела сотни – нет, тысячи – женщин, скользивших, будто призраки, в сером жарком мареве. Изможденные, с запавшими глазами и мертвенно-серыми неподвижными лицами, с редкими волосами, все в мешковатых грязных робах. Некоторые босиком. Только женщины и дети, мужчин не было, ни одного.

За воротами сразу от вышки тянулись бараки.

В пыли лежала мертвая женщина. Изабель, словно в забытьи, переступила через тело. В голове только одна мысль – *не останавливаться*. Одна из замешкавшихся женщин получила удар такой силы, что уже не поднялась с земли.

Солдаты выхватывали у них из рук пожитки, вырывали серьги из ушей, срывали с пальцев обручальные кольца. Когда ничего ценного не осталось, их завели в помещение, где уже собралась потная толпа. Какая-то тетка пихнула Изабель в сторону. Она не успела сообразить, что происходит, как ее раздели догола – как и прочих. Грубые руки царапали кожу. Изабель обрили – везде, включая лобок, – грубо, не обращая внимания на порезы.

Schnell!

Изабель жалась в толпе обритых, голых женщин. Ступни горели, голова гудела от ударов. Их снова погнали, в другое здание.

Она вспоминала, что слышала от сотрудников М19 и по радио о том, как евреев травят газом в концлагерях.

Когда их завели в огромное помещение с душевыми воронками по стенам, Изабель запаниковала.

Она стояла под одной из труб и вся дрожала. Даже сквозь крики и лай она слышала гудение в стенах. Что-то приближалось по этим трубам.

Вот оно.

Двери захлопнулись.

Из воронок хлынула ледяная вода. Впрочем, все закончилось почти сразу, и их погнали дальше. Даже не пытаясь прикрыться, Изабель брела в толпе. Одна за другой женщины проходили санобработку. Изабель выдали бесформенную полосатую робу, пару грязных мужских трусов и два левых ботинка без шнурков.

Их завели в похожее на амбар здание, где плотными рядами тянулись деревянные нары. Она забралась на одни из них, вместе с еще девятью женщинами, медленно оделась, глядя на серый деревянный каркас над головой.

– Мишлин? – прошептала она.

– Я здесь, Изабель, – отозвалась подруга с верхних нар.

Изабель слишком устала, чтобы говорить. Снаружи доносились удары, щелканье хлыстов и крики несчастных, двигавшихся слишком медленно.

– Добро пожаловать в Равенсбрюк, – сказала одна из соседок.

Изабель почувствовала, как костлявое бедро соседки прижимается к ней.

Она закрыла глаза и постаралась отстраниться, игнорировать звуки, запахи и свой страх.

Выжить.

Остаться. В живых.

Тридцать пять

Август.

Вианна лежала, стараясь не дышать. В жаркой темноте спальни на втором этаже – *ее* спальни, их с Антуаном, – любой шорох звучал оглушительно. Она услышала, как протестующе заскрипели пружины, когда фон Рихтер перекатился на свою сторону. Дождалась его храпа, отодвинулась на самый край кровати, откинула влажную простыню.

За последние несколько месяцев Вианна познала боль, стыд и унижение. И познала, каково это – выживать. Научилась распознавать настроение фон Рихтера, держаться подальше от него, не издавать лишних звуков. Иногда, если удавалось все сделать правильно, он едва ее замечал. Только в неудачные дни, когда он возвращался домой уже в дурном настроении, ей грозила опасность. Как вчера вечером.

Он явился сам не свой, бормоча что-то про беспорядки в Париже. Маки решились на уличные бои. Вианна сразу поняла, чего он захочет.

Причинить ей боль.

Она быстро отослала детей спать. А сама поднялась на второй этаж.

Это было, наверное, самое мерзкое – он заставлял ее приходить к нему, и она подчинялась. Снимала одежду, чтобы он ее не разорвал.

Одеваясь, она отметила, как болят руки. Подошла к окну. Вдали расстилались выжженные фугасами поля; искореженные деревья, некоторые еще дымились; руины домов с сиротливо торчащими трубами. Конец света. Аэродром разнесли вдребезги – кучи щебня, остовы самолетов и грузовиков. С тех пор как генерал де Голль принял командование вооруженными силами Свободной Франции, а союзники высадились в Нормандии, Европу бомбили практически непрерывно.

Жив ли еще Антуан? Может, он тоже сейчас выглядывает в окно барака и смотрит на луну, которая когда-то освещала их общий дом? И Изабель. Ее увезли всего два месяца назад, а кажется, что утекла целая жизнь. Вианна постоянно думала о ней, но с этим ничего не поделаешь – только терпеть.

Внизу она зажгла свечу. Электричества уже давно не было. В ванной комнате пристроила свечу у раковины и посмотрела на свое отражение в маленьком овальном зеркале. Даже в тусклом свете свечи

она выглядела неважно. Когда-то роскошные золотистые волосы потускнели, свисали вдоль лица неопрятными сосульками. За годы лишений нос словно бы удлинился, скулы заострились. На виске синяк. Скоро нальется цветом. Даже не глядя, она знала, что на плечах останутся следы от пальцев и на левой груди тоже будет кровоподтек.

Он делался все злее. Союзники высадились на юге Франции и постепенно продвигались вглубь страны. Немцы отступали, и фон Рихтер вознамерился отыграть на ней.

Вианна разделась, вымылась чуть теплой водой. Терла и терла себя мочалкой, пока кожа не покраснела, но все равно не чувствовала себя чистой. Она теперь никогда не чувствовала себя чистой.

Надев ночную рубашку, Вианна набросила сверху халат и вышла из ванной со свечой в руках.

Софи ждала ее в гостиной. Она сидела на последнем уцелевшем предмете мебели – диване, притянув колени к подбородку. Остальную мебель реквизировали или сожгли.

– Почему не спишь?

– Я могла бы задать тебе тот же вопрос, но не стоит?

Вианна потуже затянула пояс халата. Нервная привычка чем-то занимать руки.

– Пойдем в постель.

Софи взглянула на мать. Ей почти четырнадцать, и лицо начало взрослеть. Темные глаза на фоне бледной кожи казались почти черными, ресницы густые и длинные. Волосы поредели от плохого питания, но все равно курчавились. Софи стиснула пухлые губки.

– Серьезно, мама? Долго еще мы будем притворяться?

Тоска и гнев в глазах дочери разбивали ей сердце. Невозможно ничего скрыть от ребенка, детство которого закончилось с войной.

Что могла хорошая мать сказать почти взрослой дочери о мерзостях мира? Как тут быть честной? И могла ли Вианна надеяться, что дочь будет судить ее не так жестоко, как она сама судила себя?

Вианна села рядом с Софи. Припомнила их прежнюю жизнь – смех, поцелуи, семейные ужины, рождественское утро, молочные зубы, первые слова.

– Я же не дурочка, – начала Софи.

– Я никогда не считала тебя дурочкой. Просто, – она сделала глубокий вдох, – я пыталась тебя защитить.

– От правды?

– От всего.

– Так не бывает, – резко сказала Софи. – Неужели ты еще не поняла? Рашель пропала. Сара мертва. Дедушка тоже. Тетя Изабель... – На ее глаза навернулись слезы. – А папа... когда мы последний раз получали от него вести? Год назад? Восемь месяцев? Он, наверное, тоже погиб.

– Твой отец жив. И тетя тоже. Я бы почувствовала. – Вианна прижала руку к сердцу.

– Сердцем? Почувствовала бы *сердцем*?

Вианна понимала, что война сильно изменила Софи, превратила в озлобленную, циничную версию знакомой ей девочки, но видеть это так ясно и отчетливо все равно было больно.

– Как ты можешь... просто идти к нему? Я же вижу синяки.

– Это *моя* война, – тихо сказала Вианна.

– Тетя Изабель придушила бы его во сне.

– Да, – согласилась Вианна. – Изабель сильная женщина. Я – нет. Я просто мать, пытающаяся спасти своих детей.

– Думаешь, мы хотим, чтобы нас так спасали?

– Ты еще молода. Когда ты сама станешь матерью...

– Не стану!

– Прости, что разочаровала тебя, Софи.

– Я хочу его убить, – медленно проговорила Софи.

– Я тоже.

– Можем задушить его подушкой.

– Думаешь, я об этом не мечтала? Слишком опасно. Бек, живший у нас, пропал. Если еще один пропадет, нас точно схватят.

Софи мрачно кивнула.

– Я переживу то, что творит со мной фон Рихтер. Но не переживу, если что-нибудь случится с тобой или Даниэлем.

– Я его ненавижу.

– Я тоже, – кивнула Вианна. – Я тоже.

– Что-то сегодня жарко. Неплохо бы искупаться, а? – с улыбкой предложила Вианна.

Класс взорвался радостным воплем.

Вианна вывела детей в клуатр, построила. Они проходили мимо кабинета настоятельницы, когда его дверь открылась.

– Мадам Мориак, – улыбнулась матушка, – какие они у вас сегодня довольные. Кажется, сейчас запоют.

– Для этого слишком жарко, матушка. – Она подхватила настоятельницу под локоть. – Пойдемте с нами к пруду.

– Какая замечательная мысль.

– Постройтесь в колонну, – скомандовала Вианна, когда они дошли до дороги. Дети послушались. Вианна запела, и класс подхватил песню, хлопая в ладоши и подпрыгивая в такт.

Замечали ли они разбомбленные здания? Дымящиеся руины, что прежде были домами? Или настолько привыкли к разрухе вокруг, что уже не обращали внимания?

Даниэль шел рядом с Вианной, крепко держа ее за руку. Он все еще боялся без нее. Это огорчало Вианну до глубины души. А вдруг мальчик все-таки помнил, что потерял всех родных – отца, мать, сестру? Может, прижавшись к ней в кровати, он превращался в Ари, осиротевшего малыша?

Вианна хлопнула в ладоши:

– Дети, внимание, переходим дорогу. Софи, ты за главную.

Дети аккуратно пересекли дорогу и припустили вверх по склону холма к обширному пруду, одному из любимых уголков Вианны. У этого пруда они с Антуаном впервые поцеловались.

На берегу дети торопливо сбрасывали одежду – и вот они уже в воде. Вианна посмотрела на Даниэля:

– Не хочешь поплескаться с сестрой?

Даниэль закусил нижнюю губу, глядя на резвящуюся в воде ребятню.

– Не знаю...

– Можешь и не плавать, если не хочешь. Просто поболтаешь в воде ногами.

Он нахмурился, задумчиво надул щеки. Потом все же отпустил ее руку и осторожно направился к Софи.

– Так за тебя и цепляется, – заметила настоятельница.

– У него бывают кошмары, – призналась Вианна, едва не добавив *как и у меня*, но внезапно к горлу подступила тошнота. Пробормотав «простите», она бросилась к ближайшему дереву, и там ее вырвало.

Желудок был практически пуст, но позывы не прекращались, да еще и слабость накатила.

Рука матушки легла на спину, погладила, успокаивая.

Вианна выпрямилась, попыталась улыбнуться:

– Извините, не пойму, что со мной... – И замолчала. Похолодела, будто ее окатили ледяной водой. – Вчера утром тоже тошнило.

– О нет, Вианна. Ребенок?

Вианна не знала, смеяться, плакать или кричать от ярости. Она ведь столько молилась еще об одном ребенке.

Но не сейчас.

Не от *него*.

В ту неделю Вианна почти не спала. Она совсем обессилела. По утрам тошнило все сильнее.

Сидя на краю кровати, она смотрела на Даниэля. Пять лет. Опять вырос из своей пижамы, из рукавов и штанин торчат тоненькие ножки и ручки. В отличие от Софи он никогда не жаловался на голод, на то, что читать приходилось при тусклой свечке, или на жуткий серый хлеб по карточкам. Он попросту ничего другого и не знал.

– Эй, Капитан Дэн, – негромко позвала Вианна, убирая непокорную черную прядь с детского лба.

Малыш перевернулся на спину и улыбнулся, продемонстрировав дырку на месте переднего зуба.

– Мам, мне конфеты снились.

Дверь распахнулась. В комнату, запыхавшись, влетела Софи:

– Мам, скорее.

– Софи, я так...

– *Скорее*.

– Пойдем, Даниэль. Вид у нее серьезный.

Он радостно прыгнул к матери. Даниэль уже так вырос, что Вианна не могла носить его на руках, поэтому просто обняла крепче. Достала единственную подходящую одежду – полотняные штаны, сшитые из старых шароваров, найденных в амбаре, и свитер, связанный из последних остатков синей шерсти. Когда он оделся, она взяла малыша за руку и вывела в гостиную. Входная дверь была нараспашку.

Звонили колокола. В церкви. Откуда-то доносилась музыка.

Марсельеза?!

Софи стояла во дворе под яблоней. А мимо дома маршировала колонна немцев. Чуть позже появились машины. Танки, грузовики и автомобили грохотали по дороге, поднимая облака пыли.

Черный «ситроен» затормозил на обочине. Из него вылез фон Рихтер – в грязных ботинках, глаза закрыты темными очками, губы крепко сжаты.

– Мадам Мориак.

– Герр штурмбанфюрер.

– Мы покидаем ваш жалкий, убогий городишко.

Она не отвечала. Слишком опасно. Стоит сказать что-нибудь не так – и он убьет ее на месте.

– Война не окончена, – объявил он, но кого пытался убедить, ее или себя, она не поняла.

Он бросил взгляд на Софи, пристально посмотрел на Даниэля.

Вианна стояла неподвижно, с каменным лицом.

Он обернулся к ней. Заметил свежий кровоподтек на щеке, улыбнулся.

– Фон Рихтер! – окликнули из машины. – Оставь ты эту французскую шлюху.

– Шлюха и есть, – сказал он.

Стиснув зубы, Вианна молчала.

– Я тебя забуду, – наклонился он к ней. – Интересно, получится ли у тебя.

Он зашел в дом и вскоре вышел обратно с кожаной сумкой в руках. Даже не взглянув на Вианну, вернулся к машине. Хлопнула дверца.

Вианна схватилась за ворота, чтобы не упасть.

– Они уходят, – сказала Софи.

Ноги у Вианны подкосились. Она упала на колени.

Софи опустилась рядом с матерью, крепко прижала к себе.

Подбежал босой Даниэль.

– Я тоже! – радостно крикнул он. – Также хочу обниматься! – Малыш втиснулся между ними, и все трое со смехом повалились в сухую траву.

Весь последний месяц после ухода немцев из Карриво отовсюду сыпались хорошие новости. Союзники побеждали, но война еще не кончилась. Германия не сдавалась. Светомаскировку не убрали совсем, но сменили на «частичное затемнение», так что окна снова пропускали свет – неожиданный подарок. Но Вианна все никак не могла расслабиться. Если она не думала о фон Рихтере (вслух она больше никогда не произнесет его имени, но и забыть не удастся), то сходила с ума от тревоги за Изабель, Рашель и Антуана. Она писала Антуану почти каждый день, выстаивала огромные очереди на почте, чтобы отправить письма, хотя Красный Крест и утверждал, что корреспонденция пока не проходит. Больше года от мужа не было вестей.

– Ты опять бродишь туда-сюда, мам, – заметила Софи. Она сидела на диване в обнимку с Даниэлем, с книжкой на коленях. На каминной полке стояли фотографии, которые Вианна принесла из погреба в сарае. Она изо всех сил старалась превратить Ле Жарден снова в настоящий дом. – Мама?

Голос Софи вернул Вианну в реальность.

– Он вернется, – сказала Софи. – И тетя Изабель вернется.

– Да, конечно.

– А что мы скажем папе? – спросила Софи, и Вианна поняла, что дочь давно хотела задать этот вопрос.

Вианна положила руку на пока еще плоский живот. На первый взгляд она не изменилась, но Вианна хорошо знала свое тело – в ней росла новая жизнь. Она вышла из гостиной, распахнула парадную дверь. Босиком шагнула на каменные ступени, чувствуя мягкий мох под ногами. Не обращая внимания на острые камешки, вышла на дорогу и повернула в сторону города.

Справа – кладбище. Его разбомбили два месяца назад. Старые каменные надгробия покосились и раскололись на части. Земля потрескалась, тут и там зияли воронки.

Из-за поворота показался человек.

Позже Вианна часто гадала, что заставило ее выйти из дома тем осенним вечером в тот самый час, но на самом деле знала ответ.

Антуан.

Она кинулась навстречу, не замечая острых камней под ногами. И, уже почти падая в его объятия, вдруг остановилась. Ему достаточно

одного взгляда, чтобы понять, что она... испорчена другим мужчиной.

– Вианна... – Она едва узнала его голос. – Я сбежал.

Он изменился. Лицо заострилось, волосы поседели. Щеки и подбородок заросли белой щетиной. И невероятно худой. Левая рука висела под странным углом, словно была сломана и неправильно срослась.

По взгляду понятно, что он тоже заметил, как она изменилась.

Она произнесла – прошептала, выдохнула его имя:

– Антуан.

Вианна чувствовала, как по щекам бегут слезы, и видела, что он тоже плачет. Она прижалась к нему, поцеловала, но стоило им на секунду отодвинуться друг от друга, и он снова превратился в незнакомца.

– Я смогу и получше, – улыбнулся он.

Она взяла его за руку. Больше всего на свете ей хотелось почувствовать, как они близки, как тесно связаны друг с другом, но стыд пережитого воздвиг стену между ними.

– Я думал о тебе каждую ночь, – сказал он, пока они шли к дому. – Представлял нашу постель, тебя в той белой рубашке... Знал, что тебе так же одиноко.

Вианна не нашла в себе сил ответить.

– Только из-за твоих писем и продержался.

У сломанных ворот Ле Жарден он остановился.

Вианна увидела дом его глазами. Покосившиеся ворота, разрушенная стена, мертвая яблоня, вместо ярко-красных плодов – грязные тряпицы.

Он толкнул ворота, все еще державшиеся на одной погнутой петле...

– Подожди, – попросила она.

Нужно сказать ему сейчас, пока не поздно. Весь город знал, что у Вианны жили немцы. Он наслушается сплетен. Если через восемь месяцев родится ребенок, они что-нибудь да заподозрят.

– Без тебя было тяжело, – начала она. – Ле Жарден совсем рядом с аэродромом. Немцам понравился наш дом. Тут жили двое офицеров...

Входная дверь распахнулась, и с криком «Папа!» во двор выскочила Софи.

Антуан неловко упал на одно колено, раскинул руки. Софи на полном ходу врезалась в него.

Вианна снова чуть не расплакалась. Антуан дома, как она молилась и мечтала, но все было неправильно. Он изменился. Она изменилась.

– Как ты выросла. – Антуан улыбнулся дочери. – Оставлял девчонку, возвращаюсь – а тут девушка. Ты должна рассказать мне обо всем, что я пропустил.

Софи посмотрела мимо него, на Вианну.

– Давай не будем говорить про войну. *Совсем*. Никогда. Она кончилась.

Софи хотела, чтоб Вианна солгала.

В дверях появился Даниэль в коротких штанишках, красной вязаной водолазке, потерявшей всякую форму, и в носках, свешивавшихся на большие, не по размеру, поношенные башмаки. Прижимая к груди книжку с картинками, он спрыгнул со ступенек и направился к ним, хмурясь.

– А это что за красавец? – спросил Антуан.

– Я Даниэль, – ответил мальчик. – А вы?

– А я папа Софи.

Глаза Даниэля округлились. Он уронил книгу и бросился к Антуану:

– Папа!!

Антуан сгреб мальчика, подхватил на руки.

– Все расскажу, – пообещала Вианна. – А сейчас давайте праздновать.

Вианна тысячу раз представляла себе возвращение мужа. Поначалу она воображала, как он роняет чемодан и подхватывает ее большими, сильными руками.

Потом в доме поселился Бек. И она почувствовала к этому мужчине – к врагу – нечто такое, в чем не могла признаться даже себе. Когда он рассказал ей, что Антуан попал в плен, ее мечты изменились. В воображении муж виделся ей похudevшим, неухоженным, но все тем же *Антуаном*.

Человека, сидевшего за столом, она не узнавала. Он склонился над тарелкой и, обхватив ее руками, хлебал бульон так быстро и

жадно, будто думал, что еду в любой момент могут отнять. Осознав, что ведет себя странно, он смутился, пробормотал невнятные извинения.

Даниэль рта не закрывал, а Софи и Вианна изучали сидящую за столом тень Антуана. Он дергался от любого звука и прикосновения, взгляд затравленный, страдальческий.

После ужина, пока Вианна мыла посуду, он укладывал детей спать. Она была рада передышке – и почувствовала очередной укол вины. Это ведь ее муж, любовь ее жизни, и все же, когда он ее касался, она едва сдерживалась, чтоб не отодвинуться. Сейчас, стоя у окна спальни, она очень нервничала.

Он подошел к ней сзади. Она почувствовала его руки на плечах, услышала его дыхание. Вианна так хотела прижаться к родному, до последней клеточки знакомому телу, но не могла. Он ласкал ее плечи, руки, бедра... Нежно развернув лицом к себе, расстегнул воротник платья и коснулся губами плеча.

– Ты такая худенькая, – прошептал он голосом, хриплым от страсти и еще чего-то, чего-то нового – боли, тоски, признания изменений, произошедших в его отсутствие.

– Я с зимы набрала вес.

– Да, – ответил он. – Я тоже.

– Как ты сбежал?

– Когда они начали проигрывать войну, стало... тяжело. Избили так, что левой рукой пользоваться не мог. Решил, что лучше пусть пристрелят при побеге, чем замучают до смерти. Когда готов умереть, с планом побега проблем не возникает.

Вот теперь нужно было сказать ему правду. Он поймет – то, что сделал с ней фон Рихтер, было пыткой, она тоже была в плену. Ее вины в случившемся не было. Она это знала. Но разве вина тут имеет значение?

Он обхватил ее лицо руками, притянул к своему.

Поцелуй получился грустным напоминанием о том, что когда-то между ними было. Она дрожала, пока он ее раздевал. Она заметила красные шрамы у него на спине и груди и неровный, страшный шрам во всю левую руку.

Она знала, что Антуан не ударит ее, не сделает ей больно, и все равно боялась.

– Что такое, Вианна? – спросил он, отстранившись.

Она бросила взгляд на постель, их постель, но могла думать только о *том*. О фон Рихтере.

– П -пока тебя не было...

– Нам надо об этом поговорить?

Она хотела во всем признаться, расплакаться, чтобы он утешил ее и сказал, что все будет хорошо. Но как же Антуан? Он прошел через ад. Это она видела. Шрамы на груди и спине выглядели как следы от кнута.

Он любил ее. Это она тоже видела и чувствовала.

Но он же мужчина. Если она признается, что ее изнасиловали – и что у нее ребенок от другого, – ему это не даст покоя. Со временем он начнет спрашивать себя – не могла ли она остановить фон Рихтера? А позже будет подозревать, что, может быть, ей вовсе и не хотелось его останавливать.

Вот так. Она могла рассказать ему о Беке, и даже что убила его, но никогда не расскажет, что ее изнасиловали. Ребенок родится раньше срока. На месяц раньше – такое случается.

И все равно со временем тайна может разрушить их жизнь.

– Я могла бы рассказать тебе обо всем, – тихо произнесла Вианна. Она плакала, плакала от стыда, горя и любви. Больше всего от любви. – Про немцев, которые тут жили, и как было тяжело, как мы едва выжили, и как Сара умерла у меня на руках, и как отважно держалась Рашель, когда ее загнали в вагон, и я пообещала сберечь Ари. И как погиб отец, а Изабель арестовали и депортировали... но ты и так все знаешь. (*Прости меня, Господи.*) Но, может, и не надо об этом говорить. Может... – она коснулась пальцами шрама, изуродовавшего его левый бицепс. – Может, лучше просто забыть о прошлом и жить дальше.

Он поцеловал ее.

– Я люблю тебя, Вианна.

Она закрыла глаза и ответила на поцелуй, ожидая, что ее тело оживет от его прикосновений. Но когда она скользнула под него и их тела слились, как сливались столько раз в прошлом, она не почувствовала ничего.

– Я тоже люблю тебя, Антуан. – Она изо всех сил старалась не плакать.

Холодная ноябрьская ночь. Антуан дома уже больше двух месяцев.

От Изабель никаких вестей.

Вианна не могла уснуть. Она лежала рядом с мужем, слушая его тихое похрапывание. Раньше оно ей не мешало, но теперь не давало покоя.

Нет.

Это неправда.

Она повернулась на бок, посмотрела на мужа. В лунном свете лежал незнакомец: худое, острое лицо, седой, хотя ему всего тридцать пять. Она выскользнула из кровати и накрыла мужа стеганым покрывалом, доставшимся еще от бабушки.

Накинула халат и сошла вниз, где бродила из комнаты в комнату в поисках – чего? Своей прошлой жизни, любви к родному человеку, которую она, кажется, потеряла.

Все было не так. Они как чужие. И он тоже это чувствовал.

Она взяла плед в гостиной, завернулась в него и вышла на улицу.

Над разбомбленными полями висела полная луна. Светлые пятна лежали на земле между яблонями. Она подошла к одному из деревьев. Над головой нависала почерневшая мертвая ветка. Ветка, увешенная полосками ткани, обрывками кружев и нитями.

Повязывая их, Вианна наивно полагала, что важнее всего – остаться в живых, только это имеет значение. Дверь за спиной скрипнула. Она почувствовала, что муж рядом.

– Вианна, – шепнул он, обнимая ее сзади. Но Вианна не могла отвести глаз от первой ленточки, появившейся на этом дереве. Для Антуана. Кусок ткани выцвел, обтрепался – прямо как они.

Пора. Больше ждать нельзя. Живот уже растет.

Она обернулась и посмотрела ему прямо в глаза:

– Антуан.

– Я люблю тебя, Вианна.

Она глубоко вдохнула и выпалила:

– У меня будет ребенок.

Он замер. Долго соображал, прежде чем сумел собраться с мыслями.

– Что? Как? Когда?

Она смотрела на него, вспоминая, как близки они становились прежде, узнав о беременности, как радовались ей.

– Уже почти два месяца. Это, наверное, произошло... в первую ночь после твоего возвращения.

В его глазах она видела все сразу: удивление, тревогу, участие, недоверие и, наконец, радость.

– Я знаю, чего ты боишься, но не тревожься, Ви. Этого мы не потеряем. После всего, что мы пережили, – это чудо.

Слезы щипали глаза. Она попыталась улыбнуться, но чувство вины душило ее.

– Ты через многое прошла...

– Все прошли.

– Значит, давай попробуем поверить в чудо.

Может, так он пытался сказать, что знает правду? Или, по крайней мере, подозревает? И что он скажет, когда ребенок родится раньше срока?

– Что... что ты имеешь в виду?

Она видела, что и его глаза блестят от слез.

– Забудь о прошлом, Ви. Важно настоящее. Мы всегда будем любить друг друга. Мы же поклялись, еще когда нам было по четырнадцать лет. У пруда, где я тебя поцеловал в первый раз, помнишь?

– Помню.

Ей с ним повезло. Неудивительно, что она в него влюбилась. И она найдет дорогу обратно к нему, а он – к ней.

– Этот ребенок будет нашим новым началом.

– Поцелуй меня, – прошептала она. – Помоги мне забыть.

– Нам надо не забыть, родная, – сказал он, целуя ее. – А вспомнить.

Тридцать шесть

В феврале 1945-го снег накрыл груды тел, сваленных у недавно построенного крематория. Из труб валил зловонный черный дым.

Изабель стояла, дрожа, на своем месте в строю. Шла утренняя *Appell* – перекличка. От холода болело в груди, ресницы заиндевели, а пальцы на руках и ногах пылали огнем.

Она ждала конца переклички, но свистка все не было.

Валил снег. Некоторые женщины в строю начали кашлять. Одна упала лицом в грязное снежное месиво и не встала. Дул холодный, пронизывающий ветер.

Вдоль строя на лошади прогарцевал эсэсовец, внимательно разглядывая пленниц одну за другой: остриженные волосы, укусы блох, посиневшие, отмороженные пальцы и повязки, определяющие их как евреек, лесбиянок или политзаключенных. Где-то вдалеке взрывались бомбы, словно за горизонтом грохотала гроза.

Офицер то и дело указывал на одну из женщин, и ее немедленно вытягивали из строя.

Он ткнул пальцем в Изабель, и ее тоже куда-то потащили.

Отряд эсэсовцев окружил тех, кого отобрали, их построили в две колонны. Раздался громкий свисток и крики:

– *Schnell! Eins! Zwei! Drei!*

Изабель маршировала вместе с остальными. Легкие горели, ступни ныли. Мишлин шагала рядом.

Они прошли примерно милю от ограды лагеря, когда мимо прогрохотал грузовик, кузов которого был завален голыми трупами.

Мишлин споткнулась. Изабель поддержала ее, не дала упасть.

Они продолжали идти, пока наконец не остановились на заснеженном поле, укрытом пеленой тумана.

Женщин снова разделили. Изабель отогнали в группу *Nacht und Nebel*, политзаключенных, отдельно от Мишлин.

Немцы орали и указывали на что-то.

Женщина, стоявшая рядом с Изабель, пронзительно закричала, когда увидела, что им предстоит. Дорожные работы.

– Не надо, – попыталась утихомирить ее Изабель, но дубинка уже врезалась в голову несчастной.

Изабель стояла, тупо глядя перед собой, как рабочая лошадь, пока немцы надевали на нее кожаную упряжь и затягивали ремни на поясе. Она была связана с одиннадцатью другими пленницами, локоть к локтю. Они должны тащить каменный каток размером с автомобиль.

Изабель попыталась сделать шаг – безуспешно. Щелкнул хлыст, по спине разлилась жгучая боль. Она вцепилась в ремни, поднатужилась и все же шагнула. Все они устали до полусмерти. Сил не было совсем, а ноги, казалось, примерзли к стылой земле. Но нужно двигаться, иначе их запорют до смерти. Изабель наклонилась вперед, изо всех сил напряглась. Лямки врезались в грудь. Одна из женщин споткнулась, упала; остальные продолжали тянуть. Кожаные ремни закрипели, и каменное колесо сдвинулось с места.

Они тянули и тянули, превращая заснеженную землю в дорогу. Остальные женщины расчищали путь лопатами.

Охранники сидели у костров, разговаривали и смеялись.

Шаг.

Шаг.

Шаг.

Думать сил не хватало. Ни о холоде, ни о голоде, ни о жажде, ни о блохах и вшах. Ни о нормальной жизни. Последнее – хуже всего. Стоит замечтаться хоть на миг, и обязательно споткнешься, а это – кнут, или дубинка, или того хуже.

Шаг.

Продолжать идти.

Ноги не выдержали. Она упала. Соседка потянулась помочь ей. Изабель схватила синюю от холода руку онемевшими пальцами и встала. Сжав зубы, сделала еще один полный боли шаг. И еще.

Сирена прозвучала, как обычно, задолго до рассвета, в полчетвертого. Изабель спала, как и ее девять соседок, во всей одежде, какая имелась, – не подходящие по размеру ботинки, белье и мешковатая полосатая роба с номером на рукаве. Одежда, впрочем, не защищала от холода. Изабель старалась подбодрить соседок, напомнить им, что нужно быть сильными, но сама слабела с каждым днем. Зима была кошмаром. Умирили все; одни быстро – от тифа или побоев, другие медленно, от голода и холода, но умирали все.

Изабель уже несколько недель мучила лихорадка, но, к счастью, не настолько сильная, чтобы ее отправили в госпитальный блок. На прошлой неделе ее избили так, что на работе она потеряла сознание, после чего ее избили еще раз – и снова до потери сознания. Тело, весившее не больше восьмидесяти фунтов, было все в незаживающих язвах.

Равенсбрюк всегда был страшным местом, но сейчас, в марте 1945-го, обратился в истинный ад. Сотни женщин были уничтожены, уморены в газовых камерах или забиты до смерти только за последний месяц. В живых остались лишь *Verfugbaren* – «непригодные», больные, старые или увечные – и женщины *Nacht und Nebel*, «Ночи и Тумана», политзаключенные вроде Изабель и Мишлин. Женщины Сопротивления. По слухам, немцы боялись отправлять их в газовые камеры, ведь война повернула вспять.

– Ты справишься.

Изабель поняла, что раскачивается из стороны в сторону.

Мишлин Бабино улыбнулась усталой, но ободряющей улыбкой:

– Не плачь.

– Я не плачу, – отозвалась Изабель.

Они знали, что те, кто плачет по ночам, до утра обычно не доживают. Тоска и боль были постоянными спутницами, от них не избавиться. Но сдаваться нельзя. Ни на миг.

Здесь Изабель сражалась единственным оставшимся ей способом – помогая другим заключенным. В этом аду у них не было ничего, кроме друг друга. По вечерам они садились на нарах тесным кружком. Разговаривали шепотом, тихо пели, пытаясь удержать в памяти себя прежних, из исчезнувшей жизни. За девять месяцев, что Изабель пробыла в лагере, она нашла и потеряла немало друзей, и не сосчитать.

Она устала, так устала, и ей было так больно.

Пневмония, почти наверняка. И тиф. Она тихо кашляла, работала и старалась не привлекать внимания. Меньше всего она хотела оказаться в «палатке» – маленьком домике с брезентовыми стенами, куда сгоняли всех «тяжелых». Там умирали.

– Живи, – приказала себе Изабель.

Мишлин кивнула.

Они должны выжить. Сейчас – больше чем когда-либо. На прошлой неделе прибыли новые заключенные, а с ними и новости: русские вошли в Германию, добывая остатки немецкой армии. Аушвиц уже освободили. Союзники одерживали одну победу за другой на Западном фронте.

Война близилась к концу. И нужно дотерпеть совсем малость, до победы и освобождения Франции.

Свисток.

Толпа заключенных из женщин и немногих детей затихла. Перед ними расхаживали трое эсэсовцев с собаками.

Комендант лагеря остановился перед строем, заложив руки за спину. Скомандовал что-то по-немецки, и эсэсовцы двинулись вперед. Изабель расслышала *Nacht und Nebel*.

Один из эсэсовцев указал на нее, другой сразу же двинулся через толпу, сшибая женщин на землю, не задерживаясь, чтобы переступить через упавших. Он схватил Изабель за руку и потащил. Она, спотыкаясь, ковыляла следом и молилась, чтобы башмаки не свалились с ног, – потеря башмака наказывалась поркой, а кроме того, остаток зимы придется провести босиком.

Краем глаза она заметила, что другой офицер волочет за собой Мишлин.

Изабель могла думать только о том, чтобы не потерять башмаки.

Эсэсовец выкрикнул знакомое слово.

Их отправляют в другой лагерь.

Бессильная ярость охватила ее. Марш до другого лагеря ей не пережить.

– Нет, – пробормотала Изабель. Она теперь постоянно говорила с собой. Когда случалось что-то очередное из ужасного, она бормотала себе под нос. В туалете, сидя над очком в окружении больных дизентерией, стараясь не смотреть на других женщин, пристроившихся рядом и напротив, сдерживая рвоту от смрада и вида испражнений, она вела беседы сама с собой. Рассказывала истории о будущем, делилась воспоминаниями о прошлом.

Затем наступила пора отдельных слов, иногда без всякого смысла – просто чтобы напомнить себе, что она человек.

Изабель споткнулась и упала лицом в грязный снег.

– Встать! Марш!

Изабель не могла пошевелиться, но если она не встанет, ее ждет хлыст.

– Вставай! – крикнула Мишлин.

– Не могу.

– Можешь. Вставай!

Подруга помогла ей подняться.

Они заняли место в строю отобранных узниц и потащились вперед, вдоль кирпичной стены, под взглядами охранников на сторожевой вышке.

Идти пришлось два дня. Тридцать пять миль. Ночь провели на мерзлой земле, прижавшись друг к другу, уверенные, что не доживут до рассвета. Но их разбудили и погнали дальше.

Сколько умерло по дороге? Изабель хотела запомнить их имена, но от голода, холода и усталости сознание отказывало.

И вот они на железнодорожной станции, где их уже ждали вагоны, пахнущие смертью и экскрементами. В выцветшее белесое небо валил густой черный дым. Голые мертвые деревья. Ни птичьих криков, ни шороха, ни треска ветки под ногами. Тишина.

Изабель упала на жалкую горку соломы у стены вагона и скорчилась, сжавшись в комок. Сбитые колени подтянула к груди, обхватила руками в попытке сохранить хоть толику тепла.

Боль раздирала грудь. Ее скрутил приступ кашля.

– Вот ты где, – раздался в темноте голос Мишлин. Подруга опустилась рядом.

Изабель облегченно выдохнула и тут же закашлялась вновь. Прижав руку ко рту, почувствовала, как на ладонь брызнуло теплое. Кровь. Уже несколько недель она кашляла кровью.

Мишлин тронула ее лоб:

– Да ты вся горишь.

Двери вагона задвинулись, поезд дернулся. Вагон качало и мотало из стороны в сторону. Женщины сбились в кучку. По крайней мере, на морозе моча замерзнет в бочке и не будет расплескиваться.

Изабель прижалась к подруге и прикрыла глаза.

Издали донесся пронзительный визг. Бомба. Поезд со скрежетом затормозил, и где-то совсем рядом ухнул взрыв. Вагон содрогнулся. Запах гари окутал все. Следующая бомба может попасть прямо в вагон, и тогда все закончится.

Четыре дня спустя поезд остановился в последний раз. Двери открылись. Снежно-белая равнина, чистоту которой нарушали только черные мундиры эсэсовцев.

Изабель села и с удивлением обнаружила, что не чувствует холода. Напротив, она вся взмокла.

Многие из подруг умерли за минувшие ночи, но сил на горе не было. Как и времени – помолиться, попрощаться. Немцы уже торопили:

– *Schnell! Schnell!*

Изабель растолкала Мишлин.

– Возьми меня за руку, – попросила она подругу.

Держась за руки, женщины встали. Изабель переступила через мертвое тело, с которого уже успели стянуть ботинки.

На другой стороне платформы заключенные копошились, строясь в шеренгу. Женщина перед Изабель споткнулась и упала.

Эсэсовец не раздумывая выстрелил ей в голову.

Изабель не упала. Не остановилась. Пошатываясь, она брела через снежную равнину. Впереди показалась лагерная ограда.

– *Schnell!*

Они прошли в ворота. Худые, точно скелеты, мужчины и женщины в полосатых робах смотрели на них из-за колючей проволоки.

– Жюльет!

Она услышала, но не поняла, что зовут ее.

И вдруг вспомнила.

Это она – Жюльет. А до того была Изабель. И Соловей – это тоже она. А сейчас – А5491.

Она обернулась.

Кто-то махал ей рукой. Женщина. Серая кожа, крючковатый, острый нос, запавшие глаза.

Глаза.

Изабель узнала этот взгляд.

Анук.

Изабель похромала к забору.

Их пальцы встретились сквозь металлическую сетку ограды.

– Анук... – Голос сорвался. Изабель зашлась в судорожном кашле.

В глазах Анук – невыносимая тоска. Взгляд подруги упал на здание с трубой, из которой валил черный дым.

– Они убивают нас, чтобы спрятать следы.

– Анри? Поль?.. Гаэтон?

– Всех арестовали, Жюльет. Анри повесили на площади. Остальных... – Она пожала плечами.

Изабель услышала крик эсэсовца. Отошла от забора. Ей так хотелось сказать Анук что-нибудь *настоящее*, важное, но кашель снова согнул пополам.

Она увидела, как губы подруги произнесли беззвучное «прощай», и не смогла ответить.

Она так устала прощаться.

Тридцать семь

Даже в солнечный мартовский день, когда небо слепило синевой, квартира на авеню де Ла Бурдонне напоминала мавзолей. Толстый слой пыли повсюду. Вианна подошла к окну и сорвала светомаскировку, впервые за долгие годы впуская в комнату солнечный свет.

Здесь давно никого не было. Наверное, с того дня, как папа ушел спасти Изабель.

Картины по-прежнему на стенах, да и мебель почти вся на месте – только кое-что пущено на дрова, обломки свалены в углу. На обеденном столе пустая тарелка, ложка. На каминной полке – стопка книжек, папины стихи.

– Похоже, ее здесь не было. Надо спросить в отеле «Лютеция».

Вианна понимала, что хорошо бы собрать семейные ценности, остатки прежней жизни. Но не сейчас. Потом. Когда-нибудь.

Втроем, с Софи и Антуаном, они вышли на улицу. В самом воздухе было разлито освобождение. Парижане, точно кроты, щурясь, выбирались на солнечный свет после нескольких лет тьмы. Но очереди за продуктами никуда не делись, и карточки не отменили. Война, может, и завершается, и немцы отступают на всех фронтах, но она еще не окончена.

Они направились в отель «Лютеция», бывшую штаб-квартиру абвера в годы оккупации, где нынче расположен центр регистрации возвращающихся из концлагерей.

Вианна стояла в центре роскошного вестибюля, полного людей, и сердце ее ныло. Подумалось вдруг – хорошо, что она оставила Даниэля под присмотром матушки Мари-Терезы. Люди были все тощие, изможденные, многие лысые, с пустыми глазами, в лохмотьях. Ходячие мертвецы. Среди них сновали врачи, сотрудники Красного Креста и журналисты.

Вианну дернул за рукав какой-то человек, сунул в лицо черно-белую фотографию:

– Вы ее не видели? Последнее, что мы знаем, – ее отправили в Аушвиц.

На снимке улыбающаяся миловидная девчушка лет пятнадцати стоит рядом с велосипедом.

– Нет, – пробормотала Вианна. – Простите, нет.

Но мужчина уже брел дальше, снова и снова повторяя свой вопрос.

Всюду, куда ни кинь взгляд, встревоженные родственники с фотографиями в подрагивающих руках, с надеждой уловить хотя бы намек о судьбе близких. Одна стена вся обклеена фотографиями и записками с именами и адресами. Выжившие разыскивают пропавших. Антуан обнял Вианну за плечи:

– Мы найдем ее, Ви.

– Мама? – встревожилась Софи. – Как ты?

Вианна печально посмотрела на дочь:

– Наверное, не следовало брать тебя с собой.

– Хватит уже опекать меня, – сказала девочка. – Давно пора бы это понять.

Держась за руку дочери, Вианна двинулась сквозь толпу, стараясь не отставать от Антуана. Слева она заметила группку истощенных до предела мужчин, все в грязных полосатых пижамах. Как они вообще до сих пор живы, эти люди?

Вианна не сразу сообразила, что ее о чем-то спрашивает женщина в форме Красного Креста.

– Мадам?

Вианна, с трудом оторвав взгляд от выживших узников, принялась сбивчиво объяснять:

– Я ищу... мою сестру, Изабель Россиньоль. Ее арестовали за участие в Сопротивлении и депортировали. И еще мою лучшую подругу, Рашель де Шамплен, ее тоже депортировали. Ее муж Марк был в лагере для военнопленных. Я... не знаю, что с ними, не знаю, как их искать. И... еще у меня список еврейских детей из Карриво. Надо разыскать их родителей.

Сотрудница Красного Креста, хрупкая седая женщина, записала имена.

– Я сейчас проверю по нашим спискам. А что касается детей, пойдемте со мной.

Их провели в кабинет, где за столом, заваленным бумагами, сидел какой-то древний старик с длинной бородой.

– Мсье Монтан, – сказала женщина, – у этой дамы есть информация о еврейских детях.

Старик поднял на них красные воспаленные глаза, поманил пальцем:

– Входите.

Дверь за ними закрылась, и тишина, внезапно наступившая после гама многолюдья, оглушила.

Вианна приблизилась к столу. Ладони взмокли, и она обтерла их о юбку.

– Меня зовут Вианна Мориак. Я из Карриво. – Она открыла сумочку, вытащила лист со списком. Положила на стол. – Некоторых еврейских детей удалось спасти, мсье. Мы укрыли их в аббатстве Святой Троицы, у матушки-настоятельницы Мари-Терезы. Я не знаю, где искать их родителей, не знаю, куда им податься. Кроме самого первого в списке. Ари де Шамплена я взяла к себе. И хочу отыскать его родителей.

– Девятнадцать человек, – проговорил старик.

– Не так много, я понимаю, но...

А он смотрел на нее так, словно она была не испуганной домохозяйкой, а какой-то героиней.

– Эти девятнадцать погибли бы в лагерях вместе со своими родителями, мадам.

– Как вы думаете, удастся найти их родных?

– Постараюсь, мадам. Но, к сожалению, большинство из этих детей наверняка сироты. Списки из концлагерей однообразны. Списки умерших. Мать погибла, отец погиб, родственников во Франции не осталось. Но все же им повезло, ведь не многим из детей удалось выжить. – Он устало провел рукой по волосам. – Я передам ваш список в Организацию спасения детей в Ницце. Они попытаются найти родных ваших подопечных. Спасибо, мадам.

Вианна подождала, но больше старик ничего не сказал. Они вышли из кабинета и снова смешались с толпой беженцев, узников и их родственников.

– Что дальше? – спросила Софи.

– Подождем, что скажут в Красном Кресте, – ответила Вианна.

Антуан показал на стену с фотографиями и именами:

– Давайте поищем там.

Они переглянулись, представив, как невыносимо больно будет рассматривать эти тысячи снимков, читать записки. И все же направились к стене.

Часа через два вернулась дама из Красного Креста.

– Мадам? Мне очень жаль, мадам, но Рашель и Марк де Шамплен числятся в списках погибших. Об Изабель Россиньоль нет никаких сведений.

Вианна едва не упала. Но справилась, отодвинула горе, чтобы пережить его позже, в одиночестве. Нальет бокал шампанского, сядет под старым тисом и вволю поболтает с подругой.

– Что значит – нет сведений? Никаких документов? Но я своими глазами видела, как ее уводили.

– Вам лучше вернуться домой и ждать сестру. – Дама ласково коснулась руки Вианны. – Не теряйте надежды. Еще не все лагеря освободили.

– Может, она нарочно прячется? – задумчиво спросила Софи.

– Совсем ты взрослая. – Вианна нежно погладила дочь по щеке, печально улыбнулась. – Знаешь, я горжусь этим, но вместе с тем это разбивает мне сердце.

– Пойдем. – Софи потянула мать за руку, и Вианна подчинилась. Сейчас она чувствовала себя больше ребенком, чем родителем.

Трясаясь в вагоне третьего класса, Вианна смотрела на проплывающие за окном разбомбленные деревни. Антуан спал, привалившись к грязному стеклу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Софи.

Вианна положила ладонь на округлившийся живот – легкий трепет в ответ, едва заметный толчок. Она взяла руку Софи. Девочка хотела было отдернуть, но мать не отпустила. Софи ощутила под ладонью движение, подняла взгляд на Вианну:

– Как ты можешь...

– Война всех нас изменила, Софи. Рашель... больше нет, и Даниэль стал твоим братом. Настоящим братом. А это дитя, он или она, неповинно ни в чем...

– Но как забыть? И я никогда не прощу.

– Любовь должна быть сильнее ненависти, иначе все было напрасно.

– Будем надеяться, что так, – вздохнула Софи, слишком уж серьезно для своих лет.

– Давай напоминать друг другу об этом, ладно? – Вианна погладила дочь по голове. – В тяжелые моменты. Мы должны поддерживать друг друга.

Переключка все длилась и длилась. Ноги не держали. Но, осев на землю, она приказала себе *остаться в живых*, и с трудом поднялась.

Охранники с собаками шли вдоль строя, отбирая женщин для газовой камеры. Говорят, предстоит очередной переход. На этот раз в Маутхаузен, где на тяжелых работах умирают тысячи людей: советские военнопленные, евреи, пилоты союзников, политзаключенные. Говорят, никто из вошедших в эти ворота не выходит обратно.

Изабель закашлялась. Кровь брызнула на ладонь. Она торопливо вытерла ее о грязную одежду, пока охранник не заметил.

Грудь горела, голова разрывалась от боли. Она настолько погрузилась в боль, что пропустила момент, когда послышался звук моторов.

– Слышишь? – встрепенулась Мишлин.

Тревожная волна прокатилась по толпе заключенных. Но Изабель была сосредоточена на боли. Легкие жгло при каждом вдохе.

– Они уходят! – раздался голос.

– Изабель, гляди!

Сначала она не видела ничего, кроме яркого синего неба, деревьев и соседок по бараку. А потом заметила.

– Охрана! Их нет, – прохрипела она.

Ворота клацнули, распахнулись, и во двор хлынул поток грузовиков с американскими флагами; солдаты висели на бортах, сидели на капотах.

Американцы.

Колени у Изабель снова подогнулись.

– Ми...ш...лин, – прошептала она. – Мы... выжили.

Наступила весна, война неумолимо катилась к концу. Генерал Эйзенхауэр потребовал капитуляции. Американцы форсировали Рейн и вошли на территорию Германии. Союзники продвигались день за днем, освобождали узников концлагерей. Гитлер затаился в бункере.

А Изабель все не возвращалась.

Вианна нервно хлопнула крышкой почтового ящика:

– Она словно испарилась.

Антуан промолчал. Сколько уж недель они ищут Изабель. Вианна часами стоит в очереди к телефону, рассылает письма по госпиталям и разным организациям. На прошлой неделе вдвоем объезжали лагерь беженцев и перемещенных лиц, но все впустую. Нигде никакой информации об Изабель Россиньоль. Она словно исчезла с лица земли – с сотнями тысяч других.

Изабель могла выжить в лагере, но погибнуть буквально накануне прихода союзников. В лагере Берген-Бельзен союзников ждали груды еще теплых тел.

Чтобы никто не мог рассказать.

– Пойдем. – Антуан взял ее за руку.

Она больше не сжималась от его прикосновений, не вздрагивала, но и спокойствия тоже не ощущала. После его возвращения они почти не занимались любовью. Он говорил, что не хочет навредить ребенку, она соглашалась, но оба знали правду.

– У меня для тебя сюрприз. – Он с улыбкой повел ее на задний двор.

На фоне слепящей небесной лазури колыхался старый тис. За загородкой пищали и ковырялись в грязи цыплята.

Между тисом и какой-то железякой, которую Антуан, должно быть, отыскал в сарае, натянута старая простыня. Он подвел жену к стулу, стоявшему на каменных плитах. За годы отсутствия мужа меж каменными плитами вырос мох, и стул был неустойчив. Вианна осторожно села, ощущая, что в последнее время стала грузной и неповоротливой. Антуан улыбался радостно и немножко лукаво.

– Мы с детьми весь день готовились.

Мы с детьми.

Антуан встал перед колышущейся простыней и торжественно взмахнул рукой:

– Леди и джентльмены, дети, тощие кролики и вонючие цыплята...

Из-за простыни донеслось хихиканье – Даниэль, затем сердитое шиканье – Софи.

– В лучших традициях «Мадлен в Париже», где главную роль исполнила блистательная мадемуазель Мориак, представляю вам Певцов из Ле Жарден!

Широким жестом он отдернул занавес, открывая деревянный, слегка кособокий помост, на котором стояли Софи и Даниэль. Оба в наброшенных на плечи одеялах-плащах, под подбородками цветущие веточки яблони, а на головах короны из блестящего металла, к которому они приклеили красивые камешки и цветные стеклышки.

– Мам, привет! – радостно замахал Даниэль.

– Тш-ш, – одернула его Софи. – Помнишь, как надо?

Даниэль серьезно кивнул.

Оба синхронно повернулись – помост предательски покачнулся – и простерли руки к Вианне.

Антуан поднес ко рту губную гармошку, извлек долгий заунывный звук, повисший в воздухе. А потом заиграл.

Тоненьким чистым голоском Софи затянула:

– *Братец Жак, братец Жак...*

Софи присела на корточки, а Даниэль подпрыгнул, подхватив:

– *Спишь ли ты? Спишь ли ты?*

Вианна прикрыла рот ладонью, не успев сдержать смешок.

Певцы старались вовсю. Софи наслаждалась незатейливой родительской радостью, а Даниэль явно был на седьмом небе.

Словно сцена из прошлой жизни. Странной и прекрасной.

Вианна чувствовала, как внутри набухает радость. *У нас все будет хорошо*, подумала она, глянув на Антуана. В тени дерева, посаженного ее прадедом, глядя на своего мужа, слушая детские голоса, она нутром поняла: *у нас все будет хорошо*.

– ...динг... данг... донг...

Песня закончилось, и Вианна бурно зааплодировала. Дети величественно поклонились. Даниэль сбросил плащ, спрыгнул на траву и громко захохотал. Вианна встала и вперевалку двинулась к сцене, чтобы поцеловать детей.

– Какая прекрасная идея, – сказала она сияющей Софи.

– Я же был серьезным, мам, да? – спросил Даниэль.

– Это мы с папой вместе придумали, – сказала Софи. – Чтобы как раньше.

– Я тоже придумывал! – подхватил Даниэль.

Вианна расхохоталась:

– Вы оба просто *грандиозные* певцы. А...

– Вианна? – позвал Антуан.

Но Вианна никак не могла оторваться от детей.

– И долго тебе пришлось разучивать слова? – спросила она у сына.

– Мама, – напряженно сказала Софи. – К нам пришли.

Вианна обернулась.

Рядом с Антуаном стояли двое мужчин; оба в поношенных черных костюмах и черных беретах. У одного в руках потрепанный портфель.

– Софи, присмотри за братом, – велел Антуан. – Нам надо кое-что обсудить с этими мсье.

Антуан подошел к Вианне, обнял и повел в дом.

– Я Натаниэль Лернер, – представился тот, что постарше, седой, с кожей в старческих пятнах.

– А я рабби Горовитц.

– Чем мы можем вам помочь?

– Мы приехали за Ари де Шампленом, – мягко сказал рабби. – У него есть родственники в Америке, в Бостоне. Мы получили от них запрос.

Вианна, наверное, упала бы, если бы Антуан не поддержал.

– Мы понимаем, что вы спасли девятнадцать еврейских детей. Это при том, что в вашем доме жил немецкий офицер. Невероятно, мадам.

– Подвиг, – добавил рабби.

Антуан сжал ее руку, и Вианна осознала, что следует что-то ответить.

– Рашель была моей лучшей подругой. Я пыталась помочь ей перебраться в Свободную Зону перед депортацией, но...

– Ее дочь погибла, – сказал Лернер.

– Откуда вы знаете?

– Наша работа состоит в том, чтобы собирать сведения и соединять семьи. Мы разговаривали с женщинами, которые были вместе с Рашель в Аушвице. К сожалению, она продержалась меньше месяца. Ее мужа Марка расстреляли в Шталаг 13А. Ему не так повезло, как вашему мужу.

Вианна молчала. Она понимала, эти люди дают ей время. Она была благодарна им за это, но куда больше она ненавидела их.

– Даниэль – *Ари* – родился за неделю до того, как Марк ушел на войну. Он не помнит родителей. Самое разумное, если он останется нашим сыном.

– Но он не ваш сын, мадам. – Голос у Лернера мягкий, но слова – как удар хлыста.

– Я обещала Рашель, что спасу его.

– И вы спасли. А теперь Ари пришло время вернуться в семью. К своему народу.

– Он не поймет.

– Возможно, – согласился Лернер. – Пока не поймет.

Вианна с надеждой смотрела на Антуана:

– Мы любим его. Он часть нашей семьи. Он должен остаться с нами. Ты же согласен, Антуан?

Антуан очень серьезно кивнул.

– Мы можем усыновить его. Воспитаем как родного сына. Но как еврея, конечно же. Мы объясним ему, кто он такой, будем водить его в синагогу и...

– Мадам, – вздохнул Лернер.

Рабби ласково взял руки Вианны в свои:

– Мы знаем, что вы любите его, а он любит вас. Мы знаем, что Ари еще слишком мал, чтобы понять ситуацию, и что он будет плакать и тосковать без вас – возможно, годами.

– Но вы все равно хотите его забрать.

– Вы видите горе одного маленького мальчика. А я здесь, потому что горе коснулось всего моего народа. Понимаете? – Лицо его будто почернело, уголки рта скорбно опустились. – Миллионы евреев были уничтожены в этой войне, мадам. *Миллионы*. – Он помолчал. – Исчезло целое поколение. И теперь мы должны воссоединиться вновь, те немногие из нас, кто выжил; мы должны возродить нацию. Один мальчик, который не помнит, кто он такой, может, и не большая утрата для любого другого народа, но для нас этот мальчик – наше будущее. Мы не можем допустить, чтобы вы растили его в чуждой вам вере и время от времени водили в синагогу. Ари должен стать тем, кто он по рождению, и жить со своим народом. Его мать хотела бы именно этого.

Вианна вспомнила отель «Лютетция» – ходячие скелеты с пустыми глазами, бесконечная стена со снимками.

Миллионы погибших.

Утраченное поколение.

Она не смеет отказать рабби. Не вернуть Ари родной семье и своему народу? Она готова умереть, сражаясь за своих детей, но здесь нет врага, которого можно победить. Это просто горе, для всех.

– Кто его заберет? – Голос дрогнул.

– Двоюродная сестра его матери. У нее одиннадцатилетняя дочь и сын шести лет. Они будут любить Ари как родного.

У Вианны сил не было ни кивнуть, ни утереть слезы.

– Они же будут писать мне, присылать фотографии?

– Ему придется забыть вас, мадам, начать новую жизнь.

– Когда вы его заберете?

– Прямо сейчас.

Сейчас.

– И мы ничего не можем изменить? – спросил Антуан.

– Нет, мсье. Ари следует вернуться к своим. Он один из немногих счастливицков – его родственники живы.

Вианна почувствовала, как Антуан взял ее за руку. На лестнице ему пришлось поддерживать ее, ноги не слушались.

В спальне сына (нет, не сына), двигаясь как сомнамбула, она собрала нехитрые пожитки мальчика. Потрепанная плюшевая обезьянка с вечно отрывающимися глазами; кусочек окаменевшего дерева, который он нашел на берегу прошлым летом; стеганое одеяло, которое Вианна смастерила из лоскутов его старой одежды. С обратной стороны вышивка «Нашему Даниэлю, с любовью от мамы, папы и Софи».

Она вспомнила, как он прочитал это и спросил: «Папа вернется?» – а она кивнула и сказала, что любимые всегда находят дорогу домой.

– Я не хочу терять его. Я не могу...

Антуан прижал ее к себе, дал выплакаться, а потом пробормотал на ухо:

– Ты же сильная. Мы должны смириться. Мы любим его, но он не наш.

Как же она устала быть сильной. Сколько еще утрат она сможет вынести?

– Хочешь, я ему скажу? – предложил Антуан.

Конечно, хочет, больше всего на свете хочет, но это должна сделать мать.

Трясущимися руками она упаковала вещи Даниэля – Ари – в старый холщовый рюкзак и вышла из комнаты, мигом позже осознав, что забыла про Антуана. Сил хватало только на то, чтобы дышать и двигаться. Вианна прошла к себе, перерыла весь шкаф, пока не отыскала наконец маленькую фотографию – она и Рашель. Единственный сохранившийся у нее снимок Рашели. Сделано лет десять-двенадцать назад. Вианна написала на обороте их имена, сунула фотографию в карман рюкзака. Не обращая внимания на мужчин внизу, она вышла во двор, где дети – все еще в своих плащах и коронах – резвились на самодельной сцене.

Мужчины последовали за Вианной.

– Мама? – удивилась Софи.

Смех Даниэля. Долго ли она будет помнить этот звук? Не слишком. Теперь она знала это. Воспоминания – даже лучшие из них – имеют свойство стираться.

– Даниэль... – Пришлось откашляться и повторить попытку: – Даниэль? Не мог бы ты подойти?

– Что случилось, мам? – Софи забеспокоилась: – Ты плакала?

Вианна шагнула навстречу мальчику, прижимая к себе рюкзак.

– Даниэль...

– Хочешь, чтобы мы еще разок спели, да, мамочка? – Даниэль поправил сползшую набок корону.

Путаясь в полах своего «плаща», он приблизился.

Вианна опустилась на колени, взяла мальчика за руки.

– Не думаю, что ты поймешь. – Голос ее срывался. – В свое время я рассказала бы тебе обо всем. Попозже, когда ты стал бы старше. Мы даже сходили бы в твой старый дом. Но время вышло, Капитан Дан.

– Ты про что? – нахмурился мальчик.

– Ты же знаешь, как сильно мы тебя любим.

– Да, мама.

– Мы тебя очень любим, Даниэль, и всегда любили, с того самого момента, как ты появился в нашей жизни, но прежде у тебя была

другая семья. У тебя были другая мама и другой папа, и они тоже любили тебя.

– У меня была другая мама? – изумился Даниэль.

– О нет... – выдохнула Софи за спиной Вианны.

– Ее звали Рашель де Шамплен, и она любила тебя всем сердцем.

А твоего папу звали Марк, и он был очень храбрым. Я бы так хотела рассказать тебе о них, но времени нет. – Она смахнула слезы. – Потому что сестра твоей мамы тоже любит тебя и хочет, чтобы ты поехал к ней в Америку и жил с ее семьей, там много вкусной еды и много-много игрушек.

Глаза мальчика наполнились слезами.

– Но *ты* моя мама. Я не хочу никуда уезжать.

Она хотела сказать «и я не хочу, чтобы ты уезжал», но тогда он еще больше испугается.

– Я знаю, – спокойно произнесла Вианна. – Но тебе там понравится, Капитан Дан, а твоя новая семья в тебе уже души не чает. Может, они тебе даже щенка купят, как ты всегда мечтал.

Он все-таки расплакался, и она обняла его. Наверное, это самый отважный поступок в ее жизни – отпустить сына. Вианна поднялась, мужчины тут же возникли рядом.

– Привет, молодой человек. – Рабби радостно улыбнулся Даниэлю.

Даниэль всхлипнул.

Взяв малыша за руку, Вианна провела его через дом, во двор, мимо яблони с трепещущими на ветвях памятными ленточками, через сломанные ворота к голубому «пежо», припаркованному у обочины.

Лернер сел за руль, двигатель взревел, из выхлопной трубы вырвалось дымное облачко.

Рабби открыл заднюю дверь. Бросив на Вианну последний печальный взгляд, он скрылся внутри, оставив дверцу открытой.

Софи и Антуан, подошедшие следом, наклонились к Даниэлю, крепко обняли его.

– Мы всегда будем любить тебя, Даниэль, – сказала Софи. – Надеюсь, ты нас не забудешь.

За всю войну Вианне не приходилось совершать ничего более страшного, никогда ей не было так чудовищно больно. Она взяла

Даниэля за руку и подвела к автомобилю, который увезет его навсегда. Малыш вскарабкался на заднее сиденье, поднял заплаканное лицо:

– Мамочка?

– Погодите минутку! – крикнула вдруг Софи и бросилась к дому.

Через минуту она вернулась с Бебе и сунула плюшевого кролика Даниэлю.

Вианна наклонилась, заглянула в недоумевающие детские глаза:

– А теперь тебе пора, Даниэль. Доверься маме.

Нижняя губа у Даниэля задрожала, он притиснул игрушку к груди:

– Да, мама.

– Будь хорошим мальчиком.

Рабби захлопнул дверь.

Даниэль приник к стеклу, вжал ладони, лицо.

– Мама! Мама!

Они стояли и слушали его крик из удаляющейся машины.

– Счастливой тебе жизни, Ари де Шамплен, – прошептала Вианна.

Тридцать восемь

Изабель не шевелилась. На переключке полагалось стоять по стойке смирно. Если она не совладает с головокружением и покачнется, ее высекут, а то и пристрелят.

Но нет, это не переключка.

Она в Париже, в больнице.

Чего-то ждет. Кого-то.

Мишлин вышла поговорить с сотрудниками Красного Креста и журналистами, собравшимися в вестибюле. Изабель она велела ждать.

Дверь открылась.

– Изабель, – вздохнула Мишлин, – тебе нельзя вставать.

– Я умру, если пролежу еще минуту, – сказала Изабель. Или подумала.

Мишлин, как и Изабель, – тощая, кости таза выпирают сквозь мешковатое платье. Почти лысая – только клочки седых волос кое-где уцелели – и без бровей. Кожа на шее и на руках в язвах, сочащихся сукровицей.

– Пойдем, – сказала Мишлин.

Они двинулись сквозь толпу галдящих журналистов, людей, разыскивающих родных, изможденных узников. Поддерживая подругу, Мишлин провела ее в просторную и тихую комнату, где в креслах замерли люди-тени.

Изабель опустилась в свободное кресло и тоже замерла.

– Тебе пора домой, – сказала Мишлин.

Изабель подняла на нее красные, ничего не выражающие глаза.

– Хочешь, я поеду с тобой?

Изабель моргнула, пытаясь сосредоточиться. От головной боли темнело в глазах.

– Куда?

– В Карриво. Там твоя сестра. Она тебя ждет.

– Правда?

– Поезд через сорок минут. А мой – через час.

– Как мы сумели выбраться? – пробормотала Изабель.

– Нам повезло, – ответила Мишлин, и Изабель кивнула.

Мишлин помогла ей встать. Все так же, привалившись друг к дружке, они побрели к дверям, за которыми выстроилась целая вереница легковых автомобилей и грузовиков Красного Креста – машины развозили выживших узников концлагерей. Мишлин и Изабель стояли, тесно прижавшись друг к другу. Поза, к которой они привыкли – в строю на перекличках, в телячьих вагонах, в очереди за похлебкой.

К ним подошла жизнерадостная девушка в форме Красного Креста. Пошелестела списками и спросила:

– Россиньоль?

Изабель коснулась морщинистой щеки Мишлин.

– Я любила тебя, Мишлин Бабино, – прошептала она и поцеловала сухие старушечьи губы.

– Не говори в прошедшем времени.

– Но я и есть в прошедшем времени. Девушка, которой я была...

– Она никуда не делась, Изабель. Она была больна, с ней дурно обращались, но она не исчезла. У этой девушки было сердце льва.

– Вот теперь и ты говоришь в прошедшем времени.

Изабель не помнила ту девушку, что очертя голову бросилась в Сопротивление. Девушку, которая безрассудно привела английского пилота в дом своего отца, а потом по глупости еще одного приволокла в сарай сестры. Девушку, которая ходила пешком через Пиренеи, которая умудрилась влюбиться в толпе беженцев, спасающихся из оккупированного Парижа.

– А мы таки сделали это, – ухмыльнулась Мишлин.

В последние несколько недель Изабель часто слышала эти слова. *Мы сделали это*. После появления в лагере американцев они были на устах каждого узника. Изабель помнила, какое испытала облегчение – после всех побоев, холода, унижений, болезней, отчаянных маршей через сугробы. Она выжила.

Но что дальше? Она никогда не сможет стать прежней.

Помахав в последний раз Мишлин, она забралась в машину Красного Креста.

В поезде она старалась не замечать взглядов, старалась сидеть прямо, но тщетно. И наконец обмякла, привалилась к стенке, прижалась головой к стеклу.

Закрывает глаза и тотчас провалилась в сон, в лихорадочные видения – где громыхали товарные вагоны, набитые людьми, кричали дети, матери отчаянно пытались их утешить... Потом дверь вагона откатывалась в сторону, снаружи ждали солдаты с собаками...

Изабель вздрогнула, проснувшись. Не сразу сообразила, что она в безопасности. Потрогала лоб – температура опять поднялась.

Через два часа поезд прибыл в Карриво.

Я сделала это. Так почему же она ничего не чувствует?

Изабель с трудом выбралась на платформу. Ее скрутил яростный кашель. Согнувшись, она задыхалась, хрипела, давилась кровью. Когда же смогла дышать, то ощутила невыразимую пустоту. Пустая и старая.

В конце платформы стояла сестра. Беременная, уже на последних неделях, в выцветшем летнем платье. Соломенные волосы крупными волнами ложились на плечи. Она напряженно вглядывалась в пассажиров, взгляд ее скользнул по Изабель, не задержавшись.

Изабель подняла костлявую руку.

– Изабель!

Вианна бросилась к сестре, обняла.

– Не надо так близко. У меня изо рта воняет.

Вианна поцеловала сухие, шелушащиеся губы:

– С возвращением, сестренка. Добро пожаловать домой.

– Домой, – повторила Изабель. Странное какое слово. Мысли путались, в голове звенело.

Вианна нежно привлекла ее к себе. От сестры пахло лимоном, кожа у нее была гладкая. Сестра гладила ее по спине – как в детстве, и Изабель снова подумала: *я сделала это.*

И я дома.

– Ты вся горишь, – сказала Вианна, когда Изабель приняла ванну и лежала под теплым одеялом.

– Никак не могу избавиться от лихорадки.

Вианна привстала:

– Принесу тебе аспирина.

– Нет, не уходи. Пожалуйста. Приляг со мной.

Вианна пристроилась на узенькой кровати. Она боялась, что малейшее прикосновение оставит на теле сестры синяк, поэтому обняла ее с невероятной осторожностью.

– Мне жаль, что так получилось с Беком. Прости меня... – Изабель закашлялась. Она тысячу раз представляла себе этот разговор, так долго ждала его. – Прости, что из-за меня вы с Софи оказались в опасности...

– Нет, Изабель, – ласково перебила Вианна, – это ты меня прости. Это я подводила тебя всякий раз. Начиная с того момента, как папа оставил нас с мадам Дюма. А потом, когда ты уехала в Париж, как я могла поверить в idiotскую историю про твой роман? Я была полной дурой. Может, начнем сначала? Станем настоящими сестрами, как мечтала мама?

– Я бы хотела.

– Я так горжусь тобой, Изабель, так горжусь тем, что ты сделала в этой войне.

– А ты, Ви, что было с тобой?

Вианна отвела взгляд:

– После Бека здесь поселился другой немец. Плохой.

Вианна, наверное, не осознавала, что инстинктивно коснулась живота, произнося это. Что краска стыда залила лицо. Но Изабель все поняла. Она слышала немало историй о женщинах, над которыми надругались жившие в их домах военные.

– Знаешь, чему я научилась в лагере?

– Чему?

– Они не могут дотянуться до моей души. Не в силах коснуться того, что у меня внутри. Тело... оно было сломлено в первые же дни, но не душа, Ви. Что бы они ни сделали, это лишь тело, а тело оправится.

Она хотела добавить еще что-то важное, возможно «я люблю тебя», но помешал приступ кашля. Откашлявшись, Изабель без сил откинулась на подушку, часто и прерывисто дыша.

Вианна принесла воду и положила прохладную влажную ткань на пылающий лоб.

Изабель не отрываясь смотрела на кровавые брызги на пододеяльнике и думала о последних днях матери. Мама тогда тоже кашляла кровью. Взглянув в глаза сестры, она поняла, что Вианна думает о том же.

Изабель очнулась на полу, ее трясло от холода, но при этом все тело покрывала испарина.

Какая тишина. Не скребутся крысы, не капает вода с дырявой крыши, замерзая на полу, не слышно стонов, кашля. Она медленно села, морщась от боли. Болело все. Кости, кожа, голова, грудь – мышц у нее не осталось, но болели все суставы и связки.

Громкое *тра-та-та-та*. Автоматная очередь. Накрыв голову руками, Изабель отползла в угол, свернулась в клубок.

Нет.

Она в Ле Жарден, не в Равенсбрюке.

Это дождь стучит по крыше.

Изабель осторожно встала. Сколько она уже здесь?

Четыре дня? Пять?

Она доковыляла до ночного столика, где стояли фарфоровый кувшин и миска с чуть теплой водой. Вымыла руки, плеснула водой в лицо, натянула одежду, которую оставила для нее Вианна, – это платье, наверное, носила Софи, когда ей было лет десять, но и оно болталось на Изабель. Потом начался долгий путь по лестнице вниз.

Входная дверь открыта. Очертания яблони слегка размыты в потоках дождя. Изабель подошла к двери, вдохнула свежий душистый воздух.

– Изабель? – Вианна возникла за спиной. – Давай я накормлю тебя бульоном. Доктор сказал, тебе можно.

Изабель рассеянно кивнула – можно подумать, несколько ложек бульона, которые в состоянии удержать ее желудок, что-то изменят.

И вышла под дождь. Мир полон звуков – птичий щебет, церковные колокола, стук дождевых капель, плеск воды. За полуразрушенной оградой оживленное движение: велосипеды, легковушки, и все сигналият, машут руками, перекрикиваются. Обычная жизнь. Мимо прогрохотал американский грузовик, полный улыбающихся здоровяков, которые радостно помахали ей.

Изабель припомнила, как Вианна рассказывала, что Гитлер покончил с собой, Берлин окружен и скоро будет взят.

Неужели правда? Война закончилась? Нет, не может вспомнить. В голове хаос.

Изабель вышла на дорогу, слишком поздно сообразив, что она босиком (за потерю обуви – порка), но все равно побрела дальше.

Дрожащая, кашляющая, мокрая от дождя, она шла мимо разбомбленного аэродрома.

– Изабель!

Она обернулась.

– Что ты делаешь?! – Вианна бежала к ней. – И где твои туфли? У тебя тиф и пневмония, а ты разгуливаешь под дождем. – Она торопливо сдернула с себя плащ и укутала Изабель.

– Война кончилась?

– Мы говорили об этом вчера вечером, помнишь?

Дождь заливал глаза, стекал по спине. Она шумно втянула в себя влажный воздух и почувствовала, как защипало глаза.

Не плачь. Она знала, что это важно, но не помнила почему.

– Изабель, ты больна.

– Гаэтон обещал разыскать меня, когда война закончится, – прошептала она. – Мне надо вернуться в Париж, иначе он меня не найдет.

– Он в первую очередь станет искать тебя здесь.

Изабель непонимающе смотрела на сестру.

– Он же был здесь, помнишь? После Тура. Он привел тебя домой. И потом еще.

Мой соловей, я принес тебя домой.

– Он увидит, какая я стала страшная. – Изабель попыталась улыбнуться, но тщетно.

Вианна ласково обняла сестру, бережно развернула к дому.

– Знаешь что, давай напишем ему письмо, прямо сейчас.

– Я не знаю, куда его отправить. – Теряя сознание, Изабель навалилась на сестру.

Смутно вспоминалось, как Антуан несет ее на руках вверх по лестнице, целует в лоб, Софи с тарелкой горячего бульона, а потом ничего... только ночь.

И Вианна дремлет в кресле у окна.

Изабель закашлялась. Вианна тотчас оказалась рядом. Усадила, придерживала. Затем смочила кусок чистой ткани и положила на лоб Изабель.

– Хочешь бульону?

– Ох нет.

– Ты ничего не ешь.

– Еда во мне не держится.

Вианна подтащила кресло поближе к кровати. Погладила горячие щеки сестры, заглянула в запавшие глаза:

– У меня есть для тебя кое-что. – Она быстро вышла из комнаты и вскоре вернулась с желтым конвертом. Протянула его Изабель: – Это для нас. От папы. Он заходил сюда по пути к тебе в Жиро.

– Папа? Он сказал тебе, что собирается сдать немцам, чтобы спасти меня?

Вианна молча кивнула.

Буквы на конверте расплывались перед глазами. Зрение совсем никуда.

– Прочтешь вслух?

Вианна надорвала конверт, вытащила листок, начала читать:

Изабель и Вианна,

То, что я делаю сейчас, я делаю со спокойной душой. И сожалею вовсе не о смерти, а о своей жизни. Простите, что не был вам настоящим отцом.

Я мог бы найти множество оправданий – я был травмирован войной, слишком много пил, не смог оправиться после смерти вашей матери, – но все это пустое.

Изабель, я помню, как ты сбежала первый раз, чтобы жить со мной. Ты в одиночку добралась до Парижа. Все в тебе кричало: люби меня. А я, увидев тебя на платформе, нуждающуюся во мне, примчавшуюся ко мне, я отвернулся.

Как мог я не понимать, что вы с Вианной – величайший дар, стоит только руку протянуть?

Простите меня, девочки мои, простите за все, и знайте, что, прощаясь с вами, я любил вас обеих всем своим разбитым сердцем.

Изабель прикрыла глаза и откинулась на подушки. Всю свою жизнь она ждала этих слов – ждала его любви, – но сейчас не

чувствовала ничего, кроме горечи. Когда у них было время, они не сумели любить друг друга, а потом время вышло.

– Береги Софи, и Антуана, и своего малыша, Вианна. Любовь – такая ненадежная штука.

– Не надо, не делай этого, – сказала Вианна.

– Чего именно?

– Не прощайся. Ты поправишься, окрепнешь, найдешь Гаэтона, вы поженитесь и приедете сюда как раз на крестины моего малыша.

Изабель вздохнула, открыла глаза:

– Какое прекрасное будущее.

Прошла неделя. Изабель сидела в кресле на заднем дворе, укутанная в два одеяла и пуховую шаль. Но даже под теплым майским солнцем она дрожала от холода. У ее ног пристроилась Софи с книжкой, читала вслух. Девочка старалась читать на разные голоса, и порой Изабель, несмотря на боль, все же умудрялась улыбаться и даже посмеиваться.

Где-то рядом суетился Антуан, мастеря детскую кроватку из деревянных обломков, которые Вианна не сожгла во время войны. Было ясно, что рожать ей вот-вот; ходила она медленно и время от времени прижимала ладонь к пояснице.

Прикрыв глаза, Изабель наслаждалась обыденностью дня. Вдалеке ударил церковный колокол. На этой неделе звонили непрерывно, возвещая окончание войны.

Софи запнулась на середине фразы.

Изабель показалось, что она сказала «продолжай, продолжай», но, возможно, она просто это подумала.

Услышала, как сестра ее окликнула, с каким-то странным напряжением в голосе.

Изабель открыла глаза. Вианна стояла прямо перед ней – фартук, бледное веснушчатое лицо в муке, светлые волосы скрыты под старенькой косынкой.

– К тебе гости.

– Скажи доктору, что со мной все нормально.

– Это не доктор. Это Гаэтон.

Изабель почувствовала, что сердце готово выскочить из грудной клетки наружу. Она попыталась приподняться, но рухнула обратно.

Вианна помогла сестре встать, но та все равно не могла идти. Как она покажется ему в таком виде? Лысый скелет с выбитыми зубами, без ногтей и бровей. Изабель хотела поправить прическу, но осознала, что поправлять нечего.

– Ты прекрасна. – Вианна поцеловала ее.

Изабель медленно обернулась – и вот он, стоит у дома. И тоже выглядит так себе – куда подевалась его энергия, и волосы, и сильное крепкое тело? Все это неважно. Он *пришел*.

Гаэтон, прихрамывая, уже спешил к ней.

Она с трудом подняла дрожащие руки и обняла его. Впервые за много дней, недель, лет ее сердце стучало надежно и уверенно. Он чуть отстранился, и пламя, горевшее в его глазах, вмиг сожгло все дурное; они снова стали Гаэтоном и Изабель, юношей и девушкой, которые умудрились влюбиться друг в друга в хаосе войны.

– Ты такая же красивая, какой я тебя запомнил, – сказал он.

И тут она рассмеялась, а потом заплакала. Она вытирала глаза, чувствуя себя полной дурочкой, но слезы все катились и катились. Изабель наконец-то плакала – обо всем. В ее слезах смешались боль, утрата, страх, ярость, война – все, что она сделала с ней, со всеми ними, зло, которое она никогда не сможет забыть, ужас, в котором она оказалась, ад, который она пережила.

– Не плачь.

Но как же ей не плакать? Им ведь нужна целая жизнь, чтобы рассказать друг другу всю правду, все тайны, чтобы как следует узнать друг друга.

– Я люблю тебя, – прошептала она. Как когда-то, впервые. Какой юной и беззаботной была она тогда.

– Я тоже люблю тебя. Любил с первой минуты, как увидел. Я думал, что уберегу тебя от беды, если не признаюсь. Если бы я знал...

Какая хрупкая жизнь, какие хрупкие они все.

Любовь.

Начало и конец, земля и небо и все, что между ними. И не имеет значения, что она сломлена, больна и обезображена. Он любит ее, а она любит его. Всю жизнь она ждала, чтобы ее полюбили, и теперь понимает, что любима, и давно. Что ее всегда окружала любовь, что это любовь спасла ее.

Папа. Мама. Софи.

Антуан. Мишлин. Анук. Анри.

Гаэтон.

Вианна.

Она смотрела мимо Гаэтона, на сестру. Вспоминала, как мама говорила, что однажды они станут лучшими подругами, что время соединит их жизни в одно целое.

Вианна тоже плакала, прижимая руку к огромному животу.

Не забывай меня, подумала Изабель. Как жаль, что не было сил произнести эти слова вслух.

Тридцать девять

7 мая 1995 года

Где-то над Францией

Свет в салоне включился неожиданно.

В динамиках что-то пискнуло. Мы идем на посадку.

Жюльен перегнулся через сиденье, пристегнул мой ремень, убедился, что спинка кресла поднята. Что я в безопасности.

– Что ты чувствуешь, возвращаясь в Париж, мам?

Не знаю, что ему ответить на это.

Несколько часов спустя зазвонил телефон на моей тумбочке.

Толком не проснувшись, снимаю трубку:

– Алло?

– Привет, мам. Ты спала?

– Да.

– Сейчас три часа. Какие у тебя планы?

– Давай немножко погуляем по Парижу. Буду готова через час.

– Хорошо, я найду за тобой.

Сползаю с кровати размером со штат Небраска, иду в облицованную мрамором ванную. Мощный горячий душ живо приводит меня в чувство, но только усевшись перед туалетным столиком и глядя на свое лицо, слегка увеличенное подсвеченным зеркалом, я понимаю.

Я дома.

И неважно, что я гражданка США, что в Америке я прожила дольше, чем во Франции. Все это не имеет значения. Я дома.

Тщательно наношу макияж. Зачесываю назад седые волосы, собираю в узел на затылке, руки дрожат. Из зеркала на меня смотрит элегантная старуха с морщинистой кожей, бледно-розовыми губами и глазами, полными страха.

Оторвавшись от зеркала, достаю из шкафа белые брюки и водолазку. Соображаю, что, возможно, цвет не совсем подходящий. Не подумала, когда собиралась.

К приходу Жюльена я полностью готова.

Он ведет меня вниз так бережно, будто я слепая или калека, я позволяю ему проводить меня под руку через роскошный отельный вестибюль на улицу, в волшебный свет весеннего Парижа.

Но, когда он просит портье вызвать такси, я возражаю:

– Мы пойдем пешком.

– Но это же на Иль-де-ла-Ситэ, – хмурится он.

Я морщусь от его произношения, но тут уж моя вина, ничего не поделаешь.

Швейцар улыбается.

– Мой сын обожает географические карты, – поясняю я. – И он никогда прежде не бывал в Париже.

Швейцар величественно кивает.

– Это далеко, мам, – говорит Жюльен. – А ты...

– Старая? – Не могу сдержать улыбки. – А еще я француженка.

– Ты на каблуках.

И еще раз повторяю:

– Я француженка.

Жюльен оборачивается за поддержкой к привратнику, но тот беспомощно вскидывает руки:

– *C'est la vie*, мсье.

– Ну ладно, – уступает Жюльен. – Пошли.

И на один восхитительный миг, когда мы выходим на шумную людную улицу рука об руку, я чувствую себя маленькой девочкой. Мимо несутся машины, мальчишки на скейтбордах петляют между туристами и парижанами, которые, разумеется, не сидят по домам в такой чудный день. Запах цветущих каштанов и свежего хлеба, корицы, бензина, разогретой брусчатки – эти запахи всегда будут мне напоминать о Париже.

Справа, совсем рядом, одна из любимых маминых кондитерских, и я вдруг вспоминаю, как мама покупала мне пирожные макароны.

– Мама?

– Пойдем-ка, – улыбаюсь я и веду его в крошечную лавку. Встаю в конец длинной очереди.

– Я думал, ты не любишь сладкое.

Не реагируя на его замечание, просто разглядываю великолепные разноцветные макароны и *rain au chocolat* в стеклянной витрине.

Подходит моя очередь, покупаю два пирожных – кокосовое и малиновое. Кокосовое протягиваю Жюльену.

Мы уже идем по улице, когда он решается откусить – и застывает на месте.

– Вау... – бормочет он. И потом еще раз: – Вау!

Я улыбаюсь. Все помнят свой первый вкус Парижа. Отныне вот этот – для него.

Облизав пальцы и выбросив пустой пакетик, он опять берет меня под руку.

У маленького очаровательного бистро с видом на Сену я предлагаю:

– Давай выпьем по бокалу вина.

Пять часов. Идеальное время для аперитива.

Мы садимся снаружи, под сенью цветущих каштанов. Напротив, через дорогу, вдоль набережной расположились букинисты со своими зелеными ящиками, торгуют всем подряд – от старинных полотен до обложек *Vogue* и брелоков с Эйфелевой башней.

Мы потягиваем вино, закусывая картошкой фри из жирного бумажного кулька. Один бокал плавно перетекает во второй, а день постепенно уступает место романтичным сумеркам.

Я и позабыла, как незаметно летит время в Париже. В этом слишком живом городе всегда есть место покою и тишине. Здесь, в Париже, с бокалом вина в руке вы можете просто *быть*.

Вдоль Сены зажглись фонари, зазолотились окна квартир.

– Семь, – заметил Жюльен, и я поняла, что все это время он следил за часами. Американец, увы. Праздность недопустима, нельзя забываться, – совсем не похож на меня. Но при этом дал мне время успокоиться.

Киваю, наблюдаю, как он расплывается. Как только мы встаем, наши места занимает элегантная пара, оба с сигаретами.

Мы идем к Понт-Неф, самому старому мосту через Сену. За ним – остров Ситэ, сердце Парижа. Нотр-Дам, с его взмывающими ввысь серыми стенами, словно гигантская хищная птица, расправив крылья, опускается на город. Желтые огоньки фонарей отражаются в реке, и Сена треплет их золотистые нимбы.

– Сказка, – говорит Жюльен, и это чистая правда.

Мы медленно бредем по мосту, построенному больше четырехсот лет назад. На другом берегу, оставив позади готические формы собора, замечаем уличного торговца.

Жюльен останавливается, вытаскивает из груды хлама на лотке старинный стеклянный шар. Встряхивает – и снежные хлопья кружатся внутри, укрывая изящную Эйфелеву башню.

Я смотрю на падающий снег, понимаю, что все это мираж, безделица, но невольно вспоминаю жуткие времена, когда приходилось кутаться в старые газеты и натягивать на себя все тряпье, что нашлось в доме.

– Мама, ты дрожишь?

– Мы опаздываем, – говорю я.

Он кладет на место шар, и мы продолжаем путь сквозь толпу туристов, тянущихся к Нотр-Дам.

Отель располагается на маленькой улочке за собором. Рядом с Отель-Дье, самой старой больницей Парижа.

– Я боюсь, – говорю я и удивляюсь собственному признанию. Не припомню, чтобы сознавалась в подобных грехах вслух. Четыре месяца назад, когда сообщили, что у меня рецидив, я от страха так долго плакала под душем, пока не кончилась горячая вода, но никому ничего не сказала.

– Можем не ходить.

– Нет, пойдем.

И я старательно переставляю ноги, одну за другой, и вот уже указатель в вестибюле сообщает, что нам нужно в зал на четвертом этаже.

Выйдя из лифта, слышу, как кто-то говорит в микрофон, усиливающий и одновременно искажающий голос. На длинном столе разложены бейджики с именами. Большая часть бейджей разобрана, но мой на месте.

Узнаю еще одно имя. Сердце сжимается. Беру свою табличку, прикрепляю к груди, не отрывая взгляда от другого имени. Потом беру и второй бейджик.

– Мадам! – вскакивает женщина, сидящая за столом. Она очень взволнована. – Мы ждали вас. Я провожу вас на ваше место...

– Не стоит беспокоиться, я посижу в уголке...

– Чепуха. – Она решительно берет меня за руку.

Прикидываю, не побороться ли, но сейчас на это нет сил. Она ведет меня через заполненный людьми зал – они сидят плотно, от стены до стены, даже на складных стульях – прямо к сцене, где уже сидят три пожилые дамы. Рядом с ними молодой парень в помятой синей спортивной куртке и штанах цвета хаки – определенно американец – с микрофоном. При моем появлении он замолкает.

Зал затихает. Все смотрят только на меня.

Проскользнув мимо трех старушек, занимаю свое место прямо рядом с выступающим.

Он произносит торжественно:

– Сегодня вечером к нам пришел очень важный человек.

В дальнем конце зала вижу Жюльена, он стоит у стены, скрестив руки на груди. Недоуменно хмурится. Никак не может взять в толк, почему вдруг меня позвали на сцену.

– Вы хотите что-нибудь сказать?

Похоже, ему пришлось дважды повторить вопрос.

В зале настолько тихо, что слышно даже скрип стульев и шарканье подошв по ковру. Сначала хочу отказаться: «Нет, нет, только не я», но нельзя же быть такой трусихой.

Медленно поднимаюсь и иду к трибуне. Собираясь с мыслями, бросаю взгляд направо, на женщин, читаю их имена: Альмадора, Элиан и Анук.

Пальцы цепляются за деревянные края трибуны.

– Моя сестра Изабель была человеком увлекающимся и страстным, – тихо начинаю я. – Во все, что она делала, она погружалась с головой, всегда неслась вперед на полном ходу.

Мы все время за нее боялись. Она вечно сбегала из пансионатов и монастырских школ, вылезала в окно и зайцем пробиралась в поезд, чтобы отправиться на поиски приключений. Я всегда считала ее безрассудной и безответственной. Слишком красивой, чтобы обращать внимание на других. И когда началась война, она воспользовалась этим моим отношением к ней. Сказала, что уезжает в Париж к возлюбленному, и я ей поверила.

Я *поверила* ей. И много лет корила себя за это. Я должна была понять, что сестра ушла вовсе не за мужчиной, но следуя своим убеждениям; я должна была понять, что она посвятила себя важному,

значительному делу. На миг прикрыв глаза, вспоминаю: Изабель в объятиях Гаэтона, но смотрит на меня и глаза ее блестят от слез. И сияют любовью. А потом она закрывает глаза, шепчет что-то, что никто из нас не смог расслышать, и умирает на руках мужчины, который любит ее.

Тогда я не видела в этой сцене ничего, кроме трагедии; а сейчас вижу только любовь.

Я помню каждый миг, каждую мелочь – как старый тис качнул ветвями над нашими головами, как пахло жасмином.

Смотрю на табличку с именем в своих руках.

Софи Мориак.

Моя прекрасная девочка, которая выросла в строгую мудрую женщину; всю свою жизнь она оставалась рядом со мной и всегда тревожилась, заботилась, хлопотала надо мной, как наседка. И боялась. Она всегда немножко боялась мира вокруг, после всего, через что нам пришлось пройти, и я ужасно злилась из-за этого. Но она умела любить, моя Софи, и когда рак пришел за ней, она не испугалась. В самом конце я сидела рядом и держала ее за руку, а она закрыла глаза и сказала:

– Тетя... вот и я.

А скоро моя сестра и моя дочь дождутся и меня.

С трудом оторвав взгляд от имени дочери, оглядываю зал. Они понимают, почему у меня на глазах слезы.

– Изабель и мой отец, Жюльен Россиньоль, и их товарищи организовали маршрут «Соловей». Они спасли сто семнадцать человек.

Пауза.

– Мы с Изабель мало разговаривали во время войны. Она старалась держаться подальше, чтобы не подвергать меня опасности. И я не все знала о ее деятельности, пока она не вернулась из Равенсбрюка.

Вытираю глаза. Тишина в зале звенящая, больше не скрипят стулья и не шаркают подошвы. Все замерли, глядя на меня. По лицу Жюльена можно изучать растерянность и смущение, для него все это – большая новость. Впервые в жизни он осознал, что между нами – океан, а вовсе не мост. Я, оказывается, не просто его мать, дополнение

к нему. Я совершенно отдельный человек, и он не понимает, что ему теперь со мной делать.

– Изабель, вернувшаяся из концентрационного лагеря, была уже совсем не той Изабель, что выжила под бомбежками в Туре или переходила через Пиренеи. Изабель вернулась больной и надломленной. Она во многом разочаровалась, во многом, но не в правильности своего выбора. За день до ее смерти мы сидели в саду, она взяла меня за руку и сказала: «Ви, всего было вдоволь». Я тогда удивилась: «Чего вдоволь?» – а она сказала: «Жизни. В моей жизни было все».

И это правда. Я знаю, здесь, в зале, сидят люди, которых она спасла, но и вы спасали ее. Изабель Россиньоль умерла героиней и любимой женщиной. Иного она и не желала бы. Она хотела только, чтобы ее помнили. И я благодарна всем вам за то, что ее жизнь обрела смысл, что вы помогли осуществиться лучшему в ней и за то, что помните о ней все эти годы.

Я спускаюсь со сцены.

Люди встают и долго-долго аплодируют. Я вижу, что многие плачут, и вдруг до меня доходит: это ведь родственники тех, кого она спасла. У каждого летчика, вернувшегося домой, к семье, есть дети и внуки, и все они обязаны жизнью моей отважной сестре, отцу, их товарищам.

А потом меня засасывает водоворот – благодарности, воспоминания, совместное фотографирование. Каждый хочет поговорить со мной, рассказать, как много Изабель и мой отец значат для них. В какой-то момент рядом возникает Жюльен и берет на себя привычную роль телохранителя. Слышу его бормотание возле моего уха: «Похоже, нам о многом надо поговорить». Киваю, пробираюсь через толпу, повиснув на его руке. Из всех сил стараюсь быть достойным представителем своей сестры, принимаю благодарности, адресованные ей.

Мы почти выбрались из зала, как вдруг я слышу знакомый голос:

– Привет, Вианна.

Даже спустя много лет я узнаю его глаза. Гаэтон. Он ниже ростом, чем мне запомнилось, сутулый, на загорелом обветренном лице время оставило беспощадные следы. Волосы длинные, почти до плеч, и

белые, как цветы гардении, но все равно я узнала бы его с первого взгляда.

– Вианна, – говорит он, – я хотел познакомить тебя со своей дочерью.

Он машет рукой, подзывая молодую красотку в узком черном платье с ярко-розовым шарфом. Она подходит, улыбается, как будто мы давние друзья.

– Изабель, – представляется она.

Тяжело наваливаюсь на руку Жюльена.

Гаэтон целует меня и шепчет:

– Я любил ее всю жизнь.

Мы болтаем о том о сем – ни о чем, потом они уходят.

Я вдруг чувствую, что безмерно устала. Вымотана. Высвобождаюсь из хозяйской хватки сына и выхожу на балкон. Там тихо, подсвеченный Нотр-Дам бросает разноцветные отблески на черную воду Сены. Слышу, как волны плещут о гранит набережной, как поскрипывают лодочные канаты.

– Итак, – говорит Жюльен, – твоя сестра, моя тетя, попала в немецкий концентрационный лагерь, потому что наладила маршрут эвакуации сбитых летчиков? И этот маршрут предполагал переход через Пиренеи?

В его изложении звучит героически.

– Почему я никогда ничего об этом не слышал – и не только от тебя? Даже Софи не обмолвилась ни словом. Черт, да я понятия не имел, что люди уходили от нацистов через горы, что существовали женские концлагеря для участниц Сопротивления.

– Историю пишут мужчины, – отвечаю я. И это самый простой и самый честный ответ. – Женщины привыкли. В этой войне мы оставались в тени. А после войны нас не звали на парады, не награждали медалями и не писали о нас в учебниках истории. Во время войны мы делали то, что должны были делать, а когда она закончилась, собрали осколки своей жизни и построили из них новую. Твоя сестра, как и я, хотела все забыть. Возможно, – и в этом моя ошибка – я позволила ей забыть. Наверное, нам следовало говорить об этом.

– Выходит, Изабель спасала летчиков, папа был в плену, а ты осталась одна с Софи. – Он как-то странно смотрит на меня, наверное,

гадает, что еще ему неизвестно. – А что ты делала во время войны, мам?

– Выживала, – тихо говорю я. Именно сейчас мне невыносимо не хватает дочери, ведь выживали *мы*. Вместе. Вдвоем против всех бед.

– Должно быть, нелегко пришлось.

– Нелегко.

Мы смотрим друг на друга, мать и сын. Он изучает меня, как хирург, от которого ничего не скроешь – ни новые морщинки, ни учащенное сердцебиение, ни комок, вставший в горле.

Он ласково касается моей щеки, нежно улыбается. Мальчик мой.

– Думаешь, прошлое может изменить мои чувства к тебе? Ты правда так думаешь, мама?

– Миссис Мориак?

Я рада, что нас прервали. На вопрос сына я не хотела бы отвечать.

Оборачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с привлекательным молодым человеком. Американец, но не слишком типичный. Наверное, из Нью-Йорка. Коротко стриженные седеющие волосы, дизайнерские очки. Элегантный черный блейзер, дорогая белая рубашка и линялые джинсы. Я протягиваю руку. И тут наши глаза встречаются. И я спотыкаюсь. Жюльен мгновенно оказывается рядом, подхватывая меня:

– Мам?

Я смотрю на мужчину. И вижу мальчика, которого любила всей душой, и женщину, которая была моей лучшей подругой.

– Ариэль де Шамплен, – шепчу я его имя, как молитву.

Он сгребает меня в объятия, стискивает изо всех сил, и прошлое возвращается. Когда он наконец чуть отстраняется, мы оба плачем.

– Я всегда помнил вас и Софи. Мне внушали, что надо забыть, и я пытался, но не смог. И уже много лет ищу вас.

– Софи умерла пятнадцать лет назад.

Отвернувшись, Ари тихо говорит:

– Я всегда спал с ее игрушкой.

– Бебе.

Ари вытаскивает из кармана фото – на снимке мы с Рашель.

– Мать отдала это мне, когда я закончил колледж.

Я смотрю на фотографию и ничего не вижу из-за слез.

– Вы с Софи спасли мне жизнь, – говорит Ари.

Слышу, как рядом Жюльен шумно выдыхает. У него опять появились вопросы.

– Ари – сын моей лучшей подруги. Когда Рашель угнали в Аушвиц, я забрала его к нам, хотя в доме жил немецкий офицер. Было немножко... страшновато.

– Ваша мама скромничает, – вмешивается Ари. – Во время войны она спасла девятнадцать еврейских детей.

Вижу недоверие в глазах сына, и мне становится смешно. Как же мало знают о нас наши собственные дети.

– Я ведь тоже Россиньоль, – напоминаю я. – И значит, тоже немножко Соловей.

– Но оставшийся в живых, – добавляет Ари.

– А папа знал? – спрашивает Жюльен.

– Твой отец... – Я замолкаю. *Твой* отец. Вот она, тайна, из-за которой мне пришлось похоронить все воспоминания.

Всю жизнь я бежала этого, пытаюсь вычеркнуть из памяти, но сейчас вижу тщету своих усилий.

Настоящим отцом Жюльена, во всех смыслах, был Антуан. Отцовство определяет вовсе не биология. Все решает любовь.

Я глажу сына по щеке:

– Ты вернул меня к жизни, Жюльен. Когда я взяла тебя на руки, после всех ужасов, я вновь смогла дышать. И смогла вновь любить твоего отца.

Никогда прежде я этого не осознавала. Жюльен вернул меня к жизни. Его рождение было светом во мраке отчаяния. Благодаря ему мы – я, Антуан и Софи – вновь стали семьей. Я назвала его в честь своего отца, любить которого научилась слишком поздно, когда его уже не было на свете. А Софи вновь стала старшей сестрой, о чем всегда мечтала.

Я обязательно расскажу сыну историю своей жизни. В воспоминаниях столько боли, но и радости не меньше.

– Ты расскажешь мне обо всем?

– Почти обо всем, – усмехаюсь я. – Не бывает француженки без тайн.

И... одну тайну я все же сохраняю.

Я улыбаюсь им, своим мальчикам, которые должны были бы погубить мою жизнь, но удивительным образом спасли ее, каждый по-

своему. Благодаря им я знаю, что по-настоящему важно. И это вовсе не потери.

Важнее всего память. Раны исцеляются. Боль проходит. Любовь остается.

Мы остаемся.

Благодарности

Эта книга – плод любви, и, подобно рожающей женщине, я часто бывала подавлена и впадала в отчаяние типа «пожалуйста-помогите-я-на-такое-не-подписывалась-дайте-мне-яду». Но каким-то чудом все завершилось благополучно.

Нужен целый город целеустремленных, неутомимых, выдающихся людей, чтобы одна-единственная книга оправдала ожидания и обрела своих читателей. За двадцать лет мою работу поддерживали и продвигали поистине невероятные люди. Абзац, а то и два – наконец-то, и с большим опозданием – нужен, чтобы перечислить тех, кто оказал значительное влияние на мою работу и жизнь. Сюзан Петерсон, Леона Невлер, Линда Грей, Элиза Уорес, Роб Коэн, Чип Гибсон, Эндрю Мартин, Джейн Берки, Мег Рули, Джина Чентрелло, Линда Марроу и Ким Хови. Благодарю вас, что верили в меня даже прежде, чем я сама в себя поверила. Отдельная публичная благодарность Энн Пэтти, которая указала мне путь и помогла обрести собственный голос.

Друзья из издательств *St. Martin* и *Macmillan*, ваша поддержка и энергия стали огромным вкладом в мое творчество. Благодарю Салли Ричардсон за неустанный энтузиазм и преданную дружбу. Дженнифер Эндерлин, мой удивительный редактор, спасибо, что понукала меня и требовала безупречности. Ты – кремень. Благодарю вас – Элисон Лазарус, Анна Мари Толлберг, Лиза Сенц, Дори Вайнтрауб, Джон Мерфи, Трейси Гест, Мартин Квинн, Джефф Кепшью, Лиза Томаселло, Элизабет Каталано, Кетрин Перис, Астра Берзинскас и абсолютно феерический, безмерно талантливый Майкл Сторрингс.

Люди часто думают, что писательство – профессия одиночек, и это правда. Но в моей жизни есть очень важные люди, которые поддерживают меня, когда нужно, не стесняются налить текилы в трудный момент и готовы отпраздновать со мной любую, самую маленькую, победу. В первую и главную очередь спасибо моему давнему агенту – Андреа Чирилло. Откровенно говоря, без тебя я бы не справилась – и, что гораздо важнее, не захотела бы справляться. Меган Чанс, мой первый и последний читатель, редакторский карандаш судьбы, спасибо тебе от всего сердца. Меня вообще не было

бы без твоей помощи. Джилл Мари Лендис, ты преподавала мне бесценный урок писательского мастерства, и только поэтому «Соловей» стал таким, каков он сейчас.

Я хотела бы поблагодарить писательницу, Татьяну де Росней, чья великодушная помощь стала неожиданным подарком. Она нашла время в своем плотном расписании, чтобы помочь мне как можно тщательнее отредактировать книгу. Я всегда буду бесконечно благодарна ей. Но все ошибки (и художественные вольности), разумеется, на моей совести.

И наконец, но не в последнюю очередь, спасибо моей семье: Бенджамин, Такер, Кейли, Сара, Лоренс, Дебби, Кент, Джули, Маккези, Лаура, Лукас, Логан, Френк, Тони, Жаки, Дана, Дуг, Кати и Лесли. Прекрасные рассказчики, все. Я люблю вас, ребята.

notes

СНОСКИ

1

Колбаса (*фр.*).

2

Кафетерий (*фр.*).

3

Коктейль на основе джина, шампанского и лимонного сока, названный в честь главного французского оружия во время Первой мировой войны – 75-миллиметровой полевой пушки. – *Здесь и далее примеч. ред.*

4

Королевские военно-воздушные силы (*англ.*).

5

Пожалуйста (*исп.*).

6

Организация создана в 1912 г. в Санкт-Петербурге, с 1933 г. штаб-квартира размещается во Франции. Занималась помощью беженцам из Восточной Европы, создавала детские дома, а с началом депортации евреев перешла на нелегальное положение.

7

Крест с двумя поперечинами, в войну был символом Свободной Франции.

Table of Contents

[Кристин Ханна Соловей](#)

[Один](#)

[Два](#)

[Три](#)

[Четыре](#)

[Пять](#)

[Шесть](#)

[Семь](#)

[Восемь](#)

[Девять](#)

[Десять](#)

[Одиннадцать](#)

[Двенадцать](#)

[Тринадцать](#)

[Четырнадцать](#)

[Пятнадцать](#)

[Шестнадцать](#)

[Семнадцать](#)

[Восемнадцать](#)

[Девятнадцать](#)

[Двадцать](#)

[Двадцать один](#)

[Двадцать два](#)

[Двадцать три](#)

[Двадцать четыре](#)

[Двадцать пять](#)

[Двадцать шесть](#)

[Двадцать семь](#)

[Двадцать восемь](#)

[Двадцать девять](#)

[Тридцать](#)

[Тридцать один](#)

[Тридцать два](#)

[Тридцать три](#)

[Тридцать четыре](#)

[Тридцать пять](#)

[Тридцать шесть](#)

[Тридцать семь](#)

[Тридцать восемь](#)

[Тридцать девять](#)

[Благодарности](#)

[Сноски](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)